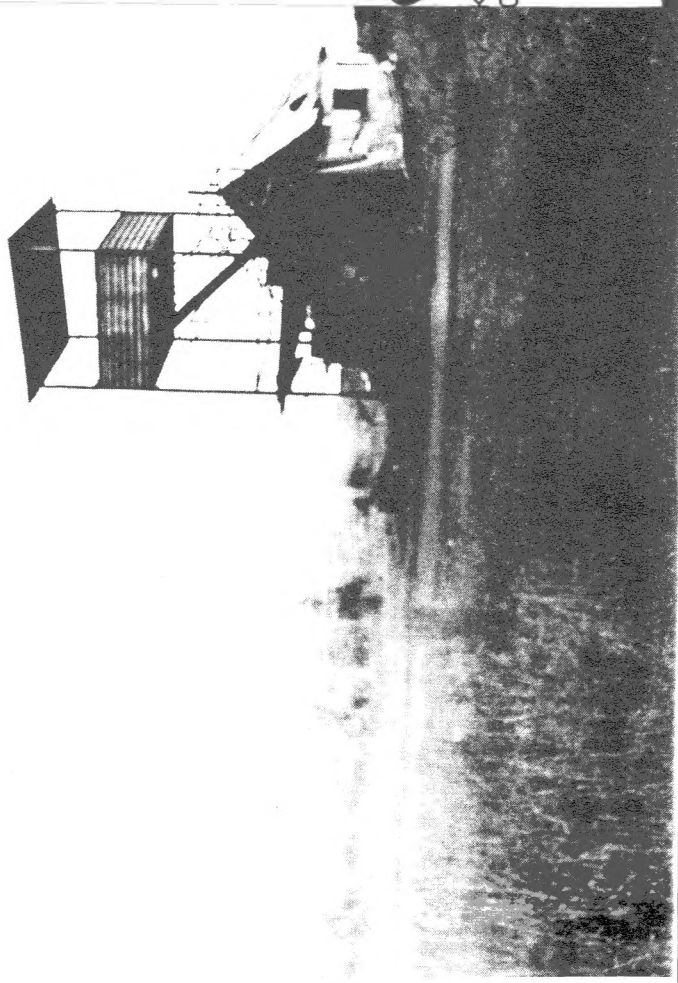

ДОРОГА НА КОСТЯХ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЛЕДАМ ГУЛАГА

A black and white photograph of a person from behind, wearing a hooded jacket and a large backpack, walking away from the camera. In the background, there is a dilapidated building and a watchtower with a spiral staircase, suggesting a prison or labor camp setting. The landscape is flat and desolate.

ВИЛЛЕ
РОППОНЕН
ВИЛЛЕ-ЮХАНИ
СУТИНЕН

ЛУЧШИЙ ФИНСКИЙ НОН-ФИКШН 2019 ГОДА

2

KBA
021

AKINA

ДОРОГА НА КОСТЯХ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЛЕДАМ ГУЛАГА

ВИЛЛЕ
РОППОНЕН
ВИЛЛЕ-ЮХАНИ
СУТИНЕН

МОСКВА
2021

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62
P73

Ville Ropponen, Ville-Juhani Sutinen
LUIDEN TIE. GULAGIN JÄLJILLÄ

Text © Ville Ropponen & Ville-Juhani Sutinen (2019)
First published in 2019 by Like Publishing Ltd Luiden tie
Published in the Russian language by arrangement with Rights & Brands

Перевод книги выпущен при содействии FILI —
Фонда поддержки финской литературы

F I L I FINNISH
LITERATURE
EXCHANGE

Роппонен, Вилле.

P73 Дорога на костях. Путешествие по следам ГУЛАГа / Вилле Роппонен, Вилле-Юхани Сутинен ; [перевод с финского Е. В. Богданова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 480 с. — (Хардкорная история. Исторические события в современном прочтении).

ISBN 978-5-04-116789-9

Как хорошо вы знакомы с самыми мрачными страницами нашей истории? Финские исследователи советской истории Вилле Роппонен и Вилле-Юхани Сутинен знают о них даже лучше нас самих, отправившись в масштабное путешествие по следам ГУЛАГа. Проехав через всю территорию бывшего Советского Союза в хронологическом порядке зарождения лагерей — от Соловков до Воркуты, от Томска до Колымы, — они рассказывают историю становления тоталитарной машины и показывают, как воспринимается память о репрессиях сегодня.

Исследование заброшенных остатков лагерей, визиты в провинциальные музеи, посещение мемориалов и кладбищ, беседы с местными жителями, историками и хранителями памяти о ГУЛАГе, исторические факты и мемуарные свидетельства репрессированных сплетаются в уникальное и всеобъемлющее путешествие по истории советского террора. Их книга — наполовину путевые заметки, наполовину историческое исследование, — это деликатный и неравнодушный взгляд на тяжелое советское наследие, которое еще не до конца преодолено в современной России.

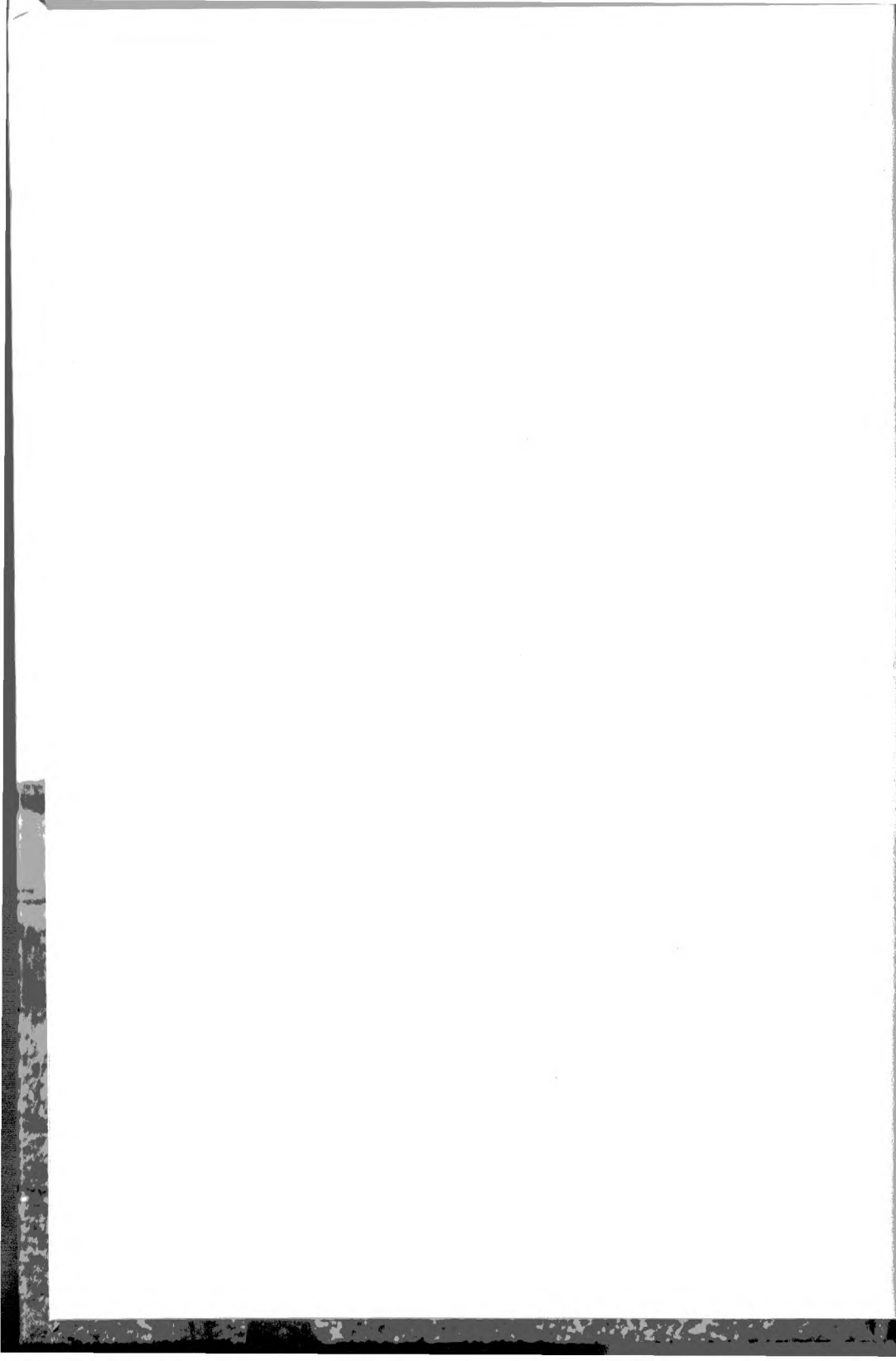
УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)62

© Богданов Е.В., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-04-116789-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

7	БЛАГОДАРНОСТИ
9	ПРЕДИСЛОВИЕ
13	ГЛАВА I: ОТ СОЛОВЕЦКОГО ОСТРОВА ДО АРХИПЕЛАГА ВСЕХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ
39	ГЛАВА II: ПО БЕЛОМОРКАНАЛУ К ГУЛАГУ
69	ГЛАВА III: ОТКРЫТИЕ СЕВЕРА
147	ГЛАВА IV: БОЛЬШОЙ ТЕРРОР
188	ГЛАВА V: ВОРКУТА, РОЖДЕННАЯ ВОЙНОЙ
239	ГЛАВА VI: ГЕОГРАФИЯ ГУЛАГА: ОТ КАРАГАНДЫ ДО САМОЙ КОЛЫМЫ
310	ГЛАВА VII: СЕРДЦЕ СИБИРИ
374	ГЛАВА VIII: КОНЕЦ ГУЛАГА И НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛАГЕРЕЙ
438	ГЛАВА IX: ВСПОМИНАЯ ГУЛАГ
463	ПОСЛЕСЛОВИЕ
470	СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
478	ОБ АВТОРАХ

БЛАГОДАРНОСТИ

Книги, которую вы держите в руках, могло и не быть, если бы не бескорыстная помощь, оказанная нам в наших поисках. Мы стали частью необычайно важной сети контактов внутри России, поэтому все происходило как будто само собой: дорога ведет от одного человека к другому, от него — к третьему и так далее: она ведет от Питера до Магадана, везде, а без этого — никак. Общеизвестное русское гостеприимство немало способствовало рождению данной книги. Нам помогали, перед нами распахивали двери и сердца, ставили угощенья, поили чаем в кабинетах, нарезали сало и наливали самогонку у костра.

Особые слова благодарности хочется адресовать Елизавете Верещагиной, сопровождавшей нас в Москве и во время путешествия в Республику Коми. Хотим поблагодарить также организацию «Мемориал»¹: собранные ею материалы стали ориентиром в поисках мест заключения ГУЛАГа в разных частях России. Неоценимую помощь оказали нам и представители общественности, в частности историк-исследователь Мария Шилова. Во многих деревнях и городах по пути исследования местные жители делились с нами всеми своими знаниями, соглашались под-

1. Организация, признанная в РФ иноагентом. (Здесь и далее — прим. ред.)

везти нас от одного лагеря к другому и от памятного знака к другому памятному знаку. Благодарим Михаила Рогачева из Сыктывкара, Ирину Витман и Анну Васильевну Крикун из Воркуты, Сергея Красильникова и Геннадия Чичурина из Новосибирска, а также колымчан Сергея Райзмана и Андрея Комиссарова. Низкий поклон московскому музею ГУЛАГа, всем руководителям и экскурсоводам провинциальных музеев, поведавших нам лагерную историю своего региона. Невозможно, да и не имеет смысла перечислять здесь имена всех — их помощь сложно переоценить. Из тех людей, что повстречали мы на пути, некоторые постоянно сталкиваются с проблемами в связи с непрекращающимся интересом к истории лагерей. Одного из них даже задержали вскоре после нашего визита. Выходом этой книги мы не хотели бы причинить ему дополнительные сложности. Остается только с грустью констатировать, что подобная практика становится все более распространенной в России XXI века. С другой стороны, это является лишним свидетельством того, что книги, подобные этой, не утрачивают своей актуальности в контексте дискуссии об истории и сегодняшнем моменте.

Пользуясь случаем, хочется поблагодарить Национальный центр содействия развитию литературы Финляндии, фонд Йенни и Антти Вихури и Центр содействия развитию искусства за финансовую поддержку при написании данной книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Возможно ли что-либо еще написать о ГУЛАГе, когда на сегодня в мире — Финляндия здесь не исключение — опубликовано немало научной и художественной литературы, множество серьезных исследований, мемуаров, посвященных истории Большого террора в СССР и практиковавшейся в стране системы принудительного труда заключенных? Задавшись этим вопросом, мы отправились «по следам ГУЛАГа». В ходе поездок по огромной территории, где некогда располагались советские лагеря, мы параллельно изучали доступные нам письменные источники — в результате личный опыт и открывшиеся материалы как бы сами собой организовались в достаточно стройную систему.

Данная книга представляет собой путевые заметки. Это путешествие сквозь исчезнувшее время, через целую эпоху. Это попытка осознать историю советского террора и системы исправительно-трудовых лагерей СССР в ее наиболее значимых моментах.

Особое внимание привлекают конкретные знаки, следы, оставшиеся от лагерей и их инфраструктуры, — в целом они плохо известны в Финляндии еще и потому, что попыток представить историю лагерной системы через их призму

ранее не предпринималось. Тем не менее в разных частях России и на территории бывших республик СССР сохранилось огромное количество следов деятельности «архипелага ГУЛАГ». Это оставшиеся на теле шрамы, способные повредить нечто, чего иначе передать не было бы возможности.

В то же время нас интересуют различные интерпретации самого факта существования лагерей вчера и сегодня, и в основном волнует вопрос, как воспринимается ГУЛАГ в современной России и за ее пределами. Первоначально по мере написания книги нам время от времени казалось, что тема ГУЛАГа в некотором роде замалчивается в России, а на Западе о ней практически ничего не известно. Тем не менее по мере расширения географии наших поездок и погружения в архивные и иные источники к нам пришло осознание того, что о ГУЛАГе помнят, о нем знают и что тема ничуть не является закрытой ни в России, ни за ее пределами. Здесь следует сказать, что в особенности на рубеже 1980—1990-х годов проблема использования каторжного труда активно обсуждалась в СССР и позже в России. Сегодня память о лагерях чтится. Открыты выставки и целые музеи, по всей стране воздвигнуты тысячи памятных знаков, издается посвященная ГУЛАГу литература, которая пользуется популярностью. В 2005 году опубликован семитомный сборник документов «История сталинского ГУЛАГа», ставший очередным важным свидетельством памяти вопреки забвению.

Пожалуй, основным вопросом является не то, сохранилась ли память о лагерях, а то, в какой форме она сохранилась.

В условиях сегодняшней непростой политической ситуации в России можно найти все больше защитников ГУЛАГа. Вопреки подобному мнению многие негосударственные организации (в первую очередь — «Мемориал») и особенно православная церковь поддерживают в обществе мысль о

необходимости сохранения памяти о жертвах сталинских лагерей и об эпохе притеснения вообще. Роль государства не столь однозначна: хотя в современной России обсуждение данной темы не завершено, сильно колеблется градус открытости и интереса к поиску исторической правды.

Примечательно, что на Западе изучение ГУЛАГа протекает в сопоставлении с концентрационными лагерями нацистской Германии с той существенной разницей, что ГУЛАГу по каким-то причинам отказывается в роли «повивальной бабки» национального самосознания. Имеющиеся работы проецируют мнение, что лагеря являются неотъемлемой частью общественной жизни, ибо речь идет о России, а там человеческая жизнь не стоит и полушки; да и вообще якобы в России всегда происходит то, во что у нас в Европе сложно поверить. Очевидно, что такая позиция — если не расизм, то в некотором роде ориентализм.

В период расцвета ГУЛАГа лагеря покрывали пространство чуть ли не половины земного шара. Они располагались на территории десяти часовых поясов, и порой, чтобы добраться из одной удаленной точки в другую, требовались месяцы пути. К счастью, нам потребовалось меньше времени. Преодолев многие тысячи километров, нам удалось воочию увидеть десятки памятных знаков и захоронений, повстречаться с еще живыми свидетелями эпохи. Память хранится, но она, как нам показалось, вытеснена на обочину истории: большая часть мемориалов находится в удаленных местах страны, о них мало кто знает, а голос самих хранителей памяти слаб и неспособен разнестись во всеуслышание, стиснутый бетонными коробками домов.

Наиболее существенным фактом памяти об эпохе ГУЛАГа являются стихийно возведенные людьми мемориальные знаки, а также остатки лагерей, их материальное и духовное наследие. Противоречивый характер истории выявляется

наиболее ярко именно на руинах. Герои многих произведений современных русских авторов, так или иначе обращающихся к теме лагерей, испытывают навязчивое желание вернуться к местам заключения ГУЛАГа. Ужасное по своей природе ощущение становилось нам все понятнее по мере того, как мы сами объезжали эти исторические места.

Сегодня кажется, что дискуссия на тему ГУЛАГа преврана и слишком рано отодвинута в сторону, хотя очевидно, что она совершенно не исчерпана. Возникает эффект «слона в гостиной»: после пережитого все стремятся продолжать жить как ни в чем не бывало. Но надолго ли хватит сил закрывать глаза на происходившее?

В начале своего «Архипелага ГУЛАГ» Александр Солженицын приводит историю, отражавшую самую суть ГУЛАГа. Как-то ему с друзьями попала на глаза заметка в журнале. В ней рассказывалось, что на реке Колыме были обнаружены на вид свежие останки представителей ископаемой фауны, которые были тут же охотно съедены теми, кто вел раскопки. Разумеется, в статье не было сказано ни слова о нашедших, но Солженицыну все было понятно: то были представители неистребимого племени эков. Оголодавшие, они были готовы съесть все, даже доисторического тритона.

Абсурдно и трагикомично, но в представленном эпизоде проявилась как в капле воды непостижимость ГУЛАГа. Теперь, «в будущем веке», как возвещает Солженицын в своем изречении, отобранном в качестве девиза к нашей книге, «архипелаг ГУЛАГ» сам по себе видится неправдоподобным ископаемым тритоном, останки которого встречаются повсеместно в разных частях бывшего Советского Союза. Часть из них еще не обнаружена.

Вилле Ропонен, Вилле-Юхани Сутинен

24.02.2019

ГЛАВА I

ОТ СОЛОВЕЦКОГО ОСТРОВА ДО АРХИПЕЛАГА ВСЕХ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

ДОЛГАЯ ТЕНЬ ОТСУТСТВУЮЩИХ КРЕСТОВ

Экскурсовод Государственного музея истории ГУЛАГа показывает нам пятисотрублевую купюру. В полутьме выставочного зала непросто сообразить, какое отношение к лагерям может иметь смятый дензнак. И только после того, как экскурсовод поворачивает купюру обратной стороной и показывает, что на ней напечатано, становится ясно, о чем речь. Выясняется, что там изображен хорошо известный в стране Соловецкий монастырь — за его куполами, вознесенными над суровой скалой, виднеется беспокойное Белое море.

История купюры необычна. После распада Советского Союза прошла денежная реформа. Художник, которому было поручено создать эскиз нового денежного знака, скопировал изображение главного собора монастыря со старой фотографии, где он был изображен без креста. Собор простоял так в течение практически всего советского периода, но не только по причине антирелигиозной политики государства, но еще и потому, что Соловецкий остров и находящийся на нем монастырь стали частью архипелага ГУЛАГ. Получается, что изобразил художник не церковь,

а исправительно-трудовой лагерь. Ошибку заметили довольно быстро: на новых купюрах церковь обрела свой крест, а старые банкноты, без креста, сделались редкостью. Говорят, за такие купюры нумизматам сегодня приходится выкладывать приличные деньги.

Вроде бы ошибка, но какая! Она демонстрирует, насколько глубоко оставленные ГУЛАГом на теле России следы. Лагерная традиция преследует вас практически повсюду, то и дело выплескиваясь наружу. История о купюре также хорошо показывает степень обыденности восприятия лагерной жизни и по сей день.

Количество тюрем и лагерей начали постепенно сокращать сразу после смерти Сталина. Их ломали в 1960-е годы и окончательно свернули к началу 1990-х, и все-таки следы ГУЛАГа никуда не исчезли. Наоборот. Порой кажется, что на стенах домов, в окружающем ландшафте, в мышлении и деятельности сегодняшних россиян — везде присутствует след лагерной истории.

Несмотря на то что система исправительно-трудовых лагерей во многом представляла собой свою собственную, существующую отдельно от основного мира действительность, она была неотъемлемой частью советского общества. Сложно осмыслить Советский Союз без системы ГУЛАГа.

Вероятно, одной из причин того, почему лагеря настолько естественно переплелись с новой послереволюционной общественной формацией, является давняя история, уходящая своими корнями в царскую Россию с ее каторгами и ссылками. Да, трудовые лагеря Советского Союза были неповторимым явлением, ограниченным местом и временем, тем не менее возведение этой кровавой машины началось задолго до ее появления.

СТАРЫЕ НОВЫЕ ЛАГЕРЯ

Столетия назад слово «Сибирь» рисовало в воображении людей картину удаленного безлюдного места, где прозябают в одинаковой степени утратившие доверие государственные мужи, политически неблагонадежные лица и закоренелые преступники. Наиболее известен среди них, пожалуй, князь Александр Меншиков, изгнанный в Берёзов в начале XVIII века. И это не единственный пример: многих именитых русских писателей, вспомним Пушкина и Достоевского, отправляли подальше от столиц в ссылку. Роман Достоевского «Записки из Мертвого дома» рассказывает о периоде жизни писателя в качестве каторжанина в 1850-е годы в Сибири.

В ту пору ссылку или каторгу в сравнении с будущим ГУЛАГом можно считать относительно счастливым поворотом судьбы. Исправительные лагеря дореволюционного времени не шли ни в какое сравнение с репрессивными лагерями ГУЛАГа ни по численности содержащихся в них заключенных, ни в части применявшихся по отношению к приговоренным жестокостей, хотя существование лагерей объяснялось все теми же причинами: изоляция нежелательных граждан и освоение новых территорий. Кстати, рубивший «окно в Европу» Петр Первый возвел на бывших шведских землях город своего имени тоже силами крепостных и заключенных, хотя мнения на этот счет разнятся.

Как и позже в советских лагерях, на царской каторге подневольный труд использовался из-за дефицита рабочей силы, особенно там, где ее остро не хватало для освоения удаленных территорий. Однако в сравнении с ГУЛАГом каторга была лишь бледным подобием.

Как и позже попавший в ГУЛАГ, каторжанин находился в ситуации вынужденной изоляции от семьи и благ цивилизации. Его привлекали для строительства дорог (впоследствии — железных), использовали на лесозаготовках и в добыче полезных ископаемых. Однако по своим масштабам это было ничто по сравнению с ГУЛАГом, где из человека выжимали все до последней капли. В Советском Союзе для решения поставленных партией и правительством задач могли под разными предлогами депортировать целые народы.

В период царствования Николая I в начале 1800-х годов каторга начала приобретать все более политизированный характер, превратившись в форму наказания для неблагонадежных. В частности, на каторгу стали отправлять национальных активистов, представлявших народы Российской империи, стремившиеся к независимости. Тогда же оформилось так называемое Третье отделение, осуществлявшее контроль за внутренней безопасностью государства. При Александре III из Третьего отделения для борьбы с настроенными критически по отношению к власти группами, террористами, социалистами и разными революционерами выросла так называемая «охранка». Фактически она стала предшественницей созданной после революции Чрезвычайной комиссии, а позже ОГПУ, НКВД и КГБ.

С течением времени ссылки и лагеря для каторжных работ стали распространенным явлением в царской России, а отправка в Сибирь — частью русской культуры. Эти действия властей подвергались со стороны либеральной интеллигенции резкой критике. В своей книге «Остров Сахалин» А. П. Чехов представил критический отзыв об условиях содержания каторжан на Дальнем Востоке, описав их нечеловеческие страдания. Хотя выход книги сопровождался цензурными ограничениями, она вызвала активную полемику в обществе — и условия жизни заключенных на острове были

улучшены. Среди прочих анархисту Петру Кропоткину также принадлежат воспоминания о жизни в царских лагерях.

Хотя каторга и Третье отделение могут восприниматься как предшественники ГУЛАГа и НКВД, между ними вряд ли можно поставить знак равенства. В ту пору во многих других частях мира — британцы в Австралии и Африке, французы в заморских колониях — также прибегали к труду заключенных. Однако только коммунизм и нацизм принесли обращенное на коренное население страны угнетение в духе колониального ига на европейский континент. Еще раз: система трудовых лагерей СССР не возникла на пустом месте, у нее имеется предшественник, а ГУЛАГ является характерным продуктом XX столетия и советской действительности. Можно предположить, что не случись прихода большевиков к власти, ничего подобного в России не возникло бы.

Одним из существеннейших отличий советских лагерей от царской каторги являлось то, что в СССР людей осуждали и сажали в тюрьму «не за то, что они совершили, а за то, чем они были», как справедливо заметила Энн Эпплбаум в своем документальном исследовании «ГУЛАГ». Иными словами, ГУЛАГ на абстрактном уровне основывался не на классической идее преступления и наказания с последующим искуплением вины, а на первородном грехе, который касался целых общественных классов и народов. В этом смысле ГУЛАГ напоминал концентрационные лагеря нацистской Германии, где подобным образом было поставлено на поток умерщвление евреев. Однако две системы отличались друг от друга, напрямую проводить параллели невозможно.

Следует отметить, что многие отцы-основатели ГУЛАГа — и Ленин, и Сталин — сами сидели при царе. Находясь в ссылке в сибирском селе Шушенское, Ленин писал призыв-

ные статьи — а что еще ему было делать, ведь у ссыльных в тайге не нашлось занятия лучше, чем плести сети заговора.

Иногда поговаривают в шутку, что сравнительно мягкие наказания царского времени продемонстрировали тем, кто их испытал и позже взял власть в свои руки, как *не нужно* было поступать. Как гласит одна пословица, «дальше Сибири не угонят». И действительно, все побывавшие в Сибири на принудительных работах ощутили в полной мере: если хочешь вырвать с корнем любое проявление недовольства — используй самые жесткие меры.

* * *

Революционные события октября 1917 года и последовавшие за ними жесткие меры постепенно породили общество, в котором ГУЛАГ стал возможен. Чудовищной иронией истории явилось то, что революционное движение, боровшееся против авторитаризма и подавляющей мощи государства, именно в феврале 1917 года вознесло на пьедестал к власти до того момента не слишком популярных в массах большевиков, незамедлительно заявивших о необходимости диктатуры.

Большевики пропагандировали грядущий коммунистический рай, однако за довольно короткий период времени создали систему угнетения, существенной частью которой практически с самого начала стал «красный террор», а позже — исправительные лагеря.

Непосредственно после Октябрьской революции ЦК ВКП(б) провозгласил идею борьбы против «врагов народа». Понятие, обретшее официальный статус в подписанном Лениным указе, стало вполне подходящим средством для осуществления террора: теперь больше не было необходимости доказывать, что некто является «врагом народа», достаточно было просто подозревать его в саботаже и вредительстве,

объявить вне закона, преследовать и, возможно, вершить расправу прямо на месте.

Введение в силу указа не заставило себя долго ждать. Уже через полтора месяца после октябрьских событий, 20 декабря 1917 года, советское правительство основало Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем, во главе которой встал старый большевик Феликс Дзержинский — кстати, прошедший не один год в царских тюрьмах. С начала своего существования этот новый орган получил широкие полномочия по задержанию и вынесению приговоров о наказании всем подозреваемым без досудебного расследования, и в дальнейшем его полномочия только ширились.

В основе антигуманной политики большевиков лежала жесткая приверженность идеологии и шаткость их позиций — первоначально их власть распространялась только на центральные районы России. Вожди восхищались якобинцами Французской революции и диктатурой поздней Парижской коммуны. Ленин и Троцкий были уверены в том, что проявление любой слабости в отношении своих противников неизбежно приведет к поражению революции.

В «Черной книге коммунизма» Стефан Куртуа усматривает в основе большевистской агрессивной риторики связь с российским идеологическим наследием. Помимо европейского марксизма, большевики черпали свои идеи в традициях русских нигилистов и революционеров, например у Сергея Нечаева. В его «Катехизисе революционера» сказано, что революционер презирает общественное мнение... презирает нынешнюю общественную нравственность, что меньшинство имеет право вычистить из общества представителей противного ему класса¹.

Есть мнение, что в среде большевиков проявление чувств, сострадание и

1. Нечаев С. Катехизис революционера. М.: Напильник, 2020.

гуманизм презирались как присущие «буржуазной морали» качества — на подобные «нежности» истинный революционер не смел тратить усилий. Восхищения заслуживали преимущественно твердость духа, способность принять и поддержать любые деяния ради достижения конечной высокой цели. Шло рождение нового мира, где, как утверждалось, настанет конец угнетению и насилию — и, конечно, ради достижения этой цели было позволительно прибегнуть к угнетению и насилию.

Большевики в буквальном смысле верили в упразднение общественного расслоения и классов. В их представлении для кратчайшего пути к утопии можно было не гнушаться насильственными действиями и чистками неугодных. Объектом классовой борьбы стали не только представители дворянства, аристократии, буржуазии, церковные иерархи и интеллигенция. Совершенная во имя пролетариата революция совсем скоро ударила по крестьянству и заявившему о своих правах пролетариату.

Террор начал шириться весной 1918 года, когда в результате уничтожения системы демократических выборов и возможности забастовок были казнены тысячи людей. Со всем скоро появились первые ростки будущего ГУЛАГа: летом 1918 года всех «неблагонадежных» начали заключать в концентрационные лагеря. Главный чекист страны Феликс Дзержинский и Народный комиссариат внутренних дел заговорили о необходимости «массового террора» как средства запугивания. Правительство вынесло соответствующее постановление. Начиная с этого момента большевики видели в любом проявлении оппозиции и критики контрреволюционную деятельность, а значит — своих потенциальных врагов.

Вспыхнувшая летом 1918 года Гражданская война принесла с собой неисчислимые страдания. Все стороны-участницы проводили массовые казни пленных и терроризи-

ровали гражданское население. Считается, что «красный террор» осуществлялся более организованно и системно, нежели «белый». За все годы Гражданской войны советское правительство подвергло преследованиям и казням сотни тысяч людей. Такое же количество было помещено в концентрационные лагеря. Так начатая при царе традиция насилия продолжилась в обновленном формате.

В финской историографии подобные действия называются «политикой угнетения». В период Гражданской войны они стали предвестниками событий будущего. На тот момент сама лагерная система окончательно не оформилась, однако события первых послереволюционных лет стали генеральной репетицией грандиозной, мощной постановки под названием «исправительно-трудовые лагеря». В сельских районах страны, в особенности на Украине, в начале 1920-х годов то и дело полыхало пламя десятков антибольшевистских восстаний, и все выступления пресекались жесткой рукой. Согласно большевистской теории, крестьянские восстания свидетельствовали о заговоре контрреволюционных элементов под руководством богатой сельской прослойки кулаков. Подобная позиция и само понятие «кулак» имели большое значение в эпоху ГУЛАГа.

Последнее наиболее крупное крестьянское восстание вспыхнуло в Тамбовской губернии в 1920 году. Оно было задушено с особой жестокостью: как минимум 50 000 участников восстания, их близкие, включая женщин, стариков и детей, были отправлены в лагерь. Также массовые убийства достигли особого размаха в Крыму в 1920 году, где после захвата полуострова репрессиям и казням подверглись десятки тысяч людей. На Дону и Кубани «красный террор» приобрел особый размах. Именно там большевики решили ликвидировать казаков как общественную группу: началось так называемое «расказачивание»: минимум десять тысяч

человек расстреляли, сотни тысяч выслали на Север, около 100 000 поместили в концентрационные лагеря.

К лету 1921 года большевики фактически победили в Гражданской войне, однако в стране было неспокойно — бурлила вся территория Советской России. Роптали крестьяне, забастовки охватили целые города, заводские комитеты препятствовали действиям большевиков, требуя обещанных декретами демократии и свободы слова. Кронштадтский мятеж напомнил о февральских событиях четырехлетней давности, одновременно Петроград охватили забастовки рабочих. Однако восстание было подавлено, и вновь тысячи и тысячи стали жертвами репрессий.

Мятежи в раздираемом противоречиями обществе заставили Ленина отложить скачок в коммунизм. Партия отдала приказ о начале Новой экономической политики. Продразверстки периода Гражданской войны были прекращены, началось поэтапное освобождение торговли. Однако во взаимоотношениях с крестьянством правительство находилось в состоянии скрытой войны: начавшаяся после сворачивания НЭПа в 1928 году коллективизация считается последним контрударом по крестьянству за его непослушание.

Официально Советский Союз был образован в 1922 году. Но еще в революционный период насилие стало самой сутью политики властей, а с наступлением мирного времени никто не желал или уже не мог отказаться от его применения. Завершились военные действия, но большевики не перестали видеть врага — теперь внутри страны и за рубежом. Страхи раздувались с пропагандистскими целями. Угроза носила порой реальный, но чаще надуманный характер — как бы там ни было, ответом властей на волнения внутри страны стал запуск репрессивной машины.

Никому не позволялось подозревать ВКП(б) в некомпетентности. В двадцатые годы партия начала постепенно

внедряться во все сферы общественной жизни. Большевики провозглашали, что с победой коммунизма государство перестанет существовать за ненадобностью, однако, как ни парадоксально, именно они создали тоталитарное государство.

Вместо рая для рабочих и крестьян в Советском Союзе утвердилась опирающаяся на красноармейские штыки и тайные службы партократия. Как пишет финский историк Осмо Юссила, в стране не было ни социализма, ни власти Советов в чистом виде, хотя иллюзия их существования активно поддерживалась. Находящаяся в собственности государства национализированная экономика управлялась все тем же государством: создавался государственный капитализм.

Органы, применявшие террор по отношению к собственному населению, обрели новые формы и наименования — явление, повторявшееся в течение всего периода существования Советского Союза и через всю историю его тюрем и лагерей. Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), взявший под контроль весь Советский Союз, в период правления Сталина стал олицетворением государственного террора. Политический произвол получил законные основания с принятием в 1922 году закона о «контрреволюционной деятельности», согласно которому всякого подозреваемого в таковой ждала кара в форме расстрела либо в форме отправки в лагерь.

Прообразы будущего ГУЛАГа проявились уже в первых тюрьмах и лагерях, созданных советским правительством в 1918 году. Позже людей арестовывали и бросали в тюрьмы по политическим причинам. Например, в 1920-е годы к различным срокам лагерей приговорили офицеров, воевавших в Гражданскую войну на стороне белых, участников мятежей против советской власти, представителей дворянства и буржуазии, крупных землевладельцев, членов различных партий и многих священнослужителей.

Позволим себе предположить, что политический произвол и лагеря стали существенной частью советского строя с самого начала его существования. С течением времени заключенные сформировали свой общественный класс, своего рода «нацию» внутри страны, о чем повествует Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ».

Конечно, революция, идеологический фанатизм, «красный террор», наследие Гражданской войны и общественный контроль не привели напрямую к появлению ГУЛАГа, однако оправдание преследований неугодных большевистской твердостью, необходимостью коммунистической модернизации и строительства всемогущего государства рабочих и крестьян сделало возможным возникновение лагерной системы.

СНАЧАЛА БЫЛ ОСТРОВ

Наше суденышко — а как еще можно назвать выдавшую и лучшие времена, построенную в 1960-е посудину — раскачивается так, что становится не по себе. Волны Белого моря из всех сил колотят по его стонущим стальным бокам. Мы направляемся из города Кеми, что на севере Республики Карелия, на Соловецкий остров. Еще не сезон, и на рейсовом судне, кроме нас, пассажирами лишь пара русских туристов да несколько трудяг-строителей — эти заняты на ремонтных работах в монастыре. А еще православный монах в черном одеянии. На стене каюты висит какая-то темная репродукция — она раскачивается из стороны в сторону одновременно с кораблем.

В полумраке мы пытаемся разглядеть изображение и спрашиваем друг у друга: неужели на этой картинке изображен Феликс Дзержинский со своей легендарной козлиной бородкой? Ну уж дудки, такое было бы уже слишком на современном корабле, идущем на Соловки.

Через несколько часов в иллюминаторе каюты появляется пятно, которое никак не удастся стереть. Соловецкий остров. Периодически пятно скрывается за волнами, но только на время, чтобы продолжать дальше расти и расти, пока, наконец, оно не заслоняет собой горизонт. Главный остров стоит на Белом море на расстоянии примерно ста километров от нынешней границы с Финляндией. И вот уже совсем скоро можно разглядеть деревянную пристань, а немногочисленные пассажиры корабля начинают шевелиться, потихоньку собирая свои вещи.

Первое, что слышал привезенный сюда узник, звучало как провозвестие чудовищного лагерного будущего. Знаете, какими словами сходящих на берег встречал первый комендант лагеря? «Добро пожаловать! Здесь власть не советская — здесь власть соловецкая. Можете забыть обо всех правах, что у вас были. У нас тут свои законы».

Нас же встречает тишина. Ступивший на остров нигде не увидит следов того самого ГУЛАГа, что начинался здесь и совсем скоро разросся на тысячи километров вширь и вглубь, просуществовав несколько десятилетий. Нигде не видно памятных досок, а рельеф не сохранил никаких заметных следов той эпохи. Отсюда начинаются виляющие сквозь холмистый ландшафт острова грунтовые дороги, стоят какие-то старые хибары, бани и лодочные гаражи. Вдали виднеется луковка церкви. И больше ничего.

Парами пасутся коровы и овцы, словно они только что сошли из Ноева ковчега — сюда, на сушу.... Скалистые пейзажи выглядят неприветливо, в отдалении видна березовая роща, покрытая нежной листвой, за ней — хвойный лес. Мы часами бродим по острову, пытаюсь разглядеть какие-нибудь признаки лагерного прошлого. Российские активисты-правозащитники обвиняют нынешнее руководство Соловков за то, что оно стерло все, даже самые малые следы

ГУЛАГа. Однако следы присутствуют здесь повсюду: главное — уметь искать. Еще в 1989 году по инициативе организации «Мемориал» на местном кладбище установили памятный знак; кроме этого, православная церковь поддерживает деятельность небольшого музея, где можно найти вещи и фотографии, отображающие лагерное прошлое острова. По подвалам монастыря, где некогда действовал тюремный изолятор, проводятся регулярные экскурсии.

* * *

Говорят, что у самого известного ныне летописца ГУЛАГа Александра Солженицына сравнение сети лагерей с архипелагом родилось там, где началась их история. Начало было положено в 1920-е годы, когда заключенных стали свозить на территорию Соловецкого монастыря. Остров находился в достаточной изоляции от материка. Сюда сложно добраться и сегодня — собственно, по этой причине в свое время остров и был выбран в качестве места строительства монастыря. Впоследствии управление лагерей Советского Союза обратило внимание на то, что многие другие монастыри также находятся в этом смысле в удобных местах и могут стать частью лагерной системы. Например, Суздальский монастырь во Владимирской области, расположенный в двухстах километрах от Москвы, также начали использовать в качестве лагеря для заключенных.

История Соловецкого монастыря уходит корнями в далекое прошлое. Монахи, основавшие монастыри в XV веке, прогнали с острова его коренное население и взяли земли под свой контроль. Позднее монастырь приобрел в собственность земли на материке. Если не брать во внимание те редкие военные события, в которых монастырь принимал участие, то он существовал весьма спокойно до конца XIX века, пока власти царской России не обратили на него

внимание в качестве места для изоляции преступников. Однако действительные перемены начались с приходом к власти большевиков.

В начале 1920-х годов монастырь закрыли, а в 1922 году на его территории официально создали лагерь для заключенных, и первыми сидельцами в нем стали монахи и служители церкви — советская власть критически относилась к религии. Далее к ним подселили представителей различных общественных классов, антагонистичных большевикам.

В первые годы советской власти на острове возник Соловецкий лагерь особого назначения — печально известный СЛОН. Фактически Соловки представляли собой трудовые лагеря, схожие с царской каторгой, где зародились методы будущего ГУЛАГа. Первоначально эков было мало, но за короткий срок их количество выросло в десять раз, достигнув численности 40 000 человек, что не могло не сказаться на ухудшении условий содержания. Позднее заключенных стало еще больше — окончательные цифры неизвестны до сих пор.

Бедственное положение эков на острове обсуждалось уже в ту пору. Не поэтому ли в 1929 году вернувшегося в родное отечество писателя Максима Горького направили на Соловки с инспекцией, чтобы убедиться в правильности перевоспитания государством своих сошедших с истинного пути граждан? Многие арестанты ждали, что визит всемирно известного писателя поможет освободить безвинно осужденных и положить конец нечеловеческим условиям содержания. Увы, это не помогло.

Незадолго до визита Горького в лагерь начальство решило навести лоск, и «буревестнику революции» показали только внешнюю сторону. Кто знает, поверил ли он в увиденное или просто захотел поверить, однако по возвращении из поездки на Соловецкий остров Максим Горький на-

писал восторженный очерк, где восхвалял красоты острова и эффективность работы чекистов, управлявших новой лагерной системой. Представление Горького не оставляет возможностей для иных толкований, когда он пишет о необходимости лагерей, подобных Соловкам. Уже в тридцатые годы СЛОН превратился в более традиционную тюрьму, в основном для политических заключенных. Позднее в годы Большого террора сюда привозили многих жертв репрессий.

В начале 1920-х годов в разных частях страны усилиями ВЧК было создано порядка 300 лагерей, в основном небольших, так что СЛОН был не единственным, но одним из самых крупных. Неподалеку от Архангельска действовал в то же время Холмогорский концентрационный лагерь, где, по воспоминаниям современников, регулярно совершались массовые казни. К примеру, в Двине массово утопили свезенных сюда участников Кронштадтского мятежа и жертв «раскулачивания». Из Архангельска заключенных также отправляли судами на Соловки. В любом случае Соловки представлялись особенным лагерем в том смысле, что здесь власти создали некую экспериментальную станцию для чего-то большего, о чем не стеснялись говорить вслух. В 1924 году Феликс Дзержинский говорил об острове как о месте, где будет применяться каторжный труд для освоения необжитых территорий, а в 1929 году Соловки уже считались образчиком перековки зэков в настоящих советских граждан. В официальном словоупотреблении СЛОН назывался исправительно-трудовым лагерем.

С рождением первого острова архипелага советских концентрационных лагерей связываются ужасные детали. В первые годы своего существования Соловецкий лагерь представлялся еще приличным местом в сравнении с тем, что стало с ним позже: на Соловках даже издавалась соб-

ственная газета, имелся оркестр и велась какая-то культурная работа, а условия содержания заключенных в целом больше напоминали царскую каторгу, нежели ГУЛАГ периода расцвета сталинизма. Позже монастырские ризницы были превращены в карцеры и отхожие места, а религиозные ритуалы заменились переключками и бесконечным унижением человека человеком.

Лагерь на Соловках прекратил свое существование незадолго до начала Второй мировой войны. Тем не менее он стал страшной прелюдией к варварскому истязанию населения огромной страны.

* * *

СЛОН положил начало лагерной системе, покрывшей в 1930-е годы своей сетью всю страну. Помимо очерка Максима Горького, пропаганда неутомимо вещала об итогах перевоспитания заключенных в лагерях, и это не могло не отразиться в разговорах вполголоса на коммунальных кухнях.

Супруга погибшего в лагерях поэта Осипа Мандельштама Надежда в своих мемуарах рассказывает, что многие ее знакомые в 1920-х годах верили в хорошие условия содержания политических заключенных, — на что ее супруг отвечал, что ни разу не встречал никого из вернувшихся оттуда и потому не может поверить в удовлетворительность заключения. В любом случае на том этапе концентрационные лагеря функционировали иначе, нежели в 1930-е годы: некоторых из задержанных могли даже отпустить на пару дней домой до отправки на Соловки — для устройства личных дел. Уже через пятнадцать лет, когда ГУЛАГ разросся до своих окончательных размеров, даже мысль о подобном стала попросту невозможна: тогда людей забирали прямо посреди ночи, навсегда лишая их возможности какой-либо связи с родными.

На начальном этапе функционирования Соловецкого лагеря практика задержаний и судебных преследований еще не была отработана. Лагерная администрация и охрана порой с трудом представляли себе, чем они занимаются, и относительно правил содержания зэков не было единого мнения. Зачастую на Соловках царил полный хаос.

В качестве одного из устроителей ранней лагерной системы на Соловках и в Советском Союзе называют Нафталия Френкеля, личность во всех смыслах удивительную. Этого предприимчивого еврея-коммерсанта осудили в 1923 году за контрабанду и отправили на Соловецкий остров, где Френкель явил образцовое поведение, за что ему сначала сократили срок, а в 1927 году досрочно освободили. Вместо того чтобы отправиться на материк, он не уехал с острова, а взялся за организацию исправительно-трудовых работ. Ему приписывается разработка «научного метода» раннего ГУЛАГа, когда устанавливаются определенные нормы и осужденный получает тем больше еды, чем больше он работает. Френкель настолько отточил свою систему организации занятости зэков, что ранее считавшийся малоэффективным принудительный труд стал приносить пользу экономике Советского Союза. В 1930-е годы Френкеля определили на строительство Беломорско-Балтийского канала, а впоследствии Байкало-Амурской железной дороги, все это — силами заключенных. Вне всякого сомнения, Соловецкий лагерь в этом отношении стал первым ростком, из которого выросла целая система ГУЛАГа. Недаром среди осужденных ходила фраза: «Сегодня на Соловках, завтра — в России».

А нам пора прощаться с живописным островом. Кажется, он погрузился в несколько мрачную атмосферу, однако заметишь ли это, если не знать, что здесь происходило почти

100 лет назад и к чему все это привело в конечном счете? На обратном пути море волнуется куда сильнее, но пассажиров, похоже, это ничуть не смущает. Корабль изо всех сил борется с волнами, прорываясь в Кемь. Мы пытаемся записать кое-какие заметки. На противоположной скамейке лежит упившийся пивом молодой человек. Он при нас успевает сделать еще несколько глотков, пока не забывается, укачанный железной колыбелью. Во сне он раз за разом сползает от одного края к другому, подобно какому-то странному маятнику, отмеряющему не ход времени, а его остановку.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЛОГИСТИКА

С одним из явлений, в дальнейшем определявшим все существование ГУЛАГа, впервые столкнулась администрация Соловецкого лагеря. На этапе создания СЛОНа способы задержания и последующей перевозки осужденных были далеки от эффективности работы репрессивной машины 1930-х годов.

Случалось, что наивысшие страдания человек испытывал еще до своего попадания в лагерь: сначала он оказывался под подозрением, затем окружающие, коллеги, а иногда и близкие начинали говорить полупамятками, случались даже случаи преследований. Будущий узник ГУЛАГа оказывался без работы или его как минимум понижали в должности. Друзья начинали избегать его, потому что не хотели сами попасть под подозрение. Возникла мучительная ситуация: человек уже наверняка знает, что будет задержан, но еще не знает, когда и на какой срок — и эта ситуация могла тянуться до бесконечности, постепенно изматывая психику. В «Крутом маршруте» Евгения Гинзбург пишет, что, находясь дома в кругу семьи и ожидая неизбежного ареста, она

испытывала куда большие страдания, чем впоследствии в штрафном изоляторе на Колыме.

Человека рано или поздно арестовывали. Его могли забрать из дома или приглашали в какое-нибудь ведомство, но только в тридцатые годы власти прибегали к изощренным методам обмана и издевательств над жертвами. Широкое распространение получили обыски и откровенный произвол, зачастую ГПУ приходило забирать ночью. Многим даже не рассказывали, куда и зачем их везут.

Очевидно, что видимая «случайность» задержания становилась темой мрачноватых анекдотов. Так, в одном из них на польской границе появился верблюд и попросил политического убежища. «В СССР истребляют всех кроликов», — сказал верблюд. «Но ты — верблюд», — ответил пограничник. «А вы попробуйте доказать, что не кролик»¹.

1. Цит. по: Рейфилд Д.
Сталин и его подручные.
Колибри, 2017.

Никто не мог избежать ареста — в особенности интеллигенция. Многие держали в прихожей собранный чемодан на случай прихода внезапных ночных гостей. Когда в 1934 году Осипа Мандельштама впервые вызвали на допрос, близкие четко понимали, как им следует действовать. Случилось, что в тот день у семьи Мандельштам гостила поэтесса Анна Ахматова, и тогда они вместе сделали все возможное для спасения бумаг Осипа от попадания их в руки спецслужб. Позже Надежда Мандельштам вспоминала, как Анна Андреевна сказала, чтобы Мандельштам перед уходом поел, и протянула ему вареное яйцо. Пока агенты обыскивали дом, Осип присел к столу, почистил яйцо, посолил его и съел.

Постепенно в сознании людей время после задержания начинало обретать четкие формы: члены семьи знали,

что нужно делать, к какому окошку подойди с передачей. В СССР к началу 1930-х годов вокруг арестованных и отправленных в лагерь и их родственников сформировалась собственная вполне определенная культура. Система целенаправленно насаждала страх, и от этого граждане ощущали, что их застали врасплох, когда за ними приходили, — будучи готовым к аресту, они все равно не знали, что делать.

После задержания человека везли в тюрьму. Начинались бесконечные допросы, задержанный мог провести в камерах временного содержания не один месяц, а то и годы. Не без горькой иронии Солженицын называл следственный изолятор «прихожей Ленина».

Отдельный допрос мог длиться несколько суток. Айно Куусинен¹ допрашивали в Лефортовской тюрьме 89 часов кряду, не давая еды и не отпуская поспать, Евгения Гинзбург рассказывает о «допросном конвейере», когда утомившихся следователей НКВД через определенный период сменяли бодрые, продолжая безостановочно давить на заключенного. Однажды ее продержали целую неделю без сна и еды. Хотя уже во второй половине 1930-х следователи не гнушались применять и более изощренные пытки для добычи показаний, пытка лишением сна в разных вариантах на протяжении десятилетий оставалась самым популярным методом выколачивания при-

знательных показаний. Позже органы дознания перешли на «упрощенный допрос», отбросив многотрудные изощренные методы за ненадобностью, заключенных старались в максимально возможные короткие сроки отправить в ГУЛАГ. Новые формы добычи показаний были понятны и положили

1. Айно Куусинен (1886–1970) — вторая жена Отто Вилле Куусинена, видного финского революционера, руководителя компартии Финляндии. Арестована в 1938 году, выпущена из ГУЛАГа после смерти Иосифа Сталина, восстановлена в правах в 1955 году. Автор книги «Господь низвергает своих ангелов».

конец всяким легендам. В своих «Вос- 1. Мандельштам Н. Я. Вос-
поминаниях» Надежда Мандельштам поминания. Согласие, 1999.
приводит фразу, сказанную Анной Ахматовой: «Теперь все
ясно: ушанку на голову и — в тайгу»².

Попадание в сталинские застенки означало радикальную и порой окончательную перемену в жизни. Многих осужденных могли выпустить из ГУЛАГа, но никто из побывавших там не возвращался таким, как прежде: впервые оказавшись за решеткой, человек словно переходил черту, за которой он цепенел, охваченный ощущением отсутствия каких-либо критериев, стандартов и ценностей. Люди неожиданно для себя осознавали, каков был мир, в котором они до сих пор жили, и что именно означает эта «новая эра» в их судьбе. Фактически разрушение всех понятий и представлений означало конец мира. Насилие или страх не были первоочередными причинами трагического просветления, а именно то, что «момент истины» заставлял людей понимать, что на самом деле происходило в Советском Союзе. Как правило, арестованного неизбежно приговаривали, потому что система не допускала сбоев в работе, — за редким исключением, когда подозреваемого могли отпустить после дознания. Осужденных отправляли дальше — в разные уголки архипелага ГУЛАГ.

* * *

Наш электропоезд трогается. За окном все быстрее мелькают заросшие мхом крыши карельских деревушек, совсем скоро Беломорская Карелия исчезает за очередным поворотом. Здешняя одноколейка похожа на медицинский шов, соединяющий разные части республики. На полустанках поезд ждет скорее из приличия, чем по необходимости. На крупных узловых станциях состав ныряет в толщу на-

правляющихся с севера на юг, или с юга на север, или просто забытых товарных вагонов.

На одной из станций в окно купе врывается весеннее солнце, льющее свет на разноцветные цистерны, контейнеры и ржавые рельсы. Ровно на таких же полустанках могли часами, а то и днями стоять «столыпинские» вагоны с этапируемыми, пропуская более привилегированные составы. Разумеется, эзков нельзя было выпускать наружу, чтобы, не дай бог, не заметил случайный прохожий, так что несчастным приходилось переносить нечеловеческие мучения в закрытых товарняках — летом от зноя, зимой от мороза, зачастую без воды и пищи.

Случалось, путешествующие добропорядочные граждане из окна своего комфортабельного купе могли заметить стоящий на соседних путях багажный вагон — а может быть, это вагонзак? — и тогда они обращали внимание на просунутые в щели пальцы или на высматривающие кусочек неба глаза. А то и стоящие на перроне вдруг замечали подошедший к станции состав с заключенными, двери которого оставались подозрительно закрытыми; из-за них не раздавалось ни звука, тогда гражданские понимали: что-то не так.

Перевозки арестантов носили настолько масштабный характер, что их не только невозможно было не замечать, в особенности на узловых станциях, но они были совершенно очевидной частью обычной жизни. Солженицын пишет: «Это все — рядом с вами, впри-тирочку с вами, но — невидимо вам (а можно и глаза смежить)»¹. Обычные граждане кто как реагировали на вагонзаки: одни протягивали в щели хлеб или сахар, если имели такое, другие же попросту отказывались замечать происходящее.

1. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. В 3 т. Т. 1. М.: Советский писатель, Новый мир, 1989.

Именно о доброжелательном отношении вольных вспоминают в мемуарах многие авторы. Для кого-то это был единственный лучик света в беспросветном ужасе, ниточка, за которую они отчаянно цеплялись в пути к местам заключения. Такие проблески обычной жизни были для заключенных мучительным воспоминанием обо всем утраченном, о житейской суете и одновременно утешением, напоминая о том, что жизнь продолжается.

Наш поезд опять трогается, теперь — в сторону Сегежи. Разноцветные товарняки бегут в обратном направлении — вероятно, в какой-нибудь из портов Северного Ледовитого океана, — нагруженные тысячами резиновых сапог или автомобильных «дворников».

Традиции царской России проявлялись и в перевозке невидимых невольников: многих транспортировали до мест заключения в традиционных «столыпинских» вагонах, названных по фамилии царского премьер-министра Столыпина. При нем эти вагоны побежали по рельсам, когда возникла необходимость переселить крестьян в Сибирь с целью освоения необжитых территорий. Однако в эпоху ГУЛАГа «столыпины» были едва ли не роскошью, в то время как самым несчастным приходилось довольствоваться обычными «телячьими» вагонами. Евгения Гинзбург рассказывает, что ее перевозили из тюрьмы в лагерь в вагонах с нелепой надписью «Спецоборудование».

После ареста и следствия заключенных везли в пересыльную тюрьму и уже оттуда отправляли окончательно в какой-нибудь лагерь. Впрочем, этим все не заканчивалось, ибо случалось, что несчастного могли в течение двух лет перебросить с одного места в другое на расстояние нескольких тысяч километров. В пути людей кормили так, чтобы они не умерли с голоду, а воды давали самую малость, чтобы отпала потребность ходить по нужде. Иногда конвой, желая

помучить арестантов, давал на обед одну соленую селедку, что только усиливало жажду.

Обычным делом считалось отправить арестантов подалее от дома, чтобы родственники не могли их навещать. Собственно, для этого не требовалось изобретать чего-то особенного, потому что большая часть лагерей располагалась за Уралом. На Соловки первоначально свозились арестованные из Петрограда-Ленинграда — расстояние было относительно невелико, но по причине нехватки судов на Белом море время в пути растягивалось на многие сутки.

В период расцвета сталинского режима перевозки обрели максимальную жестокость. Обращение с заключенными оставляло желать лучшего: их лишали еды и питья, самые обычные правила гигиены не соблюдались. Нет никакого разумного объяснения проявлениям жестокости по отношению к перевозимым арестантам: охрана проявляла банальный примитивный садизм, питавшийся страхами и изуродованным сознанием. Иначе говоря, вряд ли кому-то могло принести пользу то, что заключенные изнывали от голода и жажды или умирали в пути, длившемся от нескольких недель до месяцев. Случались и примеры особой жестокости со стороны охраны или представителей власти, за них могли формально наказать, но в целом жестокое обращение с арестованными не приводило к каким-либо последствиям. Жестокость выросла в систему, став ее частью.

После кажущейся бесконечной перевозки заключенные оказывались в конечной точке своего пути. Дальше им предстояло сойти на землю своего первого лагеря, сойти на зону, огороженную колючей проволокой по периметру, где им предстояло жить, а кому-то и погибнуть.

В 1930-е годы советские лагеря во многом напоминали лагеря нацистской Германии: очередной этап въезжал в красивые ворота, украшенные поверху лозунгом. В начале

создания системы, когда еще существовала задача исправления криминального элемента через труд, лозунги имели трудовую тематику, их риторика звучит знакомо: «Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и геройства»¹. На Никольских воротах Соловецкого монастыря висел лозунг «Через труд — к освобождению».

Исключительно из практических соображений большинство лагерей возводилось вблизи автомобильных и железных дорог, что облегчало перевозку грузов и заключенных. Некоторые лагеря ГУЛАГа находились почти, а некоторые точь-в-точь там же, где и прежние царские места отбывания каторги. В советский период автодороги, железнодорожные пути и каналы строились в огромном количестве и чаще всего — силами заключенных. Одним из самых первых и самых известных таких объектов стал Беломорско-Балтийский канал. Именно туда мы и направляемся. Наш поезд со скрипом останавливается на станции Медвежьегорск. Мы сходим на перрон.

1. Советский лозунг, образованный из политического отчета ЦК XVI съезду ВКП(б), представленного И. В. Сталиным 27 июня 1930 года. С разными вариациями использовался в советской идеологической пропаганде: был распространен на производственных предприятиях, наносился на архитектурные объекты. Варлам Шаламов, упоминая этот лозунг в «Колымских рассказах», сравнивал циничность такого его использования с написанием при входе в концентрационные лагеря Третьего рейха фразы «Каждому свое» (нем. Jedem das Seine).

ГЛАВА II

ПО БЕЛОМОРКАНАЛУ К ГУЛАГУ

ШРАМ НА ПОВЕНЦЕ

Наш белый микроавтобус объезжает крохотные деревушки под Медвежьегорском, названия которых, пожалуй, не помнят даже местные жители. Кругом — опустевшие дома, облупившиеся автобусные остановки из бетона, и при этом — улыбающиеся старики, выходящие из автобусов. Сквозь серость пробивается весеннее солнце: оно высвечивает яркие краски на стенах домов и развешанное сушиться белье. Через полчаса автобус прибывает в Повенец и сворачивает с главной дороги. Вокруг автостанции стоят пустующие общественные здания и какие-то поникшие избы. Создается ощущение, что захолустный карельский поселок с двумя тысячами жителей просто брошен на произвол судьбы. Среди всего — лишь один бетонный объект в лучшем состоянии, туда даже открыта входная дверь.

Похоже, что это какое-то учреждение, где на нижнем этаже открыт музей, посвященный истории строительства ББК. В полумраке вестибюля выделяется яркая рельефная карта, на ней через всю Карелию проложен ярко-голубой маршрут канала: вот Соловки, а дальше — Беломорск, Повенец, Онежское озеро... «Сейчас у нас обед. Приходите через полчаса», — раздается голос вахтера.

Немного странно, что в честь Беломорканала создан целый музей, ведь его возведение потребовало огромное количество человеческих жизней, причем именно арестованные ГУЛАГа осуществили этот проект практически голыми руками! С другой стороны, если задуматься, музей перестает казаться удивительным: здесь речь идет не об истории лагерей Советского Союза, а об индустриализации страны, и в этом деле ББК сыграл свою заметную роль. Подобно тому, как в Финляндии шахты превращаются в музеи, в Повенце канал представлен не как часть ГУЛАГа, а как индустриальный мегапроект советской эпохи — лагерная его история затронута лишь мимоходом. Хотя откуда нам знать, ведь нас пока не пускают в музей.

Через полчаса мы возвращаемся в вестибюль здания, отобедав пирожками с капустой и борщом в, похоже, единственном повенецком кафе. Вахтер ведет нас по темному коридору прямо в кабинет директора, где группа женщин заваривает чай. Самая старшая из них (наверное, сама директриса) поднимается нам навстречу.

— Чего вы хотели?

— Хотели бы познакомиться с вашим музеем, — отвечаем мы, переминаясь в дверях, словно нашкодившие мальчишки.

— Да? А зачем?

— Нас интересует история Беломоро-Балтийского канала, — отвечаем мы так искренне, как только можем.

— Да уж, знаю я, чем вы там интересуетесь, — вспыхивает женщина.

Вот тебе на! Правда, непонятно, что она имеет в виду. Может, то, что мы хотим увидеть, — охраняемый шлюз, а не музей? Или что мы из Финляндии, с Запада, где люди интересуются только лишь кровавой стороной истории России и ГУЛАГом? Через секунду женщина продолжает:

— Ну если вы на самом деле хотите сюда попасть, через час можете присоединиться к детской группе. Главное, ведите себя тихо.

Взглянув друг на друга, мы без слов понимаем, о чем речь. Благодарим и выходим через вестибюль обратно на улицу Ленина. Нас явно не хотят пускать в музей, так что не будем напрашиваться. Совершенно ясно, что здесь рассказывают детям об индустриализации, что сейчас нас совершенно не интересует. А фактические данные о канале мы вполне в состоянии почерпнуть и в другом месте.

Перед музеем возвышается памятный знак. Он посвящен не погибшим на строительстве канала ээкам, а одному из его «заслуженных» строителей. Кто-то возложил к подножию камня искусственные фиолетовые цветы.

* * *

В 1922 году родоначальник политического террора и первый руководитель Советского государства Владимир Ленин тяжело заболел. Он застал зарождение системы трудовых лагерей, но воплощение этой идеи в жизнь легло на плечи его соратников. После смерти Ленина последовал четырехлетний период борьбы за власть, безусловным победителем в которой вышел нарком по делам национальностей — Иосиф Сталин.

После того как будущий «вождь народов» закрепился на своем новом посту, потребовалось ужесточение мер. В 1926 году в свежей редакции Уголовного кодекса РСФСР появляется печально известная 58-я статья за контрреволюционную деятельность. Отныне заслуживающим наказания считался человек, который не просто совершил преступление, но и был подозреваем в совершении преступления и даже косвенно помышлял об этом. Вскоре кого угодно можно было осудить как «общественно опасный эле-

мент», даже если он и не совершал ничего предосудительного.

Количество концлагерей начало расти, и возникла необходимость придумать им новое применение. Сталин принял решение одним броском в период реализации первого пятилетнего плана поставить Советский Союз на индустриальные рельсы, а ГУЛАГ стал одним из столпов для решения этой задачи.

В 1928 году заключенных принялись отправлять на принудительные работы по мере того, как в результате массовых арестов перестало хватать тюрем. Возникла необходимость более организованного использования труда заключенных. Так возникла идея привлекать их к тяжелым работам по добыче и переработке природных ископаемых в незаселенных регионах. В ходе решения экономических задач предполагалось выстроить сеть трудовых лагерей и заселить всю территорию Советского Союза, сделав заключенных неотъемлемой частью экономики страны.

Довольно скоро представителей категорий населения, подвергнутых ранее репрессиям, попросту перестало хватать. Возникла необходимость в поиске новых работников. Первыми под удар попали «буржуазные» специалисты из «бывших», занявшие руководящие должности в первые годы существования Советского Союза, — теперь против них начали выдвигать обвинения в «саботаже». На поток поставили организацию показательных судебных процессов и казни. В лагеря пошли переполненные теплушки со «спецами». Таким образом советское правительство сумело разом взять всех под контроль и найти «стрелочников», виновных в экономических неудачах периода НЭПа и в резком падении уровня жизни населения.

Беломорканал стал первым опытом функционирования системы принудительного труда в Советском Союзе и од-

новременно первой из целого ряда гигантских советских строек, призванных символизировать технический и индустриальный рывок советского народа в будущее. Беломорско-Балтийский канал родился в период первой пятилетки, став важной частью претензий молодого государства на статус великой державы. Понятно, что на первых порах канал именовался в честь Сталина. Сама идея соединить каналом Балтийское море и Северный Ледовитый океан была не нова. Еще Петр Первый задолго до Сталина задумывался о подобном маршруте («Осударева дорога»¹ стала прологом), и в последующие времена царские власти не раз возвращались к проекту. Но всякий раз идея строительства канала отбрасывалась как нечто мегаломанское и неосуществимое. Нельзя исключить, что в 1930-е строительство канала

1. Сухопутная трасса, проложенная от пристани Нюхча на Белом море к Повенцу на Онежском озере по приказу Петра I в 1702 году.

также подвергалось сомнению, но голоса сомневающихся не были слышны: уже тогда высказывать подобные мысли вслух стало опасно, если желаешь сохранить свободу, а то и жизнь.

Если Сталин и желал показать, что он одержит верх над Петром Великим, сделав невозможное возможным, то формально это у него получилось, — хотя практически сразу стало ясно, что польза от канала будет крайне мала. Зато ГУЛАГ показал свою эффективность в плане применения практически бесплатного труда для реализации гигантских проектов.

Если Соловки послужили всего лишь экспериментом для отработки механизмов внутреннего устройства лагеря, то на возведении канала они применялись уже широко-масштабно и без всяких ограничений. Ведь речь шла не об отдаленном тюремном острове, но о гигантской стройке, куда согнали десятки тысяч людей. Фактически уже никто

всерьез не говорил об «исправлении» заключенных через труд, хотя подобная идея активно раздувалась. Трудовые лагеря включили в механизм реализации гигантских проектов, призванных вырвать Страну Советов из темного прошлого, осуществить переход от аграрного хозяйствования к индустриальному и показать миру передовой характер социалистической системы. В дальнейшем эки построили многочисленные автомобильные дороги, соединив Сегежу и Калевалу в Республике Карелия. Они проложили железные дороги — та же печально известная Трансполярная магистраль «Чум — Салехард — Игарка», или «Дорога смерти»; провели водные артерии страны, например канал «Москва — Волга», «Ферганский канал» в Узбекистане; прорыли туннели, в том числе ныне заброшенный «Сахалинский туннель» с материка на остров Сахалин. Многие из этих проектов поражают своими невероятными масштабами. К списку можно добавить многочисленные промышленные центры современной России — например Магнитогорск. Труд заключенных использовался на строительстве московского метро, каналов и многих зданий в столице. Можно сказать, что, как и Санкт-Петербург для Петра Великого, Москва стала для Сталина «городом на костях», утопией, построенной ценой тысяч человеческих жизней.

* * *

Канал имени Сталина начинается неподалеку от города Беломорска на юго-восточном побережье Белого моря в Республике Карелия. Далее его извилистый маршрут проходит по естественным рекам, двум озерам и нескольким искусственным водоемам в сторону Онежского озера. Из южной части озера можно по реке Свирь дойти до Ладожского озера и далее по Неве добраться до Питера и, наконец, оказаться

в Финском заливе. Большая часть из 227 километров канала проходит по озерам или по расширенным и углубленным рекам, а также по искусственным руслам, около 50 километров канала вырыты полностью руками заключенных ГУЛАГа. Эта часть канала начинается от Повенца. Здесь в сохранившемся домике неподалеку от стройки проживал руководитель Белбалтлага.

Сегодня напротив здания музея в Повенце стоит памятный знак в память обо всех безвинно погибших на строительстве Беломорканала в период 1931—1933 годов. Первая советская стройка стала предвестником будущего ГУЛАГа еще и в смысле количества человеческих страданий, несоизмеримых с достигнутым результатом.

На строительстве Беломорканала применялся «мобильный» лагерь. В царской России имелаась практика перемещать заключенных одновременно со строительством возводимого им объекта — той же железной дороги, — однако никогда ранее ничего подобного не предпринималось в таком масштабе, как на канале имени Сталина. Белбалтлаг шел вперед по мере прокладки русла канала, так что возводить постоянное жилье для эков никто не собирался. В итоге у нас сегодня имеется очень мало вещественных доказательств и материальных следов той эпохи, за исключением самого канала.

Постоянное перемещение превращало быт заключенных в сплошное мучение. Люди жили в палатках или землянках, на работу уходили рано утром и возвращались поздно вечером. Гигиена и обслуживание были практически сведены к нулю. Заключенные, исполнявшие трудовую повинность, практически не имели требуемого образования, что приводило к множеству несчастных случаев со смертельным исходом. Рабочий день мог длиться двенадцать, а то и шестнадцать часов, а это много даже по гулаговским меркам.

В своих воспоминаниях Евгения Гинзбург рассказывает один случай, произошедший на Колыме: одну сильно заболевшую женщину заставили выйти на работу. Через четыре часа женщина умерла. Позже в лагерях такое умерщвление трудом стало неписанным правилом.

Труд заключенных лагерей можно сравнить с крепостничеством царской России, только условия жизни и труда крепостных были все же получше. На «стройке века» человеческая жизнь не стоила и кубического сантиметра вынутого грунта. Смертность была необычайно высокой. Точную цифру назвать сложно. Только по официальным данным, из 130 000 заключенных, пригнанных сюда, погибли порядка 12 000 человек. Энн Эпплбаум указывает общее количество человеческих потерь в 25 000 человек. Британский историк, специалист по русской истории Орландо Файджес считает, что такое количество унесла с собой одна только первая зима. Некоторых заключенных пригнали с Соловков, других — из северных лагерей раннего ГУЛАГа, к примеру, из Архангельской области. Вдобавок к обычным группам заключенных — «блатных», «бытовиков»¹ — среди заключенных-каналармейцев появились исключенные из партии в конце двадцатых годов в результате чисток представители оппозиционных групп — «троцкистско-зиновьевского блока».

Смотришь на фотографии заключенных и никак не можешь отделаться от сравнения происходящего со строительством египетских пирамид: советские каналармейцы разве что одеты иначе, чем пригнанные на строительство пирамид для своих фараонов рабы, остальное же кажется полным безумием. Если же покажется, что труд выглядит слаженным, то стоит напомнить, что большая часть сохранившихся фотографий ГУЛАГа была сделана особистами

1. Осужденные за бытовые
маловажные преступления.

или специально нанятыми фотографами исключительно ради пропагандистских целей. Действительность представлялась куда суровой. Александр Солженицын сравнивает принудительный труд заключенных с крепостничеством в царской России, но приходит к мысли, что условия жизни и труда крепостных были все же лучше. Руководство ГУЛАГа постоянно указывало на низкую производительность труда, тогда как одной из определенных Нафталием Френкелем целей являлось повышение эффективности работы системы эксплуатации труда заключенных.

Строительство Беломорско-Балтийского канала расценивалось как гигантское для своей эпохи, но итог оказался несоразмерным экономическим и человеческим вложениям. Из-за сложности ландшафта пришлось пожертвовать глубиной и шириной русла канала, в результате чего, по иронии судьбы, он оказался слишком мелким и узким для крупных грузовых судов — тех, для перехода которых из одного моря в другое канал и задумывался. Изначальные планы так и остались недостигнутыми, и сегодня по каналу ходят только мелкие грузовые и пассажирские суда.

* * *

Кругом шумят деревья, из-за листвы доносится журчание воды. Музей и памятный знак остаются позади. Мы проезжаем мимо опустевших деревянных домов и новехонькой православной церкви. Дорога кочковатая, похоже, ее не раз закатывали в асфальт: из-под новых слоев здесь и там торчат старые. Неожиданно показывается вывеска: «Фотографировать запрещено!» Затем — обитая металлом будка охранника и бетонные ворота, за которыми лениво течет вода. Это шлюз номер два Беломорско-Балтийского канала. Мы поднимаемся на мостки над шлюзом и на-

чинаем разглядывать круговороты темной воды: тут не до фотографирования — в окошке будки виднеется тень человека.

Вот он: некогда самый известный в Советском Союзе и за рубежом, воспетый в гимнах бывший канал имени товарища Сталина. Одинокый, серый, с шириной русла менее пятнадцати метров, он охраняется больше для видимости, чем из необходимости — как будто присутствие охранника призвано доказать важность объекта. Собственно, он по-прежнему считается стратегическим объектом. Находясь на металлическом мостике, перекинутом через шлюз, можно понять отношение к вопросу расположенного менее чем в километре ниже по руслу директора повенецкого музея: хотя по современным меркам канал небольшой, движение по нему редкое, он, словно рана, рассекает суровые леса Карелии. Канал появился, чтобы остаться.

Над шлюзом мы проходим на другую сторону канала. Там на таком же песчаном берегу шумит точно такой же лес. А вот и супружеская пара — остановились насладиться пейзажем на небольшой парковке. Стоим еще немного на мостках. За то время, что мы провели здесь, так и не удалось увидеть ни одного судна. На север русло канала вытянулось неестественной прямой струной, на юге же открывается гладь Онежского озера.

Охранник стучит в окошко, мол, давайте-ка, граждане, не задерживаемся, продолжаем движение, здесь не на что смотреть.

Говорят, что в зимнее время не всегда удавалось собрать тела всех погибших на строительстве Беломорканала. Их оставляли без присмотра, а весной и с таянием снегов оказывалось, что вместо тел — уже обглоданные скелеты. Тогда останки просто бросали в бетономешалку — так каналармейцы нашли свое последнее пристанище в стенах канала.

ГУЛАГ В ИДЕАЛЬНОМ СВЕТЕ

В Повенце, как и в других местах России, нам не раз приходилось сталкиваться с чувством особой гордости, испытываемой людьми в отношении строительных объектов, реализованных силами заключенных, а то и всей системой лагерей. Тому есть объяснения. Еще в начале тридцатых годов, через десять лет после создания первых лагерей, ГУЛАГ открыто представляли как естественное достижение общества новой социалистической формации. Пресса горделиво хвалилась выстроенной системой, а лагеря подавались в качестве ответа на вызовы времени.

Сегодня трудно представить театральную пьесу о ГУЛАГе, но такая не просто была, но и пользовалась популярностью. В 1934 году комедия «Аристократы», созданная драматургом Николаем Погодиным, изображала в комическом ключе различные ситуации на строительстве Беломорканала. В ней «аристократами» именуются присланные на стройку уголовники и интеллигенты, поначалу отказывающиеся от работы, но после «перековки» в итоге понимающие, какую пользу они в состоянии принести себе и строительству социализма. В тот период ГУЛАГ представлялся публике как совершенно обычная тюрьма, хотя в лагерях уже сидело много невинно осужденных. Идея облагораживающего влияния физического труда была с самого начала основой идеологии системы, уже с 1920 года в употребление вошло словосочетание «исправительно-трудовой лагерь» — об исправлении говорилось, во всяком случае, до второй половины тридцатых годов. Непроста один из пропагандистских плакатов гласил: «Ударный труд — путь к досрочному освобождению!»

В действительности сложно оценить, насколько сильно лично Сталин и другие руководители Страны Советов в

действительности верили в облагораживающее значение труда — и было ли оно лишь пусканием пыли в глаза с целью обеспечить стройки века бесплатной рабочей силой и обосновать причины содержания сотен тысяч граждан в лагерях без каких-либо на то законных оснований. К процессу подключили пропаганду. Появился неологизм «перековка», им называли газету, издававшуюся на Беломорканале политическим управлением (ОГПУ). Возвеличивание труда являлось сутью пропагандистской риторики: взявшийся за кирку и лопату осужденный сумеет вместе с потом и кровью выгнать из себя даже самые малые попятывания к совершению преступлений и осознает ценность и значимость труда для государства и всей социалистической системы. Власть определила первоочередной задачей высечь из бесформенного человеческого материала настоящих советских граждан, и именно по этой причине в лагерях разрешалось публично говорить об облагораживающем влиянии трудовых и концентрационных лагерей на общество.

Потоки пропаганды вокруг ГУЛАГа ориентировались не только на общество, но и на самих заключенных, поскольку пропаганда рассматривалась как дополнительный способ воздействия. Во многих лагерях использовались громкоговорители, стены бараков украшались плакатами. Очень часто узникам лагерей приходилось собственными руками создавать эти велеречивые лозунги в честь угнетающей их системы. Идея перерождения, или «перековки», существовала до конца 1930-х годов, после чего ее похоронили вместе с гласным периодом существования ГУЛАГа. Администрация и охрана лагерей начали окончательно относиться к заключенным как к неисправимым «врагам народа». Существование лагерей стало секретным, а степень насилия в них превзошла все мыслимые пределы.

* * *

Сооружение канала стало показательной «стройкой коммунизма». Незадолго до завершения строительства в 1933 году туда с ознакомительной целью привезли группу из 120 писателей и журналистов. Перед ними стояла задача написать благостные эссе, романы и газетные статьи о ГУЛАГе. Фактически визит группы литераторов стал увеличенной во сто крат версией поездки Максима Горького на Соловки в 1929 году.

«Буревестник революции» не подвел и на этот раз. По итогам путешествия под общей редакцией Горького был издан увесистый труд «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина». В этой коллективной монографии 36 авторов в восхищенном тоне поведали об увиденном и услышанном на стройке. В дальнейшем неоднократно обсуждалось то, в каком объеме литераторы увидели действительность жизни «каналармейцев» и в какой степени они сами явились жертвами пропаганды. Однако совершенно очевидно, что Горький со товарищи осознанно оставили неосвещенным многое, что могло бы навредить репутации ГУЛАГа. Среди прочих канал посетил и финский коммунистический журналист Арво «Пойка» Туоминен вместе с одним из руководителей Советской Карелии Густавом Ровио. Позже в своих мемуарах «Кремлевские колокола» Туоминен напишет, что, встретив среди заключенных Белбалтлага одного финна, он начал сомневаться в том, что ИТЛ является лучшим способом вернуть на путь истинный сошедших с него граждан.

Прямо-таки настоящей издевкой можно считать появление папирос «Беломорканал», выпущенных табачной промышленностью СССР в период строительства канала. Они изготавливались из низкосортного табака, на лицевой

стороне пачки была изображена карта маршрута прокладки канала. Планировалось ли таким образом рассказать «каналармейцам» о значении их труда или же поведать гражданам огромной страны о гигантском проекте Сталина? С сегодняшней точки зрения все это кажется весьма странной шуткой. Папиросы производятся и продаются по сей день — только ли из ностальгических соображений? — ровно в такой же упаковке, как и в 1932 году, с картой и всеми условными обозначениями.

Суть пропагандистской шумихи вокруг Беломорканала заключалась в желании придать широкой огласке в Советском Союзе и остальном мире все положительное, что происходит в ГУЛАГе. Исторический каприз, не правда ли? Но он на руку всякому, кто занят исследованием следов ГУЛАГа. Если в сороковые о лагерях уже публично не распространялись, фотографии не публиковались, то в тридцатые их деятельность была открытой. В качестве фотографа на стройку наняли одного из самых известных фотографов своей эпохи Александра Родченко. Не будем лукавить: Родченко действовал не вполне добровольно и должен был постараться выполнить свое задание в нужном партии ключе, поскольку за ним водился грех — приверженность «формализму». Известный художник-конструктивист фотографировал заключенных и сам канал, сделанные им оттиски опубликованы как в книге Горького, так и в пропагандистском журнале «СССР на стройке». Многие наиболее известные фотографии Беломорканала принадлежат именно ему.

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

В СССР в лагерях сидело большое количество уголовников и прочих осужденных за грабежи и убийства. Понятно, что в связи с социальными потрясениями, пережитыми

обществом, количество их было велико. В отношении использования криминального элемента на принудительных работах ГУЛАГ не являлся чем-то исключительным: в тех же Соединенных Штатах ситуация разворачивалась похожим образом. Круг «блатных» держался на их собственной мифологии: их боялись и уважали за совершенные ими деяния, за силу и авторитет. В лагерях они находились на привилегированном положении. Но уголовники — это отдельная статья. В советских лагерях сидели миллионы безвинно осужденных или получивших приговор за такое «преступление», суть которого может быть объяснена только спецификой советской системы. Ничего подобного ранее не было.

Потребовались радикальные перемены в общественном устройстве. Одним из ярчайших проявлений реформирования страны на рубеже 1920–1930-х годов стала массовая коллективизация. В рамках сталинской системы крестьян заставили отдать свои наделы и собственность и влиться в гигантские колхозы. Это обеспечило государственный контроль над сельским хозяйством, но привело к его катастрофе. Урожайность упала, правительство начало проводить памятные со времен Гражданской войны продразверстки. В итоге в начале 1930-х на Украине и в Казахстане случился голодомор, от которого погибли до 3,5 миллиона человек, а во всем СССР до семи миллионов. Существует версия, что катастрофа была сознательно вызвана советским правительством с целью сломить сопротивление со стороны крестьян.

Одновременно с этим была начата кампания против зажиточного крестьянства — раскулачивание. Повсюду заговорили об уничтожении «кулака» как класса, хотя на этом этапе в России на селе уже не оставалось богатых крестьян, и кулаком мог стать всякий, кто владел лошадью или ко-

ровой. Кулаками также называли тех крестьян, которые отказывались переходить в колхозы. Их начали уничтожать десятками тысяч, в ГУЛАГ или в ссылку депортировали в общей сложности несколько миллионов человек. Вспыхнувшие в разных частях страны крестьянские бунты подавлялись армией и силами ОГПУ.

Презрительно названные кулаками крестьяне фактически являлись самой сметливой и предприимчивой частью сельского населения. Нередко их сдавали из личных побуждений, так как охота на кулаков предлагала рядовому коммунисту возможность присвоить себе все имущество зажиточного селянина.

Коллективизация и раскулачивание привели к гигантскому культурному перелому: старинные родственные и семейные связи ослабли, изменилось представление о добре и зле, о том, что правильно и неправильно, и это окончательно разрушало семьи, фактически поставив детей впереди их родителей. Человека начали оценивать не по семье или роду, а по его отношению к государству.

Постепенно сформировалась советская действительность, живущая по своим собственным внутренним законам, где понятия вины и отсутствия вины утратили всякий смысл. Родился новый идеологический и моральный порядок, исключивший для любого — не только для антисоветчика — шанс избежать задержания и последующей отправки в лагерь или на расстрел.

* * *

В ГУЛАГе «политические» никогда не составляли большинства. Их количество сохранялось на уровне от 2% до одной трети контингента, в зависимости от периода времени и характера лагеря, а за все время существования ГУЛАГа количество осужденных по политическим статьям состав-

ляло порядка 25—33% от общей массы. И только в Воркуте политических содержалось больше, чем уголовников.

Однако это не подразумевает того, что оставшиеся заключенные являлись преступниками в обычном понимании этого слова. Настоящие уголовники и рецидивисты составляли меньшую часть, были и «бытовики», и те, кто просто попал в жернова сталинского уголовного кодекса за мелкие правонарушения, например за опоздание на работу, что расценивалось как «дезертирство с трудового фронта», или за проживание без законных оснований. В лагерь могли отправить «за расхищение социалистической собственности» — давали большие сроки; за «хулиганство» — к нему приравнивалось пьянство; за «спекуляцию» — этим считалась, в принципе, любая частная торговля. Историк Олег Хлевнюк считает, что большая часть осужденных по неполитическим статьям являлась *де-факто* политическими заключенными государства.

Если уголовники знали, что сидят за противоправные действия, например за ограбление или убийство случайного прохожего, то невинно осужденные, как правило, не верили в происходящее и в вынесенный им приговор. Таково было восприятие родственников отправленных в ГУЛАГ членов партии. В своих воспоминаниях Айно Куусинен рассказывает, что первоначально, подобно другим, она тоже не могла поверить в свое задержание, а потом была уверена, что заключение не продлится долго. Узнав, в чем ее обвиняют, Айно попыталась выразить протест. Ответ следователя вскрывает простую и страшную логику ГУЛАГа:

«В начале допроса он мне объяснил, в чем суть советского судопроизводства.

— Вы знаете, чем отличается буржуазное судопроизводство от нашего? — спросил он.

Я не ответила, и он, подняв палец, пояснил:

— Буржуазный суд должен доказать, что обвиняемый виновен, а наш суд требует, чтобы обвиняемый сам доказал свою невиновность»¹.

1. Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов (воспоминания 1919–1965). Петрозаводск: Карелия, 1991.

Воспоминания остальных узников ГУЛАГа точно так же демонстрируют безнадёжную борьбу невинно осуждённых против тотальной власти. Евгения Гинзбург в разговоре с водителем «воронка» пыталась убедить его в своей невиновности. В ответ водитель воскликнул: «Конечно, вы невиновны! Неужели они дали бы вам десять лет, если бы вы были виновны?»² В искажённой системе ценностей «десятка», по мнению ее холуя, являлась доказательством невиновности.

2. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. Хроники времен культа личности. М.: АСТ, 2015.

Часть «политических» заключённых безропотно принимала свой приговор, словно наслаждаясь выпавшей им мученической долей. Люди придумывали совершенно немыслимые обоснования и причины тому, почему их отправили в лагерь. Обычно они думали, что случилась невероятная ошибка или что они стали жертвой тайного сговора, и что все остальные как раз-таки виновны. Многим казалось, что как только Сталин узнает о том, в каком чудовищном положении они оказались, то их сразу освободят. Так что «великий вождь» получал огромное количество писем, где лагерники пытались доказать свою невиновность, надеясь на освобождение. Кстати, после смерти Сталина многие сидевшие в ГУЛАГе вместо надежды пережили страх — ведь умер тот единственный, кто знал об их невиновности, а теперь их судьбы окажутся в руках кровожадных палачей. Были и такие идеалисты, которые верили в неизбежность

законов истории, что они избраны страдальцами, которым следует пожертвовать своей жизнью во имя окончательной победы коммунизма.

ЛАГЕРНЫЙ «ХИЛТОН»

Город Медвежьегорск располагается в Республике Карелия на северной оконечности Онежского озера. Здесь проживает немногим более 15 000 человек, в свое время город был центром Беломорканала и важным транспортным узлом, через который прошли сотни тысяч заключенных.

Ветер с озера гонит весеннюю прохладу в центр города, застроенный деревянными и каменными домами. Тучи расходятся. Теплеет. пляж в конце широкой улицы Горького выглядит как на рекламном плакате турагентства: из белого песка к небу вознеслась сосна, к ней прислонилась девочка с книгой в руке, волны лениво набегают на камни. На залистом солнцем берегу торчит одинокий ржавый кран. Если провести взглядом по береговой линии в сторону Повенца, в небольшой бухточке виднеется идиллический коттеджный поселок «Малая Медвежка».

Может показаться, что так было всегда: непритязательно и красиво, на лоне природы, которую нельзя испортить никакими сетевыми гипермаркетами. Мы возвращаемся обратно по улице Горького до перекрестка на Дзержинского и сворачиваем направо. Перед нами возникает загораживающий все пространство серый колосс в духе сталинского ампира. В центре здания — нелепая башня. От комплекса веет угрозой. Самое большое и самое известное здание во всем Медвежьегорске — здесь в 1930-х годах располагалось управление Белбалтлага и гостиница для администрации и всех прибывающих на территорию важных персон. Расположение Медвежьегорска неподалеку от центральной части

канала делало это место удобным для проживания. Лагерь перемешался по мере строительства русла канала, а администрация проводила здесь большую часть времени, периодически посещая стройку.

Мы обходим бывшую гостиницу управления канала. В ее задней части располагается офис охрannого агентства, а на площади перед зданием открыт небольшой рыбный рынок; в киоске продается неизменная шаурма. Можно предположить, что в этой гостинице было весьма комфортно: фонд из более чем сотни номеров предназначался для 400 человек одновременно. Здесь же имелись просторная столовая с окнами до самого потолка, роскошный ресторан для индивидуальных мероприятий, бильярдная и, конечно, бани и купальни. В хороший день из застекленной башни можно было в бинокль разглядеть строительство канала.

Сейчас же здание опустело и напоминает некое доисторическое существо. Краска на стенах потускнела и облупилась. На нижнем этаже в северном крыле бывшей гостиницы действует Медвежьегорский историко-краеведческий музей.

* * *

«Так значит, вы интересуетесь каналом?» — с порога уточняет директор музея Сергей Колтырин. Отвечаем утвердительно и подчеркиваем, что нас интересует отношение канала к ГУЛАГу и его состояние на сегодня. «Тогда вы обратились по адресу», — отвечает директор и ведет нас в кабинет.

В медвежьегорском музее царит несколько иная атмосфера, чем в повенецком: здесь нас тепло принимают, а экспозиция музея — это видно — создана с большим усердием и на солидные средства, что не совсем обычно для

музеев, имеющих отношение к лагерной истории Советского Союза. Из центрального зала мы выходим в коридор, по которому когда-то ходили инженеры и сталинские архитекторы ужаса. Проход недавно переоборудован: он построен в форме канала таким образом, что импровизированные шлюзы отделяют части экспозиции одну от другой.

Проект создан в рамках международного проекта «Музейный гипертекст», что объясняет уровень его реализации. С явной гордостью Колтырин демонстрирует новехонькие планшеты и интерактивные доски — в общем, не без повода, ибо экспозиция действительно поражает качеством исполнения. Особую важность представляют охват и критический взгляд на историю раннего ГУЛАГа.

Один из четырех залов музея посвящен каналу и эпохе ГУЛАГа. На стенах и в витринах размещены те самые предметы, с которыми мы не раз встретимся в ходе нашего путешествия по архипелагу советских лагерей, — здесь флаги и плакаты, портреты Ленина, колючая проволока, решетки с окон бараков, карта ГУЛАГа... А вот под стеклом лежит раскрытая книга: это та самая книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», изданная под общей редакцией Максима Горького.

Директор рассказывает об этапах формирования системы ГУЛАГа, демонстрируют обнаруженные предметы: ложки, жестяные миски, лопаты и т. д. У стены — громоздкая самодельная тачка: на подобных вывозили отколотые глыбы.

Музей без прикрас демонстрирует всю чудовищную несправедливость наказания за совершенные или несовершенные отправленным сюда человеком преступления; перековать зэка на таких работах было невозможно, а вот замучить до смерти, а то и убить — вполне. Экспозиция

напоминает, что Беломорканал составлял лишь малую толику исполинского архипелага ГУЛАГ, раскинувшего свои щупальца по всей стране, проникшего во все сферы жизни граждан — сначала тайно, а затем в открытую, не скрываясь.

В Медвежьегорском районном музее просматривается общая для России и для местных и не вполне осознанная точка зрения: если где-то возникала потребность в трудовых ресурсах для возведения какого-либо мегаломанского объекта, на стройку века всякий раз отправляли заключенных, поскольку более дешевого труда не существовало. Иными словами, история ГУЛАГа везде преподносится как фактор реализации важнейших проектов, и получается, что он важен как таковой, а реализованные проекты — второстепенны.

Сергей Колтырин приглашает пройти дальше. В этом небольшом музее — не только история лагерей. Есть и этнографический зал, где представлена типичная для российских краеведческих музеев диорама, изображающая карельскую избу конца XIX века. «Ну вот, взгляните-ка», — говорит директор, беря что-то в руку. Оказывается, это пластиковый муляж «калитки» — известного карельского пирожка из ржаного теста с начинкой.

Экскурсия закончилась. Возвращаемся «по каналу» в вестибюль музея. На обратном пути замечаем бюст Сталина в витрине. У вождя сломан нос, словно Иосифу дали в морду.

Мы прощаемся. На кассе продаются всякие безделушки, как во многих других музеях. Тут и магнитик на холодильник в форме пачки «Беломорканала», и еще один с изображением лагерного управления — ГУЛАГ стал сувенирной продукцией. Через пару лет после нашего посещения музея в одной из газет мы прочитали новость, повергнувшую

нас в шок: руководитель районного краеведческого музея Сергей Колтырин задержан по подозрению в педофилии. А до того за аналогичное преступление задержали еще одного активиста общества «Мемориал» — историка и правозащитника Юрия Дмитриева, долгие годы занимавшегося расследованием сталинских преступлений. Сложно уложить в голове то, что люди, посвятившие всю жизнь поиску правды о заключенных ГУЛАГа, оказались склонны к подобным правонарушениям. Либеральная российская общественность предполагает, что дела эти сфабрикованы, а посадки имеют политический контекст.

ТАИНСТВА ПРИГРАНИЧЬЯ

Помимо Соловецкого лагеря и Белбалтлага, в Советской Карелии функционировал целый ряд других тюрем и трудовых лагерей, находившийся в подчинении ГУЛАГа. До Второй мировой войны вся территория республики считалась важным регионом с точки зрения изоляции заключенных и принудительного труда.

По мере строительства Беломорканала система, обеспечивавшая сосуществование труда и лагерей, развивалась и ширилась. Часть квалифицированных рабочих из заключенных, занятых на земляных работах и в строительстве, перевозили отсюда прямо на строительство канала Москва — Волга. Остальных отправили под Сегежу, где они сменили лопаты на пилы. Сегежлаг находился приблизительно в ста километрах севернее Медвежьегорска. По части лесозаготовок у Сегежи было несколько преимуществ: город окружен непроходимой карельской тайгой, располагается непосредственно на Мурманской железной дороге, из его порта на Выгозере можно водными путями пройти до Беломорканала, что обеспечивало бесперебойность поставок леса и

пиломатериалов. В Сегеже силами заключенных возвели жилые дома, и город расцвел исключительно благодаря наличию исправительно-трудовой системы.

Как бы это дико ни звучало, но ГУЛАГ, подобно концлагерям нацистской Германии, также приносил выгоду тем регионам, где располагались его лагеря: из центра осуществлялись финансовые вливания, направлялись по разнарядке вольнонаемные работники, а освободившиеся зэки оставались на поселении. Пульсировала сталинская инновационная мысль: государство зарабатывало огромные деньги. Благодаря ГУЛАГу выросли целые города, что объясняет, почему соседство с лагерями было делом привычным, а сама лагерная система распространилась на всю страну. В Сегеже по-прежнему работает целлюлозно-бумажный комбинат — самый крупный в России, и он тоже построен руками заключенных. Тюремные и лагерные традиции и поныне живы в Сегеже: в северной части города работает ИК-7, куда в 2011 году перевели олигарха Михаила Ходорковского, через два года вышедшего по амнистии.

* * *

Более удачное место, чем Карелия, для ГУЛАГа было сложно найти. Территория редко населена, но по сравнению с Сибирью находится вблизи центральных городов Советского Союза — Ленинграда и Москвы. Имелись также хорошая автомобильная или железнодорожная сеть и возможности для их дальнейшего развития. Единственным осложняющим фактором была финляндская граница, проходившая на тот момент значительно восточнее нынешней, и это являлось серьезным фактором, препятствовавшим созданию множества лагерей вблизи границы с другим государством.

В Финляндию устремлялись те, кому все же удавалось сбежать из находившихся на северо-западе России лагерей. Среди беглецов одни были гражданами СССР, другие — Финляндии. Из последних наиболее известен Тауно Флинкман, автор книги «Четырежды в бегах. Воспоминания о 22 годах тюрьмы в СССР»¹. Об одной из попыток Флинкмана сбежать рассказывается в антологии под общей редакцией Эрkki Веттенниemi «Финны в архипелаге ГУЛАГ»².

Благодаря тем, кому удалось бежать из Беломорканала и Сегежлага, на Запад постепенно начала просачиваться информация о тяжелых условиях содержания заключенных в СССР. Если из Сибири или из лагерей, расположенных в арктической зоне, сбежать было практически невозможно, то в Карелии, если только осужденному удавалось выбраться, все же можно было тайными тропами дойти до границы, перебраться через нее и остаться в живых. Невероятную шумиху вызвала опубликованная в 1926 году в Лондоне книга С. А. Мальсагова «Адский остров: советская тюрьма на далеком Севере» — ее автор был одним из тех, кому удалось бежать и уйти через границу в Финляндию. Увы, после окончания Второй мировой войны Финляндии, согласно двусторонним соглашениям, пришлось вернуть в СССР некоторых бывших заключенных ГУЛАГа, хотя дальнейшая их судьба была очевидна. Многие впоследствии бесследно исчезнувшие до своего возвращения успели рассказать на допросах официальным представителям финских властей историю своей жизни, что позволило приоткрыть завесу секретности над советскими лагерями.

1. Flinkman, Tauno: *Neljästi karkuteillä: muistelmia 22 vuoden vankeusajalta Neuvostoliitossa*. Tammi 1957.

2. Vettenniemi, Erkki: *Suomalaisia vankileirien saaristossa*. Art House 2002.

Географическая близость Финляндии приводила к тому, что пропагандисты НКВД выносили арестованным весьма необычные обвинения. Например, нескольких лиц обвинили в создании преступной группы, планировавшей перенос государственной границы на восток, что позволило бы Финляндии захватить Беломорско-Балтийский канал! Разумеется, всем им накинули по несколько лет лагерей, что, собственно, неудивительно. В 1930-е на фоне обострения международной обстановки и роста угрозы приближающейся войны руководство ГУЛАГа начало направлять карельских заключенных на возведение оборонительных сооружений. В период Второй мировой войны большую часть карельских лагерей эвакуировали, и заключенные уже никогда не вернулись в прежние места.

В Карелии после войны деятельность ГУЛАГа была сведена к нулю, и это несмотря на то, что именно в тот период система приобрела свой наивысший размах. Лишь в районе Сегежи заключенных продолжали использовать на лесозаготовках, хотя и в значительно более скромных масштабах. Опыт карельских лагерей был передан дальше, и архипелаг продолжил простираť свои корни в глубь страны.

ЛЕС ПОМНИТ

Во двор церкви, точно по заказу, въезжает такси, хотя его мы не заказывали. На секунду даже почудилось, что копание в лагерном прошлом рождает в местном населении подозрительность и приступы паранойи: мол, охранник из будки, желая отправить нас подальше, сам вызвал такси, заметив наши попытки прорваться через задний двор церкви на край канала с фотоаппаратом в руках. Однако

нет. Из машины выходит женщина и направляется в церковь. Мы машем таксисту рукой, садимся и просим отвезти в Повенец.

Машина выруливает на дорогу, и шлюз №2 Беломорско-Балтийского канала начинает медленно таять в зеркале заднего вида. Ехать недалеко. В 1997 году представители общества «Мемориал» под руководством Юрия Дмитриева изучили лесной массив между Повенцом и Медвежьегорском. Имелись некоторые предположения, что там могут быть обнаружены места массовых казней сталинской эпохи. Так и случилось: сначала в одном, затем — в другом и третьем провале (в общей сложности их найдено более двухсот) поисковики обнаружили более десяти тысяч расстрелянных. Через четверть часа такси останавливается в урочище Сандармох.

Если говорить о произведенных в Карелии «чистках», то Сандармох во всей своей трагичности стал знаковым местом, ценным памятником безвинно убиенным. Тени вырастают в лучах вечернего солнца, они разносятся по сторонам, размазываются по кочкам. Здесь красиво, но повсюду в воздухе разлита печаль. В свете начинающегося лета раскинувшийся на семи гектарах сосновый бор похож на зловещий заколдованный лес: то здесь, то там торчат из земли полусгнившие и проржавевшие кресты. На стволах деревьев едва просматриваются выцветшие упоминания о тех, чей земной путь оборвался в этом месте. Кругом все усеяно яркими искусственными цветами.

У входа — гранитная глыба с надписью «Люди, не убивайте друг друга», изготовленная руками петрозаводского архитектора Григория Салтупа. Неподалеку стоит православная часовня, а также множество мемориальных знаков, воздвигнутых здесь официальными властями, общественными организациями и родственниками погибших.

Сандармох стал местом последнего упокоения расстрелянных заключенных Соловецкого лагеря, строителей Беломорканала, обычных жителей советской Карелии. Здесь похоронены тысячи бежавших в Россию «красных» финнов и так называемых американских финнов — этих идеалистов, переехавших из-за океана в Карелию на рубеже двадцатых-тридцатых годов прошлого века, чтобы строить «карельское Эльдorado» — светлое общество будущего. Имена всех уничтоженных здесь до сих пор не выяснены, и вряд ли это когда-либо станет возможным. Жертв везли сюда в сумерках на грохочущих грузовиках, а до гибели их, стоящих на краю расстрельной ямы, принуждали раздеваться до исподнего. Массовые казни являлись частью кровавого Большого террора конца тридцатых годов, поразившего все советское общество. Это видно по именам: в Сандармохе покоятся останки представителей более чем шестидесяти национальностей. Среди расстрелянных были и те, кто тянул свой первый срок, и те, кому лагерь был знаком не понаслышке. Иногда казнили по несколько человек, случалось, расстреливали десятками, а то и сотнями.

Мы бесцельно бродим по протоптанным тропинкам. Запах влажной земли вызывает ощущения откуда-то из детства. Среди березовых ветвей проглядывает сваренный из двух кусков трубы простой металлический крест, напротив — массивный монумент в память расстрелянных здесь выдающихся украинских деятелей науки и культуры. Эстонцы воздвигли здесь свой монумент, у грузин их даже два, к одному дереву прикреплен керамический флаг Финляндии. По русской традиции ко многим крестам прикреплены эмалированные фотографии покойных — кажется, будто они провожают взглядами все наши движения.

Мы возвращаемся на песчаную площадку перед входом, где нас поджидает таксист. Он курит сигарету за сигаретой и не слишком интересуется тем, что находится за парковкой. У него свои заботы, своя сегодняшняя жизнь. Или он просто бывал здесь слишком часто.

* * *

Сандармох — это самое известное и самое большое массовое захоронение в Республике Карелия, хотя далеко не единственное. В разных частях республики обнаружены захоронения поменьше. Подобно лагерям и памятникам Большому террору, они находятся на отшибе и малоизвестны населению.

На один такой могильник мы наталкиваемся почти случайно, выезжая из Петрозаводска. В год, когда обнаружили Сандармох, нашли и Красный Бор — место массовой казни на выезде из Петрозаводска в южном направлении. Территория здесь небольшая: в песчаном грунте могилы покоятся «всего» чуть более тысячи человек. Для финнов это место особой важности, поскольку более половины жертв имеет финское происхождение. Так же, как и в Сандармохе, их уничтожали по разнарядке начиная с осени 1937 года.

В воздухе разносится аромат расцветающей весны. Сквозь серую массу туч прорываются лучи света, начиная вытягивать растения из земли. К березе прислонилась деревянная скамейка. Кто-то разрезал пластиковую бутылку и поставил донышко в качестве пепельницы рядом со скамейей. На ней сидели не раз, поминая умерших по местному обычаю — закуривая, разливая водку и закусывая. Раньше здесь был пустырь, а сейчас кругом шумит сосновый бор. На каждом дереве табличка с именем и фотографией. Чуть

поодаль — мемориальный камень с надписью «Жертвам политических репрессий». И годы: 1937—1938.

Кругом практически никаких следов: в последнее время в Красном бору не проводилось поминальных мероприятий. Здесь нет часовни, территория массового захоронения кажется наполовину заросшим старым кладбищем. Сосны вздымаются к небу, затеняя землю. Птицы молчат, молчат и белки, которые только что неслись впереди нас по тропинке.

Когда мы возвращаемся на главную дорогу, сквозь деревья опять блестит Онежское озеро. Примерно в этом районе вышедшие из Белого к Балтийскому моря суда, уже осилившие канал имени Сталина, проходят половину пути. Мы оставляем позади знакомую и в то же время чужую Республику Карелия.

ГЛАВА III

ОТКРЫТИЕ СЕВЕРА

ЛАГЕРНЫЙ КОЛОНИАЛИЗМ

Сибирь считается родиной ГУЛАГа. Она служила местом ссылки неугодных с царских времен — традиция существовала издавна. Но все же архипелаг исподволь расширял свои пределы, медленно проникая в зону вечной мерзлоты. На север ГУЛАГ распространился главным образом потому, что необходимость в подневольном труде все время возрастала: шахты, лесозаготовки и строительство инфраструктуры — все требовало непомерного труда, однако мало кто по собственной воле готов был отправиться в богом забытую ледяную глушь. Север считался удобным местом для содержания заключенных: сама мысль о возможности бегства человека, тянущего свой срок на расстоянии многих тысяч километров от центра страны, была, мягко говоря, безумием.

Уже тогда было известно, что арктические владения Советского Союза таят в себе неисчислимые богатства, требуемые для индустриализации страны, в том числе нефть, каменный уголь, руды различных металлов, однако их добыча и транспортировка казались невероятно сложными. С точки зрения логистики управление лагерей сталкивалось с теми же проблемами, что и на Беломорканале, только в

куда больших масштабах: все, от рельсов до шахтных тележек, приходилось изготавливать руками заключенных, профессиональная подготовка которых порой оставляла желать лучшего.

Несмотря на все сложности использования принудительного труда на Севере, подобная практика продолжалась до конца 1950-х годов. Экономическая целесообразность не всегда гарантировалась, но систему приходилось поддерживать, потому что, кроме необходимости добычи сырья, государство испытывало навязчивое желание колонизировать периферию и распространить свое влияние повсеместно. Исследователь Дэниэль Бир считает, что царская Россия и Советский Союз в равной степени стремились доказать свою имперскую власть путем перекачивания огромных человеческих масс из одного места в другое. «Открытие Севера», как и насильственное заселение и индустриализация северных территорий, стало в 1930-е годы символом государственной мощи страны. Большую часть бессмысленных страданий от реализации проектов, разумеется, взвалили на плечи заключенных. Скудость питания, недостаточная материальная база, жилье в бараках и отвратительное медицинское обслуживание в наихудшей форме проявились именно в условиях севера.

Расчет был на то, что после освобождения заключенные откажутся возвращаться домой, останутся, что автоматически распространит экспансию страны на эти районы. Самыми известными из десятков сохранившихся населенных пунктов и городов, рожденных ГУЛАГом, являются Воркута и Норильск. Фактически, расширяя систему лагерей, Советский Союз воплощал континентальную колониальную политику: большая часть пустующих территорий покрывалась гулаговскими объектами, затем появлялись переселенцы из числа представителей гражданских профес-

сий. Начало было положено в царское время, но теперь процесс освоения простирался далеко за полярный круг. Лагерь производили сырье, на удаленных территориях создавались современные условия жизни для желающих переселиться свободных советских граждан. Каким бы безумным ни был проект, одно совершенно ясно: следы граничащих с безумием проектов на Севере видны повсеместно.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ В БЕРЛИНЕ

Наше путешествие на север России продолжается, на этот раз — в плацкартном вагоне. Кто из россиян не знает, что такое романтика плацкарта? Полки в три ряда в импровизированных купе, а напротив еще вдоль окна три ряда... Постепенно и мы вливаемся в сообщество плацкартного вагона. В России путешествие длится долго, и западному путешественнику невольно приходится привыкать говорить о себе во множественном числе — «мы» — и даже ощущать странную пустоту, когда чистишь зубы в туалете.

Ночью не спится: мысли переполнены картинками перевозок заключенных ГУЛАГа. Совершенно чужие друг другу люди лежат полуобнаженные бок о бок и поперек, словно сельди в бочке. По сравнению с ними у нас хоть есть спальные полки, свежие простыни и туалет, предоставленные железнодорожной компанией, а вот девяносто лет назад были только теплушки или вагоны для скота, где нужду справляли сквозь дырку, проделанную в дощатом полу. Поутру из окошка открывается знакомый северорусский пейзаж: бледные березы по краям железнодорожного полотна уже покрылись нежной листвой, за ними степной возвышается хвойный лес. Пронесется мимо болота, наполненные сиянием реки, снег, лежащий в низинах. В вагоне-ресторане поезда звучит громкая музыка в вос-

точном вкусе. На календаре 9 мая: Россия празднует День Победы.

После полутора суток пути перед нами возникает первый населенный пункт — ничего особенного, обычная сортировочная станция, свежоштукатуренное здание вокзала, но в этой глуши по местным меркам оно кажется огромным. На новенькой вывеске надпись: «Котлас». Из Котласа на поезде можно проехать дальше в Воркуту, затем в Лабитнанги, что в Ямало-Ненецком автономном округе, и дальше — вплоть до газовых месторождений Ямала. Железнодорожная колея — это своеобразный памятник ГУЛАГу, ибо часть из них проложена руками заключенных, равно как и часть зданий в самом Котласе. Репрессированные по политическим статьям и «указники»¹ построили здесь и огромный железнодорожный мост, но он не сохранился.

1. Осужденные по указам Президиума Верховного Совета СССР — в том числе по указу 7 августа 1932 года (известен как «Закон о трех колосках»), за прогулы, невыработку трудодней и т.д.

* * *

Сам город раскинулся на большой территории, хотя численность его населения составляет немногим более шестидесяти тысяч человек. В основном он застроен бетонными монстрами советской поры, из старых деревянных зданий практически ничего не осталось. Город не похож на оазис зажиточности.

Идем практически наугад в сторону городского порта. Странно, вроде бы мы еще не уезжаем, по воде вообще не уехать до лета, но через десять минут своего пребывания в городе вдруг начинаешь понимать, почему он в тридцатые годы был выбран одним из центров ГУЛАГа. Здесь сходились железные дороги, городской порт же располагается неподалеку от места слияния Двины с Вычегдой. Получается,

что с точки зрения логистики Котлас находится в идеальном месте — между центром Советского Союза и редконаселенным Заполярьем. Сейчас в порту тихо, только грохочет дискотека в местной гостинице, где идет настройка звукового оборудования.

Направляемся в центр города в поисках гостиницы. Кругом на удивление безлюдно, в особенности учитывая, что сегодня День Победы. Такое ощущение, что московская горячка подготовки к празднику за проведенное в поезде время сменилась на тяжкое похмелье, и единственным праздничным местом будет дискотека на берегу — все туда и направятся, а может, местным просто неинтересно праздновать, — собственно, ничего удивительного. Многие из встреченных нами жителей Котласа, начиная от водителя такси и заканчивая продавщицей в вечернем магазине, начинают сразу рассказывать, как тяжело в городе: ни работы, ни денег... Не то что при Сталине!

Совершенно невероятно, но во многих местах, где раньше располагался ГУЛАГ, культ Сталина вновь обретает силу. В таких городах, как Котлас, где с развалом Советского Союза исчезло множество предприятий и произошел отток населения, многие испытывают ностальгию по эпохе, когда, с их слов, везде царили дисциплина и порядок, людям хватало работы и еды, а Россия была великой — и время это ассоциируется со Сталиным и ГУЛАГом. Вот и здесь по главной улице мимо нас проезжают фиолетовые «Жигули», на заднем стекле которых красуется здоровенная наклейка «Сталин!».

Парадокс истории: будущий архитектор ГУЛАГа Сталин в 1909–1910 годах находился в ссылке приблизительно в двадцати километрах от Котласа, в Сольвычегодске, где находится единственный в России «Музей политической ссылки» (ранее — музей И. В. Сталина). Условия прожива-

ния радикального большевика, отправленного сюда по политическим причинам, были несколько иными, чем позже у заключенных ГУЛАГа. Сталин жил в относительной свободе, ходил в лес без сопровождающего. Среди местных особ женского пола у него были две любовницы, одну — одеситку из аристократок — он даже для приличия позвал замуж, правда, скоро позабыл. Будущий «вождь народов» довольно быстро пресытился тихой сельской жизнью и решил сбежать обряженным в традиционный женский сарафан. Его быстро задержали и вернули обратно в Сольвычегодск. А вот Ленин отправился в сибирскую ссылку с женой, тещей и обслугой. Пока женщины хлопотали по хозяйству, Владимир Ильич сосредоточенно работал над созданием будущей классики марксизма-ленинизма. По сегодняшним меркам условия пребывания Ленина в ссылке можно приравнять к туристическому комфорту среднего класса. Он тоже любил ходить в лес и даже заказал себе для этого в Шушенском специальные рукавицы.

Гостиницу мы находим неподалеку от уже знакомых военных мемориалов и памятника Ленину. Устроившись, отправляемся на прогулку, чтобы посмотреть на Котлас поближе.

* * *

В начале 1930-х годов Котлас еще не имел железнодорожных путей, построенных подневольным трудом, но город уже являлся центром трудовых лагерей, специализировавшихся на лесозаготовках. Как и Республика Карелия, Архангельская область была покрыта бескрайними девственными лесами, имелись отличные возможности вывоза древесины. Когда в период наиболее бурной коллективизации, пришедшейся на период 1928–1932 годов, не менее двух миллионов зажиточных крестьян были вы-

везены с насиженных мест в глухие или малообжитые места на спецпоселения, многие тысячи направили сюда на лесоповал.

Депортации кулаков осуществлялись в кратчайшие сроки без суда и следствия. Пропаганда трубила о «паразитах», которых следует уничтожить, для чего всячески поощрялось доноительство. Пожалуй, одним из самых известных случаев стал пионер-герой Павлик Морозов, выдавший своего отца-кулака властям. Советская пропаганда называла его «юным защитником социализма» и воспользовалась историей в полной мере. Отца Павлика Трофима обвинили в укрывательстве зерна, отправили в трудовой лагерь и позже расстреляли.

По словам Энн Эпплбаум, депортации кулаков и тюремные заключения способствовали заметному росту и стабилизации советской тюремно-лагерной системы в начале 1930-х. Сосланных в основном везли в Сибирь или в Центральную Азию, а также в Заполярье. И в Котласе они были привычным зрелищем. В лагерях и на поселении умерли в начале 1930-х годов в общей сложности около 400 000 кулаков и примерно столько же могло погибнуть при переселении.

В ходе кампании против кулачества котласский лагерь разросся, и вскоре туда начали свозить другие категории заключенных; лагерь продолжал расширяться. Кроме того, вокруг Котласа было создано несколько насильственно заселяемых деревень, что особенно усилилось с наплывом переселенцев из Прибалтики и Польши в период с 1939-го по 1940 год, когда из этих регионов начали поступать пленные. Деревни не были лагерями для военнопленных, они не охранялись, однако положение насильно перевезенных людей мало чем отличалось от положения заключенных. Уровень

смертности в отдельных деревнях был почти таким же высоким, как и в лагере.

Айно Куусинен вспоминает: «В Котласе помню только бесконечные зоны, где заключенные ждали отправки на Север. Лагеря назывались зонами, в них содержались тысячи заключенных, в основном мужчин. Несколько зон предназначалось для женщин, там я познакомилась со многими женами советских высших руководителей. Преступление этих женщин состояло в том, что они не заявили в органы о «злодеяниях» своих мужей». А вот широкая панорама, описанная Александром Солженицыным: «Напряженной и откровенной многих была Котласская пересылка. Напряженнее потому, что она открывала пути на весь европейский русский Северо-Восток, откровеннее потому, что это было уже глубоко в Архипелаге, и не перед кем хорониться».

Изначально лагерь в Котласе создали в 1931 году для раскулаченных, но с появлением здесь осужденных по другим статьям Котласлаг начал разрастаться. Вокруг города создавались населенные пункты, куда начали доставлять репрессированных; очередная волна заключенных пришла на период 1939–1940-х годов после раздела Польши и аннексии Советским Союзом Прибалтики. Означенные населенные пункты не являлись концентрационными лагерями в прямом смысле слова — их никто не охранял, однако положение переселенцев не слишком отличалось от положения обычных заключенных. В 1939 году начался широкомасштабный проект, позволивший в полной мере использовать удачное расположение Котласа и многих тысяч размещенных здесь заключенных. Именно тогда Советский Союз в буквальном смысле слова решил «открыть» расположенные с запада Уральских гор арктические территории для проживания, промышленности и производства

сырья, что автоматически означало создание в регионе сети лагерей и колоний, строительство железнодорожной ветки. Котлас стал центром и инструментом в реализации задуманного.

Подобно Перми в Сибири, Котлас стал воротами ГУЛАГа на север страны. Из местной «пересылки» осужденных перебрасывали на необжитые земли вплоть до самой тундры, часть оставляли в самом Котласе для работы на стройках. Но поскольку город к тому времени уже имел определенную историю, следы лагерного прошлого в нем не столь очевидны. Возникнув на Соловках и Беломорканале, архипелаг, подобно опухоли, начал распространять метастазы в глубь тела страны.

* * *

Под вечер на берегу Двины мы наталкиваемся на выпивающих местных гопников. Вот уж точно: всяк празднует День Победы по-своему. Киваем им слегка — так, на всякий случай. В ответ раздается презрительное «мигранты». Сложно сказать, как они так сразу поняли, что мы не местные. Отправляемся обратно в центр поужинать. В ресторане уже пир горой, как и полагается по доброй русской традиции, правда, мероприятие напоминает больше день рождения, чем «красный день календаря».

После ужина возвращаемся в наш скромный, но комфортабельный гостиничный номер. Из окна открывается вид на площадь Ленина. Парад закончился. Пустынно. Любитель спагетти-вестерна мог бы с легкостью представить катящееся на ветру перекасти-поле. По телику показывают вереницу старых военных фильмов, где простой русский парень представлен в образе непритязательного героя, а офицеры строги, но честны. Мы решаем, что нам нужно

хоть как-то отметить знаменательную дату. Отправляемся в город.

Пожалуй, идти обратно на гостиничную дискотеку не стоит, а лучше подыскать в центре местечко, где можно опрокинуть стаканчик-другой. Кто-то из местных подсказывает нам подходящее место — непримечательный магазинчик, где наливают пиво навынос. Для вида установлена пара пластиковых столов, чтобы было похоже на пивнушку, где алкоголь можно продавать после десяти вечера, а то и всю ночь. Кроме нас, здесь пара человек и простуженная продавщица. Никакого тебе праздничного настроения. Берем пиво, усаживаемся за колченогий стол. Поднимаем пластиковые стаканы и чокаемся. По иронии судьбы заведение называется «Берлин». В этот день семьдесят с лишним лет назад Германия подписала акт о капитуляции.

МОГИЛЫ ЗАБЫВАЮТСЯ

Котлас был своего рода складом, а на складах нередко случается недостача. Тысячи осужденных — иногда месяцами — в ужасающих условиях ожидали этапирования к месту назначения. Одна из них — жена Отто Вильгельмовича Куусинена Айно — рассказала о том, как на зоне в Котласе повстречала финских женщин из Петрозаводска, чьи мужья уже были расстреляны. Вместе они стали свидетелями чудовишной, но при этом ставшей привычной казни: «Внутри зоны мы имели право перемещаться свободно, а за оградой ходили охранники с собаками. Однажды охранники стали что-то строить перед самым нашим окном. Через два дня строение было готово — это оказалась небольшая башня. Выстроена она была прочно, из хорошей древесины. Окон не было, лишь очень плотная дверь. Наверху, у крыши, находилось отверстие сантиметров в пят-

надцать, забранное крепкой железной решеткой. Мы каждый день следили из окна, гадая, для чего эта башня. Когда все было готово, конвоиры ввели в нашу зону группу молодых парней, лет двадцати или моложе. На них были только рваные трусы. Их заставили войти в башню, дверь заперли. Солдаты поставили прямо перед нашим окном водяной насос, пропустили длинный шланг через решетчатое окно и стали качать в башню воду из ближайшего пруда. Они гудились изо всех сил. Мы слышали, как парни кричали: «Откройте!» Насос работал безостановочно, крики становились громче: «Хватит качать! Вода уже выше колена. Уже по пояс... перестаньте!.. остановитесь!.. выпустите воду! — Вода по горло, мы захлебываемся...»

Но солдаты, не обращая внимания на крики, продолжали качать, пока не стало тихо. Мы с ужасом переглядывались. Прошло много времени, и дверь открыли. Из башни хлынула потоком вода, она вынесла во двор трупы. Солдаты их унесли, а вода ушла в землю. Лагерная жизнь продолжалась»¹.

1. Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов (воспоминания 1919–1965). Петрозаводск: Карелия, 1991.

Известного карельского поэта Ялмари Виртанена, воспевавшего в своих произведениях Ленина и Великий Октябрь, тоже постигла печальная участь в Котласской пересылке.

В начале 1930-х в северных колониях-поселениях смертность достигала такого же уровня, как и в лагерях: погибли по меньшей мере четыреста тысяч кулаков и членов их семей. Многие из погибших в Котласе до сих пор лежат здесь неопознанные, чаще всего без гробов, в общих ямах. Тех, чьи тела удалось обнаружить, перенесли в место последнего упокоения в общих могилах.

Мы садимся в такси и направляемся к мемориальному кладбищу жертв политических репрессий «Макариха». Тер-

ритория поросла сосновым лесом, на краю дороги установлены памятные знаки и мемориальные доски в память о безымянных жертвах репрессий. Первыми, кого хоронили здесь, были спецпоселенцы: первыми, кого этапировали в Котлас, были раскулаченные и их семьи. «Мемориал» чтит расстрелянных здесь священнослужителей, донских казаков и всех жертв политических репрессий 1930—1934 годов. Организацией «Совесть» в 1998 году установлена мемориальная доска в память о жертвах коллективизации села, узников пересылки «Макариха» в 1929—1933 годах.

Во всей истории ГУЛАГа 1934 год стал переломным, когда система трудовых и концентрационных лагерей перешла в подчинение НКВД. На тот момент общее количество заключенных в лагерях и спецпоселениях составляло чуть менее полутора миллионов человек. Маховик государственного террора по отношению к своим собственным гражданам начинал раскручиваться.

На мемориальном кладбище под ногами хрустят осыпавшиеся сосновые иглы. Белка перепрыгивает с дерева на дерево, словно опасаясь опуститься на землю, чтобы не столкнуться с мертвыми. Здесь все перемешано: могилы жертв сталинских репрессий, последнее пристанище погибших в годы Великой Отечественной, могилы умерших в семидесятые годы прошлого века... Есть и довольно свежие кресты. Многие из памятников поблекли, поросли мхом, провалились, кое-где получается с трудом разобрать надписи. Кажется, об этом месте никто не заботится.

Мы возвращаемся к машине, и тут начинается ливень — точно небеса разверзлись на прощание. Вскоре на фоне неба возникают две радуги — их цвета четкие и удивительно сильные.

* * *

С дороги практически невозможно увидеть кладбище «Заовражье». Наш таксист умудряется пролететь мимо, хотя предварительно спрашивал дорогу у нескольких встречающих. Приходится разворачиваться. Наконец «Жигули» тормозят, разбрызгивая грязь, и мы оказываемся перед узенькой тропинкой. На кладбище, согласно русской традиции, могилы огорожены металлическими ажурными оградками. «Заовражье» имеет статус мемориального комплекса, хотя здесь, как и в «Макарихе», помимо жертв ГУЛАГа хоронили жителей ближайших деревень.

Место жертв массовых репрессий нашли случайно. На краю кладбища возвышается установленный в 1995 году по инициативе генконсульства Республики Польша и котласского общества «Совесь» крест в память об убитых и умерших в котласских лагерях в период 1930–1956 годов, а также высеченный из черного гранита памятник тысячам умерших на строительстве железнодорожного моста заключенных и трудармейцев.

Трудармия представляла собой весьма оригинальную форму советской репрессивной машины. Зародившись в период Гражданской войны, пройдя первые эксперименты, трудармия осталась, но в уменьшенном варианте. Теперь в ее ряды подходило не все трудоспособное население. К примеру, военнообязанных могли определить в трудармию на период военных действий. Зачастую прямоком туда направляли освобожденных из колоний-спецпоселений. Фактически трудмобилизованные направлялись на принудительные работы. Демобилизоваться стало возможным только в конце сороковых годов. Условия содержания соответствовали лагерным. Как таковой термин «трудармия» в Советском Союзе официально не использо-

вался, вместо этого говорилось о «добровольной трудовой повинности».

На обоих мемориальных кладбищах Котласа волей-неволей обращаешь внимание на многочисленные польские и немецкие имена. Поляки стали первым национальным меньшинством в СССР, подвергнутым массовым репрессиям, — в основе лежала давняя ненависть к «шляхтичам». Что касается немцев Поволжья и Кавказа, то они стали объектом репрессий в период Большого террора и в годы Великой Отечественной. Немцев подозревали в пособничестве гитлеровским захватчикам и в шпионаже в пользу Германии, хотя немецкая диаспора проживала на территории России с начала XVIII века и считалась русифицированной и лояльной к власти. Позже, уже в годы войны, «рабочие колонны НКВД» пополнились польскими и немецкими военнопленными, многие из которых погибли на строительстве Котласского моста и похоронены в общей могиле.

В чем действительно преуспел Советский Союз при Сталине, так это в преследовании нацменьшинств. Сегодня заговорили об этнических чистках и о геноциде. Уже в период 1920—1934 годов на основании сфабрикованных обвинений в осуществлении антисоветской деятельности репрессиям подверглись исповедовавшие ислам крымские татары, башкиры и многие представители финно-угорских народов. Удар был также нанесен по местным партийным ячейкам, по так называемым национал-коммунистам, обвиненным — кто бы мог подумать — в буржуазном национализме. В период голодомора 1932—1933 годов были зачищены весь партийный аппарат Украины и ряды национальной интеллигенции. Правда, расстрельные приговоры в ту пору не выносились столь же рьяно, как через

несколько лет, однако поезда и грузовики повезли массы безвинно осужденных либо в сибирскую ссылку, либо на Север в трудовые лагеря.

В первой половине 1930-х годов, помимо представителей нацменьшинств, в лагеря отправили сотни тысяч «социально опасных элементов». Города зачищались от бывших кулаков, нэпманов, кустарей, проституток, бродяг и «лиц, ведущих паразитический образ жизни». С введением в 1932 году паспортной системы и института прописки эти процессы только ускорились: как правило, единым наказанием для всех преследуемых групп населения стало поражение в гражданских правах. Бывало такое, что честные советские граждане кончали жизнь самоубийством после того, как теряли паспорт или были ограблены на улице.

В 1920-х годах советское правительство хоть каким-то образом пыталось обосновать необходимость насильственных мер. Преступность считалась наследием капитализма, соответствующим образом относились и к лицам, ведущим паразитический образ жизни. К таковым причислялись безработные, тунеядцы, разнообразный асоциальный элемент, бродяги и попрошайки. Считалось, что все они должны исчезнуть по мере продвижения к социализму и исчезновения частной собственности, но в ожидании наступления общества всеобщего благоденствия следовало дать гражданам возможность «перековаться», встав на путь истинный.

В дальнейшем только фантазия представителей карательных органов могла остановить их страсть к выдумыванию все новых и новых категорий «врагов народа», на основании которых гражданина можно было уничтожить или отправить строить социализм с киркой и лопатой. С 1930 года сфабрикованные дела стали нормой.

Мы поворачиваем обратно к центру Котласа. Железнодорожный мост, возведенный через Малую Северную Двину покоящимися на кладбище «Заовражье» тысячами заключенных, уже исчез, но его строители оставили после себя какой-никакой, но след.

ГЕОГРАФИЯ ГУЛАГА

Совершая наше путешествие, мы не переставали удивляться, насколько удобно может спланировать маршрут всякий, кто разыскивает следы ГУЛАГа. Скажем, возникает мысль отправиться в крохотный городок, названия которого раньше и слышать не приходилось. Начинаешь выстраивать маршрут и вскоре замечаешь, что до места назначения протянута прямая железнодорожная ветка непосредственно оттуда, где находишься в данный момент. Или когда целью поездки является один из известных островов Архипелага, тут же выясняется, что многие другие объекты, где мы намереваемся побывать, находятся рядом с железной или автомобильной дорогой.

Вскоре мы поняли, что в этом нет ничего удивительного, наоборот — таков был изначальный план. В современной России многие направления до сих пор проложены по тем же маршрутам, что возводились для нужд трудовых и репрессивных лагерей, в основной массе силами заключенных. Помимо отдельных мелких и крупных населенных пунктов, целые регионы пишут свою современную историю с опорой на ту, порой единственную, которую написал для них ГУЛАГ. Получается, что география ГУЛАГа является достоянием сегодняшнего дня, и этот факт срабатывает и на более абстрактном уровне, влияя на мышление и поведение людей.

ГУЛАГ напрямую или опосредованно касается большинства жителей России. Практически в каждой семье найдется история о каком-нибудь родственнике, кого забрали и увезли, кто отделался парой лет в колонии-поселении или навеки сгинул в водовороте лагерей. На страницах старых семейных альбомов можно увидеть зияющие места, где должны быть фотографии: кто-то просто исчез с заретушированного снимка, а некоторые даже вырезали лица своих осужденных родственников из семейных портретов. На удивление, место проживания довольно большей части россиян связано с местами, где некогда располагались объекты ГУЛАГа.

Исключение только подтверждает правило. Неожиданно мы в буквальном смысле остаемся на перекрестке двух дорог: водитель автобуса, следовавшего по маршруту Котлас — Сыктывкар, вдруг наотрез отказывается ехать дальше, сетуя на недостаточное количество пассажиров в салоне. В России такое случается, и, как правило, слезы, жалобы и прочие средства воздействия тут бессильны. Путешествующему приходится менять планы. А попасть в Сыктывкар необходимо, поскольку этот город является важным пунктом на нашей карте советских лагерей. Мы стоим с рюкзаками, мимо проносятся автомобили. За нами наблюдают две торговки рыбой. Наша ситуация их явно забавляет.

* * *

Проводим небольшое совещание на обочине. По идее, можно купить билеты на завтра. Только где гарантия, что завтра пассажиров будет достаточно? Неожиданное изменение в планах может вызвать «эффект домино» и поставить под угрозу посещение Воркуты — «столицы» арктического ГУЛАГа. А ведь мы уже договорились о встречах и интервью на определенные дни, и не хотелось бы от них отказываться.

В общем, решаем обратиться за помощью к котласским таксистам. Отсюда до Сыктывкара более трехсот километров, и такси — чересчур дорогое удовольствие, но в этих охваченных безработицей городках «официальные» таксисты всегда знают того, кто не откажется за определенную плату съездить куда надо.

Начинаем голосовать. Останавливается пара машин, краткие переговоры и — все в порядке. Кажется, даже торговки рыбой счастливы за нас: за пять тысяч рублей машина довезет нас до места. Это дороговато, билеты на автобус стоят на порядок меньше, но иных вариантов нет. Ждем с таксистом Сергеем некоего Валеру, согласившегося отвезти нас в Сыктывкар. Посматриваем на автомобили: может быть, этот... Нет, не дай бог. Или вот этот... К перекрестку с лязгом подкатывают вчерашние фиолетовые «Жигули» с огромной наклейкой с именем «вождя народов» на заднем стекле. Нет, пронесло...

Утром в магазине продавщица возмущалась по поводу высоких цен в Котласе. Пока мы ждем, Сергей тоже заговаривает на эту тему. Работы нет, а если есть, то зарплата очень маленькая. Он говорит, что раньше было лучше: был хотя бы какой-то достаток. Но Россия — страна большая, здесь никогда не было и не будет порядка, и даже Сталину не удалось его наладить.

Вскоре перед нами притормаживает на своем корейском автомобиле Валера: выходит, здоровается и резким движением открывает багажник — убрать рюкзаки. Мы втискиваемся на заднее сиденье. В машине пахнет потом и заботой о завтрашнем дне. В колонках грохочет техно. Валере под сорок. Он скидывает рубаху и надевает черные очки. Смотрит в зеркало заднего вида. Кивает. Поехали!

Местами автодорога между Котласом и Сыктывкаром — одна сплошная рытвина, лишь изредка пробивается нечто

похожее на асфальт. Ничего удивительного, ведь трассу начали строить в сороковые годы руками заключенных. Наша средняя скорость — километров тридцать в час, потому что Валера старательно объезжает каждую яму, а значит, ко времени мы можем и не успеть.

Вряд ли заключенные нарочно старались построить дороги или заводы как можно хуже. Возводя жилые бараки, они стремились сделать как можно лучше, чтобы обеспечить себя и тех, кто придет после них, — таких же зэков — хоть какими-то приемлемыми условиями. Однако факт остается фактом: большинство не обладало необходимой квалификацией для выполнения тех работ, на которые их направили. Поэтому реализованные силами заключенных строительные проекты — от каналов до промышленных предприятий, от зданий до автомобильных дорог — не выдержали испытания временем, и сегодня практически все без исключения находятся в плачевном состоянии. Сыграло свою роль и то, что у современной России не хватает финансирования для поддержания на должном уровне инфраструктуры отдаленных регионов.

Валера не слишком разговорчив, он сосредоточенно рулит, объезжая ухабы и ямы истории. Проходит час, другой. Внезапно каким-то чудом неподалеку от села Куратово «костотряска» прекращается. Дорога до Сыктывкара в итоге занимает чуть более пяти часов. Мы на территории Республики Коми.

УРОК ИСТОРИИ В СЫКТЫВКАРЕ

С тех пор как десять лет назад мы посетили Сыктывкар, город не особенно изменился. Правда, тогда было лето в самом разгаре, зеленели деревья, а сейчас пронизывающий весенний ветер с размаху хлещет по грязному асфальту в

каньонах многоэтажных домов. В центре стоят несколько прекрасных деревянных зданий, в остальном же Сыктывкар представляет собой конгломерат из выстроенных в разные эпохи кирпичных домов и панельных муравейников. По своему генеральному плану он похож на многие другие российские города такого же размера: от здания вокзала по направлению к центральной площади отходит широкий проспект. По его краям один магазин сменяет другой, а площадь является сосредоточением городской жизни: здесь водят хоровод административные здания.

Окна центральной библиотеки увешены рисунками, созданные детьми в честь Дня Победы: стреляющее во врага оружие, могучие паровозы, горящие танки, увешанные медалями ветераны. Все как всегда.

Таксист жалуется на плохое состояние дорог и тут же сокрушается, что в Сыктывкаре мало работы — ее хватает только полицейским, муниципалам и прочим госслужащим. Оно и понятно, ведь жизнь государства надо поддерживать.

На следующее утро мы по традиции направляемся в местный музей. Там должно быть два зала, отданных под историю ГУЛАГа, но, к несчастью, именно они закрыты на ремонт. Используем весь свой дар убеждения, чтобы уговорить директора музея пропустить нас для осмотра экспозиции. Впрочем, ничего сверхъестественного за закрытыми дверями не обнаруживается. На стенах — фотографии строителей железной дороги, в витринных шкафах — предметы быта. Директор сетует, мол, выставка уже старая, делали ее в 1985 году, когда о ГУЛАГе говорили вполголоса, поэтому и экспонатов немного. Однако прямо в данный момент она обновляется, поэтому сюда не пускают.

Мы рассматриваем поблекшие фотографии тех районов Сыктывкара, которые до сих несут на себе отпечаток всей

истории советских лагерей, и тут директор музея подходит, протягивая нам телефон. В трубке слышится хриплый мужской голос. Увидев наш интерес к истории ГУЛАГа, директор решила позвонить историку Михаилу Рогачеву — тот якобы знает все, что нужно, об истории концлагерей в Коми. Впрочем, у нас на этот день и без того была назначена встреча с Рогачевым, просто нетерпеливому директору удалось перенести ее на несколько часов раньше. Мы едва успеваем спуститься в вестибюль, как хлопает входная дверь.

* * *

Михаил Рогачев разносит вокруг себя запах сигарет и мокрой одежды. Пока мы переживаем дождь в вестибюле, он рассказывает историю о том, как в свое время занимался организацией первого Международного конгресса финно-угров в Сыктывкаре в середине 1980-х годов. Тогда он состоял научным сотрудником в Институте истории, языка и литературы Коми НЦ УрО (Уральского отделения) РАН, и на него возложили задачу подготовить путеводители и карты для приезжающих на конгресс иностранных гостей. На карте города Рогачев отметил самые важные пункты, в частности аэродром и железнодорожный вокзал. Однако сотрудники КГБ, проверив карту, запретили отмечать на ней аэродром и железнодорожный вокзал как военно-стратегические объекты. Так что на карте появились просто белые пятна.

Дождь стихает. Мы выходим на улицу и направляемся в офис фонда «Покаяние» мимо мемориала Великой Отечественной войны. Идти недалеко, но по пути Рогачев успевает выкурить три сигареты, несмотря на это или, может быть, именно по этой причине он двигается для своего возраста резво, если не сказать горячечно; мы едва поспе-

ваем, хотя вроде бы и не курильщики, да и моложе его по возрасту.

Благотворительный фонд «Покаяние» занимается увековечиванием памяти жертв политических репрессий и созданием одноименного мартиролога. Фонд основан в 1988 году, на сегодняшний день его деятельность охватывает всю территорию Республики Коми. Головной офис «Покаяния» расположен в Сыктывкаре, но волонтеры работают и в районах. Финансирование организации осуществляется из государственного бюджета, так что ни о какой оппозиционной деятельности речь не идет.

«Первый в Коми лагерь находился именно в Сыктывкаре», — начинает Рогачев свою лекцию, как только мы добрались до офиса, уселись вокруг письменного стола, налили чайку с вафлями и печеньем. Управление северных лагерей ОГПУ особого назначения (УСЕВЛОН) основали в 1929 году в Усть-Сысольске, через год переименованном в Сыктывкар. Лагерь поменьше располагался на территории нынешнего стадиона, а основной лагерь УСЕВЛОНа находился на улице Первомайская — там, где сейчас Национальный архив Республики Коми. В 1930 году его перевели в Котлас в связи с началом строительства железнодорожной ветки. Тогда железная дорога заканчивалась в Кирове, оттуда и из Сыктывкара ветку начали тянуть до Котласа. По словам Рогачева, постепенно вся территория Коми покрылась сетью лагерей. Одни выполняли роль пересыльных тюрем, где формировались этапы для отправки в северные лагеря НКВД, другие действовали как самостоятельные хозяйственные единицы.

В центре Сыктывкара находится много зданий, имевших отношение к ГУЛАГу. Например, ОГПУ занимало бывший Ульяновский монастырь на улице Бабушкина, а тюрьма НКВД, как позже и сам комиссариат, располагалась в родо-

вом здании купеческого рода Суворовых — в самом старом здании Сыктывкара, построенном в начале XIX века. Сейчас там республиканское Министерство внутренних дел. В общем, городов, подобных Сыктывкару, носящих на себе шрамы ГУЛАГа, много разбросано по всей России.

* * *

Мы жуем вафли с печеньем, пытаемся отогреться чаем и внимаем рассказчику.

В 1931 году практически всех трудармейцев, занятых на строительстве железной дороги, перевели на рытье Беломорканала, считавшегося на тот момент более важным объектом. Сыктывкарские лагеря на какое-то время опустели, но ненадолго: на окраине города возникли новые спецпоселения, куда со всей страны начали тысячами свозить репрессированных. Неподалеку от нынешнего аэропорта Сыктывкара создали районы — Лесозавод и Кирпичный завод — для расселения универсальной рабочей силы для нужд сталинской модернизации, а в лесу за аэродромом производились казни. Рассказывая, Рогачев то и дело пронзает воздух карандашом, словно пытаясь уничтожить невидимое насекомое.

На северо-востоке от исторического центра Сыктывкара располагается Эжва, история этого места также связана с волнами депортации. Еще в 1925 году в Эжве началось строительство спецпоселений, а через несколько лет на берегу реки Човью построили ИТЛ Верхний Чов, содержащихся в нем заключенных заставляли работать в лесу и в сельском хозяйстве. В Нижнем Чове за кладбищем в самой глубине леса находилось второе место казней. Жертв расстреливали и тут же закапывали, а в 1970-е годы, когда потребовался песок для строительства дороги к Эжве, общие могилы были скрытно уничтожены. Сегодня на том

месте возвышается крест, установленный РПЦ в память о невинно убиенных.

Начиная с 1930-х на юге Коми проживали десятки тысяч депортированных, и со временем их становилось все больше. Сюда, в Максаковку и Красный Затон, переселили сначала поляков, затем поволжских немцев, наконец, литовцев — всех их депортировали с исконных земель как «неблагонадежных». Немецкие военнопленные проживали в местечке Берлин — там сейчас установлен памятный знак, в Красном Затоне есть даже улица Немецкая, один из районов город называется Китай-город из-за проживавших там китайских заключенных, которые влились в интернациональную семью ГУЛАГа еще до Второй мировой войны.

Рогачев говорит, что практически все потомки немцев Поволжья переехали в Германию после распада Советского Союза, но по-прежнему владеют некоторыми старыми домами в округе. Некоторые приезжают отдохнуть на лето: занимаются ремонтом домов, сажают картошку. Нет, горюют они не сильно, относясь к прошлому с известной долей фатализма. Единственное, их расстраивает, что в 1960—1970-е их обзывали в лицо «фашистами».

* * *

На начальном этапе существования ГУЛАГа лагеря на территории Коми были организованы из рук вон плохо, их территория даже не огораживалась. Заключенные общались с местным населением, меняли одежду на еду и водку. Через некоторое время бартер привел к тому, что часть заключенных перестала выходить на работу, мотивируя отказ отсутствием даже нательной одежды. В итоге начальник одного из лагерей запретил меновую торговлю. Приказ сохранился в архиве.

В этот романтический период заключенные работали шесть дней в неделю по десять часов в день. На седьмой день им давался выходной, и тогда они массово отправлялись в Сыктывкар отдохнуть. На этих словах Рогачев не может удержаться от смеха: якобы местные жаловались в официальные органы, что оборванцев-заключенных кругом хоть пруд пруди. Кое-кто из лагерников даже убегал на летний период, скрываясь в лесах и по деревням. На зиму они возвращались. В наказание их сажали на десять дней в карцер на хлеб и воду — всего-то. Понемногу дисциплина начала ужесточаться, а далее, по мере разрастания ГУЛАГа, подобные вольности прекратились, свободное поселение превратили в полноценный исправительно-трудовой лагерь, где работа стала основным смыслом пребывания. На наш вопрос о том, неужели советская власть стремилась осознанно уничтожить весь контрреволюционный элемент, Михаил Рогачев отвечает отрицательно. Во-первых, советское правительство было просто не в состоянии обеспечить продовольствием огромные человеческие массы. Экономика ГУЛАГа хромала на обе ноги: лагеря никогда не приносили прибыль, скорее — убытки. И вообще, деятельность большевиков была невероятно хаотичной, объясняет он.

Вот пример: когда ОГПУ обнаружило неподалеку от Яреги месторождение тяжелой нефти, силами заключенных Ухтпечлага началось строительство сразу двух нефтепромыслов, поскольку не было полной ясности, какой именно из них будет востребован. Нечто подобное произошло в Воркуте: там также применялось два способа добычи каменного угля, однако из-за отсутствия железнодорожной ветки весь добытый уголь попросту не вывозился. «Узники ГУЛАГа являлись для властей человеческим материалом. Никого не интересовало, в какое количество человеческих

жизней обойдется организация промышленного производства или строящийся объект», — невозмутимо подчеркивает Рогачев.

С полной долей уверенности можно сказать только то, что система ГУЛАГа приносила экономические убытки. Практика принудительной мобилизации оказалась действительно успешной только в случае так называемых «шарашек» — в такие сгоняли высококвалифицированных специалистов, чтобы они быстрее достигали поставленных результатов. Задержания, перевозки и содержание заключенных, расходы на охрану и управление лагерей поглощали такое количество государственных средств, что труда нескольких миллионов ослабленных заключенных не хватало для покрытия расходов. Практически все, осуществленное с применением принудительного труда, было бы куда дешевле и эффективней реализовано с подключением вольнонаемных рабочих. И лишь в редких случаях лагерям удавалось хоть как-то окупать собственное существование.

Подытоживая: с помощью ГУЛАГа властям удалось заселить отдаленные территории и реализовать проекты, но вряд ли удалось бы набрать необходимое количество наемных рабочих. Возможный арест с последующей отправкой в лагерь действовал в качестве постоянного сдерживающего средства для удержания людей в узде. Заключенные также играли роль «козла отпущения», принимая на себя всевозможные недовольства, неизбежно возникающие в процессе строительства социализма. В любом случае польза от этих «побед» и особенно цена, заплаченная за социалистические достижения, являются весьма и весьма сомнительными.

* * *

«В лагерях заключенные подвергались массированному пропагандистскому воздействию. Важность подобной обработки отметили еще в ходе строительства Беломорско-Балтийского канала, а позже, когда скрывать ГУЛАГ от остального общества уже не имело смысла, маховик пропаганды раскрутился еще сильнее. Автора известной песни «Широка страна моя родная» Василия Лебедева-Кумача отправили с выступлениями в Воркуту, — рассказывает Рогачев. — Конечно, выглядело это как издевательство: все-таки песня восхваляет свободу Страны Советов». Позже Лебедев-Кумач написал слова песни «Священная война», ставшей символом борьбы советского народа в Великой Отечественной войне.

Со слов Рогачева, в лагерях Коми в тридцатые-сороковые годы сидели лучшие представители интеллигенции и мира искусства. В Инту отправили теноров ленинградского Мариинского театра, оказавшихся в период военных действий на оккупированной территории, вследствие чего им пришлось петь для немецких солдат, а после прихода Красной армии они получили разные сроки лагерей. В Ухте работала профессиональная театральная труппа, сплошь состоявшая из заключенных. В 1943 году в Воркуте построили новое здание театра, на сцене которого выступали отбывавшие срок артисты и музыканты. Труппа давала спектакли для жителей города.

Еще до 1937 года некоторым сидельцам разрешалось вести дневники, однако и это вскоре запретили. После освобождения многие написали воспоминания о своем лагерном прошлом. Как правило, записки предназначались «для себя» или для самых близких, так как издать их было практически невозможно. Большая часть воспоминаний

касается жизни в лагерях после войны, и лишь малая доля затрагивает довоенный ГУЛАГ. Разница между довоенной и послевоенной лагерной реальностью весьма существенна. После войны Ухта, Инта и Воркута уже были отстроены, туда доставляли продовольствие по железной дороге, так что заключенным как минимум не приходилось страдать от голода.

В период хрущевской «оттепели», когда об ужасающих условиях содержания в лагерях заговорили в открытую, власти незамедлительно организовали целую волну контрпропаганды. К примеру, в 1960-е вышли воспоминания одной сидевшей в Воркуте женщины, где она нахваливает северные лагеря, называя их не таким уж плохим местом — ей даже удалось поправиться за время своего заключения, потому что заключенных кормили как на убой. Предположим, что в ее случае это действительно имело место, но здесь проявляется специфический советский менталитет: человек думает только о материальной стороне лагерной жизни, а факт лишения свободы не является значительным. В Советском Союзе колхозник не ощущал себя свободным. Голод являлся его вечным гостем. Известны случаи, как колхозники пытались любыми средствами попасть в лагерь, думая, что там они выживут.

БЕЗЗВУЧНЫЕ ЧАСЫ

После урока истории мы возвращаемся в реальность. Обещенное время давным-давно прошло, мы с трудом стоим на ногах, но Михаил Рогачев все продолжает свой рассказ. Он стоял у истоков деятельности местного подразделения общества «Мемориал», а вместе с Игорем Сажиным создал правозащитную комиссию. Фонд «Покаяние» занимается историей политических репрессий, «Мемориал» отстаивает

права человека в современной России, и повестка комиссии охватывает задачи обеих структур.

Со слов Рогачева, правительство Коми в 1990-е годы оказывало поддержку «Покаянию» и «Мемориалу», что объясняется тем, что в республике проживало (и проживает сейчас) много людей с лагерным прошлым. Так, председатель регионального парламента в 2003–2005 годах Иван Кулаков родился в Троицко-Печорском районе в семье репрессированных и высланных в Коми из Воронежской области. Он оказывал активную поддержку фонду и выступал его представителем. Первый глава Коми Юрий Спиридонов, бывший член компартии СССР, не стеснялся вслух называть Сталина преступником. Большая часть его родственников была расстреляна в годы Большого террора. Спиридонов организовал финансирование памятника жертвам политических репрессий в Сыктывкаре. Еще один бывший глава Коми Владимир Торлопов — тоже потомок репрессированного — относился с полным пониманием ко всем проектам по установке памятников жертвам ГУЛАГа на территории республики.

Неожиданно Рогачев достает из ящика стола несколько путеводителей по Республике Коми с указанием районов, где располагались лагеря. Указаны кладбища и памятники, места расстрелов и захоронения, мемориальные знаки, рассказывается о том, какое отношение имеют к лагерям и репрессиям сохранившиеся здания, — все это следы, по которым мы идем! Активисты фонда «Покаяние» составили эти путеводители, а организация оплатила их из собственных средств. Не каждое место имеет собственную книгу, но о таких лагерных центрах, как Печора, Инта и Воркута, путеводители имеются. Отделение «Мемориала» в Коми заказало аналогичные издания и по Сыктывкару.

Фонд «Покаяние» опубликовал 13 томов (20 книг) Коми республиканского мартиролога, где перечислены имена более ста тысяч жертв сталинских репрессий с краткими сведениями о каждом. Список жертв содержит также статьи о репрессиях, копии оригинальных документов и фотографии.

* * *

Дождь прекратился, мы выходим из офиса «Покаяния» в компании с Рогачевым и направляемся на поздний обед в столовую на нижнем этаже здания. Отличное место с огромными окнами во всю стену, где, оказывается, кормят весьма прилично и недорого. Руководитель фонда, правда, просит у нас прощения, что лучше ресторана не найти, — вот еще, будто два писателя, исследующие наследие ГУЛАГа, должны обязательно питаться в первоклассных ресторанах! Поев сытного супа и выпив по морсу, мы направляемся в сторону сыктывкарского мемориала.

По дороге Рогачев безостановочно курит. Окруженный клубами дыма, он рассказывает лагерную историю своего родного города. Мы останавливаемся у памятника поэту Виктору Савину.

Родившийся в 1888 году в бедной семье, Савин за свою жизнь поработал и на лесоповале, и в шахтах на Украине. Вскоре после Октябрьской революции он стал членом партии большевиков. В это же время началось его творчество как писателя: в 1926 году он стал одним из руководителей первой организации литераторов — Ассоциации пролетарских писателей Коми (КАПП). Вообще для малонаселенной республики в тот момент было удивительно, что кто-то всерьез взялся за писательский труд. В молодости Савин писал типичные для своего времени стихи, восхвалявшие революцию и Советский Союз. По всей видимости, этого было не-

достаточно, и в 1937 году, в период Большого террора, Савина задержали на основании сфабрикованного обвинения и отправили по этапу. Он умер в 1943 году неподалеку от Томска, в самом сердце архипелага.

Памятник в центре Сыктывкара представляет Виктора Савина одухотворенным и настороженным. На пьедестале ничего не сказано о его смерти в лагерях, хотя, по идее, это принципиально важно. Хорошо, что его хоть помнят как основоположника литературы национального театра Коми края. Спасибо и за это!

* * *

Мы прощаемся с поэтом и направляемся к монументу, в установку которого Михаил Рогачев сыграл далеко не самую последнюю роль. По дороге историк показывает нам место расположения тюрьмы номер один НКВД в период ГУЛАГа. Сегодня в этом внушительном по своим размерам здании располагается — по странной иронии судьбы — МВД Республики Коми. Вот уж точно, как говорят в России: все изменилось, но ничего не поменялось.

— Смотрите, — кивает наш гид в сторону здания, не останавливаясь ни на секунду, — во дворе бывшей тюрьмы и на деревьях видны изображения животных, вырезанные заключенными. Не снимайте слишком явно. Фотографировать здесь запрещено.

Какое там! Сложно удержаться: мы фотографируем фигуру стоящего во дворе с довольным видом деревянного медведя, а еще аиста, кормящего птенцов на дереве, и продолжаем путь как ни в чем не бывало.

Напротив здания, как раз на перекрестке улиц Советская и Кирова, перед нами возникает самый большой из всех виденных нами до сих пор памятник жертвам политических репрессий. Монумент выполнен из светлого мрамора.

мора в форме часовни с луковкой и принадлежит авторству А. П. Неверова и П. П. Резникова. Внутри — колокол. Существует негласная традиция звонить в колокол всякий раз, когда опознана новая жертва массового террора. Такое происходит все чаще. Памятник-часовня окружен плитами, с названиями всех лагерей Коми и рельефами человеческих фигур, сломленных трагедией. На бронзовых пластинах по всему периметру выгравированы имена жертв. Перед мемориалом — гранитная доска с замурованной в ней землей с захоронений Сыктывкара, Воркуты, Ухты, Инты и Сосногорска. Хотя официально часовня посвящена «политическому террору», что является весьма распространенной в России метафорой, когда говорится о ГУЛАГе и геноциде власти против собственного народа, монумент удивительно точно изображает весь трагизм и масштаб системы советских лагерей. Заметна перекличка с монументами жертвам нацистских лагерей смерти: страдающие дети, старики, сломленные фигуры — эта трагическая патетика дополняется образом распятого Христа и черепом у его ног.

Желтые церковные свечи практически догорели. Их черные фитили тянутся к небу, словно воздетые к небу в страдании руки. Колокол пока молчит.

* * *

Однако наш день продолжается. Мы спешим за Рогачевым по улице Советской в сторону офиса представительства регионального отделения общества «Мемориал» в Республике Коми, расположенному неподалеку от аэропорта Сыктывкара. На нашу удачу, к офису подъезжает на своем стареньком велосипеде его руководитель Игорь Сажин — крепкого вида полноватый мужчина со сталинскими усами — и тут же полуслушная комментирует наш вид: прямо

как русские ультранационалисты, одеты в зеленые куртки, кепки, а у одного из нас еще и роскошная борода.

Здание, где располагается офис, явно советской постройки. И опять рассказы о репрессиях под чай в пакетиках. Директор «Мемориала» считает, что в Коми представление о ГУЛАГе практически не изменилось в связи с тем, что здесь проживает большое количество потомков репрессированных. Наблюдающийся в последнее время в России процесс возвращения интереса к Сталину вызывает энтузиазм некоторых групп — тех же коммунистов и националистов. Надо отдать должное руководству республики, которое не оказывает поддержки возвращению культа личности. По словам Сажина, в Коми гражданское общество более развито, чем в остальной России. Но Москва настаивает на ужесточении мер, и местной администрации с этим приходится считаться. «Ясное дело, массовые собрания и демонстрации на центральной площади Сыктывкара не происходят, но в остальных местах Сыктывкара собираться не запрещено», — произносит Сажин с долей юмора. В полиции представителям «Мемориала» посоветовали: вы, мол, попытайтесь все же понять, что на площади не стоит собираться, но вы можете пойти на прилегающие улицы, где устраивать демонстрации как бы не возбраняется.

Увы, уровень кругозора граждан порой оставляет желать лучшего. Некоторое время назад установили монумент в память о строителях Печорской железной дороги. На табличке среди остальных жертв были указаны и евреи; в итоге местные антисемиты испортили табличку и ее пришлось перенести в музей. Причина, по мнению Сажина, и в узости взглядов, и в том, что в России антисемитизм не является редкостью, потому что в каждом русском есть немного еврея. «Поскреби русского — и увидишь еврея», — усмехается Сажин с горечью.

Наш день в Сыктывкаре подходит к концу. После ужина мы, совершенно изможденные, возвращаемся в гостиницу за вещами. К счастью, до вокзала идти недалеко. До отправления поезда на север осталось совсем немного времени.

ПОЕЗД В ПРЕИСПОДНЮЮ

Тук-тук, так-так, тук-так... Словно гигантский хронометр отбивает ровный ритм, измеряя путь.

Ночной поезд везет нас из Сыктывкара дальше. Это тот самый путь на север — железнодорожная ветка, построенная в 1940-х годах ударными темпами, ведущая до самой Воркуты. Некогда именовавшуюся Печерской, магистраль проложили в первую очередь для транспортировки грузов на нужды фронта и советской промышленности. Она стала также «дорогой смерти», ведшей от одного лагеря к другому. По сторонам от дороги строились и вновь сносились временные жилища эков-железнодорожников.

На одном из безымянных полустанков хочется сойти, дотронуться до проржавевшего по бокам и до блеска отшлифованного сверху теплого металлического рельса, ощутить его возраст, прикоснуться к потаенной памяти.

Строительство автомобильных и железных дорог требовало колоссальных усилий и неимоверного количества человеческих жизней, из-за чего ту же Колымскую трассу называли «дорогой на костях» — неопровержимым фактом является то, что все эти советские стройки стали местом упокоения многих жертв сталинского режима. Тела погибших при строительстве Печерской магистрали не вывозились для захоронения в ближайшие деревни или го-

рода, во всяком случае, до завершения работ. Стройка шла в зимнее время, да еще и в условиях вечной мерзлоты, так что оставалось лишь одно: хоронить мертвых в насыпи. В России до сих пор осуществляется движение по все тем же «дорогам на костях» — и образно, и вполне конкретно, и в своем путешествии мы тоже не исключение.

Порой кажется, что прорытые сквозь всю матушку-Россию руками подневольных каналы являются разрезами на теле страны, а проложенные заключенными железные дороги напоминают наложенные сверху швы — вот только раны не затягиваются.

Конечно, далеко не все железнодорожные ветки на севере России построены узниками режима, а многие уже частично или полностью перестроены, рельсы заменены, но, несмотря на это, здесь память о ГУЛАГе сохранилась куда лучше, чем в постоянно меняющихся городах.

На поворотах поезд наклоняется, и тогда из окон с одной стороны виден мокрый мох, с другой — бескрайнее небо. Снега здесь нет — мы на 62-й параллели. Отсюда некогда началось завоевание северных районов Советского Союза, остановившееся только на побережье Ледовитого океана.

Тайге и лесотундре не видно конца. Темнеет, мы укладываемся спать. Просыпаемся с рассветом: за окном все те же пейзажи — поезд мог с таким же успехом простоять на месте всю ночь и отправиться в путь за мгновение до восхода солнца. У нас боковые верхние места в плацкартном вагоне, — те, кто знает, могут себе представить, каково это! Близятся выходные, поэтому в вагоне битком. Не поднимаясь, открываем пакетик медового печенья, несколько крошек падают на смятые простыни. Ничего страшного.

* * *

Лагерь Коми края достигли апогея своего развития во время войны, когда стране был нужен северный уголь. Железная дорога, по которой нас везет тепловоз, играла в ту пору чрезвычайно важную роль, так что, в отличие от остальных проектов, возложенных на ГУЛАГ, ее выстроили полностью, да еще и в рекордные сроки.

В период активного наступления германской армии на юге СССР возникла угроза прекращения поставок угля с территории Украины, что повысило роль печорских лагерей. Сюда стали отправлять еще больше заключенных. ГУЛАГ разрастался, питаемый человеческими жизнями, подобно древнему чудовищу.

Федор Мочульский, назначенный в 22 года начальником Печорлага, после развала СССР написал заслуживающие внимания воспоминания о лагере, созданном посреди вымерзшей тундры. Написанные на английском языке мемуары под названием *Gulag Boss* поражают детальностью повествования и одновременно обыденностью и полной отстраненностью от описываемых событий. Собственно, Мочульский был одним из тысяч молодых людей, призванных в ряды НКВД и отправленных служить Родине. Многочисленные истории людей, привлеченных на службу в органы высокими заработками и возможностью продвигаться по службе, приводит в своих книгах и Александр Солженицын. Будущий дипломат, отправленный руководить работами по строительству железной дороги, Мочульский в силу молодого возраста имел весьма смутное представление об истинной сущности ГУЛАГа. Он пишет, что на месте не увидел вообще ни одного здания, и ему самому пришлось ютиться в землянке. На территории всего лагеря не было ни одного барака. Заключенные спали на

голой земле, в местах, которые они сами расчистили для себя, предварительно расчистив снег и набросав на голую землю веток вместо лежака. Кстати, этим же объясняется и то, почему от северных лагерей сегодня практически ничего не осталось.

Строительство железной дороги считалась делом куда более важным, нежели возведение хотя бы временных построек. Укладка шпал начиналась незамедлительно по прибытии на новое место. Инструменты были никудышными. Читая описания Мочульского, волей-неволей начинаешь думать, что на Беломорканале ситуация мало чем отличалась. В тундре не было ни деревца, материалов не хватало, проложенные за зимний период участки железной дороги обрушивались с весенним таянием снега. Несмотря на это, железную дорогу упорно тянули сквозь вечную мерзлоту, не жалея ни сил, ни человеческих жизней.

В 1930-е годы НКВД стал крупнейшим застройщиком страны. То был не просто орган государственной безопасности, но и гигантский концерн, владевший целыми городами, а находившиеся в подчинении ведомства тысячи служащих охраняли сотни тысяч граждан, загнанных на советскую каторгу.

Хотя по современным меркам строительство железной дороги до Воркуты и воспринимается как один из самых чудовищных и жесточайших проектов за всю историю существования ГУЛАГа, где жизнь человека и деревянная шпала оценивались приблизительно одинаково, для кого-то это было всего лишь работой. Именно такая картина рисуется в воспоминаниях Федора Мочульского. Читателя поражают воодушевление и даже гордость за строительные проекты, осуществленные руками заключенных. Понятным образом возникает вопрос: неужели кто-то может кичиться трудовыми лагерями? Да, Мочульский пишет о человеческих трагедиях,

но лишь мимоходом. Он ни на секунду не задумывается об извращенной сути самой системы, но делает акцент на том, каким образом в рамках этой системы следует действовать наилучшим образом. В отношении заключенных наш инженер проявляет сочувствие и даже оказывает им помощь, но никогда не переходит на критику системы и не подвергает сомнению то, как и почему эти люди здесь оказались.

Наш поезд тормозит. Из окна виднеется все такое же здание железнодорожного вокзала, как и раньше, в духе сталинского ампира, разве что от станции к станции меняется цвет.

НЕФТЯНАЯ РОСКОШЬ

Если говорить об Ухте, то своим рождением она обязана одинаково ГУЛАГу и нефтяным месторождениям. До начала 1930-х годов этот город со стотысячным населением представлял собой крохотное, богом забытое место. Затем неподалеку создали Ухтпечлаг, а настоящий прогресс шагнул сюда с появлением железнодорожной ветки. Можно сказать, что тюрьмы, зона и железная дорога даровали этим отдаленным районам такую же возможность осуществить рывок вперед, как и строительство железной дороги на Дикий Запад в Америке. Заключенных привезли в Ухту, где они построили жилье и заводы. А еще — Дворец культуры.

Отправляемся в город на такси. Как и во многих других городах Республики Коми, здание ухтинского вокзала располагается довольно далеко от самого города. Железную дорогу строили, как было проложено на карте, а если населенный пункт оказывался немного в стороне, то это никого не смущало. В глаза бросаются огромные трубы теплоэлектростанций, в воздухе пахнет нефтью.

На самом деле пахнет деньгами. В Ухте сразу видно, что это не очередной захолустный городишко, затерянный посреди тайги. Хотя по статистике здесь отмечается некоторое уменьшение количества жителей, Ухта вполне себе процветает: дороги отремонтированы, здания подлатаны, деревянный центр выглядит настоящей идиллией. Богатство бьет ключом из нефтегазовых месторождений. На месте некогда существовавшего, а теперь снесенного здания управления лагерей НКВД, где впоследствии размещался технический вуз, возвышается офис «Лукойла».

Чуть позже нам рассказывают, что прекрасный внешний облик города объясняется не только нефтяными деньгами, но также является заслугой заключенных ГУЛАГа. Улицы Советская, Мира и Октябрьская, от канав до коньков крыш, выстроены руками репрессированных. В строительных работах принимали участие арестованные и отправленные в лагеря архитекторы, инженеры и профессиональные строители, так что качественный результат их труда виден и поныне. Последнее вообще не является случайностью. Если оказывалось, что при создании лагеря в том или ином месте не хватало должной инфраструктуры, производились целевые аресты и на место присылались колонны заключенных, обладавших необходимыми навыками проектирования и строительства даже целого города. В Ухту отправлялись геологи для проведения изыскательных работ по поиску нефти и радия — ведь конечная цель заключалась в максимально эффективном использовании местных природных ресурсов.

Здесь также содержался один из первых председателей парламента Финляндии, отец-основатель коммунистической партии Финляндии Куллерво Маннер. После всеобщей забастовки и с началом гражданской войны Маннер

встал во главе финских «красных», но после их поражения в конечном итоге оказался в Советской России, где почти полтора десятилетия занимал различные важные должности. С началом сталинского закручивания гаек его наряду с другими финнами сняли со всех постов, а в 1935 году отправили в лагерь. Куллерво Маннер оказался в Ухтпечлаге, где находился до самой смерти в 1939 году. По имеющейся ныне информации, Маннер трудился в лагере «Водный», располагавшемся в двадцати километрах от Ухты. Там он работал с водой, содержавшей радий, и, вероятнее всего, погиб от лучевой болезни.

* * *

На центральной площади города, совсем рядом с мощным офисным зданием «Лукойла», примостился Ухтинский государственный технический университет. Где-то в глубине его зданий находится небольшой музей, посвященный ГУЛАГу, а также истории проводившихся здесь изыскательных работ.

Мы встречаемся с руководителем музея и активисткой местного отделения «Мемориала» Евгенией Зеленской. Чуть ли не с порога Зеленская строго вопрошает, отчего в Финляндии так интересуются ГУЛАГом. В воздухе снова повисает некое недоверие. Отвечаем, что о следах ГУЛАГа на финском вообще ничего не написано; если и есть обзорные книги, то они переводные. Да, о нацистских лагерях у нас известно очень много, а вот по ГУЛАГу практически ничего. Ответ Зеленскую устраивает, и мы проходим за ней в музей.

На стене вестибюля висит памятная доска с выгравированными на ней именами погибших в ухтинских лагерях театральных деятелей и музыкантов. В самом центре доски

закреплена искаженная гримасой боли театральная маска с пересекающей ее колючей проволокой.

В музее бережно хранятся оригинальный сценический реквизит и программки спектаклей и музыкальных вечеров — примеры заботы о досуге заключенных. В витринных шкафах представлены вырезки из старых газет, где оказывается поддержка политическому террору. Заголовок одной статьи гласит: «Собаке — собачья смерть».

Тематика другого зала посвящена поисково-разведочным работам и бурению нефти в регионе. Начало нефтепромыслам было положено еще в конце XIX века, через несколько десятилетий советские заключенные провели дополнительные разведочные работы в сопровождении агентов ОГПУ. Тогда Ухта называлась Чибью. Совсем скоро населенный пункт стал центром Ухтпечлага.

Со временем ГУЛАГ стал не просто сетью лагерей, он врос в процесс индустриализации СССР. Наряду с заключенными он давал работу огромному количеству гражданских специалистов, предлагая им возможность карьерного роста. Даже тянувшие срок осужденные, ссыльные или освобожденные после отсидки имели возможность перейти на службу в ОГПУ, заняв теплое местечко. Понятно, что в таких случаях, кроме страха, срабатывал оппортунизм, борьба заключенных между собой за выживание, а у некоторых — и искреннее желание стать «советским человеком». К примеру, Павел Дроздов сменил робу заключенного на место бухгалтера «Дальстроя» с помощью руководителя дальневосточной сети лагерей. Талантливейшего Михаила Стройкова задерживали неоднократно, в Архангельске он даже был назначен главным архитектором, но после очередного ареста был расстрелян в 1938 году.

Организация работ в Ухпечлаге строилась на свободном взаимодействии заключенных и вольнонаемных. Геолого-

разведочные работы проводились группами, состоявшими из свободных специалистов и осужденных. Последние выполняли самую грязную работу.

На прощание Евгения Зеленская приносит нам — что же еще! — магнитики на холодильник, изображающие ухтинский Дом культуры в его первоначальном виде, а также снесенное здание ОГПУ. И здесь ГУЛАГ воспринимается вполне обыденно, но что подделаешь, посещение музея обошлось нам совершенно бесплатно, поэтому стоит хоть как-то выразить свою благодарность: мы покупаем магнитики, как бы дико они ни выглядели в нашем представлении.

* * *

За угловым столиком местного буфета натываемся на православного священника. На наш вопрос, как добраться до следующего пункта, он ничего не отвечает, зато зачем-то окропляет нас святой водой, будто мы язычники какие, и говорит, что в последнее время он освящает так всех. Захватив упаковку с мясом, поп удаляется в сторону церкви.

Мы собираемся посетить два захоронения на краю Ухты, где покоятся расстрелянные политические и умершие от нечеловеческого труда и болезней спецпереселенцы. Одно из них открыто недавно в местечке Чибью. Там возвышается мемориал в память о захороненных здесь поволжских немцах. Кроме них в траншеях покоятся останки представителей многих других национальностей, как минимум одного финна по имени Тойво Тани. Другой памятный знак посвящен невинно убиенным в годы политических репрессий, он располагается рядом с православным собором. На этом захоронении повсюду виднеются металлические таблички с надписью «неизвестная могила».

После кладбища направляемся с визитом в Ухтинский историко-краеведческий музей на улице Мира. Рядом со зданием возвышается мрачная каменная глыба, воздвигнутая в память жертв сталинского террора, погибших в лагерях. Памятник установлен местным отделением «Мемориала» в 1997 году.

В музее нас встречает доброжелательный гид Елена. Она ведет нас по экспозиции, рассказывает о регионе, вплетая в свой рассказ и историю собственной семьи. Из ее предков двое были сосланными в Коми поляками, двое других — представители коренного народа. Вообще, впоследствии нам часто приходилось сталкиваться с тем, что в местных музеях работают люди, чьи родственники так или иначе имели отношение к ГУЛАГу.

Само понятие «проведение поисково-разведочных работ» звучит вполне нейтрально, однако в музее оно приобретает дополнительное прочтение. В сталинскую эпоху заставить свободных граждан отправиться на далекие стройки коммунизма было не так-то просто, и тогда применялись более действенные — жесткие — методы. В ноябре 1928 года в Москве задержали некоего Николая Тихоновича, оказавшегося по стечению обстоятельств известным русским геологом. Его отвезли в Бутырку, но допрашивать не стали: вместо этого арестованного привели на совещание, где без обиняков рассказали, что от него требуется. По воспоминаниям самого Тихоновича, к нему отнеслись как к специалисту, потому что он бывал в регионе в 1900 году, а потом — в качестве заключенного — ему предложили возглавить геологическую часть экспедиции на Ухту под руководством офицера ОГПУ Сергея Сидорова.

Конечно, экспедиция обнаружила залежи нефти. Через некоторое время возникла потребность в новых специалистах, и тогда задержали и отправили в лагерь еще несколько

геологов. Они получили судимость на основании того, что ранее посещали Соединенные Штаты. Хотя за океан в командировку их отправило Советское государство, в новой ситуации это не имело никакого значения. Стране нужны были ресурсы — поэтому, будьте любезны, поезжайте в Ухту на принудительные работы.

На стене музея висит карта с отмеченными на ней десятками лагерей Коми. Оказывается, неподалеку от Ухты находился лагерь под названием «Веселый кут». Поговаривают, что это была женская колония — отсюда и название, куда руководство НКВД любило заглядывать, случись у них очередная попойка. А когда такое дело, то несчастных женщин силой принуждали оказывать услуги сексуального характера.

Здесь же можно услышать о необычной операции германских десантников во время Второй мировой войны. Выброшенный нацистами десант представлял собой группу завербованных в германскую армию советских военнопленных. Перед ними была поставлена задача поднять местное население, включая лагерников, на восстание против советской власти. Однако десантники оказались советскими патриотами и сдались властям. Бунт не удался. С переметнувшимися на сторону «своих» военнопленными обращались как с героями. Что несколько удивляет, если вспомнить, что все попавшие в плен к немцам военнослужащие после войны отправлялись в фильтрационные лагеря, а кто-то — дальше в ГУЛАГ.

ЛАГЕРНОЕ ИСКУССТВО

Возвращаемся в центр Ухты и сразу же направляемся в сторону желтого колосса в центре. На первый взгляд он может показаться совершенно типичным Дворцом куль-

туры советской поры — большой, слишком помпезный торт, каких много в разных частях России; правда, большинству из них никак не получается найти применения в новых условиях. Этому повезло: Дворец преобразился. Он стал церковью.

В воздухе раздается шелест голубиных крыльев — птицы взлетают из-под крыши и водосточных труб здания и усаживаются обратно, погружаясь в тишину. До следующей встречи у нас еще несколько часов, так что есть возможность погулять по переоборудованному в церковь Дому культуры, подробно ознакомиться с этим по-своему необычным зданием.

Ведь он построен руками заключенных! Фасад украшен барельефами с изображением стилизованных лир и сосен — как напоминание о прошлых годах, когда здание служило во благо культуры. Ныне его фронтон украшает небольшой крест. Колокола установлены на специальной колоннаде близ входа. Здание сохраняет облик Дома культуры или типичного железнодорожного вокзала, и цвет жидкого ягодного мусса вполне уместен. Время его не пощадило: снаружи краска местами облетела или повисла лоскутами.

Величественное здание заложили в середине 1930-х годов и построили в рекордно короткие сроки. Оно предназначалось в первую очередь для театра — на радость руководству Ухтпечлага и свободным горожанам, хотя заключенные тоже не были обделены, в частности, те, кто по разрешению руководства участвовал в постановках.

Мы входим в полутемный храм. Внутри помещение по-прежнему напоминает Дворец культуры, если не учитывать православные украшения, подсвечники и тот факт, что на месте сцены установлен алтарь. Ухтинский Дворец культуры является одним из наиболее примечательных следов ГУЛАГа на всей территории России. В нем видны наслоения

разных эпох, которые, возможно, и не сразу доступны непосвященному посетителю. Достаточно взглянуть на архитектуру здания и шрамы на его теле, как начинаешь понимать жестокую иронию истории. После революции большевики закрывали храмы или меняли их функцию, превращая в Дома культуры или картофелехранилища. Здесь же все получилось в точности до наоборот.

Система ГУЛАГа основывалась на сумасбродстве, самоуправстве и безумных приговорах, жизнь в лагерях была тяжкой, а труд убийственным, но при всем этом там процветали культура и искусство. И в этом простая истина ухтинского Дома культуры.

* * *

Улица Пушкина отделяет здание бывшего театра Ухты от кафе «Загадка». Создается ощущение, что город по-прежнему подчеркивает свой культурный статус: в небольшом парке на красивом гранитном постаменте сидит сам великий русский поэт. Памятник также спланирован и осуществлен руками заключенных. Иностранцу может показаться невероятным, что в ГУЛАГе, помимо железных и автомобильных дорог, устанавливались еще и памятники Пушкину, но таковы жизненные реалии. На одной из фотографий начала 1940-х годов видны и памятник, и Дом культуры — оба стоят, новехонькие, в открытом поле, как проводники суровой советской эстетики на Дальнем Севере.

Обычно, когда речь идет о суровой действительности ГУЛАГа, культурная сторона как-то остается в тени. Конечно, искусство заключенных в основном было окрашено в трагические тона, но для сидевших в лагерях представителей мира искусства театр, музыка, живопись и скульптура являлись способом поддержать в себе человечность

в окружении тотальной бесчеловечности. Так что при появлении любой, даже самой малой возможности они стремились ею воспользоваться, какой бы абсурдной ни казалась постановка спектакля для лагерной администрации.

Одним из наиболее известных отправленных в Ухтпечлаг представителей интеллигенции был скульптор и писатель Николай Бруни. Именно он во время своей отсидки задумал и выполнил памятник Пушкину в честь столетия со дня смерти поэта. Бруни принимал активное участие в художественной деятельности лагеря, писал сценарии для местного театра. Его задержали за распространение подозрительной информации о гибели Сергея Кирова. У органов вызвало подозрение воцерковление Бруни после того, как его самолет сбили во время Первой мировой войны. За это в 1937 году Бруни вынесли очередной приговор, а уже через год в Ухте его и расстреляли «за контрреволюционную пропаганду».

Нередко творческая работа, в частности писательская, находилась в лагерях под запретом, а если кто и осмеливался ею заниматься, то творчество происходило исключительно в голове. Хорошо известно, что Солженицын так сочинял целые произведения, используя для запоминания некое подобие четок. Позже он назовет память единственным местом, где можно хранить написанное. Евгения Гинзбург также рассказывает о сотнях сочиненных и выученных ею наизусть стихотворений: фактически весь день заключенной был подчинен определенному графику сочинительства, и только это помогло сохранить жизнь в специзоляторе. Многие литераторы пересказывали свои произведения остальным заключенным, словно в лагере произошло возвращение к устной традиции, в дописьменную эпоху. Известная переводчица Татьяна Гнедич, праправнучатая племянница

Н. И. Гнедича, выучила в лагере оригинал байроновского «Дон Жуана», перевела его на русский и запомнила перевод. Имелась и другая сторона, когда культурная жизнь не только не запрещалась, но навязывалась: так, оркестру предписывалось исполнять радостную музыку в начале рабочего дня или же играть двойное форте, чтобы скрыть звуки выстрелов. В целях пропаганды художников обязывали украшать лагеря портретами и плакатами. Известно, что портрет Сталина в музее Ухтинского университета принадлежит кисти одного из узников лагеря — художников часто заставляли писать портреты с членов администрации. В целом культурная жизнь была сплошной пропагандой и одной из форм принудительного труда.

Случалось, что руководство поощряло свободные художественные устремления профессионалов, да и любителей тоже. Гулаговская театральная жизнь в этом является наиболее показательным примером. Уже в 1920-е в СЛОНе работал свой театр и выходила газета. В Белбалтлаге действовали театр и оркестр, а в течение последующих двадцати лет театральная деятельность ГУЛАГа достигла своего пика, учитывая, как много профессиональных актеров и режиссеров было отправлено за решетку. Между лагерями даже шло социалистическое соревнование за лучшую постановку, и здесь неоспоримое преимущество имело руководство Воркутлага, так как в 1940-е под их неусыпной опекой находился бывший художественный руководитель Большого театра. Соревновательный дух приобретал извращенный характер: фактически любого театрального деятеля могли арестовать с целью повышения качества культурного продукта, перевести из одного лагеря в другой, а то и увеличить срок — и только для того, чтобы привлечь их к местным постановкам.

Здание Ухтинского театра построили специально для театральных постановок и концертных выступлений, немаловажной частью которых являлась пропаганда. Старые программки свидетельствуют, что в марте 1937 года в честь Международного женского дня 8 марта был организован большой концерт, а летом на сцене давали пьесу Горького. Во всех этих мероприятиях стопроцентно задействовались заключенные, однако уже в сороковые годы, с началом сокращений в Ухтпечлаге, эту деятельность прекратили, а заключенных перевели в другие места.

Администрация Ухтижемлага сумела собрать труппу из весьма именитых артистов. Ее руководителем назначили известного на тот момент актера и режиссера-постановщика фильма «Медвежья свадьба» Константина Эггерта. В коллектив входили одна известная оперная певица, балерины Большого театра и несколько видных музыкантов. Музыкантов и артистов сцены не освобождали от выполнения трудовых норм, хотя и были сделаны некоторые поблажки и улучшено довольствие. Хотя они и получили возможность думать о чем-то ином, кроме изматывающей работы, в случае любой провинности их могло постигнуть еще более суровое наказание, вплоть до расстрела. В неволе служить музам оказывалось во сто крат сложнее.

Дом культуры в Ухте и художественная деятельность осужденных демонстрируют то, насколько тонкими были взаимоотношения между городами и лагерями, свободными гражданами и заключенными. Здание театра выстроили в самом центре города — не на зоне, свободные граждане имели возможность посещать постановки. Получается, что хотя ГУЛАГ был замкнутой системой, но лагерная действительность пересекалась с обычной жизнью советских людей — обе этих системы не могли не находиться в тесном взаимодействии друг с другом. Это в особенности касалось

небольших городов, таких как Ухта, к примеру, находившихся в отдалении, где городские реалии выстраивались вокруг лагерей. И здесь возникает несколько интересных вопросов. Город и лагерь, лагерь и город — какая из этих систем первична? Какая из них сформировала другую? Привносила ли обычная жизнь толику гуманизма в жизнь заключенных или же присутствие лагерей неизбежно ограничивало быт свободных людей? Скорее всего, происходило взаимопроникновение. Система лагерей проникла во всю реальность Советского Союза, ее воздействие ощущалось далеко за пределами отдельного лагеря.

ПОДРЫВНАЯ РАБОТА В СОСНОГОРСКЕ

Из Ухты никуда невозможно уехать по выстроенной заключенными железной дороге, и это говорит о многом. Когда 80 лет назад по этим самым рельсам осуществлялось активное движение, оно осуществлялось внутри ГУЛАГа. Лагеря возникали, чтобы остаться, покрывая своими щупальцами огромные территории, раскидываясь на десятки, а то и сотни квадратных километров. Каждый из них формировался из самостоятельных хозяйственных единиц, называвшихся «лагпунктами». Иначе говоря, если кто-то из центрального ухтинского лагеря направлялся по поручению, то он все время находился на территории Ухтпечлага и просто перемещался из одного лагпункта в другой. Лагеря эти представляли собой архипелаг в миниатюре: из одной точки исходило множество векторов, соединявших ее с другими точками, образуя тем самым сеть, внутри которой осуществлялось движение сырья и человеческих судеб.

Единой устоявшейся системы не существовало: ГУЛАГ состоял из разных по специфике лагерей, из них наибо-

лее типичными, где использовался принудительный труд, были лесозаготовки Карелии и шахты Воркуты — они соответствуют некоему общему представлению о том, чем являлся ГУЛАГ. Существовали также спецлагеря, где сидели «политические», осужденные по 58-й статье за контрреволюционную деятельность. К списку можно добавить тюрьмы, где заключенные не привлекались к тяжелым работам; среди них было много известных личностей, иностранцев или опасных государственных преступников.

Однако мы остаемся в границах ставшего столь знакомым культурного ландшафта ГУЛАГа и направляемся в Сосногорск. Этот городок с населением в двадцать тысяч человек можно считать чуть ли не пригородом Ухты — настолько в географическом и инфраструктурном плане близко он расположен. Собственно, некогда эти два населенных пункта являлись частью одного лагеря, отсюда и происходит эта близость.

Маршрутка подпрыгивает и раскачивается, везя сосногорских хозяек, возвращающихся с покупками из Ухты. У всех огромные пластиковые пакеты и громадное терпение. Город заканчивается и вновь начинается. За окном, посреди лесистой местности, вырисовываются следы нефтедобывающих предприятий. Огромные трубопроводы напоминают ракетные пусковые установки где-нибудь в казахской степи. Если в будущем следы ГУЛАГа будут утрачены безвозвратно, то это точно не коснется отпечатка, оставленного нефтегазовым комплексом.

Чуть дальше вдоль дороги появляются небольшие, почти незаметные, поросшие травой холмики — это остатки землянок и глинобитных хибар, в которых проживали заключенные и охрана во время строительства дороги. Пейзажи наводят на мысль, что заключенные были словно кроты, ро-

ющие землю и живущие где-то в глубине своей неведомой жизнью. Как кроты оставляют небольшие холмики-выходы, так и здесь заключенные оставили теперь уже почти незаметные следы своего присутствия.

Вот и Сосногорск. Серые многоэтажки, опустевшие офисные помещения, перекрестки... Наши пассажирки сходят на ближайшей остановке. Среди общего уныния встречаются яркие и радостные пятна — это новый суши-бар или салон красоты решили попытать тут счастья. Водитель в кепке-бейсболке со скрипом тормозит и машет нам на выход. В начале поездки мы предупредили его, что ищем памятник жертвам политического террора, — он ответил, что знает это место и подвезет прямо к нему. Мы спрыгиваем. Водитель закрывает дверь, потянув за прикрепленный к ручке двери ремень, — нет предела местной изобретательности!

* * *

Мы стоим перед хрущевкой, пытаюсь хоть как-то сориентироваться на местности. Сначала все как обычно: серые дома, серые улицы, и только бегающие в разноцветных комбинезонах дети нарушают эту бесцветность. Затем где-то за березами вырисовывается небольшая детская площадка, рядом с ней — три фаллические скульптуры. Что это? Свечи? Столбы лагерной ограды или сосульки? Навскидку определить сложно, но все-таки это тот памятник, ради которого мы ехали в Сосногорск. Подходим к композиции, и уже издалека нам бросается в глаза суровая рельефная надпись, продолжающая по кругу: «Жертвам политических репрессий». И больше ничего. Здорово, что в Сосногорске имеется свой памятник жертвам сталинского террора, только возникает вопрос: неужели у авторов памятника нашлось только три слова?

Когда находишься в таком далеком месте, невольно задумываешься о функциях памятников жертвам ГУЛАГа. Многие монументы, которые мы посетили, находятся в труднодоступных местах и не всегда впечатляют своими размерами. Жители не всегда знают об их местонахождении, а водителям такси приходится спрашивать дорогу чуть ли не у каждого встречного. Более того, некоторые из наших водителей даже отправлялись с нами к этим памятникам, искренне удивляясь, что нечто подобное оказалось где-то рядом, чуть ли не на заднем дворе — и неужели что-то такое когда-то происходило здесь у них? Да, памятники помнят, однако для кого они предназначены?

Ответим так: прежде всего для тех, кто помнит и без такого напоминания. Эти непритязательные мемориалы жертвам репрессий в маленьких отдаленных городках предназначены в первую очередь для родственников погибших. Очень часто оказывается, что монументы возведены и поддерживаются ими же. Ничего страшного, если кому-то постороннему, кого никак не затронула трагедия, случится увидеть памятник; быть может, после этого он задумается об истории своей страны, найдет новый угол зрения... В основном же к памятникам приходят жители региона, носящие в душе память о потерянных близких. Многие объекты установлены православной церковью на средства РПЦ, некоторые из них возведены в форме часовни.

Краска с постамента памятника в Сосногорске местами облетела. Сквозь щели между плитами пробивается пожелтевшая трава. Мы фотографируем монумент, проводим короткую минуту молчания и отправляемся на поиски местного музея, чтобы познакомиться с материалами о местном лагере.

* * *

Найти музей у нас не получается. Мы дважды проходим взад и вперед по улице, где, по идее, здание должно располагаться, но ни музея, ни даже номера дома нигде не видно. Спрашиваем совета у женщин, устроивших перекур возле какого-то учреждения. Одна говорит, что музей закрылся, другая — что переехал. Или все-таки закрылся? Да нет же, он в детском доме, вспоминает третья.

В детском доме?!

Ехать совсем недалеко. Оказывается, что это не детский дом, а бывший Дом культуры города Сосногорска, отданный под Дом творчества местной школы № 3. Типичный Ленин, несколько побитый непогодами, все так же стоит перед зданием. Две комнаты на нижнем этаже Дома детского творчества наполнены экспонатами, там же действует небольшая выставка. Музею пришлось переехать сюда после того, как помещения по старому адресу заняла некая охранный компания. Радостные детские голоса долетают до зала, где колючая проволока обвивает окна. Музей ГУЛАГа в школе № 3 представляется одним из самых странных мест демонстрации трагической истории лагерей, но это еще одно доказательство того, что формы памяти неисчерпаемы.

«Вообще-то, это историко-краеведческий музей, но в основном у нас представлена история ГУЛАГа», — говорит сотрудница учреждения. Действительно, ГУЛАГ составляет существенную часть местной истории.

Без ГУЛАГа город мог и не появиться — на месте Сосногорска был лагерь. Позднее его закрыли, и здесь осело гражданское население. Новый город получил название по имени протекающей мимо реки Ижмы, но поскольку в Республике Коми уже существовал населенный пункт с таким

названием, уже через два года, в 1957 году, его переименовали в Сосногорск. И жизнь потекла своим чередом.

После развала Советского Союза численность населения в Сосногорске идет на спад медленно, но верно — соответственно, как и во многих других городках, созданных и заселенных в период осуществления колониальной лагерной политики. И только благодаря газу и электричеству здесь теплится жизнь. Поскольку город построили уже в период сворачивания ГУЛАГа, его здания и дороги не несут следов лагерей. Но в окрестностях их хватает.

«Этих-то вон там в глуши предостаточно», — говорит сотрудник, указывая на фотографию лагерного барака. Это интересно, и мы пытаемся выяснить, где именно. Может быть, получится даже сходить посмотреть? «Не знаю, но могу поинтересоваться. Туда километров сто будет. Дорога, правда, кончается, но пешком дойти можно, если постараться».

Нам не удалось увидеть те бараки, но можно только представить, сколь великое количество таких же точно полуразрушенных гулаговских строений находится в таких местах, куда даже сегодня сложно дойти, где никто не бывал десятилетиями. Бараки Ухтпечлага фотографировали в конце 1990-х годов, после чего там вряд ли кто-нибудь бывал. Их никто и не нашел бы, если бы не один охотник, случайно их обнаруживший.

То же самое можно сказать и о памяти ГУЛАГа: она живет, рассеянная то здесь, то там; истории удастся услышать почти случайно, но они совсем заросли, как и покрытые мхами местности, свидетели бесчеловечного прошлого.

Мы благодарим женщину за небольшую экскурсию и бежим к автобусу, отправляющемуся в Ухту. Может, заглянуть в ресторан? «Золотой фазан» закрыт, но перед «Белыми ночами» стоят с метлами двое, как говорят в России, «гостей из бывших южных республик, помогающих украшать наш

город». Их много в центральных городах, но здесь, на Крайнем Севере, эти ребята выглядят оригинально. Интересно, какая у них история? Мы интересуемся, открыт ли ресторан, и тут появляется третий, похожий на армянского борца, и говорит, что для нас открыть ресторан можно. Вот это истинная благодать! О таком в Финляндии даже мечтать не приходится. Ужинаем в полутемном зале с тяжелыми гардинами на окнах. Есть тут и сцена, где по выходным местные крепыши хрипят слащавые песни о любви. На столах — белоснежные скатерти и приличного качества приборы. Настроение приподнятое, и еда вполне приличная.

Темнеет. В городах на севере Коми темнота какая-то особенно густая, возможно, потому, что фонари не зажигаются. Наш поезд в девять вечера. Мы отправляемся на вокзал, где полицейских чуть ли не больше, чем отправляющихся. Ничего удивительного — такое в современной России вполне обычное дело. Опасность совершения террористических актов потребовала беспрецедентных для мирного времени мер. Пассажиру, приобретающему билет на междугородний автобус, придется показать паспорт, билет будет выписан на его имя. На станциях постоянно проводятся проверки документов, повсюду установлены рамки металлоискателей. Ухта тоже не исключение: входящим и выходящим из здания вокзала приходится проходить через такие воротца. Правда, их цель не совсем ясна: рамки сигнализируют постоянно, но ничто не в состоянии колыхнуть прикованных к своим стульям плотно сбитых полицейских.

БАВИЛОНСКАЯ БАШНЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Наш состав, скрипя и выбрасывая искры, тормозит на станции Инта-пассажирская в десяти километрах от города. Такое немного странное расположение объясняется тем, что

железнодорожную ветку тянули ближе к угольным шахтам, чтобы было удобнее грузить ископаемое топливо. Город же строили ближе к воде, на берегу реки Инты. Мы берем такси и едем в центр. Он кажется нам смутно знакомым.

Большая часть жилых зданий города представляет собой либо поникшие деревянные бараки, либо «сталинки». При строительстве последних использовался разноцветный кирпич, чтобы создать на стенах домов орнаменты или красочные панно с изображением буровых вышек. Красные кирпичи изготавливались на кирпичном заводе в Инте, желтые — в Ухте, а бетон мешали в Воркуте. Сталинские дома лишены балконов: проектировщики считали, что в арктическом регионе в них нет смысла. Позже балконы все же пристроили к уже готовым домам — видимо, необходимость возникла.

Гуляя по Инте, можно встретить разную публику — от стариков до семей с малыми детьми. Сектор услуг представлен косметическими салонами и магазинами стройтоваров. В целом здесь победней, чем в Ухте, но не тоскливо, несмотря на мрачное прошлое и удаленное расположение. Центр города видал и лучшие времена, но от этого здесь царит определенная идиллия, словно холодный климат пощадил Инту. Местные говорят, что с работой здесь туговато. Большинство занято на сезонных работах. Некоторые уезжают в продолжительные командировки, а потом возвращаются домой.

Инту породил ГУЛАГ, как и многие другие населенные пункты вдоль печорской магистрали. Собственно говоря, на вид они практически идентичны. Иногда кажется, что районы с деревянной застройкой северных российских городов собирались по одному и тому же плану, а потом к ним просто пристроили стандартные бетонные многоэтажки. На окраине Инты все еще видны следы тяжелой истории

региона, а также остатки советской эпохи: опустевшие заводы, пустые дворы, брошенные в канаве ржавые автомобили. Обычные горожане живут по инерции.

* * *

В гостинице мы еще насидимся, поэтому решаем сразу отправиться в Интинский краеведческий музей. Местные сотрудники первоначально относятся к нам с подозрением. Пожилой мужчина, представившийся Николаем Барановым, поочередно разглядывая нас, сурово интересуется, кого мы уже успели встретить во время нашего путешествия. Боже, неужели опять эти извечные допросы?! Довольно скоро мы поймем, что это всего лишь давняя традиция — спрашивать, чьих будешь да кого знаешь. В нашем случае достаточно назвать фамилию Рогачева, как товариш Баранов добреет на глазах.

Оказывается, он прекрасный гид. Баранов рассказывает нам об истории ГУЛАГа и политических репрессиях в районе, а потом экскурсия выходит на улицы Инты. Это именно то, чего мы ждали во время нашей поездки! С Барановым мы проходим, просматриваем и проговариваем все следы ГУЛАГа в городе. Наш коллега уже в годах, но он не останавливается ни на секунду и все рассказывает, рассказывает нам прямо в лицо, словно от этого зависит его жизнь. Глаза с хитринкой горят на морщинистом лице.

Мы начинаем издалека. В 1940 году в районе Инты палеонтологи — бывшие зэки — обнаружили скелет древнего животного. Но это было потом, а за полтора десятка лет до этого советские власти начали поиск экономически целесообразных месторождений каменного угля. Геолого-разведочными работами руководил московский профессор Александр Чернов, тогда же, в 1924 году, он впервые выделил Печорский угольный бассейн. Обнаруженные запасы угля

поражали своими объемами и были признаны стратегическими, так что государство принялось за их освоение.

Вольнонаемные шахтеры провели пробное бурение и начали строить шахты. Пригнанных заключенных заставили рыть промерзлую землю. В Инте, как и во многих других лагерях, мужчины и женщины работали вперемешку и только жили в разных бараках. Политические и уголовники не были отделены друг от друга.

Угольные шахты построили в середине тридцатых годов. Работа шла медленно. Территория представляет собой лесотундру, зимой стрелка термометра опускается до минус сорока градусов. Строительные материалы, требуемый инструмент и еду можно было завезти, но добытый каменный уголь вывозили исключительно водными путями в течение трех с половиной месяцев в году. В 1937 году руководство приняло решение построить железную дорогу — такой проект было бы невозможно выполнить, если бы не наличие заключенных. Из-за болотистой местности рельсы можно было укладывать только в зимнее время. Снег падал беспрестанно, и паровозы тонули в сугробах, достигавших трехметровой высоты.

Во время экскурсии Николай Баранов рассказал интересный момент: после уничтожения московского храма Христа Спасителя в 1931 году осталось огромное количество металлической арматуры. Ее привезли в Котлас, где переплавили в стальные мосты через реки, заменив старые деревянные. Таким образом, останки храма божьего нашли новое предназначение в период сталинской индустриализации. По этим же мостам проехали и мы.

С Интой связано много историй. К примеру, в 1947—1948 годах, во время строительства железной дороги сквозь Уральский хребет, на территории нынешнего Ямало-Ненецкого автономного округа вспыхнул бунт. Заключенные

попытались прорваться в Воркуту и захватить местный радиоцентр, чтобы рассказать всему миру об ужасах ГУЛАГа. Сначала им навстречу отправили танки, но те застряли в болоте, и только тогда послали войска. Истребители-бомбардировщики и батальоны автоматчиков сумели усмирить бунтовщиков.

Николай рассказывает о беглецах, точнее, о тех, кто предпринял попытку бежать из интинских лагерей. Некоторые пытались спрятаться в вагонах под углем, чтобы вырваться на свободу, но даже если им удавалось покинуть территорию лагерей, погода становилась непреодолимым препятствием. Если их не удавалось схватить, то, как правило, плохо одетые, полуголодные заключенные не выдерживали в бесконечной пустыне — климатические условия играли ГУЛАГу на руку.

После войны в Инте находилось восемь лагерей с общим числом осужденных от 20 до 28 тысяч человек. Во время войны они служили фильтрационными лагерями для оказавшихся в плену военнопленных немцев и бежавших из немецкого плена красноармейцев, а еще для вывезенных из захваченной Прибалтики латышей, литовцев и эстонцев; было множество украинцев — в основном коллаборационистов.

* * *

Неподалеку от центра Инты нам показывают пустырь на берегу реки. Где-то там располагался лагерь, хотя следов уже не видно. Мы идем в сторону небольшой протоки, прокопанной руками заключенных-женщин. Висячий мост пересекает десятиметровой ширины русло с совершенно черной водой. Удерживаемый ржавыми стальными канатами, мост угрожающе раскачивается на ветру. Нашего бесстрашия хватает только чтобы дойти до половины, а наш

сопровождающий продолжает говорить. Прокладка канала началась осенью 1949 года силами двухсот заключенных Минлага. Женщины вгрызались в мерзлую землю кирками и лопатами, вкалывая по восемь часов в день с перерывами на десять минут каждый час. Результатом непосильного труда стал канал длиной 450 метров.

Со слов Николая, рядом с каналом планируется создать мемориал в память о погибших женщинах ГУЛАГа. Проект уже готов, дело только за финансированием. Местная администрация не торопится выделить деньги, может быть, мало заинтересована в оказании поддержки проекту, а может, и еще чего. Неподалеку существовал еще один крупный лагерь для женщин, а также деревообрабатывающее производство, где в качестве рабсилы тоже привлекались заключенные.

Мы спрашиваем у Николая, есть ли здесь что-нибудь, что не имеет отношения к ГУЛАГу, ведь мы обошли почти всю Инту, а все увиденное так или иначе связано с лагерями. Немного подумав, Николай отвечает, указывая на пятиэтажные дома, что те построены уже без использования труда заключенных, но на старом лагерном кладбище. Когда их строили в семидесятые, никто всерьез не задумывался о том, стоит ли тревожить покой лежащих в траншеях, — в то время заключенных по-прежнему не считали даже за людей, настолько всеобщим было господствующее в обществе отвращение к «врагам народа».

По слухам, на сегодня в Инте насчитывается девять захоронений, где лежат жертвы ГУЛАГа, но лишь часть из них функционирует, другие уничтожены, а третьи просто заброшены.

Мемориальный камень жертвам ГУЛАГа — это небольшая гранитная плита, усыпанная яркими искусственными цветами, иначе бы она просто затерялась в окружении мно-

гоэтажек и детских площадок с песочницами и лазалками. Памятник установлен силами местных музейщиков и интинского «Мемориала» в 1993 году по инициативе бывшего директора Интинского краеведческого музея О. В. Молене. Камень высотой около метра, его краткая надпись звучит как послание — «Жертвам сталинизма».

А Николай Баранов уже спешит дальше, показывая нам, словно спортивный комментатор, на поросший кустарником берег реки Большая Инта. Туда уходит русло реки, там же в нее впадает ручей. Точное местонахождение неизвестно, по документам выяснить тоже не получилось, но рассказывают, что где-то в том направлении производились массовые расстрелы людей: «Многие заключенные работали в забое. Часть из шахт функционирует до сих пор. Что за места!»

Он знает, о чем говорит: он сам больше двадцати лет работал на интинских шахтах после того, как систему принудительного труда сломали, а заключенных начали заменять вольными людьми. На сегодняшний день из пятнадцати угольных шахт работает только одна: глобализация изменила рынки, азиатский уголь попросту дешевле.

Сначала был ГУЛАГ, затем в поисках работы сюда переселялись вольнонаемные, а после освобождения заключенные тоже трудоустраивались в городе. В желании защититься от безжалостного Севера в Инте город, шахты и лагерь представляют собой единое целое. С закрытием лагерей все осталось практически на своих местах, и лагерное прошлое просто покрылось пеленой прошедших лет. ГУЛАГ здесь — вещь обыденная, если не сказать банальная. Недавнюю историю не то чтобы скрывают, ее просто не вспоминают отдельно даже тогда, когда есть явный повод. На крохотном интинском вокзале установлен памятник — угольная вагонетка на пьедестале — в

честь шахтеров и железнодорожников времен Великой Отечественной войны, осуществлявших поставки угля с Севера для военных объектов Ленинграда. Только вот нигде не сказано, что большая часть работавших на шахтах были заключенными, не имевшими иного выбора, кроме героического труда.

* * *

«А вот еще водонапорная башня, — говорит Николай, взмахнув рукой по направлению к центру города, где возвышается башня из красного кирпича. — Ее спроектировал заключенный, ее построили заключенные, и материалом тоже обеспечили заключенные».

Интинскую башню в период строительства называли Вавилонской. В ее возведении участвовали более одиннадцати тысяч человек, представлявших 69 разных национальностей, включая 14 финнов. Эскиз проекта создал эстонский швед Артур Тамвелиус. Его осудили уже после войны, в Коми он находился в разных лагпунктах и отделениях Особого Минерального лагеря с 1947-го по 1956 год. Как художник Тамвелиус спроектировал не только водонапорную башню, но и многие здания в самом городе, например Дом культуры. На выставке в Интинском краеведческом музее имеется газетная вырезка из шведской газеты с заголовком *Pappa har kommit hem*, где рассказывается о приехавшем к уже перебравшейся в Швецию своей семье Тамвелиусе; он наконец-то встретил свою семнадцатилетнюю дочь, которую видел последний раз в трехлетнем возрасте.

Николай поведал нам любопытнейшую историю про одного заключенного. Ему каким-то чудом удалось спрятать чертежи башни в капсулу и после освобождения вывезти с собой в Таллин. После развала Советского Союза

и обретения Эстонией независимости этот человек приехал в Интинский музей и передал в дар ту самую капсулу, словно некое национальное достояние. На наш взгляд, случай свидетельствует о том, насколько сильно гордились заключенные результатами своего труда. Чертежи эти сегодня экспонируются в музее. Высота башни с увенчанным красной звездой шпилем составляет 54 метра. Точно такие в свое время сверкали в темноте над входами в местные шахты. Водонапорная башня Инты является примером того, насколько ГУЛАГ и здесь сросся с обыденной жизнью города. Башня составляет гордость региона, она красуется даже на его эмблеме. Странный парадокс: для сравнения стоит задуматься, смог бы маленький немецкий городок гордиться тем, что узники нацистских лагерей построили его единственную достопримечательность, да еще и использовать ее в своей геральдике.

Сегодня в водонапорной башне действует музей политических репрессий Республики Коми. Между поддерживающими резервуар колоннами висят рядами сотни маленьких красных человеческих фигурок. Они вырезаны из бумаги и развешаны на шести дугах так, что входящий оказывается словно под шатром. Под крышей в месте соединения дуг закреплен глобус, на котором Советский Союз выделен красным цветом. Все вместе выглядит жутковато, навевая образ конца света со свисающим под потолком дискотечным шаром.

Задача музея — представить исторический экскурс в эпоху. Здесь выставлены небольшие деревянные дощечки с начертанными на них посланиями к родственникам; заключенные надеялись, что когда-нибудь эти письма будут обнаружены и переданы родственникам, зачастую не знавшим ничего об их судьбе. Подобные надписи вырезались на

бревнах барачных и на кирпичах. В витринных шкафах выставлены также выточенные узниками деревянные игрушки и шахматная доска. Есть и уменьшенная копия водонапорной башни.

Экскурсия прошла на славу. Казалось бы, время распрощаться с Николаем Барановым, но он так просто нас не отпускает, а ведет в лучшее интинское кафе-ресторан, где представляет нас персоналу в качестве гостей из Финляндии, которых следует обслужить по высшему разряду.

До наступления вечера мы успеваем увидеть красивый деревянный дом на улице Школьная. Здесь проживал начальник Интинского ИТЛ. За домом открывается промзона. Часть предприятий остановлены, часть функционирует. Все они выросли из земли, перекопанной ГУЛАГом.

На краю площадки возвышается странного вида сооружение, похожее на бытовку, над ней — позолоченная луковка и крест. При ближайшем рассмотрении эта конструкция оказывается мобильным православным храмом.

Ужинаем в кафе «Уголек». Телевизор включен на полную мощность. К своему удивлению, на экране мы видим знакомое лицо. Так ведь это же Николай поет какую-то песню в сопровождении хора бабушек! Невероятно, нам оказали особую честь, организовав экскурсию с местной знаменитостью. Уходя, мы на радостях чуть было не забыли сдачу — все же больше 4000 рублей, но, к счастью, официантка как истинная интинка вручила нам все до копейки.

* * *

Наш поисковый отряд вновь в полной боевой готовности. На этот раз в планах отправиться месить грязь на окраины Инты. Берем такси и отправляемся на кладбище микрорайона Восточный. По дороге проезжаем мимо быв-

шего кирпичного завода. Сегодня заводские корпуса громятся, как исполинские скелеты, и вряд ли помнят свои лучшие времена.

Березняк давно поглотил кладбище и полусгнившие деревянные кресты. Собственно говоря, лес поглотил и весь микрорайон Восточный. Здесь нет ни одного жителя — остались только места их последнего упокоения.

Типичные для советской эпохи металлические надгробия давно поржавели и покосились. Окрашенные лучами заходящего солнца, они напоминают выстроившиеся в ряд полуразвалившиеся каменки для сауны. Столбики с номерными знаками частично утрачены, на табличках уже не различить имен усопших. Некоторые из памятников упали, и вряд ли кто-нибудь их поднимет. Кажется, что брошенный на произвол судьбы могильник подобен памяти и забвению, патине и ржавчине, покрывшим ГУЛАГ, пробелам в истории лагерей. Лишь только памятники латышам и литовцам каким-то образом делают его видимым.

В этом потустороннем месте сохранилось нечто совершенно уникальное: первый и в течение долгого времени единственный в Советском Союзе памятник жертвам политического террора *Dzimtenei* («Родина») установили в 1956 году в память обо всех высланных в Инту латышах. Тогда система ГУЛАГа еще действовала, но уже начался ее демонтаж. Среди освободившихся из лагерей латышей возникла идея установки памятника. Он принадлежит резцу скульптора Эдварда Сидрабса, бывшего заключенного Минлага. Монумент надлежало сделать максимально аллегоричным, чтобы получить официальное разрешение органов госбезопасности на его установку. Отсюда образ: каменная женщина одета в латвийский национальный ко-

стюм, символизируя скорбящую Родину-мать и тоску заключенных по дому.

Вторым сохранившимся памятником на кладбище является *Rūpintojėlis* («Скорбящий Спаситель»). Он установлен в память о литовских заключенных летом 1990 года по инициативе Вильнюсского общества политссыльных. Его освятил епископ Казимир Василяускас, бывший заключенный Минлага. Памятник представляет собой бетонную стелу с изображением Христа и надпись на русском, литовском и коми: «Не вернувшимся».

Солнце уже почти касается горизонта. Безнадежный вид могильника подчеркивает шелудивый пес, блуждающий среди могил в надежде отыскать какую-нибудь кость. Ко всему прочему, наша обувь покрывается странной пылью — она здесь везде. Пора уезжать. Мы втискиваемся на заднее сиденье «Жигулей». Усатый водитель, матерясь, начинает рассказывать, как в микрорайоне «Восточный» еще лет двадцать назад было полным-полно народу, но жилые дома опустели, люди переехали кто куда, забрав с собой все, что только можно. От некоторых домов остался один фундамент да кольцо от колодца. Были здесь замечены и мародеры. Заводы и шахты стоят, совок похерили, а с ним и все остальное. Водитель и сам из шахтеров. Помнит, как туго жилось в девяностые. Дети были мал мала меньше, зарплату не платили. Сквозь тугую струю мата наш усач вдруг радостно восклицает: «Выжили, чего там! Человек справится с чем угодно».

По совету Николая Баранова отправляемся поужинать в кафе «Шоколад». Фишка меню — национальное блюдо ненцев, ханты и манси: строганина из оленины. Это предварительно замороженное, нарезанное тонкими ломтиками сырое мясо оленя, приправленное солью, перцем

и лучком. Что за вкус! Настоящая арктическая симфония!

Вечером в гостиничном номере просматриваем наши записи и снимки. На одной фотографии видна деталь, на которую мы сразу как будто не обратили внимания: в течение последних нескольких лет молодоженами на перилах построенного неподалеку от бывшего женского лагеря подвесном мосту прикреплено несколько десятков, если не сотен, разноцветных замочков. Что это, как не мощный символ победы нынешнего момента! Несмотря на груз гулаговского прошлого, жизнь здесь продолжается, и хотя лагеря присутствуют, они не диктуют интинцам, как им жить дальше. Пожалуй, это самая радостная мысль, которую мы увозим с собой из Инты.

ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ В ГУЛАГЕ

Обычно историю ГУЛАГа проговаривают мужчины. Мужчин арестовывали, расстреливали или увозили в лагеря, мужчины работали, мужчины умирали. Мужчины выносили приговоры, мужчины охраняли мужчин. Размышляя над этой книгой, мы тоже предполагали, что обсуждение лагерей и принудительного труда тождественно разговору о мужчинах. В этом смысле лучший удел женщины — страдать дома, собирать посылки, писать письма... Во многом так и было, но в огромной массе прошедших через лагерь было немало женщин и детей. Их история — важная часть большой истории ГУЛАГа.

Многие попавшие в лагерную систему женщины, как и мужчины, в действительности были осуждены без вины. Разумеется, среди общего числа заключенных-женщин имелись десятки тысяч «обычных» преступниц, приговоренных

по бытовым статьям, и они не все оказались в ГУЛАГе, а сидели по тюрьмам.

Женщин и даже несовершеннолетних детей отправляли в лагеря не за совершенные ими «преступления», а из-за их мужей и отцов. В советском уголовном кодексе имелаась статья, допускавшая арест и осуждение супругов «политических». На практике это всегда относилось к женам осужденных. Как подметила Энн Эпплбаум, тот же самый закон не работал в отношении мужей осужденных по политической статье женщин. Для жен политических заключенных были созданы отдельные лагеря. Подобные подразделения в системе исправительно-трудовых лагерей, где содержались «жены изменников родины», находились в Мордовии, существовал также печально известный «Акмолинский лагерь жен изменников Родины».

В ходе проводившихся в 1930-е годы в крупных городах чисток в находившиеся в ведомстве НКВД исправительно-трудовые лагеря были отправлены более ста тысяч маленьких бродяг, среди них большая часть — дети «кулаков», а родители других уже сгинули в лагерях и ссылках. Что касается попавших в места заключения детей, то их никогда не было существенно много, но когда говорится о детях, то много — это сколько? Некоторых детей отправляли в лагерь вместе с матерями, иногда они попадали туда прямо из сиротских домов. Известный российский театральный художник и писатель Эдуард Кочергин в книге воспоминаний «Крещенные крестами: Записки на коленках» рассказывает о своем нахождении в детском приюте. Учреждение находилось на балансе НКВД. Уверенный, что в приюте заправляют «враги народа», мальчик в итоге сбежал. Возможно, причиной такого является то, что у советских властей не имелось единой продуманной политики по отношению к детям осужденных родителей.

В 1930-е годы больше, чем когда-либо — 100 000 беспризорников, собранных во время рейдов НКВД, — было отправлено в детские колонии; многие из них — потомки кулаков. Дети оставались одни, если в заключении находились оба родителя.

В разные годы и в разных лагерях женщины составляли от 10 до 20% от общего числа заключенных. Во время войны их было больше, в пятидесятые — меньше. Женщины работали в тех же самых отраслях, что и мужчины, им не полагалось отдельного «женского труда» — так далеко гулаговский шовинизм не распространился, и, скажем, на лагерных кухнях работали одинаково и мужчины, и женщины. Однако свидетельства современников говорят, что женщинам даже в самых нечеловеческих условиях удавалось следить за собой и соблюдать гигиену куда лучше мужчин. Для этого они шли на самые разные ухищрения. Зимой, если не было воды для умывания, растапливался снег. Одежда регулярно чинилась, в качестве иголок и ниток использовались рыбы кости и собственные длинные волосы. В общем, они поступали, как и тысячи лет назад их предки, но только с единственной целью — для сохранения человеческого облика. Конечно, это не значит, что мужчины никогда ничего подобного не делали. Но у Евгении Гинзбург есть размышления о том, что мужчины производили настолько сильное впечатление беззащитности именно вследствие неухоженности и растерянности, что все женщины испытывали к ним материнскую жалость.

Женщины оказывались сильнее: в отличие от мужчин, они практически никогда не падали до уровня «доходяг», когда накатывала полнейшая апатия, вызванная крайней степенью усталости, и человек вовсе прекращал заботиться о себе, — это воспринималось как прямая дорога к смерти.

Характерно и то, что если женщины все-таки сдавались и переставали заботиться о себе, их падение оказывалось куда более быстрым.

Дети, не обладая способами самосохранения в подобных условиях, были особенно уязвимы. Они нуждались в помощи родителей или других взрослых, а иначе могли просто погибнуть. Многие умирали от дефицита лекарств и плохого питания. Совсем маленькие дети работали редко, в лучшем случае занимаясь уборкой своих барачков, однако отправка детей постарше на работы наравне со взрослыми была весьма распространенным явлением. Принятый до войны закон предполагал уголовное преследование лиц, достигших возраста 12 лет, так что часть детей в полной мере ощутила на себе все тягости ГУЛАГа. Некоторые из них выжили, влившись в среду уголовников, и не смогли расстаться со своим прошлым после освобождения.

Количество гулаговских детей увеличивалось благодаря тому, что некоторые рождались в лагере от находившихся в состоянии беременности на момент ареста матерей, либо если беременность случалась в период содержания в лагере. Последнее было совершенно обычным делом — практика изнасилований женщин приобрела на зоне широкое распространение. Некоторые женщины стремились обзавестись любовником из числа охраны, чтобы он мог оградить их от остальных, имея преимущественное право на получение сексуальных услуг. На гулаговском языке существовал термин «хоровое изнасилование» или «колымский трамвай», означавший ситуацию, когда большая группа уголовников подкупала охрану и врывается на территорию женской зоны. Некоторые женщины даже сознательно стремились забеременеть, предполагая, что смогут получить послабления и улучшенное питание. Однако после

рождения ребенка условно мягкое обращение заканчивалось: женщин отправляли из лагерной больницы прямо на работы, а детей помещали в специальные отделения, куда доступ был ограничен — лишь несколько раз в день, чтобы покормить грудью. Понятно, что детьми в ГУЛАГе никто и не собирался заниматься, многие жили на уровне собак, лишенные всякого воспитания и ухода, не зная иной действительности, кроме лагерной.

В «Крутом маршруте» Евгения Гинзбург, работавшая некоторое время в женском лагере нянечкой, приводит довольно грустный пример. Как-то она попыталась рассказать детям о совершенно обычных вещах. Из детей мало кто умел читать, некоторые даже не умели говорить. И тогда Гинзбург нарисовала дом и показала его ребенку. Тот воскликнул: «Барак». Затем она нарисовала забор вокруг дома и спросила, что это. Другая девочка радостно закричала: «Зона!»

Жестокие страдания женщин и детей не ограничивались только архипелагом лагерей. Практически во всех деревнях, селах и городах имелись оставшиеся без кормильца семьи. Хотя Советский Союз пропагандировал гендерное равноправие, где женщины получили возможность работать не только домохозяйками, зарплата позволяла мужчине содержать семью, а женщине все равно приходилось нести на себе всю тяжесть забот по дому. Так что исчезновение мужа, отца и основного кормильца означало наступление тяжелых времен для его семьи. Вслед за арестом супруга женщина могла лишиться работы, средств к существованию и какой-либо опоры в жизни. Ее избегали знакомые и родственники, а представители власти всячески измывались над осужденными и отправленными в лагерь женами и матерями. Самым сложным в этой ситуации

было абсолютное незнание: никто не знал, когда вернется муж и жив ли он вообще.

К тому же в руководстве Советского Союза или на высших должностях НКВД в период ГУЛАГа практически не было ни одной женщины. Получается, что планирование системы и формирование арестантских и расстрельных списков являлось прерогативой исключительно мужчин. Женщины служили в охране женских лагерей; в лагерях для мужчин они могли занимать административные должности. В таком случае они не оказывались в роли жертв, а сами принимали непосредственное участие в кровавой мясорубке, при этом не являясь какими-то исключительными личностями с садистскими наклонностями. Будучи самыми обычными людьми, этим они и были страшны.

* * *

Повесть Сергея Довлатова «Зона», изданная им уже в эмиграции в США, была написана писателем по мотивам его службы в ВОХР¹, связанной с охраной исправительно-трудовых лагерей. В одном из четырнадцати самостоятельных эпизодов лагерной жизни Довлатов рассказывает о женщинах в исправительно-трудовой колонии, являвшихся предметом тайного обожания всех мужчин. В тюремном фольклоре история про эротические взаимоотношения между начальником лагеря и эзком играет большую роль. Это одновременно и разговор о сексуальном влечении, и форма идеальной мести. Хотя писатель рассказывает о послегулаговском времени, этот приближенный к нашей реальности эпизод вполне мог быть в духе более ранней эпохи.

1. Войска ВОХР (Войска внутренней охраны республики) — вооруженные военизированные формирования, в задачу которых входили охрана и оборона особо важных объектов, сопровождение грузов, охрана мест лишения свободы.

Конечно, сексуальность и любовь не могли не присутствовать в ГУЛАГе. Мужчин и женщин против их воли выселяли в отдаленную местность, вынуждали жить в тесных бараках с представителями своего пола. Изоляция обостряла сексуальные желания, которые должны были каким-то образом выплескиваться наружу. Одной из наиболее существенных разниц между пребыванием в заключении мужчин и женщин являлась ранимость последних, обусловленная полом. В довлатовских историях женщины, в основном работающие в ИТК как вольнонаемные, представляют собой недостижимые объекты мечтаний, но они могли оказаться жертвами варварского обращения, особенно находясь за решеткой. В советских лагерях женщин систематически принуждали к сексуальным взаимоотношениям, и они не могли ничего с этим поделать. Их продавали, проигрывали в карты, ими бились об заклад, они переходили от одного мужчины к другому, словно неодушевленные объекты.

Справедливости ради нужно сказать, что женщины не всегда оказывались в роли безвольных жертв. Они заботились о себе, пытались всячески улучшить свое положение, и это приводило к многосложным интригам и даже эксплуатации других заключенных, не исключая охранников, в собственных интересах. Как бы там ни было, многим женщинам благодаря подобной находчивости удалось выйти живыми из ужаса ГУЛАГа.

Обостренная сексуальность шла рука об руку с насилием и смертями, и это привело к тому, что секс стал в ГУЛАГе обыденным делом. Случалось, что никто даже не пытался скрывать факт изнасилования, такое могло произойти в открытую, прямо во дворе лагеря. Человек, попавший в лагерную систему, очень быстро обучался необходимым для вступления в сексуальную связь кодам и формам поведения, и они, как правило, бывали недвусмысленными.

Как и во многих других закрытых сообществах, широкое распространение получили и гомосексуальные взаимоотношения, проявляясь в одинаковой степени и у мужчин, и у женщин. Представители обоих полов принимали активные и пассивные роли, причем, если гомосексуал являлся активным, то его могли даже не считать за гомосексуала, а вот игравшие пассивную роль становились презируемыми, их преследовали администрация и остальные осужденные. О таких «ванечках» и «сенечках» пишет Варлам Шаламов. Любопытно, что к мужеложству в лагерях не относились столь же презрительно, как на воле, где оно попадало под соответствующую статью уголовного кодекса, однако нетрадиционное сексуальное поведение регулировалось определенными ритуалами. При этом лесбийская любовь воспринималась более терпимо. Несмотря на известную откровенность, существовали и свои ограничения, которые довольно быстро вульгаризировались: однополым сексом можно было заниматься прямо в бараке, отгородившись тряпкой от остальных, либо по негласному сговору, как будто происходящего никто не замечает. Конечно, в особенности среди уголовников, занятия сексом приобретали черты насилия над личностью, хотя и здесь имелись свои закономерности.

Помимо обычного и порой неприглядного секса, в лагерях существовало в большей или меньшей степени естественное партнерство. Охрана и заключенные, да и сами заключенные не были лишены потребности в простых человеческих чувствах: они влюблялись, завязывались постоянные взаимоотношения. Некоторые лагеря, например переселенческие, представляли собой один большой лагпункт, где женскую и мужскую зону отделял только забор. Осужденным удавалось передавать друг другу послания, переговариваться. Иногда мужчины и женщины могли даже не видеть друг друга, но между ними все равно завязывались постоянные

связи, некоторым даже получалось вступить друг с другом в неофициальный брак через забор. Известный советский диссидент Анатолий Марченко пишет о том, как эти прекрасные любовные переживания уносили мысли прочь от лагерной действительности, от колючей проволоки и одиночества. Некоторым вступившим в брачные отношения в период пребывания в ГУЛАГе удалось сохранить свой союз и после освобождения.

В «Крутом маршруте» описывается ситуация, когда в лагерь, незадолго до отправки на Колыму, пригнали огромный этап, состоящий сплошь из мужчин. Женщины смотрели, как мимо них проплывал тяжелый политический этап, пока не случилось невероятное: двое иностранных граждан, мужчина и женщина, встретили друг друга после многих лет разлуки. «Эти человеческие существа, уже почти бесплотные, соприкоснувшись друг с другом, сразу, как по волшебству, приобрели утраченную от безмерных страданий остроту восприятия мира. Завтра их разведут в разные стороны, и они никогда больше не увидятся. Но сегодня они взволнованно смотрят в глаза друг другу через ржавую

1. Гинзбург Е. С. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. М.: АСТ, 2015.

колючую проволоку и говорят, говорят... Более высокой, самоотверженной любви, чем в этих однодневных романах незнакомых людей, я не видела в жизни. Может быть, потому, что тут любовь действительно стояла рядом со смертью»¹.

* * *

Остается еще одна «достопримечательность», после чего мы покинем Инту, чтобы отправиться к тому месту, где рельсы заканчиваются. Мемориал располагается далеко от центра, но, к счастью, по пути к вокзалу.

Построенная заключенными дорога ведет из города к железнодорожным путям. И здесь она тоже повидала вся-

кого: земля и эпохи перемен испытывали ее на прочность, поверх нее неоднократно клался асфальт. Хотя таксист и пытается объезжать колдобины, машина отстукивает по ним, как если бы мы уже сидели в вагоне поезда, идущего на восток. По правую руку видны наполовину развалившиеся дома, в некоторых, похоже, еще живут люди. Через пять километров водитель притормаживает: на перекрестке стоят две машины ГИБДД, идет очередная операция «Свисток». Хочется спросить: и чего вдруг здесь, посреди тотальной пустоши, такая операция? Может, с целью продемонстрировать, что этот странный пригород, где уже почти никто не живет, является настоящим населенным пунктом со всеми полагающимися полицейскими постами? Похоже, открытие Севера и привлечение населения сюда продолжают.

Водитель съезжает на бровку и останавливается рядом с полицейской машиной — странно, вроде жезлом никто не махнул. Полицейские так и стоят на месте, демонстрируя полное отсутствие интереса к нам. Мы на месте. «Здесь?» — молча спрашиваем одними глазами. Выходим.

Среди почерневших, обернутых в изорванный изоляционный материал труб, среди ужасающего вида домишек, на откосе какой-то второстепенной дороги, между полусгнившими электрическими столбами и болотиной — да-да, именно так — виднеется небольшой памятник на бетонном постаменте. Нам приходилось видеть много находящихся в забвении знаков, но этот — нечто особенное! Он кажется таким заброшенным, что одной его заброшенности уже можно поставить памятник.

Монумент установлен сидельцем воркутинского лагеря Иосифом Хоролом в память о его погибшей в Минлаге матери. Студент Одесского университета Хорол в 1951 году получил 20 лет лагерей за «антисоветскую деятельность», его мать задержали в следующем году и дали столько же

лет за «антисоветскую агитацию и пропаганду». В 1990 году будущий гражданин Израиля Хорол прибыл в Инту, чтобы установить памятный знак при поддержке местного отделения «Мемориала». На камне, кроме имени «Хорол Зинаида Осиповна (1908—1954)», имеется надпись: «Безвестным и бесчисленным женщинам — жертвам сталинского террора. Имена ваши бессмертны».

Этот небольшой монумент на обочине по-своему показывает, как мало внимания уделялось и уделяется женщинам в контексте истории ГУЛАГа. Неожиданно нас охватывает какое-то особое торжественное чувство. Кажется, что мы преодолели тысячи километров сквозь тотальную немоту только за тем, чтобы прийти сюда и увидеть этот камень. Но память до сих пор жива и у местных жителей: у подножия памятника кем-то положены яркие искусственные цветы.

ГЛАВА IV

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

СТАЛИНСКИЕ «ЧИСТКИ» И ГУЛАГ

Много позже Александр Солженицын напишет: «Или страшней еще то, что и тридцать лет спустя нам говорят: не надо об этом! Если вспоминать о страданиях миллионов, это искажает историческую перспективу!» Эту фразу он вкладывает в уста гипотетического обычного гражданина в своем «Архипелаге ГУЛАГ», но она гениально отражает позицию многих его соотечественников относительно ГУЛАГа и отдельно Большого террора. Их логика такова, что лучше вообще не говорить обо всем том зле, что осталось позади, потому что, если вспоминать каждый кровавый акт той драмы, то вокруг СССР может создаться отрицательный образ страны с культом насилия, а остальные лучшие его стороны останутся незамеченными.

Возможно. Здесь можно задуматься о том, существует ли вообще какая-либо историческая перспектива, если не вспоминать о государственной машине насилия.

Вторая половина тридцатых годов известна как период сталинских чисток и Большого террора, уничтожившего всю политическую элиту Советского государства. Старых большевиков и членов партии арестовали и казнили, волна насилия захлестнула и сотни тысяч обычных граждан вне

зависимости от того, рассказали ли они какой-нибудь безобидный анекдот про Сталина или приходились родственниками кому-то из уже осужденных. Нередко обвинение таких людей в совершении «преступления» являлось простой формальностью.

В истории ГУЛАГа и всего Советского Союза Большой террор стал следующим радикальным шагом власти после всеобщей коллективизации. Ханна Арендт в «Истоках тоталитаризма» показывает, что сползание Советского Союза к тоталитаризму началось после уничтожения в середине 1920-х годов политической оппозиции в стране. Собственно, Большой террор ознаменовал собой вершину этого процесса. Мало того что искоренялся всякий подозрительный элемент, изменилась вся атмосфера государства: скрывавшаяся в глубинах большевизма, граничащая с паранойей мания преследования достигла апогея. Террор стал основой системы. Утратили всяческое значение понятия виновности и невиновности. Различные формы подавления и преследования, объяснявшиеся ранее необходимостью достижения коммунистических идеалов, обрели самостоятельную ценность. Историк Шейла Фицпатрик подводит итог этому периоду в СССР: «Это был существенный эпизод сталинского гнета; это четко прорисованный исторический момент, опыт террора предыдущего десятилетия».

Скажем шире: период Большого террора является самым известным случаем практиковавшегося на протяжении многих десятилетий государственного террора. Порой это затемняет общее представление о политических преследованиях и масштабах ГУЛАГа. К примеру, часть мемориалов посвящена лишь этому этапу террора, а не советскому притеснению в целом. Тем самым они дают понять, что, за исключением двух лет ужаса, все остальное было, в принципе, нормой. Эта же самая извращенная логика позволяет

некоторым снимать виновность за события с высшего руководства, потому как их самих или их родственников расстреливали и отправляли в лагеря и они якобы тоже оказались жертвами. Однако это должно лишь увеличить степень вины Сталина и его ближайшего окружения, потому что последние позволили этим злодеяниям свершиться.

* * *

Большой террор прошел тяжким катком по всему советскому обществу: многих арестованных казнили в ускоренном порядке еще в период нахождения их под следствием. С одной стороны, террор существовал как бы независимо от наличия ГУЛАГа, с другой — повлиял на него в значительной степени: за три года количество осужденных почти удвоилось — с миллиона до 1,8 миллиона. К этому количеству следует добавить примерно миллион спецпереселенцев, проживавших в условиях, близких к лагерным. Многие лагеря выросли из небольших поселений до крупных промышленных центров.

Растущее количество заключенных сделало отдельные лагеря слишком тесными. Как следствие, возникла необходимость в расширении сети лагерей. Энн Эпплбаум приводит такую статистику: в 1937 году на одном из лагпунктов Сиблага, рассчитанном на двести человек, находилось порядка семнадцати тысяч заключенных. Естественно, бараков не хватало, люди рыли землянки, но вскоре и они оказались переполненными. Пищи не было, возникали эпидемии брюшного тифа.

Смертность в лагерях стала обычным делом. До периода Большого террора гибель людей в ГУЛАГе часто являлась следствием недостаточности ресурсов, ошибки или пренебрежения к сидельцам со стороны администрации, хотя случались и насильственные смерти. После 1937 года совет-

ские лагеря начали все больше напоминать лагеря смерти, где открытое истребление людей служит сокращению количества заключенных. Вполне обычной практикой в лагерях являлось приведение в исполнение смертных приговоров за какие-то случайные нарушения. Точная статистика недоступна, но, по всей вероятности, именно в период 1937—1938 годов смертность в лагерях удвоилась, в особенности в Воркуте, Норильске и на Колыме. Фактически к этому моменту изначальная мысль об исправительной сущности труда исчезла окончательно. К заключенным начали относиться как к человеческому материалу, часть которого всегда можно пустить в расход — убить или дать умереть. В 1937 году задержали и расстреляли Леопольда Авербаха, еще несколько лет назад певшего осанну «трудармейцам» Белбалтлага и развивавшего теорию об облагораживающем влиянии труда на человека. Такая же судьба постигла и некоторых других авторов книги «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина», а само издание было изъято и уничтожено.

Скрывать существование заполненных врагами народа и государства лагерей стало попросту невозможно, поскольку ГУЛАГ распространился по всей стране, заключенные работали на глазах у всех, только об этом по разным причинам не говорилось вслух. После 1937 года лагеря пропали со всех карт, любая переписка между заключенными и родственниками, включая административное взаимодействие между лагерями, проводилась через внутреннюю почту НКВД. Отныне отправлять письма заключенным родственникам можно было только на определенный почтовый ящик, никто из посторонних не мог знать о расположении конкретного лагеря или местонахождении того или иного осужденного. НКВД присваивает лагерям и заключенным определенные номера. Ссыльных называют «мусором», находящегося под следствием — «конвертом», лагеря же именовались «трестами».

Собственно, помещенных в тюрзаки, лагеря и ссыльных уже не сортируют по их профессиям, как прежде, а называют общим термином «заключенный» или сокращением з/к, в обыденной речи просто «зэк». Запрещают также присваивать им статус стахановца или ударника труда, а ведь еще до начала Большого террора отличившийся на принудительных работах мог получить подобные почетные звания.

В 1937 году отменили, правда, только на некоторое время, возможность направлять так называемых «спецов» на соответствующие их образованию работы — настолько велик был страх перед саботажем. Арестованных инженеров заставляли копать канавы, а физиков — чистить нужники. В итоге, несмотря на крайнее напряжение всех сил, наблюдалось снижение производительности труда, и в ГУЛАГе начался экономический спад. Если на этапе Соловков и Белбалтлага лагерной администрации верилось, что использование принудительного труда экономически не только целесообразно, но и имеет значительные преимущества, то позже эйфория сменилась депрессией. Однако на самых верхах ни на этом этапе, ни позже никто не хотел замечать всей экономической неэффективности ГУЛАГа.

События времен Большого террора привели ко многим изменениям в обыденной жизни заключенных ГУЛАГа: ужесточились требования к дисциплине, сократились ежедневные порции, ухудшились условия труда. Варлам Шаламов пишет, что в 1937—1938 годах условия были настолько плохи, что в течение двадцати дней здоровый молодой мужчина становился доходягой. Заключенные трудились по шестнадцать часов в сутки без выходных, проживали в дырявых палатках на пятидесятиградусном морозе. Колесо террора прокатилось и по гражданскому населению. Несмотря на все попытки скрыть от граждан факт проводившихся чисток, количество задержанных и расстрелянных выросло

до таких масштабов, что в обществе кругом все только и говорили о репрессиях. Полностью скрыть следы не получилось. Цепочка тянется до наших дней: массовые захоронения обнаруживаются повсеместно и постоянно.

В ГОРОДЕ ЛЕНИНА

Стоит серый и какой-то тяжкий день, похожий на грубое вагонное одеяло, выданное не улыбчивой проводницей. Мы идем по Санкт-Петербургу, по набережной Кутузова, проходим мимо Литейного моста в сторону Воскресенской набережной. Слева течет молчаливая Нева, справа грохочет нескончаемая вереница автомобилей. На пути от Литейного моста к Воскресенской набережной попадаетесь величественный памятный знак кораблю «Полтава», первому русскому линейному кораблю, открытый недавно в присутствии первых лиц города.

Идем дальше. Задача — найти еще один монумент. В месте, где расширяется дорога, стоят друг напротив друга два сфинкса: они практически незаметны, только остановившись поближе, понимаешь, что у сфинксов отсутствует половина лица и открыты кости черепа. Рядом на парапете набережной из гранитных блоков сооружен большой крест в форме раскрытой книги. Кто-то возложил свежие цветы. По периметру гранитного постамента прикреплены таблички с цитатами из Солженицына, Шаламова, Сахарова и других. Эта композиция была открыта в 1995 году в память о жертвах политических репрессий. Памятник, несомненно, производит большое впечатление, но, как и многие другие, находится немного на отшибе и малоизвестен даже местным.

Хотя Ленинград сильно пострадал от советского террора, этот сфинкс на сегодняшний день является единственным официальным памятником погибшим в годы чисток. Эти

жертвы как будто позабыты на фоне еще более чудовищных по своим последствиям событий, случившихся буквально через несколько лет: длившаяся 900 дней и ночей блокада Ленинграда унесла с собой сотни тысяч гражданских лиц. Блокада стала переломным моментом, в ее память открыто множество монументов, о ней рассказывается в музеях.

В 1934 году поводом для начала массовых репрессий послужило покушение на первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) Сергея Кирова. Его застрелили прямо в коридоре Смольного, перед которым мы стоим сейчас. Это событие запустило маховик Большого террора. За пару лет в Ленинграде было расстреляно свыше сорока тысяч человек, десятки тысяч отправили в лагеря. В крупных городах репрессированных оказывалось так много, что вывезти всех за черту города не имелось никакой возможности. Этим объясняется то, что сегодня в России вокруг городов — Ленинград здесь не исключение — то и дело обнаруживаются места массовых расстрелов, многие из них еще не изучены, а значит, останки безвинно погибших все еще покоятся в безывестности.

Отдельно отметим, что в Ленинграде и в Ленинградской области традиционно проживали финны-ингерманландцы — они, как и перебежчики из Финляндии и североамериканские финны, пострадали среди прочих национальностей Советского Союза в годы чисток. Из города на Неве сталинский террор перекинулся дальше на север, где у руля тогдашней Карельской Трудовой коммуны стояли так называемые «красные финны» во главе с Эдвардом Гюллингом. По новым оценкам, количество жертв среди финского населения достигает порядка тридцати тысяч.

Стоя перед мемориалом, когда рядом жужжит вереница машин, обнаруживаешь для себя совершенно иной Санкт-Петербург. Нет, это не тот самый европейский город Рос-

сии, где соседствуют роскошные дворцы и гигантские современные микрорайоны и где мы бывали столько раз. Это совершенно другой город, и он — неотъемлемая часть истории ГУЛАГа. Обычно она связывается только с Сибирью, Крайним Севером или еще более отдаленными уголками страны, но начало ее было положено именно здесь.

* * *

Пришла зима и покрыла землю толстым снежным панцирем. Сегодня морозно, стрелка термометра упала ниже двадцати градусов. От окон домов и капотов машин исходит пар. Дорожный указатель ведет нас в сторону военного аэродрома в Левашово. На этом же самом перекрестке, в двадцати километрах от центра Санкт-Петербурга, стоит массивный мемориал в память о жертвах советского политического террора. Напротив — зеленые ворота, куда восемьдесят лет назад грузовиками ввозились казенные согласно расстрельным спискам. Место находилось в отдалении, могилы рылись в массовом порядке.

Сегодня здесь, на месте бывшего полигона НКВД, располагается Левашовское мемориальное кладбище. Все кругом покрыто снегом, и поначалу сложно сориентироваться, но вскоре из-под белого покрывала начинают проступать кресты и могильные плиты. К деревьям прикреплены иконы, цветы, портреты жертв и даже некоторое подобие алтарей с утварью и сигаретами. Первые фотографии начали появляться здесь уже в конце 1980-х, как только это стало возможно.

Равно как и в карельском Сандармохе, памятники на Левашовском кладбище установлены отдельными людьми и официальными организациями. Многие обретшие независимость с распадом Советского государства народы воздвигли здесь крупные монументы. В память похороненных финнов имеется отдельная плита. Надпись гласит: «Этот

монумент установлен в память о финнах, убиенных и погибших в годы советского режима».

Левашовскому мемориальному кладбищу и небольшому музею на его территории приходится справляться на собственные средства без официальной поддержки. Поэтому памятники кажутся простыми. В музее тоже создается ощущение, что ничего не поменялось со времен перестройки, когда его создали. И это несмотря на то, что Левашовская пустошь уже с конца 1980-х годов, когда о политическом терроре заговорили в открытую, стала одним из официальных поминальных мест в городе. Известно, что здесь захоронены тела почти 8000 человек. Казней здесь не производилось, а значит, где-то неподалеку от современного Санкт-Петербурга находятся другие места казней и массовых захоронений. Часть их известна, например урочище Койранкангас. Доступ к остальным закрыт.

ВОЛНА РЕПРЕССИЙ ШИРИТСЯ

О времени начала и конца массового террора имеются самые различные мнения. Исследователи сходятся на том, что репрессии начались с голодомора на Украине, затем последовало убийство Кирова в декабре 1934 года, инициировавшее цепочку событий, вскоре достигших широчайшего размаха.

Сергей Киров пользовался большой популярностью в Ленинграде и являлся весомым конкурентом во внутрипартийной борьбе. Высказываются подозрения, что за его убийством стоял Сталин, однако веских доказательств этому нет. Если предположить, что Сталин не отдавал приказа уничтожить Кирова, он в любом случае использовал ситуацию как возможность сконцентрировать власть в своих руках. Согласно официальной версии, убийство спланировали троцкисты, желавшие убрать видных лидеров Страны Со-

ветов. Как следствие, были увеличены полномочия НКВД, начались внутрипартийные чистки. Убийство крупного партийного босса стало прелюдией к террору — пока еще плохо организованному. Сначала в Ленинграде были в массовом порядке арестованы и сосланы тысячи оставшихся в России после революции представителей старой русской аристократии и буржуазии. Далее Сталину потребовалось около двух лет, чтобы начать процесс тотального уничтожения собственного народа, а советскому обществу — пройти через определенные трансформации, которые впоследствии сделали массовые репрессии возможными и приемлемыми. За эти два года власть довела до совершенства методы борьбы и формы наказания, чтобы через несколько лет в ходе Большого террора взять их на вооружение.

В течение 1936 года Сталин и его соратники занимались планированием и подготовкой будущих зачисток. Террор развернулся во второй половине того же самого года, когда были проведены мероприятия по выдворению нацменьшинств с мест их постоянного проживания, а также были проведены показательные судебные процессы в отношении саботажников промышленности. Начало Большого террора характеризовалось чистками в рядах партийных организаций и судебными процессами против советской элиты. На основании сфабрикованных обвинений в рамках открытых процессов осудили большую часть советского руководства той поры и также огромное количество партийных функционеров. Старая гвардия большевиков, принимавших участие в революции, была практически полностью уничтожена.

На начальной стадии террора Сталин начал испытывать недоверие к «железному наркому» Генриху Ягоде. По одной из версий, тот выступал против показательных судебных процессов и с подозрением относился к чисткам. В 1936 году Ягоду сняли со всех постов, а через год арестовали, и это не-

смотря на то, что он занимал руководящие посты в органах безопасности с 1924 года, принимал участие в реализации плана по строительству Беломорканала с использованием принудительного труда, являясь одним из отцов-основателей всей системы ГУЛАГа. После допросов в застенках ОГПУ он был готов признать свою вину во всех многочисленных выдуманных преступлениях, на основании чего его приговорили к казни через расстрел. Согласно протоколу, в ходе проведенного в московской квартире Ягоды и на его даче обыска было обнаружено огромное количество порнографических материалов и две расплюснутые пули, изъятые из тел Зиновьева и Каменева, — он хранил их в качестве реликвий.

Преемником Ягоды на посту главы НКВД стал Николай Ежов, в годы правления которого был начат самый широко-масштабный террор, получивший неофициальное название «ежовщины». Он в свою очередь завладел «реликвиями», которые хранил в ящике своего письменного стола.

* * *

Большой террор стал единственным поистине «демократическим» явлением, возникшим под руководством Иосифа Сталина: он коснулся всех слоев населения без исключения. В период чисток около половины политических и военных руководителей страны были уничтожены. Самый кровавый эпизод Большого террора получил название «ежовщины». Сам же Ежов в народе снискал прозвище «кровавого карлика», став вторым после Сталина человеком в стране, вызывавшим неподдельный страх. Сталин же дал ему неожиданное прозвище «Ежевика».

По мрачной иронии судьбы, 1936 год закончился в Советском Союзе принятием так называемой «сталинской конституции», действовавшей с дополнениями и изменениями вплоть до 1977 года. На бумаге главный закон страны про-

изводил впечатление крайне прогрессивного и демократического документа, формально подняв СССР до уровня западных государств, а в некоторых положениях даже вывел его вперед, гарантируя всем советским гражданам равные права.

Следующий, 1937 год начался с кровавой резни. На этом этапе особую известность приобрел главный идеолог показательных процессов против советской элиты государственный обвинитель Андрей Вышинский, с пеной у рта призывавший уничтожить «вонючую падаль» и «поганных псов». Эти выражения он позаимствовал из стихотворения proletарского поэта Демьяна Бедного. Террору подверглись практически все противники «красного царя» — истинные и воображаемые. Армия являлась последней силой, способной остановить маниакального Сталина, но уже летом в войсках начались чистки, в результате которых погибли десятки тысяч кадровых офицеров. В феврале 1938 года прошел последний показательный процесс: все осужденные были приговорены к расстрелу.

В конце 1930-х население ГУЛАГа представляло собой срез всех слоев советского общества. На пике террора Сталин отмечал: если 5% арестованных окажутся действительными врагами, это уже хороший результат, обосновывающий массовые репрессии. Доказательства вины являлись вторичным фактором. Вождь был готов арестовать тысячи безвинных, чтобы поймать хотя бы одного настоящего шпиона. Логика в чем-то схожа с образом мыслей современных американских генералов, обосновывающих удары американских беспилотников в разных частях мира тем, что, если 10% погибших являются действительными террористами, удары можно считать успешными.

Чистки в партийных рядах и военном руководстве являлись лишь видимой частью айсберга массовых репрессий. В 1937—1938 годах ЦК партии выносил все новые и новые

постановления, позволявшие распространять репрессии на самые разные слои общества. Ни о какой спонтанности террора речи не шло — все было четко спланировано. Например, новые репрессивные лагеря строились согласно спускаемым Политбюро спискам.

Планы касались групп и количества, и лишь в редких случаях — отдельных граждан, поэтому многие попадали под «красное колесо» исключительно случайно или под каким-то искусственным предлогом. Большевистский террор характеризуется поистине русским размахом, и в этом его главное отличие от преследований нацистов, скрупулезно прописывавших имена будущих жертв. Количество задержанных, арестованных и казненных было настолько велико, что террор выглядел сплошным хаосом.

В августе 1937 года были созданы так называемые «тройки», состоявшие из представителей НКВД, местного обкома и прокуратуры. «Тройки» использовались в период Гражданской войны и позже — при коллективизации, они обладали особыми полномочиями для вынесения приговора любому лицу даже в его отсутствие и без судьи, присяжных, адвокатов, без проведения судебного процесса. Приговор не подлежал обжалованию. Поскольку «тройки» рассматривали огромное количество дел в кратчайшие сроки, решение о судьбе одного человека выносилось в упрощенном порядке в течение одной-двух минут разбирательства, после чего приговор приобретал законную силу.

Апробированная в период коллективизации модель уничтожения лучших представителей крестьянства повторилась в период Большого террора в промышленности, науке и других областях. От репрессивной машины пострадали в прямом смысле слова лучшие сыны партии: они первыми попадали под подозрение в связи со способностью к самостоятельному мышлению. Их уничтожение лишило

партийные органы гибкости — посты занимали лояльные руководству люди, озабоченные карьерным ростом. Осуждение представителей партийного руководства выглядело как жестокое воплощение карнавальная истории, где начальники выглядят преступниками, а простой люд отвечает за их прегрешения. Этот жест сталинского популизма позволял в некоторой степени смягчить зревшее в обществе сопротивление террору.

Повторным объектом террора стали те, кого несколькими годами раньше клеймили «кулаками». Изгнанные со своих родных мест, осужденные к разным срокам лагерей в период коллективизации, люди к концу 1930-х начинали освобождаться и возвращаться домой. Сталин боялся, что они жаждут мести, поэтому в годы террора их осудили повторно, вменив в вину то, что они однажды уже были осуждены!

Каток террора прошелся и по национальным меньшинствам Советского Союза. Сначала под подозрение попали поляки. В августе 1937 года нарком госбезопасности Николай Ежов вынес оперативный приказ НКВД о проведении «польской операции», направленной на полную ликвидацию местных организаций «ПОВ» (Польская военная организация) и, прежде всего, ее «диверсионно-шпионских и повстанческих кадров в промышленности, на транспорте, в совхозах и колхозах». Звучит жутковато, однако итоги кампании оказались не менее жестокими: согласно документам НКВД, 143 810 человек были арестованы, из них приговорены к высшей мере наказания 111 091, остальные отправлены в лагеря.

Проведенная против поляков операция стала моделью серии массовых репрессивных мероприятий, получивших название «национальных операций НКВД». Людей подозревали в шпионаже и саботажничестве. Летом 1937 года репрессии коснулись проживавших на территории СССР немцев: национальная автономия была ликвидирована,

более 40 000 немцев расстреляли, остальных выслали или отправили в лагеря. Объектом подобных кампаний стали советские финны, эстонцы, латыши, литовцы, греки, болгары, японцы, китайцы, корейцы, румыны, афганцы, цыгане и многие представители других нацменьшинств. Под подозрение попадали проживающие в приграничной зоне и все, кто имел за границей хотя бы дальних родственников или контактировал с иностранцами.

На фоне всплеска репрессий сверху задавались разнарядки по аресту раскулаченных, бывших царских чиновников, белогвардейских офицеров, участников крестьянских волнений, священнослужителей, «лишенцев», членов запрещенных партий, уголовников и «общественно опасных элементов». Эти, по сути, далекие от реальности инструкции воплощались уже с размахом: органы на местах, желая выслужиться или по иным причинам, многократно увеличивали количество задержанных. Некоторых арестовали по причине родства или дружбы с подозреваемым, или же им случилось работать на заводе, где произошла авария, и имелась необходимость найти «козла отпущения». Ранее задержанные и осужденные также находились в опасности. «Бейте и убивайте, не разбираясь!» — приказывал Николай Ежов своим подчиненным. Случалось, что для отчетности сотрудники НКВД могли схватить первого попавшегося.

Острые террора ударило по советской интеллигенции. Преследования культурной элиты — не новое явление, однако на пике репрессий НКВД забрал всех представителей науки и культуры, кого можно было подозревать в антисоветской деятельности. Наиболее известными жертвами стали Осип Мандельштам, Исаак Бабель, Борис Пильняк и Николай Клюев.

Чисткам подверглась и сама репрессивная машина. С точки зрения ГУЛАГа наиболее примечательным является

расстрел Матвея Бермана, высокопоставленного сотрудника ВЧК-ОГПУ-НКВД СССР и главного подручного снятого со всех постов «железного наркома» Генриха Ягоды. С 1932-го по 1937 год Берман занимал пост начальника ГУЛАГа, пока не попал в опалу и по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР не был расстрелян 7 марта 1939 года на полигоне «Коммунарка». В 1938 году по обвинению в создании троцкистской диверсионно-вредительской шпионской организации на Колыме под расстрел пошел и первый директор государственного треста «Дальстрой» Николай Берзин. Его расстреляли в подвале Лубянской тюрьмы в августе 1938 года.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Москва купается в лучах весеннего солнца, украшенная кумачом и золотом. Повсюду видны растяжки с надписью «9 Мая». Уже на следующей неделе россияне будут праздновать День Победы в память об окончании Великой Отечественной войны. В столице эта знаменательная дата отмечается совсем иным образом, нежели в маленьком провинциальном Котласе. В Москве реют флаги России и Советского Союза, стены украшены возвеличивающими победу в великой войне плакатами в советском духе; даже рекламные баннеры убраны с улиц. В грузинском ресторане, где мы ужинаем, на флагшток подняты красные флаги. В метро грохочут патриотические песни, по улице гуляют люди с георгиевскими ленточками и в пилотках — и это при том, что еще лет десять назад подобная символика использовалась только рьяными националистами.

Прямо перед подъездом нашего дома находится банковская контора, полиция огородила ее от остальной улицы. Пожарные — явно выходцы из бывших южных советских республик — заняты тем, что льют воду из брандспойта на

стену. Один громко матерится по-русски. Сначала мы подумали, что в банке пожар, но нет: фасад моется в преддверии парада. Российский средний и высший класс идет в радостном или раздраженном настроении по запруженным улицам, разглядывает витрины и безудержно тратит деньги, как и в любом другом крупном западном городе. В ночных клубах вечеринки не прекращаются ни на секунду. Москва слезам не верит. Здесь разница в доходах такая же, как и в США: у подножия небоскребов спят бездомные, попрошайки — многие из них выходцы из Средней Азии — ждут подачек. Взгляд часто останавливается на инвалидах — молодых и не очень мужчинах, изувеченных на афганской, чеченской, грузинской или недавней украинской войне, лишенных ног и перемещающихся либо на костылях, либо на тележках.

Нас, охваченных общим настроением, так и подмывает броситься в самую гущу толпы. Нынешняя Москва — это мегаполис, здесь можно найти все, что душе угодно. Среди всей толчеи мы даже чуть было не забыли, что ищем следы ГУЛАГа, хотя и стояли в центре рядом со зданиями размером с квартал. Выстроенные при Сталине, они кажутся готовыми раздавить все живое.

* * *

Однако стоит немного собраться, как увидишь, что в столице России много зданий и других объектов гражданского строительства, напоминающих о советских репрессиях и ГУЛАГе. Некоторые корпуса МГУ возведены силами заключенных, а еще — канал Москва — Волга, ныне — канал имени Москвы. В самом центре Москвы на Лубянской площади, подобно египетской пирамиде, возвышается здание в стилистике итальянского ренессанса, сопряженной с монументальностью сталинской эпохи: это «Большой дом»,

штаб-квартира ФСБ, приемницы рожденных Октябрьской революцией ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ.

Следы московского террора — административные кварталы, а также многие места казней осужденных — связаны с годами Большого террора. Именно тогда репрессии впервые охватили все советское общество — от окраин до центральных городов.

Мы стоим на Лубянской площади, исподтишка поглядывая на желтоватое здание ФСБ. В наших планах — отправиться в ближайшие кварталы, чтобы вскрыть «парадную» страницу истории. Прямо перед нами лежит «Соловецкий камень» — старейший и один из самых значимых памятников жертвам политических репрессий. Он доставлен сюда по инициативе «Мемориала» с территории бывшего Соловецкого лагеря, считающегося символом ГУЛАГа и советского государственного террора в целом. Глыба установлена в 1990 году на закате страны Советов. Каждый год 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий в СССР, около камня проходит траурный митинг и мероприятие «Возвращение имен», во время которого в течение двенадцати часов зачитывается бесконечный список имен погибших.

Активист общества «Мемориал» Мария Шилова ведет нас по составленной обществом карте «Москва. Топография террора». Мария — историк, профессионально занимается изучением «польской операции» НКВД. Собственно, пока в течение двух следующих часов с ее помощью мы погружаемся в историю террора и ГУЛАГа, приходится неоднократно ловить себя на мысли, что если бы обычный россиянин знал хотя бы десятую часть всего материала, то наследие ГУЛАГа и сталинской эпохи интерпретировалось бы сегодня совершенно иначе.

Мы переходим улицу и останавливаемся перед домом по адресу Кузнецкий Мост, 16. Именно здесь находилось

управление НКВД, куда приходили родственники арестованных, ожидая хоть каких-нибудь сведений о своих родных. По соседству, в доме под номером 24, располагалась организация «Помполит», оказывавшая помощь политическим заключенным. Поскольку в СССР родственникам далеко не всегда сообщался факт ареста по политическим обвинениям, сотрудники «Помполита» занимались наведением справок о местонахождении неожиданно пропавших граждан, доставляли им передачи, еду и одежду. Фактически деятельность организации продолжалась до 1937 года благодаря усилиям Екатерины Пешковой, жены Максима Горького.

В повести «Софья Петровна» Лидия Чуковская описывает бесконечное ожидание родственников заключенных и их стояние в очередях, чтобы попасть к чиновнику на аудиенцию. Главная героиня — машинистка, добрая славная женщина, ее единственный взрослый сын арестован, судьба его неизвестна. Софья — человек большинства, подобно другим, она не верит, что ее мальчик арестован по делу. Автор словно под микроскопом рассматривает то, как стоящие вместе с ней в километровых очередях думают о невинности своих близких, будучи при этом уверенными, что у соседа кто-то точно арестован за дело. На самом деле никто не хотел верить в реальность Большого террора. Люди отвергали безумство репрессий, поэтому они на уровне подсознания начинали верить пропаганде. Неподалеку от Лубянки располагалось главное управление лагерей ГУЛАГа, камеры временного содержания, а также здания Наркоминдела. На стене — мемориальная доска со скупой надписью: «В этом здании работал Ф. Э. Дзержинский». Стоит ли удивляться, что в Москве все чаще обсуждается вопрос о возвращении на Лубянскую площадь снесенного в 1991 году памятника Железному Феликсу.

Мы идем дальше. В доме по адресу Варсонофьевский переулок, 7—9 располагались особые службы ВЧК и гараж. Первоначально «врагов народа» расстреливали в подвалах на Лубянке, но при Ежове казни перенесли во двор, где было больше места. Арестованных привозили сюда на черных автомобилях и отводили в специально построенное невысокое здание. Оно имело скошенный бетонный пол и бревенчатую стену: чтобы кровь стекала, а стена поглощала пули. Как правило, двигатели автомобилей не глушили, чтобы заглушить звуки выстрелов. По утрам дворники из шлангов смывали кровь с камня. Тела казненных вывозили на грузовиках в московский крематорий. Считается, что здесь было расстреляно порядка 15 000 человек. Многолетним исполнителем смертных приговоров в период массовых репрессий вообще и в годы Большого террора являлся Василий Блохин. Сталинскими палачами служили многие, но именно Блохин лично отвечал за проведение самых ответственных расстрелов, в которых подручными были Василий и Иван Жигаревы, братья, известные своей кровожадностью. Неподалеку находились пыточные камеры, а также токсикологическая лаборатория НКВД, где под руководством химика Григория Майрановского проводились испытания воздействия различных ядов на приговоренных к смерти. А по адресу Милютинский переулок, 9 нам показывают «Дом Ягоды»: здесь тогдашний шеф госбезопасности устраивал для своих друзей роскошные вечера, пока не утратил доверия.

Отдельный особняк на Никольской, 23 занимала Военная коллегия Верховного суда СССР, занимавшаяся разбирательством дел государственных и военных чинов и некоторых представителей интеллигенции. Здание неспроста называли еще «Расстрельным домом»: именно здесь в период с 1936-го по 1938 год были подписаны 31 000 рас-

стрельных приговоров. Особняк сохранился. Сейчас он весь затянут строительной пленкой — идет реставрация. Рядом проходит пешеходная улица, куда-то спешат люди. Светит солнце. Эпоха террора кажется бесконечно далекой.

* * *

Остановимся на другом берегу Москвы-реки у так называемого Дома на набережной, расположенного напротив Кремля. Строительство этого гигантского здания было завершено в 1931 году, в нем жили руководители и высшие советские должностные лица с семьями. В разное время здесь проживали семьи партийных руководителей Никиты Хрущева и Алексея Косыгина, Светлана Аллилуева и Василий Сталин, семья маршала Тухачевского, руководитель Коминтерна Георгий Димитров, брат Анастаса Микояна авиаконструктор Артем Микоян; помимо партийной элиты, квартиры раздавали представителям интеллигенции.

Жилой дом представлял собой полный комплекс бытового и культурного обслуживания со своим спортивным залом, теннисным кортом, детским садом, библиотекой, прачечной, столовой, где можно было заказать готовую еду, и до сих пор работающим кинотеатром. Квартиры имели высокие потолки, были оборудованы радиоточкой, телефонной связью, центральным отоплением — они считались невероятной роскошью в эпоху, когда большая часть москвичей проживала в тесных коммуналках. Внутри комплекса происходили постоянные переезды в связи с повышением или понижением в должностях. В период Большого террора, когда чистки коснулись и высшей советской номенклатуры, квартиры зачастую оказывались пугающе пустующими.

В повести «Дом на набережной» Юрий Трифонов представляет эпоху сталинского террора устами жильцов этого дома. Отца самого Трифонова, офицера Красной армии,

расстреляли в 1938 году, а мать отправили в лагерь на восемь лет. До этого момента семья проживала в том самом доме... В книге охранник подъезда рассказывает по утрам жителям о прошедших за ночь задержаниях. Вскоре в доме становится много пустых, опечатанных НКВД квартир. Во время террора исчезло около трети жителей дома.

На нижнем этаже здания, в бывшей квартире охранника, с 1989 года функционирует небольшой музей. Интерьер одного из залов реконструирован под московскую элитную квартиру 1930-х годов, на стене, как полагалось, — портрет Сталина. Экспозиция в другом зале посвящена обитателям дома, попавшим под молох репрессий, там же имеется список участников Великой Отечественной войны, подвергшихся репрессиям, представлены материалы о Юрии Трифонове и его книге, о семье Аллилуевых и уменьшенная копия здания. На входе посетителей подозрительно осматривает всегдашняя музейная смотрительница.

АБСУРДНАЯ ЛОГИКА ТЕРРОРА

К концу 1930-х годов репрессивная машина набрала полные обороты. Органы безопасности заводили на арестованных дела одно фантастичнее другого, приговоры выносились поточно. Одновременно обвиняемых заставляли давать показания на других. Создается впечатление, что у органов безопасности СССР была навязчивая идея добиться от арестованного признания, хотя результат был заранее предreshен. Требовалось любыми способами заставить человека сознаться — фактически выбить из него признание вины, чтобы массовые задержания выглядели законными. Ставка делалась на результат, и признание оказывалось тождественным результату. Получилось так: особо старательные имели возможность продвигаться по службе, а неудачи немелых служащих сокращали их ожидаемую среднюю про-

должительность жизни. Признание имело и более абстрактное значение. Большевики запретили разделение частной и общественной жизни, они требовали постоянного и беспрекословного доказательства своей верности. Вся частная информация о гражданах естественным образом являлась ответственностью государства — ничего нельзя было утаивать.

Гражданин, против которого выдвигались обвинения, не имел иной возможности защищаться, кроме как обвинить кого-нибудь другого, что только смазывало механизм машины репрессий. Некоторые, хоть и были уверены в своей невиновности, даже не пытались защищаться, а тихо шли на убой.

В целом сфабриковать дело не представляло никакой сложности. Этому во многом способствовало доноительство — обычные люди «стучали» на других из искренних побуждений или чтобы спастись самому. Имели место и более шкурнические мотивы, когда кому-то попросту хотелось получить квартиру, собственность или супругу своего соседа или знакомого. Хотя задержания и аресты в основной своей массе совершались согласно уже готовым спискам, отдельные примеры доноительства могли повлиять на динамику и объекты террора.

В «Архипелаге ГУЛАГ» рассказывается одна история, произошедшая в Москве 8 марта. Одна девушка отвергла сексуальные домогательства своего директора, за что директор сдал ее чекистам. Девушку пригласили на допрос, куда она пришла нарядно одетая, думая, что речь идет о совершенно обычной беседе. Ей дали пять лет (за самовольный уход с работы), и уже по дороге из городского суда до Таганки прямо в машине, среди бела дня двое блатных изнасиловали ее при молчаливом бездействии других заключенных, обратив в лагерную проститутку. Изнасилованную девушку тут же ограбили, да еще и выпили за ее счет вместе с охраной.

Фантазии следователей не было предела, дела заводились поразительные. Например, в выдвинутом против писателя Николая Некрасова (Николая Владимировича) обвинении утверждалось, что он вовлечен в «шпионаж эсперантистов-фашистов». В 1938 году его арестовали, обвинив в том, что он «являлся организатором и руководителем фашистской, шпионской, террористической организации эсперантистов» (ст. 58-6, 58-8, 58-11 УК РСФСР). Военный трибунал приговорил Некрасова к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 4 октября 1938 года в Москве. Его личный архив, а также его библиотека и имущество были уничтожены. Власти видели в изучающих эсперанто участников международного сговора.

В тридцатые годы даже случайная оговорка могла стоить жизни. Исаак Бабель говаривал: «Теперь человек говорит откровенно только с женой — ночью, покрыв головы одеялом»¹. Многие свидетели эпохи террора отмечают, что тогда полностью исчезли понятие истины и свобода ее обсуждения. В книге «Шепчущие: частная жизнь в сталинской России»² Орландо Файджес приводит обнаруженную им в архивных стенограммах мысль одного из живших в ту пору людей, сказавшего, что он начал ощущать себя тем, кем прикинулся.

Спрятаться от террора было невозможно, потому что его логика не подчинялась никакой логике, спрогнозировать его течение было попросту невозможно. Постепенно мания проникла во все уголки общества, даже совершенно обычные, обыденные вещи стали невозможными для исполнения. Жизнь превратилась в абсурдный кошмар — к которому, по правде говоря, советского человека готовили в течение двадцати лет до того.

1. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. В 3 т. М.: Советский писатель, 1990.

1. Figs, Orlando. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*. Allen Lane, 2007.

* * *

Органы безопасности видели в задержанном осужденного, потому что, согласно логике НКВД, само по себе подозрение тождественно виновности, ведь иначе кто-то мог подумать, что власти ошиблись. А если ошиблись они, тогда не права и партия, соответственно, не прав Сталин и вся коммунистическая система... Нет, такого позволить было нельзя.

Еще в 1926 году в уголовный кодекс ввели печально известную 58-ю статью. Ее начали активно применять в преддверии Большого террора в 1934 году, вынося все более жестокие приговоры. В статье перечислялись всевозможные контрреволюционные преступления. В годы Большого террора наказания по 58-й статье выносились с завидной регулярностью. Политических заключенных называли «каэрами» или попросту «контрой».

Понятие «контрреволюционер» использовалось Лениным еще в 1917 году, Сталин начал использовать его в 1926—1927 годах, в период накала борьбы против Троцкого и его соратников. В 1936 году применение термина расширилось. Тогда Сталин высказал мысль, что враги не могут быть выявлены по их открытым высказываниям, ибо скрываются под маской и втайне плетут свои дьявольские планы. Тот, кто кажется другом, может оказаться тайно внедрившимся врагом с целью саботажа в проект строительства коммунизма. Данное определение стало важным с точки зрения оправдания террора: врагом народа можно было назвать каждого, кто препятствовал Сталину или был ему неугоден, даже если он в этом и не признался в открытую.

Сталин нуждался в способе объяснить гражданам страны, почему, несмотря на гениально проведенную коллективизацию и ориентированные в светлое будущее пятилетние планы, в стране по-прежнему наблюдаются дефицит,

нищета и насилие. «Враги народа» пришлись как нельзя к месту: они во всем виноваты.

Многие были слишком потрясены показательными судебными процессами, признательными показаниями жертв и ночными исчезновениями соседей, чтобы задавать вопросы. Репрессии объяснялись старой русской поговоркой «лес рубят — щепки летят». Собственно, эта фраза используется и в наше время как попытка обосновать террор и возникновение ГУЛАГа. В ней заключена мысль о высшей цели репрессий. В период индустриализации страны и для победы над врагом в Великой Отечественной войне они, дескать, были необходимы, хотя и не обошлось и без излишнего усердия.

* * *

В период Большого террора насилие стало нормой. Вынесенный летом 1937 года указ узаконил пытки, палачи от НКВД рьяно принялись приводить в жизнь все то, что может изобрести человек, желая уничтожить другого человека. Сам Сталин неоднократно призывал проявлять насилие в отношении жертв. Николай Ежов часто лично присутствовал в пыточных, хотя он и не проявлял такого же влечения к издевательствам, как его последователь Лаврентий Берия. Заключенных пытали, отрезали уши и носы, в чем проявлялась, если так вообще можно выразиться, жутковато гротескная сторона политического террора в первые десятилетия существования СССР.

Физическое насилие было разрешено вплоть до 1939 года, когда его официально запретили с назначением Лаврентия Берии главой НКВД. Однако все это только на бумаге. Практически «физические методы воздействия» (как пытки именовались на языке органов) продолжались вплоть до самой смерти Сталина, частично и позже. К примеру, героя Гражданской войны маршала Василия Блюхера

оперуполномоченные Берии запытали до смерти, до этого выбив ему глаз. После трех недель изматывающих допросов, сопровождавшихся жестокими пытками, шестидесятипятилетний режиссер Всеволод Мейерхольд умолял убить его и подписал нужные следствию признательные показания.

До начала 1930-х в тюрьмах и на зоне применялся карцер, но позже на фоне увеличения количества заключенных от него отказались за ненадобностью. За арестом следовало фотографирование, подробнейшее фиксирование личных данных и личный обыск, которые уже сами по себе были унижительными, если не мучительными. Жертву могли лишить сна на сутки и более. На жаргоне НКВД это называлось «конвейером». Редко кто выдерживал непрекращающиеся допросы, сопровождавшиеся одновременным заманиванием к сотрудничеству со следствием. В отношении женщин следователи могли применить и более специфические методы воздействия: от угроз быстро переходили к пыткам вплоть до изнасилования. Жертву заставляли стоять часами, могли лишить возможности уединения: по ночам свет в камере не выключался, заключенных принуждали спать с руками поверх одеяла. Психическое насилие по своей жестокости ничуть не уступало физическому. Обычным делом были очные ставки, когда требовалось сломить непокорных морально: на них друзей или коллег по работе арестованного заставляли обвинять его в лицо. В целом же одно только ожидание обвинения или приговора было мучительным.

Сталин и его круг частенько шутили над умением НКВД выжать из человека любое, даже самое невероятное признание. Вождь любил рассказывать такой анекдот: «Чекисты арестовали мальчишку и обвинили его в том, что он написал «Евгения Онегина». Мальчик попытался отрицать это. Через несколько дней следователь встретился с родителями арестованного. «Я вас поздравляю! — сказал он. — Ваш сын

написал «Евгения Онегина». Позже Берия хвалился, что он может заставить любого человека сознаться в том, что он имеет прямую связь с английским королем или королевой.

* * *

В период Большого террора Сталин практически не показывался перед публикой. По мере того как насилие охватывало все общество и это уже невозможно было отрицать, по стране поползли слухи, что Сталин не знает, что творит Ежов. В принципе, это было удобно, поскольку позже Ежова обвинили во всех репрессиях. Многие обычные граждане и даже представители интеллигенции верили, что Сталин не был осведомлен обо всех деталях террора. На самом деле Сталин лично контролировал чистки. Руководитель ОГПУ Николай Ежов информировал его практически ежедневно, и Сталин лично диктовал ему, на какие слои населения следует направить удар. Сам Сталин и его ближайшее окружение — Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович и Климент Ворошилов — лично подписывали расстрельные списки, так что на их совести десятки тысяч жертв. Среди подписей имеются имена Андрея Жданова, Анастаса Микояна и Никиты Хрущева. Как правило, в списках нигде напрямую не говорится об уничтожении, а используются иносказательные обороты.

Сталин уничтожал, но он мог и спасти. Так, Федор Эйхманс, бывший руководитель лагеря СЛОН и замначальника Спецотдела ВЧК-ОГПУ, был обвинен в троцкизме и казнен в 1938 году, но Нафталий Френкель, спланировавший всю систему исправительного труда в Соловецком лагере, выжил чудесным образом. После Соловков он трудился в должности начальника управления Байкало-Амурского ИТЛ ОГПУ-НКВД. В 1938 году арестовали почти пятьдесят «троцкистов», но Френкель вновь сумел выйти сухим из воды. Местная га-

зета нападала на Френкеля, обвиняя его в саботаже, а когда прокурор пожелал дать делу ход, ему напомнили, что у Френкеля имеются высочайшие покровители.

Случалось, что обреченного на гибель или отправку в лагерь человека спасало то, что он исчезал из поля зрения органов безопасности. К примеру, офицер НКВД В. А. Барабанов, занимавший руководящие должности в системе Главного управления ИТЛ ГУЛАГ НКВД СССР, один из руководителей Дмитлага, которому благоволил сам Генрих Ягода, после падения своего покровителя мог вполне последовать вслед за ним. Однако в 1935 году после ареста годом раньше за участие в пьяной офицерской вечеринке он был отправлен на Север. В 1954 году о его грехах забыли, назначив первым заместителем начальника системы ГУЛАГ МВД СССР, и с этого поста он вскоре ушел на пенсию.

В годы репрессий многим удалось спастись, сев в первый попавшийся поезд и переехав куда-нибудь подальше. В той системе хаоса, что царила в сталинском Советском Союзе, органам далеко не всегда удавалось выяснить место реального пребывания человека, несмотря на существование строжайшей системы прописки. Если одни уезжали, то другие приобретали подпольно документы на новое имя. Поддельвались отметки о выписке, месте проживания; миллионы граждан лгали о своем происхождении, желая избежать клейма позора и причастности к репрессированным родственникам.

Некоторые пытались не молчать. В период террора некоторые обращались к властям с жалобами и критикой на деятельность органов — как правило, такие письма поступали анонимными. Иногда на уровне партячеек рядовые члены также выражали свое несогласие, но все это могло иметь обратный эффект. Большой террор пронесся по Советскому Союзу, словно ведомый Сталиным бронепоезд.

ТРОЙКА МЕСТ КАЗНЕЙ

Сотрудник Мемориального научно-просветительского центра «Бутово» Анатолий Мордашев совсем не похож на облаченного в парчу святого. Нет, это крупный мужчина с черной бородой, глядя на которого скорее вспомнится монах Тук из веселой братии Шервудского леса. Однако когда Анатолий начинает рассказывать о Бутове, на его лицо падает тяжелая тень.

Для начала он весьма строго выпытывает, не являемся ли мы соглядатаями с Запада, желающими просто посмаковать подробности кровавой истории России. Наш визави несколько раз повторяет, что именно нацисты были настоящим ужасом, и успокаивается после того, как мы сообщаем, что только что приехали из Воркуты и едем по следам ГУЛАГа. Тогда нас ведут к огороженной территории. Мы находимся приблизительно в пяти километрах от границы Москвы, в небольшой деревушке, окруженной сосняком. Сегодня красивый летний день. Над головой синее небо, и ничто не говорит о том, что происходило здесь в годы Большого террора. Это Бутовский полигон, «Русская Голгофа».

Это место в течение долгого времени считалось армейским стрельбищем, что в действительности было неправдой: официальная версия служила попыткой скрыть факт проводившихся здесь в 1937–1938 годах массовых казней. Людей везли из Москвы на грузовиках с надписью «ХЛЕБ». За один раз могли расстрелять несколько сотен. Документы свидетельствуют, что в Бутове уничтожены и захоронены около 30 000 человек. Позже место огородили, сюда начали свозить мусор, желая скрыть любые, даже малейшие следы. В 2006 году на полигоне произведена рекультивация земли, были установлены границы погребальных рвов, над ними повсюду виднеются холмики длиной пятнадцать и шириной

два метра — под ними в расстрельных рвах находятся некогда позабытые тысячи человеческих судеб.

Православная церковь озабочена возведением монумента, стены памяти и мемориальных досок с выгравированными на них именами жертв. Уже сейчас на заборе вокруг бывшего стрельбища размещены информационные щиты, рассказывающие о тогдашних событиях. Подавляющее большинство расстрелянных были беспартийными, Анатолий говорит, что в списках жертв обнаружено порядка тридцати финских фамилий, все эти люди — уроженцы нынешней Финляндии.

После небольшой ознакомительной экскурсии нас приглашают пообедать в местной воскресной школе: сегодня подают борщ и оставшиеся после Пасхи угощения. Вскоре к нам присоединяется отец Виталий, вошедшего приветствуют стоя. За обедом батюшка рассказывает о том, как тридцать лет назад зародилась идея сохранения памяти расстрельного полигона в Бутове. Сам православный центр возник в 1994 году с переездом в Москву верующих родственников расстрелянных. Территория полигона находилась в ведении службы безопасности вплоть до 1995 года, когда ее передали РПЦ. В непосредственной близости от полигона и мест массовых захоронений началось возведение многоэтажек, но, к счастью, строительные работы удалось прекратить.

За чаем отец Виталий делится своими трудностями: несмотря на то что Бутовский полигон признан памятником истории, работа идет медленно из-за отсутствия требуемых постановлений, на основании которых можно было бы запросить у государства финансирование с целью сохранения памяти погибших. После обеда, пожелав успехов в нелегком труде, мы прощаемся с батюшкой. Мы еще долго ощу-

щаем отблеск того уважения, с каким персонал воскресной школы относится к нему, а заодно — и к нам.

Вместе с Анатолием мы идем в сторону возведенного не так давно Храма Святых новомучеников. Во дворе возвышается многометровый деревянный резной крест. Это недавний мемориал памяти о жертвах сталинских репрессий. Крест изготовлен на Соловках, доставлен в Бутово сначала по Беломорско-Балтийскому каналу, далее по шлюзам Волги, по каналу имени Москвы, мимо Кремля по Москве-реке — символический путь, воссоздающий сквозную историю создания и существования ГУЛАГа, — по всем возведенным руками заключенных объектам. На церемонии открытия креста в Бутове присутствовал президент РФ Владимир Путин.

За монументом находится зеленого цвета бревенчатое здание, некогда приспособленное оперуполомоченными госбезопасности под собственные нужды. Храм поражает своим убранством: его стены покрыты совершенно поразительными фресками, они имеют традиционную религиозную тематику, но на них изображены красногвардейцы и сотрудники органов, расстреливающие или вешающие православных священников и паству.

Немного в стороне, за автобусной остановкой, виднеется облупившееся кирпичное здание, выкрашенное плохо сочетающейся со стилистикой сооружения нежно-розовой краской. Приходится продираться сквозь кустарник, чтобы осмотреть здание. Останавливаемся на заднем крыльце, фотографируем выбоины на стенах. В свое время место служило гаражом для грузовиков НКВД — возможно, тех самых, что привозили заключенных на расстрел в Бутово. Еще здесь находился архив — точнее, склад КГБ, где хранились личные вещи жертв. После развала Советского Союза здание находилось в собственности ФСБ до 1995 года. После

оно было снято с баланса и постепенно обрело нынешний вид. Железные ворота по-прежнему на замке. Между створками виднеется сплошь заросший внутренний двор. На воротах кто-то написал: «КГБ, кто ты? Кто ты?»

* * *

Приблизительно в двадцати километрах от центра Москвы ведется строительство новой автодороги. Она пройдет по местным лесам, словно неумелый парикмахер, но, к счастью, не затронув большую часть мемориального кладбища. Из-за спецтехники на дороге сложно различить указатель в сторону бывшего расстрельного полигона НКВД, окруженного по периметру дощатым забором, забранным поверху колючей проволокой. Сейчас тут спокойно, деревья стоят насыщенные зеленью и влагой.

Полигон «Коммунарка» был одним из многих мест массовых расстрелов на территории Московской области, в отличие от остальных, сюда привозили на казнь различных высокопоставленных деятелей. Тем не менее о нем знают далеко не все.

Сразу же за воротами появляются первые памятники. Начинаем обход территории. В глубине под сенью деревьев располагается деревянная церковь. То здесь, то там встречаются полуофициальные памятники, привязанные к стволам деревьев заключения о смерти. Вот монумент расстрелянным якутам, а вот могилы татарских писателей. Рядом памятник офицеру белой армии, публицисту и литератору Сергею Эфрону, мужу Марины Цветаевой. Еще один расстрелянный писатель — Борис Пильняк.

Согласно имеющимся спискам, здесь захоронены финны — руководители Карельской Трудовой коммуны и впоследствии Карельской АССР Эдвард Гюллинг и Густав Ровио. По приговору Военной коллегии Верховного суда

СССР здесь расстреляно практически в полном составе высшее политическое руководство тогдашней Монголии.

Мы пробыли здесь более часа, двигаясь вдоль подгнившего забора. Его возвели уже после войны, чтобы надежно скрыть от посторонних глаз — грибников да ягодников — места массовых захоронений. Об этом месте забыли на десятилетия и открыли совсем недавно. Выяснение всех специфических поворотов истории полигона «Коммунарка» находится только в начале пути, но место существует, а значит, работа будет проведена.

* * *

В сравнении с «Коммунаркой» совершенно иным представляется находящийся в центре Москвы Донской монастырь и Новое Донское кладбище. Место хорошо известно, здесь установлено большое количество официальных памятников жертвам террора. В центре кладбища находится Общая могила №1 — самая известная из трех вышеперечисленных. Небольшой участок земли, огороженный бордюром. Общая гранитная плита с надписью: «Здесь захоронены останки невинно замученных и расстрелянных жертв политических репрессий 1930—1942. Вечная им память!» И множество табличек с именами расстрелянных. Здесь, в частности, погребен прах писателя Исаака Бабеля, режиссера Всеволода Мейерхольда, маршала Михаила Тухачевского и, кстати, Николая Ежова тоже.

На Донском кладбище палачи лежат бок о бок с жертвами. Рядом с могилой Александра Солженицына находятся надгробия главного палача Василия Блохина, руководителя ГУЛАГа Виктора Наседкина и организатора убийства Льва Троцкого генерал-майора Павла Судоплатова.

Наша сопровождающая от «Мемориала» Мария Шилова считает, что террор следовал определенной иерархии:

«В Бутове казнили обычных граждан, в «Коммунарке» — интеллигенцию и членов партии, останки же высокопоставленных персон лежат на кладбище в Донском монастыре».

Несколько неожиданным оказалось увидеть в церкви плиту, установленную в память о погибших чекистах. К ней возложены свежие цветы. В подвале бывшей кладбищенской церкви преподобного Серафима Саровского к 10-летию Октябрьской революции в 1927 году открыли первый советский крематорий, где сжигались тела расстрелянных. Печи и остальное оборудование заказали в Германии, где обучался Петр Нестеренко. Белый эмигрант, живший и учившийся в Европе, был завербован НКВД и вернулся в СССР, где возглавил новое учреждение. Вскоре Нестеренко и сам стал клиентом возглавляемого уже им крематория. Его арестовали и расстреляли в 1941 году по обвинению в антисоветской деятельности: припомнили и службу под началом генерала Деникина, и проведенные за рубежом годы.

Проход в подвал церкви огорожен цепочкой. Мы спрашиваем у смотрительницы разрешения спуститься на нижний этаж. Она, как ни удивительно, тут же соглашается провести нас в пустое помещение, где некогда располагалось основное место работы Петра Нестеренко. При советской власти в церквях устраивались музеи, овощехранилища, конюшни и даже бассейны, а в подвале церкви Донского монастыря построили крематорий. Сейчас церковь восстановлена и печь убрана, но место, где она располагалась, до сих пор выделяется на задней стене, покрытой свежей краской.

Карабкаемся вверх по темной лестнице. После осмотра бывшего крематория смотрительница заваривает нам чай и предлагает печенье на бумажной кружевной тарелочке.

ИТОГИ ТЕРРОРА

Осенью 1938 года длившиеся более двух лет беспрестанные репрессии и массовые казни прекратились почти мгновенно. Версий имеется много: то ли поставленные Сталиным цели оказались достигнутыми, то ли масштабы террора превзошли ожидания даже самого «вождя народов», а, может, «охота на ведьм» начала мешать строительству советской экономики. Не исключено, что у Сталина случилось временное просветление. В любом случае уже в начале года он заговорил об «ошибках» и «перегибах на местах», что людей осудили без достаточных доказательств. Что это было? Раскаяние или высочайшая степень цинизма? Ведь именно Сталин призывал зачистить страну от врагов, не проявляя ни капли сожаления.

Потребовался подходящий «козел отпущения». Весной 1939 года был арестован Ежов. Его обвинили в шпионаже в пользу Польши, Германии, Британии и Японии и приговорили к смерти. Приблизительно через год «кровавого карлика» расстреляли. По имеющимся свидетельствам, ноги виновника в массовых казнях подвели на пути к месту расстрела. В своем письме он заявил патетически: «Несмотря на суровость выводов, которые заслужил и принимаю по партийному долгу, заверяю тебя по совести в том, что преданным партии, товарищу Сталину останусь до конца».

Приемную дочь Ежова Наталью, чьих родителей уничтожили по приказу наркома, отправили в сиротский дом. Позже она поселилась неподалеку от Магадана, периодически выступая через СМИ с требованиями реабилитировать ее отца, мотивируя это тем, что он лично не участвовал в преступлениях, за которые пошел под суд. В любом случае смещение Ежова и его казнь хоть и поставили точку в волне Большого террора, но не остановили репрессий по

политическим мотивам и не привели к закрытию системы ГУЛАГа — этот период остался одной из самых мрачных страниц в истории СССР.

Об этом свидетельствуют количество арестованных и расстрелянных. Согласно документам НКВД, с октября 1936-го по ноябрь 1938-го органы арестовали 1,7 миллиона человек, из них порядка полутора миллионов получили сроки различной степени тяжести. Из их числа казнено около миллиона — семьсот тысяч официально, в отношении остальных применялся самосуд. Порядка 400 000 были отправлены в лагеря как общественно опасный элемент, не менее 200 000 сослали в отдаленные уголки страны.

Большую часть жертв террора составляли мужчины, однако во всех категориях врагов народа — от троцкистов до саботажников — имелись и женщины, их количество составляло порядка 5% от общего числа осужденных. Эти числа можно считать условными, поскольку зафиксировать четкие данные в условиях царившего хаоса не представлялось возможным, официальные данные зачастую фальсифицировались. Так или иначе, террор затронул огромную массу населения. В целом в период 1936—1938 годов количество расстрелянных, отправленных в лагеря и ссылки составило более 2 000 000 человек.

* * *

По окончании Большого террора и после смещения Николая Ежова место главы органов безопасности занял Лаврентий Берия. Ему удалось удержаться на своем посту в течение всех военных лет и продолжить работать в высших эшелонах власти даже после смерти Сталина. Причин стремительного карьерного роста Берии можно найти много, но верно одно: он не понаслышке был знаком с репрессивными мерами.

Назначение Лаврентия Павловича на пост руководителя ВЧК-ОГПУ-НКВД выглядело как «исправление ошибок», что вовсе не означало окончания репрессий. Прекращение кровавой «ежовщины» привело к значительному снижению числа арестованных и осужденных, тем не менее государственный террор в его неумолимости продолжался. При Берии людей могли уничтожать и более изощренными способами: если жертва оказалась слишком известной, чтобы уничтожить ее публично, органы могли подстроить несчастный случай — так Сталин устраивал уничтожение жен своих старых боевых товарищей.

Новый глава службы безопасности был садистом и насильником. В подвальных помещениях своего московского особняка, где сейчас располагается посольство Туниса, Берия пытал своих жертв паяльной лампой — стены помещения сплошь покрыты сажей, там же он хоронил своих жертв, но при этом оставался примерным семьянином. Пыточную он устроил в одном крыле здания, а в другом его жена и дети жили обычной жизнью советской элиты.

Заступив на должность, Берия проявил величайшее лукавство. Сначала он заявил, что все аресты, осуществленные в период нахождения Николая Ежова на посту главы госбезопасности, будут пересмотрены. В 1940 году на доследование вернули полтора миллиона дел, почти полмиллиона приговоров было отменено, более ста тысяч осужденных освободили из лагерей за недоказанностью вины и как минимум столько же вернули из ссылок. Запущенный процесс позволил до определенной степени вернуть веру советских людей в справедливость правосудия и в истинность советской системы. Сомневающиеся увидели в «ежовщине» случайное отклонение от нормы. В случае, если кого-то арестованного в период террора не освобождали или арестовывали заново, он действительно должен был оказаться замешан-

ным в преступлении против государства. В народе прошел слух о том, что массовые аресты происходили по воле Ежова и без ведома Сталина, а потом, узнав, Сталин вмешался в происходящее: он объявил Ежова «врагом народа», усилив тем самым свои позиции.

Большой террор стал переломным моментом в истории ГУЛАГа. Окончание репрессий привело к важным изменениям в структуре и функционировании советских лагерей. Берия попытался вернуться к первоначальной идее сделать принудительный труд рентабельным, превратить его в ядро советской экономики. Фактически же системе не удалось уйти от тирании. Нормы питания в лагерях повысили, но это объяснялось не добротой Лаврентия Павловича, а тем, что производительность труда изможденных полумертвых эзков была чрезвычайно низкой и не соответствовала требованиям властей. Так что перемены оказывались бесконечно далекими от принципов гуманизма.

В начале 1930-х лагерная реальность в разных уголках страны могла сильно различаться, однако с приходом Берии центральные власти принялись регулировать все, что связано с ГУЛАГом, — от магистральных решений до питания отдельно взятых заключенных. Разумеется, на местах практика выглядела весьма пестрой, но выбранный принцип заключался в создании единообразия. Новая классификация заключенных породила жуткую бюрократию: условия пребывания в лагерях зависели от того, в какую категорию попадал осужденный, соответственно регулировались его трудовая повинность, нормы содержания и в конечном итоге возможности выжить. Питание рассчитывалась согласно трудовым нормам, оно могло меняться даже в течение дня.

При Берии особое значение приобрели так называемые «шарашки», или «райские острова», как Александр Солженицын называл их в своем почти дантовском ро-

мане «В круге первом». То были особые лагеря, предназначенные для специалистов разных отраслей и научных работников, где условия содержания отличались в лучшую сторону, потому что заключенные занимались разработкой важных проектов. На определенном этапе Берия лично выяснял, в какую именно часть ГУЛАГа был направлен тот или иной специалист, и выдавал указание определить его в «шарашку». В числе таких научных работников были конструктор Андрей Туполев, инженер Андрей Глушко, физик и создатель первого искусственного спутника Земли Сергей Королев.

Те же, кто был отправлен в обычные гулаговские лагеря, были вынуждены страдать и после спада волны террора. Никто не занимался защитой политических заключенных, даже члены их семей. В своей книге Айно Куусинен рассказывает о том, как она и другие лагерники, утопая в воркутинском снегу, слышали по радио о присоединении Эстонии к СССР. Выступавшим оказался Отто Вильгельмович Куусинен — ее муж, возносивший хвалебные речи величию Советской державы.

* * *

Почему же в период Большого террора миллионы людей были уничтожены или отправлены в лагеря? Вряд ли потому, что они противились политике партии — известны лишь редкие примеры открытого противостояния. Тем не менее жесткая политика целенаправленно проводилась в жизнь, вероятно, под влиянием идеи всепобеждающей природы большевизма. Власти решили избавиться от всех неправильных людей, которые родились представителями неправильного общественного класса. Людей уничтожали не за то, что они содеяли, а за то, что они могли содейть, и речь шла о вырывании с корнями потенциальных изменников —

всех, кто, возможно, сомневается в правильности линии партии. Разумеется, партия все предвидела заранее.

Партийное руководство, включая Сталина, считало террор необходимостью в период подготовки к войне против фашизма. Подобный тезис можно услышать в России и сегодня: архиважным считается проверка граждан на верность, мол, еще неизвестно, кому можно доверять, случись что. Тем не менее, это также не объясняет всего размаха террора и того, как много самых обычных людей участвовало в его воплощении.

Историк, активистка общества «Мемориал» Мария Шилова считает, что в российской историографии Большому террору порой придается излишнее значение. Тенденция объясняется массовостью явления и тем, что чисткам подверглась — наряду с простыми гражданами — также и советская элита, а значит, Большой террор стал исключительным этапом в истории страны. Однако смертность в лагерях была гораздо выше в период коллективизации и Великой Отечественной войны, а количество заключенных ГУЛАГа достигло максимума только к 1952 году. И до чисток, и после были десятилетия репрессий.

Пожалуй, правильнее было бы сказать, что относительно короткий период Большого террора являлся частью куда более длительного политического угнетения в СССР. Да, он был настолько интенсивным этапом, что в корне изменил страну и ГУЛАГ как государство в государстве, но от предыдущих и последующих десятилетий преследований и репрессий он отличался только в количественном, а не в качественном отношении.

ГЛАВА V

ВОРКУТА, РОЖДЕННАЯ ВОЙНОЙ

Проводница ставит перед нами растворимый кофе. На этот раз вместо пластиковой посуды мы пьем из всамделишных граненых стаканов в подстаканниках с эмблемой РЖД. Нам предстоит провести этот день в поезде. За окошком убегает мокрая, разнообразно расцвеченная темными пятнами лесотундра. Кажется странным попивать кофе в комфортном купейном вагоне, где снаружи раскинулся бесконечный, кажущийся угрожающим и совершенно непригодный для человеческого жилья пейзаж.

Автомобильные дороги тоже кончились. Из Инты в Воркуту добраться можно только на поезде или самолетом. Или пешком — правда, идти придется долго. Место расположено в отдалении от всего, но здесь имеются месторождения каменного угля. Их открыли еще при Николае I, но тот отказался от идеи колонизации арктических территорий, посчитав их пригодными для проживания только местных ненцев-оленьеводов. А вот Сталин думал иначе: СССР следовало расширять на север ради все того же ископаемого топлива. В преддверии Второй мировой Воркута превратилась в город живых мертвецов.

До строительства железной дороги сюда добирались пешком, преодолевая сотни километров. В период летней

навигации, длившейся всего-то пару месяцев, сюда ходили речные суда из Котласа. Заключенных сначала везли по железной дороге и на судах в порты Белого моря, оттуда по Северному Ледовитому океану к реке Печоре. Как правило, трюмы набивались заключенными до отказа, отчего те мерли как мухи, но с этим никто не считался. Дальше путь лежал до места впадения в реку Уса ее притока — реки Воркуты. Оттуда пешком предстояло идти еще 66 километров до Воркуты.

Первые основанные здесь лагеря не имели даже ограждений — именно по причине огромных расстояний. Арктический климат считался самым жестоким гулаговским надзирателем. Побег из мест заключения в весенне-летнее время называли «зеленым прокурором», подчеркивая тем самым суровость природы. А еще с тех пор сохранилась воровская поговорка «Закон — тайга, черпак — норма, а прокурор — медведь». Крайний Север рождал ощущение удаленности во временной перспективе: человеку могло казаться, что вот-вот и он натолкнется на мамонта, — так описывала Евгения Гинзбург свои впечатления от этапа. Надо сказать, что условия жизни во многих лагерях мало отличались от каменного века.

Город приближается. Тепловоз старательно пытит, приближаясь к окраинам Воркуты. Общая протяженность железнодорожной ветки составляет полторы тысячи километров, когда-то ее называли «дорогой жизни и смерти». Жизни, потому что по ней в Воркуту доставлялась еда, а обратно вывозился каменный уголь в осажденный Ленинград; смерти, потому что при ее строительстве погибло огромное количество заключенных.

Дорогу приняли в эксплуатацию на второй год Великой Отечественной войны. Строили, разумеется, силами практически всех 200 000 находившихся в лагерях Коми заклю-

ченных. От них требовалось выполнение минимального плана укладки — около двух километров путей ежедневно. Именно эта часть работ потребовала наибольшего количества человеческих жертв: зимой 1941—1942 годов от непосильного труда, болезней и голода из 50 000 осужденных погибли 80%. В проекте НКВД было задействовано большое количество польских военнопленных. В книге «Империя» Рышард Капуцинский описывает условия жизни героических прокладчиков зимой: в сильный мороз считалось опасным греться у костра. Донельзя измотанные заключенные, оказавшись вблизи костра, впадали в состояние, из которого уже не могли выйти, — так и умирали.

Строительство воркутинской железной дороги стало одним из приоритетных проектов Советского Союза 1940 года: государству требовался каменный уголь на нужды промышленности и производство вооружения. По мере продвижения германских войск на Украину и захвата Донбасского угольного бассейна уголь Севера становился все более значимым, а роль Воркутлага в победе СССР над врагом сложно переоценить. В период 1940—1945 годов объемы добычи каменного угля в Воркуте выросли в десять раз, его считали даже более качественным, чем донбасский или кузбасский уголь. Фактически в военный период воркутинский уголь позволил удовлетворить основные потребности Советского Союза в топливе. Его даже отправляли на экспорт, обеспечивая государству поступление желаемой иностранной валюты.

С тех пор прошло более 75 лет, однако наследие лагерных шахт по-прежнему бросается в глаза. Если присмотреться, на востоке, за развалинами заброшенных заводов, можно разглядеть белые шапки Уральских гор. Ничто не мешает взгляду: растительность здесь скупая, на окраине Воркуты не встретишь домов выше пяти этажей, да и мно-

гие из них зияют пустотой. Полусгнившие столбы электропередач прижаты снегом к замерзшему болоту. Солнце не светит — оно вскрывает одновременно пугающие и прекрасные пейзажи. Это сама суть души ГУЛАГа.

ВЕЛИКИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ТЕРРОР

Агрессия нацистской Германии летом 1941 года на восток перенесла Вторую мировую войну на территорию СССР. Многие события военного времени имеют самое непосредственное отношение к ГУЛАГу: война в значительной степени повлияла на работу лагерей.

Государственный террор продолжался и в военные годы, хотя порой можно услышать противоположную точку зрения. Острые террора ориентировалось в первую очередь на солдат и офицеров. Правда, в условиях хаоса начального этапа войны советская власть местами ослабла и даже пала, что снизило возможности функционирования репрессивной машины. Что касается фронта, то там НКВД последовательно расстреливал всех заключенных еще до начала отступления советских войск. Так, к примеру, в Киеве в 1941 году были расстреляны десятки тысяч осужденных.

Гражданское население также подвергалось репрессиям. Начало войны в значительной степени усилило критическое отношение к советской власти, на местах отмечались протестные настроения, вспыхивали забастовки. Стремительное продвижение германских войск привело к снижению партийного контроля. В начале войны многие заключенные и даже свободные граждане надеялись на скорую победу Германии и падение советской власти. Ответная реакция государства последовала незамедлительно. В первые месяцы войны арестовывали и отправляли в лагеря всех тех,

кто распространял информацию о продвижении немцев и царившем в армии разложении. Советская власть стремилась в корне задуть любую информацию о военной катастрофе, но это было нелегко: пропаганда не могла скрыть реальные факты.

Расширение масштабов военных действий вызвало ужесточение государственной политики. Не прекращавшееся в первые месяцы войны отступление советских войск привело к тому, что в августе 1941 года Сталин отдал приказ, согласно которому «предателем Родины» считался каждый, сдавшийся в плен врагу. Отныне каждый попавший в плен автоматически считался «врагом народа». Среди офицерского состава прокатилась очередная волна репрессий. Арестам подвергались не только офицеры: их жен также хватали и отправляли в лагеря. Репрессированной оказалась и супруга сына Сталина Якова, оказавшегося в германском плену.

Летом 1942 года в связи с резким обострением стратегической обстановки на фронте Сталин отдал свой известный приказ № 227 «Ни шагу назад!». Его целью было заставить солдат под угрозой наказания воевать даже в безнадежной обстановке. Не могло быть и речи об отступлении, не говоря уж о бегстве. Командиры формирований не всегда буквально следовали приказу, однако для многих он стал роковым. Специальные подразделения НКВД следили за искоренением пораженческих настроений в войсках. В течение первых двух лет войны суды трибунала вынесли приговоры порядка миллиону дезертиров — от понижения в звании до отправки в лагеря. Около 160 тысяч из них были казнены. Государство находилось в состоянии тяжелейшей войны, но при этом использовало достаточно большой объем ресурсов для преследования собственных граждан.

Летом 1943 года внутри НКВД выделили специальное подразделение Смерш — «Смерть шпионам!», его руководителем назначили Виктора Абакумова, известного своими садистскими наклонностями. В число задач организации входило осуществление режимных мероприятий, надзор за личным составом, выявление подозрительных личностей в рядах Красной армии и возможное приведение в исполнение наказаний «во внесудебном порядке». Помимо задержания, допроса и возможного расстрела дезертиров, смершевы проводили фильтрацию советских солдат, бежавших из немецких концлагерей.

Однако ужесточение дисциплины не помогало. Вскоре Сталину пришлось признать, что кроме кнута, имеется еще и пряник. Пропаганда начала все больше эксплуатировать тему защиты Отечества перед общим врагом для поднятия боевого духа в воинских формированиях.

* * *

В самом начале войны количество заключенных ГУЛАГа снизилось — фактически впервые после создания системы. Причин тому было много. Во-первых, в военные годы среди осужденных резко возросла смертность, но не по причине казней — их-то проводилось куда меньше, чем в период Большого террора. Основная причина роста смертности заключалась в том, что все усилия государства были направлены на ведение войны, так что лагерям выделялось значительно меньше ресурсов на приобретение пищи и медикаментов. Худшим периодом стала военная зима 1942—1943 года.

Немаловажной причиной уменьшения количества арестов стало вызванное военными действиями сокращение людских резервов, в первую очередь мужчин. Из лагерей добровольцев отправляли прямо на фронт: из бывших воен-

нослужащих и раскаявшихся уголовников формировались штрафбаты. Их отправляли сразу на передовую, причем могли даже не дать оружия — его полагалось добыть в бою. В штрафбатах оказалось около полумиллиона человек, причем на фронт запрещалось отправлять лиц, имеющих финские или немецкие корни. В батальонах служило большое количество воркутинских заключенных.

На какое-то время географические размеры ГУЛАГа сократились, но ничто не указывало на ревизию или полный демонтаж системы: наоборот, продолжающаяся война породила огромные массы новых «виновных».

Количество поступающих в лагеря осужденных начало увеличиваться пропорционально разрастанию военных действий. Важные с точки зрения военной промышленности лагеря нуждались в рабочей силе — ее нехватка восполнялась отправкой на принудительные работы больших масс военнопленных. Одновременно власти приняли решение нарастить объемы выпускаемой гражданской продукции: ужесточили трудовое законодательство, так что теперь получить срок стало возможным за небрежность, неявку на рабочее место без уважительной причины и даже за опоздание. «Дезертиром трудового фронта» стали называть всякого, кто опоздал на двадцать минут на работу. Криминализация общественно порицаемых форм поведения достигла апогея в военные годы и продолжалась некоторое время после войны. В охваченной разрухой и голодом стране можно было легко получить «десятку» за кражу хлеба.

Система лагерей играла существенную роль в социально-экономической структуре советского общества военных лет. ГУЛАГ поставлял мужчин на фронт, производил снаряды и патроны; для нужд армии шилась униформа, производилось огромное количество сельскохозяйственной

и животноводческой продукции, причем осужденные, как правило, голодали. В ГУЛАГе одновременно находились сотни тысяч заключенных и охранников, а также огромное количество животных — от дойных коров до сторожевых собак. Вставшая на военные рельсы советская промышленность использовала труд заключенных в массовом порядке, и эта тенденция продолжалась в послевоенные годы. Фактически лагерная система породила множество подобных Воркуте моногородов.

В период войны ГУЛАГ пережил целый ряд административных перемен. Большое значение приобрела систематизация заключенных, разделившая «политических» и уголовников. Каторга («принудительный труд») была введена в 1943 году и после войны как неумолимая форма наказания для самых опасных преступников военного времени. Это означало беспросветно тяжелый, смертельно опасный труд в строгой изоляции, под неусыпной охраной в самых удаленных регионах Севера. Приговоры выносились «четвертушками», то есть сразу на 25 лет. Каторжан выделяло то, что тюремной номер начинался с буквы и наносился на шапку, а не только на бушлат. НКВД создал соответствующие отделы в воркутинских и колымских лагерях. Каторжане и сосланные на вечное поселение не имели права возвращаться домой даже по истечении срока наказания.

Понятие «каторга» не было выбрано случайно как название для самых суровых в дисциплинарном отношении лагерей. Обозначая советские исправительно-трудовые колонии, оно воскрешало в памяти эпоху царизма.

Советская система принудительного труда и лагерей приобрела более-менее заверченный вид к началу Второй мировой войны. Годы экспериментов остались позади, и теперь ГУЛАГ расползался почти по всей территории огром-

ной страны. В каждом сколько-нибудь крупном центре находилась пересыльная тюрьма, колония-поселение или лагерь для заключенных — как правило, они функционировали в симбиозе. Обычному советскому человеку оказывалось весьма сложным не замечать этих структур, потому что заключенные производили все, что только возможно, от самолетов до детских игрушек.

Однако война принесла с собой перемены. Она основательно перетряхнула, хоть и не отменила всю систему ГУЛАГа. Она воспринималась как нечто неотъемлемое и нужное. Да, лагеря оказывали существенную помощь фронту, но при этом испытывали чудовищную нехватку всего, поглощая немислимые объемы ресурсов, пищи и материалов. Сотни тысяч заключенных содержались под присмотром десятков тысяч охранников в непригодных для проживания условиях. Сказанное позволяет в определенном смысле говорить о том, что в период Великой Отечественной войны Советский Союз воевал на два фронта.

ОСТРОВ НА МАТЕРИКЕ

Когда поезд после долгих утомительных часов неспешных воспоминаний внезапно входит в каменистый ландшафт, мы вздрагиваем от неожиданности. Прямо в тундре, вне дорог, подобно острову на материке, возникает Воркута.

Воркута — это город-символ, разрушающийся арктический Освенцим. На северо-востоке Коми процветает горнодобывающая промышленность, и здесь до сих пор явственно ощущается сталинская эпоха. Именно здесь, в зоне вечной мерзлоты, в 160 километрах от Северного полярного круга, располагались одни из самых страшных лагерей ГУЛАГа.

Одним из крупнейших лагерей в Советском Союзе считался Воркутлаг. Вряд ли об этом задумывались, когда разбивали лагерь на берегу реки Воркуты, создавая филиал Ухтинского лагеря. В действительности все начиналось на заре 1930-х с небольшого палаточного лагеря нескольких заключенных. Постепенно он разрастался, хотя добыча угля сходилась практически к нулю по причине отвратительных условий проживания. Слово «Воркута» в переводе с ненецкого языка означает местность, «изобилующую медведями».

Приближающаяся война привела к увеличению количества заключенных, в начале 1940-х годов их насчитывалось здесь более 60 000 человек. Постепенно в непосредственной близости от лагеря образовался поселок свободных рабочих. Первоначально в Воркуте проживало около пяти тысяч жителей, но за пять лет он разросся до промышленного центра с численностью населения 35 тысяч человек. Статус города Воркута получила в 1943 году, а в семидесятые — период наивысшего расцвета — здесь проживало более двухсот тысяч жителей. На сегодняшний день в районном центре, куда помимо Воркуты входят еще пятнадцать населенных пунктов, проживает порядка 110 тысяч жителей, а в самом городе менее 70 тысяч. По оценкам общества «Мемориал», через систему лагпунктов Воркутлага в период 1940—1950-х годов прошли от одного до двух миллионов мужчин и женщин, из них как минимум 250 000 нашли здесь свою смерть.

В Воркутлаг заключенных везли со всей территории Советского Союза, а во время войны еще и с захваченных территорий — восточной Польши и Прибалтики. Здесь содержалось много финнов. После Большого террора практически половина заключенных Воркутлага шли по 58-й статье, что составляло относительно большое количество

в сравнении с другими лагерями. «Политические» заключенные определяли местную лагерную жизнь.

Помимо лагеря и города, Воркута — это уголь. Вокруг города располагается большое количество шахт, из них в эксплуатации находится лишь несколько. Сокращение добычи ископаемого топлива привело к постепенному оттоку населения. Сегодня возведенные для шахтеров микрорайоны практически опустели.

* * *

Центр Воркуты пересекает железнодорожная магистраль, некогда объединявшая шахты и лагеря между собой. Она уже не используется, но по-прежнему остается врытой в суровую арктическую землю. Современная Воркута застраивается во многом по градостроительному плану, созданному в период, когда она представляла собой одну большую тюрьму. И это не исключение: многие северные города России заложены на гуглаговском фундаменте; говоря шире, географическое разграничение отраслей промышленности в известном смысле опирается на эпоху использования принудительного труда.

А еще нынешнюю Воркуту можно считать Помпеями советской индустриализации. Подобно древнеримскому городу, она тоже сохранилась до наших дней, ее объекты способны многое поведать о каждодневной жизни советских людей, вскрыть давно позабытые подробности, с той лишь существенной разницей, что Помпеи мертвы, а в Воркуте еще остаются жители.

Город находится так далеко от всего, что здесь многое до сих пор покрыто неизвестностью. Известный нам Михаил Рогачев из Сыктывкара занимается организацией поисковых экспедиций от Воркуты до самого Урала. Постоянно обнаруживаются новые, доселе неизвестные

памятники гулаговской истории: остатки бараков, сохранившиеся КПЗ, брошенные витки колючей проволоки. Однажды осенью экспедиция двигалась в сторону Ямало-Ненецкого АО. Неподалеку от деревни Харп, что в Приуральском районе, поисковики наткнулись на остатки одного поселения. Со слов Рогачева, не всегда представляется возможным определить, кто именно проживал в том или ином месте, потому что железную дорогу строили с привлечением вольнонаемных, но в том конкретном случае речь шла о трудовом лагере, потому что помимо разрушенных домов на месте были обнаружены бетонные скульптуры и «фрески» на стенах. Подобная ситуация повторяется и на Чукотке, где лагеря сохранились практически в первозданном виде. Это обычное дело, потому что за отсутствием дерева все возможное приходилось строить из камня. В целом же создается ощущение, что процесс модернизации в СССР в какой-то момент наткнулся на ГУЛАГ, и произошел полный регресс, возвращение человеческой цивилизации в доисторическое время. Заключенные проживали в землянках и занимались примитивной живописью, а люди-боги управляли людьми-муравьями.

Наконец поезд прибывает на воркутинский вокзал. Мы находимся в конечной точке Печорской магистрали. Прощаемся с проводницей. Нас встречает другая энергичная женщина — местный краевед и главный эксперт истории ГУЛАГа в Воркуте и школьный учитель Ирина Витман. Она подталкивает наши рюкзаки под нос собаки-ищейки, затем ведет нас к машине и сразу же включает передачу — на полную мощность. В прямом и переносном смысле. В течение следующих трех дней Ирина, словно Вергилий у Данте, ведет нас от одних развалин к другим сквозь гулаговский ад.

ЭКСКУРСИЯ В КОШМАР

На улице пятиградусный мороз, а снега больше нет. Местные поговаривают: «Воркута, Воркута, чудная планета, двенадцать месяцев зима, остальное — лето». В воздухе висит какая-то непонятная пыль, забивающая нос. Может, от угольных шахт?

Из земли торчат черные сваи — остатки барачных и шпал. Неожиданно для себя мы оказываемся на крутом берегу реки Воркуты, внизу — крутой обрыв к воде. Нам действительно приходится прилагать усилия, чтобы не отставать от Ирины Витман. Она еще более энергичный гид, чем Николай Баранов, показывавший нам Инту, а скорость ее рассказа напоминает залповый огонь «катюш» сталинских времен. Ирина без устали несет вперед, показывая на ходу все новые объекты. Наверное, сам северный воздух делает ее такой энергичной.

Начало городу было положено на этом берегу реки. Собственно, рядом с шахтой и возник первый воркутинский лагерь. Около него возвели жилье для охраны и работающих в лагере гражданских лиц. В 1936 году здесь открыли шахту «Капитальная», она стала в Воркуте первой. Ирина демонстрирует нам памятный знак, установленный в советское время в честь этого предприятия. Правда, обелиск обветшал, завалился, обнажив железобетонные внутренности. Позади виднеется остов углеперерабатывающего предприятия. Воздух прозрачный и морозный, пар поднимается прямо к небу. Неподалеку от точки, где мы стоим, за железнодорожным мостом некогда располагался Воркутинский лагерь номер два. На холме также находился лагерь. На противоположном крутом берегу возвышаются современные крупнопанельные дома Воркуты, почему-то напоминающие грязных динозавров. Район заброшен. Высотки, небольшие

здания общественного назначения и мощенная бетонными плитами улица, которая рассекает этот пейзаж... Вид совершенно постапокалиптический. Место называется «Рудник».

Ирина поясняет, что изначально в Руднике проживали геологи, та пора и считается точкой отсчета Воркуты. На краю этого города-призрака располагается кладбище, где геологи и похоронены. Лица покойных взирают с крестов на нынешнее удручающее состояние города.

Это место называлось «бульваром троглодитов». В домах проживали только вольные труженики. Заключенных селили первоначально в палатках и землянках, причем некоторые жили в таких условиях даже в 1956 году. Жизнь в землянках может показаться экзотикой, однако при Сталине это было практически нормой. По некоторым данным, треть квартир в том же Магнитогорске представляли собой глинобитные хижины, выстроенные руками самих жителей. В итоге многие вольнонаемные Магнитогорска предпочитали жить в землянках, нежели в бараках, где стирка и питание происходили прилюдно: ради возможности уединения они были готовы мириться с лишениями.

Помимо сурового климата и невыносимых условий проживания, в Воркуте было много тяжелой работы, царил железная дисциплина, а продовольствие было однообразным и скудным, поскольку ведение сельского хозяйства в этих широтах невозможно. Ирина говорит, что Воркуту буквально возводили на голых камнях.

В период хрущевской «оттепели» систему сталинских лагерей расформировали, но поселок геологов начал расти и шириться, пока не приобрел размеров городского микрорайона. В новостройках поселились шахтеры — приехавшие в город комсомольцы и оставшиеся на поселение бывшие заключенные. После развала СССР и закрытия шахт люди постепенно разъехались, дома опустели. Мародерам хва-

тило совсем немного времени, чтобы растащить все более или менее ценное.

На волне демонтажа ГУЛАГа возникли планы превратить Воркуту в «нормальный» промышленный центр. Новый центр города, возведенный на противоположном берегу, был нацелен на создание внешнего ощущения того, что старое лагерное прошлое забыто, хотя вряд ли это вообще возможно. Профессор истории Техасского университета Алан Баренберг, изучавший роль Воркуты в годы Великой Отечественной войны, отмечает, что построенные в сороковые годы лагерные бараки эксплуатировались еще в последнее десятилетие двадцатого века, на их месте даже строились дома — это при том, что изначально предполагалось снести все до основания и построить Воркуту заново: планы, не реализовавшиеся из-за нехватки средств.

А город-призрак все не кончается. Снаружи остовы зданий выглядят изглоданными, лишенными облика. Внутри единственными предметами интерьера служат чахлые северные растения и снег. В кустах виднеется обветшалый монумент советской эпохи, воздвигнутый в честь какого-то величайшего события. Поражает, насколько сильно этот район пострадал всего за пару десятилетий. Природа — не без помощи людей — поглотила эти дома, высосав из них все соки. Украшенный портиком Дом культуры в духе сталинского ампира напоминает о псевдовеличественном прошлом, ряды похожих на коробочки «хрущевок» свидетельствуют о расцвете 1960-х годов, а надпись «Fuck Vorkuta!» взывает к современности.

Дети с криками носятся по пустой многоэтажке: бегают по крыше, играют в прятки в пустых комнатах. С большой долей вероятности можно сказать, что как минимум половина из них является потомками заключенных или спец-

переселенцев. Согласно сведениям «Мемориала», порядка половины всех нынешних жителей Воркуты напрямую или опосредованно связаны с ГУЛАГом.

Один из мальчишек подходит прямо к краю крыши дома. В него тут же вцепляется хваткий ветер, беспокойно мечущийся над северной пустыней, как будто желая сбросить вниз... Но тот даже не шелохнулся. Он уверенно расставляет ноги, расстегивает ширинку и преспокойно мочится вниз.

Ирина отводит нас к машине, припаркованной на маленькой грязной тропинке рядом с кольцевой автодорогой. Уже издалека видно, что рядом в снегу застрял второй автомобиль — вероятно, кто-то пытался съехать с трассы к берегу, куда мы только что ходили ногами, но проехать не смогли. Вопрос: зачем это надо было делать? Однако вскоре ситуация проясняется: группа подвыпивших молодых парней направлялась в город-призрак повеселиться. А может быть, они даже знакомы с теми, кто только что скакал по крышам?

Проходим мимо. Парни явно утомились, начинают что-то кричать вслед. Похоже, просят помочь. Ирина ускоряет шаг, мы следуем за ней: наша машина всего в каких-то двадцати метрах. Самый здоровый и самый пьяный из парней бегом нагоняет нас, хватая за рукав и начинает крыть матом. Дурацкая ситуация. Приходится остановиться. Молодчик тянет за рукав, Ирина требует, чтобы он отпустил руку. Что делать? Сдаться, идти дальше или дать по лицу? Мы вырываемся, решительно идем к машине, Ирина запускает двигатель, закрывает двери изнутри и давит на газ так, что ледяная крошка летит в разные стороны.

«Что за свиньи!» — восклицает она, когда мы оказываемся на шоссе.

В стекле заднего вида исчезает фигура нашего обидчика. По радио звучит какой-то советский шлягер.

* * *

Между остановками Ирина рассказывает о Воркуте, о городе и окружающем ее пейзаже: настоящая туристическая поездка по Аду.

Следующий объект назван по имени рудника — Северный. Первоначально поселок построили прямо на месте бывшего лагеря после того, как руководство страны приняло решение превратить город в обычный индустриальный центр. По непонятным причинам Северный еще не опустел.

Перед нами вырисовываются двухэтажные дома постройки пятидесятых годов, часть из них кричит пустыми окнами. В новых домах еще есть жильцы. В самом сердце Северного возвышается новенькая православная церковь: свежие бревна, позолоченные купола — вид неземной. Со слов Ирины, храм воздвигнут на средства бывшего уголовника, который, как говорят, покался и решил заслужить прощение у Всевышнего. Строитель храма отбывал срок в воркутинской тюрьме в 1980—1990-х. Как мы узнаем позже, в этом регионе еще остались действующие тюрьмы.

Идем к местному Дому культуры. Здание является типичным образчиком сталинской архитектуры. Надо сказать, что в сравнении с другими зданиями оно выглядит вполне прилично, хотя деятельность практически свернута. Все так же перед зданием возвышается памятник Ленину с протянутой к светлому будущему рукой. Вождь мирового пролетариата выглядит надменным, но немного потасканным, словно провел слишком много лет в крутом загуле. Из громкоговорителей несется праздничная музыка.

Весь пафос заканчивается чуть дальше. Ирина останавливается на краю поселка перед пустым каменным зданием. На первый взгляд оно выглядит совершенно обычно:

оштукатуренные стены, деревянная облицовка... Кирпичи дверного проема обвалились, словно кто-то чересчур громоздкий пытался проникнуть внутрь. Или вырваться наружу.

«Это лагерный карцер, — говорит Ирина. — В карцер сажали тех, кого хотели прижать отдельно и с особым усердием».

Поразительно, но это непритязательное здание — истинный пример памяти о ГУЛАГе, хотя оно вовсе не выглядит помпезным в сравнении со всеми остальными, что мы только что видели. Небольшой домишко, в котором на первый взгляд нет ничего особенного, таит в себе самые чудовищные воспоминания о лагере. С другой стороны, наличие сохранившихся в разных частях архипелага штрафных изоляторов не должно вызывать удивления, поскольку часто это были единственные выстроенные из кирпича или камня здания внутри периметра лагпунктов. Наспех возведенные заключенными деревянные бараки и сторожевые вышки давным-давно сгнили, каменные здания стоят, неподвластные времени. Население повдилось разбирать их на кирпич для дач, домов или гаражей, кое-где они используются по новому назначению. В бывшем изоляторе поселка Северный до недавнего времени функционировал склад, пока его не забросили окончательно.

Входим. Длинный коридор упирается в стену. Синяя краска растрескалась и облетела, с крыши свисают провода и части подвесного потолка. Двери давно вынесены, помещения некогда служили камерами. Стены в одних совершенно голые, в других остаются «следы прошлого»: деревянная вешалка, черный провод, свисающий с потолка, поваленный стол. В потолке самой большой комнаты зияет огромная дыра, и кажется, что оттуда внутрь стекает мрак

прошлого. Пол завален выломанными оконными переплетами, похожими на подрамники для картин.

Здание бывшего воркутинского штрафного изолятора порождает невнятное щемящее чувство. Такие объекты не часто можно увидеть на просторах архипелага ГУЛАГ. Люди не всегда даже знают их историю, отчего не умеют относиться к ним с должным вниманием. Режимный объект в Северном сохранился чудом. Ирина говорит, что хотела бы добиться для него статуса «охраняется государством». В планах — создать здесь музей ГУЛАГа, но финансирования пока найти не удалось.

* * *

Возвращаемся в центр Воркуты, застроенный величественными бетонными зданиями. Стены домов украшены плакатами, восхваляющими непростой и важный для страны труд шахтеров. Несколько отдает напыщенным советским духом: «Каменный уголь — будущее России!», «Каменный уголь — хлеб промышленности!», «Шахтер — вперед, Россия!» Между громкими лозунгами скромно затесалась реклама «Северстали». Концерн владеет здесь десятками заброшенных и несколькими функционирующими шахтами. Шахтерам платят крохи, но от них требуется выполнение повышенных норм. Оставшиеся с советских времен профсоюзы совершенно бессильны, а независимых объединений нет. В Воркуте высокий уровень безработицы. Народ разежася.

Нам довелось побывать во многих местах Крайнего Севера России, но ни один из них не производит впечатления такого насквозь замороженного города, как Воркута. Возможно, причина в отсутствии у других населенных пунктов такого же лагерного прошлого, да они и старше советской власти. Воркута же стоит на обломках ГУЛАГа.

Мы отправляемся в гостиницу «Воркута» — уродливый снаружи, но уютный внутри бетонный колосс. После насыщенного дня наконец-то есть возможность присесть, выдохнуть и открыть теплое пиво в холодном номере. Солнце опускается к горизонту. Мы в конечной точке железнодорожной ветки.

Инвентарный список нашего номера включает в себя целый ряд позиций, по каждой обозначена сумма компенсации за поломку: телевизор — 5000 рублей, зеркало — 1000 рублей и так далее. Подобные списки можно найти во многих российских гостиницах. В «Воркуте» также имеются подробные рекомендации на случай землетрясения, цунами и радиоактивного излучения. Позаботились заранее.

АРКТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

На окраине Рудника на высоком берегу реки Воркуты возвышается белый крест, похожий на гигантскую стрелку солнечных часов. Тень поворачивается по солнцу и напоминает не о времени, а о вечности, сомкнувшейся кольцом вокруг Воркуты.

Крест воздвигнут в память о некогда доставленных в эти места тысячах заключенных поляков. В верхней части монумента можно разглядеть металлическую табличку с вырезанным на ней орлом — символом Польши.

В самой Воркуте, помимо очевидных фактов существования ГУЛАГа, имеется большое количество официальных мемориалов в память о событиях тех лет. Часть из них, правда, сложно обнаружить, они находятся в довольно странных местах — их еще сложнее обнаружить, чем интинский памятник; одни даже не выглядят как мемориалы, а другие давным-давно завалились и забыты. Однако при ближайшем рассмотрении оказыва-

ется, что их количество превышает число пальцев обеих рук.

Воркутлаг имел репутацию ада на земле, и свидетельством тому является такое большое количество установленных здесь мемориалов в память о погибших эстонцах, латышах, литовцах, украинцах и немцах, интернированных в Воркуту в период Великой Отечественной войны и сразу после нее с оккупированных Красной армией территорий. Вдобавок к иностранным военнопленным здесь уже давно проживали спецпереселенцы — представители многих народов СССР. Фигурально выражаясь, царившее в лагере и примыкающих к нему колониях-поселениях многоязычие напоминало Вавилонскую башню в горизонтальном варианте. В Воркутлаге ходила шутка, что здесь пролетарии всех стран наконец-то соединились. Память нашедших здесь свое последнее пристанище тысяч представителей иностранных государств сохраняется. Помимо польского памятника, в Воркуте есть мемориалы, установленные официальными властями и организациями различных государств.

По идее, иностранные заключенные и военнопленные должны были размещаться отдельно от остального ГУЛАГа в собственных лагерях, но это лишь в теории. На практике же места содержания были общими, заключенные — особенно интернированные в период войны — перемешивались, формируя пестрый культурный фон, что привело к одному из поворотных моментов в истории ГУЛАГа. Оказавшиеся в лагерях западенцы и прибалты, в отличие от советских граждан, никогда ранее не жили под ярмом пропаганды и ощущали себя внутренне свободными, кроме того, их появление позволило просочиться сквозь тонкое сито политотделов в места заключения информации о более свободном западном мире. Как и водится, зерно сомнений

легло на благодатную почву и дало всходы. После войны в лагерях начали возникать мелкие протесты, противостояние с администрацией ширилось, и в конечном счете после смерти Сталина недовольство вылилось в известное Воркутинское восстание.

* * *

В СССР подобные «Вавилонские башни» возникали не только на Севере. Существенной частью сталинской политики угнетения стало выселение целых народов, и насильно сорванных со своих обжитых мест отправляли не в лагеря, а переселяли в отдаленные уголки страны.

Решение советского правительства о принудительной депортации касалось в общей сложности одиннадцати народов или этносов и нескольких десятков других групп. Отдельные операции приобретали гигантские масштабы: в 1942 году в трудармию отправили 400 тысяч представителей неугодных народов. Тех же калмыков переселили в 1943 году в отместку за якобы сотрудничество с германскими оккупантами. С захваченных территорий Прибалтики, Польши и Молдавии интернировали в глубь страны их жителей — все это составляло суть проводимой властями политики советизации, а уничтожение национальных элит стало ее центральным моментом.

В 1944 году с изгнанием фашистских захватчиков с территории СССР с подачи Лаврентия Берии были проведены массовые переселения чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, месхетинских турок, грузинских армян и курдов с мест постоянного проживания в глубь страны. В качестве причины депортаций указывалось то, что некоторые представители этих народностей пошли на сотрудничество с оккупантами, когда осенью 1942 года немецкая армия стояла у ворот Кавказа. Согласно советской логике, наказание за

коллорабационизм отдельных граждан должно быть коллективным.

На Крымском полуострове политика переселения приобрела особо жесткие формы. Красная армия отвоевала Крым весной 1944 года, после чего крымских татар накрыла длившаяся две недели волна ужасающего террора. Цель нацистов заключалась в том, чтобы изгнать крымских татар и превратить полуостров в одну из провинций Великой Германии, но извращенная ирония судьбы проявилась в том, что именно Сталин отдал НКВД указание осуществить практически идентичный план. В мае 1944 года обвиненных в пособничестве нацистам крымских татар погрузили в теплушки и отправили в Центральную Азию. В памяти татарского народа эта операция сохранилась под названием *сургу* («наказание ссылкой»). Через год Крымскую автономную ССР расформировали, присоединив ее к РСФСР.

В период с 1941-го по 1949 год в Сибирь и Центральную Азию переселили более трех миллионов человек. По некоторым оценкам, от 20 до 40 процентов депортированных погибли в пути или позже в лагерях от насилия, голода и эпидемий. В 1956 году Никита Хрущев осудил сталинскую политику массовых депортаций и принял решение о возврате большинства населения обратно. Однако крымские татары и поволжские немцы получили разрешение на возвращение только после развала СССР.

Многим не суждено было вернуться. Повсюду, в том числе и в воркутинской вечной мерзлоте, остались тысячи интернированных и безвинно осужденных.

* * *

На следующее утро отправляемся далее по кажущемуся бесконечным Северному кольцу. В свое время Воркутлаг представлял собой гигантский комплекс на площади вось-

мидесяти квадратных километров, он состоял из более чем сотни лагерей при шахтах, размещенных в форме дуги вокруг города.

Мы объезжаем заброшенные шахтерские пригороды, смахивающие на призраки, и названия некоторых, полученные от эков, звучат весьма непривлекательно. Ирина говорит, что ГУЛАГ до сих пор присутствует в прозваниях и деревень, и людей. Ее фамилия Витман, происходящая от слова «Волга» на немецкий лад, досталась ей от мужа, чьи родители тоже были насильно переселены на Север. Многие топонимы гулаговской эпохи сохранились в официальном обиходе или имеют хождение в народе: ими называют окружающие Воркуту мелкие поселки.

И вот мы опять во внедорожнике. В салоне тепло, и вдруг откуда-то накатывает бесконечная усталость. В такие моменты утрачиваешь ощущение времени: сколько мы в Воркуте? Сплошь деревянные кресты, мемориалы, провалы на месте массовых захоронений, опустевшие Дома культуры... Машина притормаживает у расширения дороги, дверь открывается, в салон врывается бодрящий холод.

Мы находимся в одном из тех микрорайонов, что как осыпавшийся венок окружают Воркуту. Вид отсюда не слишком отличается от всего увиденного нами ранее. Вдруг между камней замечаем металлический крест: за этим мы здесь. На фоне бескрайней тундры он кажется крохотным. Как и тысячи людей ранее, он тоже вскоре исчезнет в этой пустыне, зарастет местным колючим кустарником.

То, что мемориал расположен на отшибе, становится ясно совсем скоро. Крест воздвигнут в память о венгерских заключенных, справа виднеется что-то серебристо-лазоревое, словно проросшие экзотические растения, каких не должно быть так далеко на севере, дальше их еще больше. Это самые упорные воркутинские сорняки — кре-

сты. Именно в этом месте на простом лагерном кладбище в 1940-е хоронили венгерских военнопленных. Сейчас место захоронения приведено в надлежащий вид, правда, кресты старые — все-таки их установили более полувека назад.

На кладбище все предельно просто: два куса металлической трубы приварены поперек друг к другу, длинная труба одним концом вбита в землю, в довершение все это выкрашено в странный голубой цвет. В месте пересечения труб закреплена металлическая табличка с выжженным на ней сварочным аппаратом именем. Некоторые просто с номером з/к, другие и вовсе без ничего.

Идем по колено в траве посреди покосившейся памяти. Через мгновение приходит понимание охватившего нас странного чувства: в отличие от остальных мест воркутинской тундры, здесь растет трава.

«Чему удивляться, — поясняет Ирина. — Кладбища всегда зарастают, только так их и можно обнаружить».

Идти нелегко. Бугры под ногами объясняются не естественными неровностями, а наличием могильных холмиков перед крестами. Они сбиты, перемешаны друг с другом, но они есть. На одном столбике — звездочка, она будто распространяет вокруг незримый красный отблеск.

И вдруг страшно хочется зимы, настоящего снега. Ах, как же было бы здорово, если бы все здесь скрылось под белой холодной снежной пеленой!

* * *

Наш автомобиль проезжает мимо места, где располагался лагерь для членов семей осужденных. Потом появляется фундамент какого-то тюремного здания и еще одно лагерное кладбище. Вдоль дороги стоят выстроенные по-волжскими немцами дома. Мы заезжаем на пустырь, где

располагался их лагерь. Вокруг возвышаются копры¹ брошенных шахт.

1. Конструкция, установленная на поверхности над шахтой, предназначенная для размещения подъемной установки.

Мы заезжаем на несколько захоронений, где воздвигнуты мемориалы заключенным из разных стран. Все кладбища, как правило, находятся в довольно запущенном состоянии и заросли цепкими арктическими растениями. В траве то и дело виднеются камни или остатки венков — очевидно, в семьях еще живет память о похороненных здесь родственниках. И повсюду бесконечный в своей монотонности северный пейзаж. Наши места посещения отличаются друг от друга только разными судьбами и разными трагедиями, но в конечном итоге все сливается в одну сплошную человеческую боль.

Останавливаемся на мгновение на кладбище немцев-трудармейцев на месте лагеря Берлин-2. Позади вздымается очередной город-призрак, а здесь из земли торчат «камень судьбы» и два креста. На табличке высечена на русском и английском: «Памяти немцев, лежащих на этом кладбище «Берлин-2», и памяти всех погибших в Воркуте». За благоустройство этого и других кладбищ отвечает воркутинский «Мемориал». И опять этот всегдашний ветер.

Место нашей следующей остановки является одним из самых важных местных мемориалов. Это бывшее лагерное кладбище неподалеку от находящегося теперь в черте города Воркуты поселка Юр-Шор, и здесь дует такой ветер, что трудно устоять на ногах. Здесь больше всего памятников, если сравнивать со всеми захоронениями, находящимися в подчинении местной администрации: эстонцы, литовцы, латыши, немцы, общественники установили здесь свои памятники; некоторые кресты и могильные плиты воздвигнуты частными лицами. На многих крестах эстонские имена. Здесь похоронены погибшие 1 августа 1953 го-

да при вооруженном подавлении забастовки, охватившей ряд подразделений Речлага, имеются памятные знаки депортированным в массовом порядке в Заполярье и навсегда оставшимся здесь немцам и представителям многочисленных народов СССР. Отдельный камень установлен в память погибшим за свободу и человеческое достоинство.

Со слов Ирины Витман, в конце 1950-х годов власти неоднократно предпринимали попытки уничтожить кладбище в Юр-Шоре, большую часть которого все же удалось сохранить, несмотря на пролегающую совсем рядом автодорогу. О мемориале в память латышей она говорит, что это хороший пример того, что здесь увековечена память представителей многих народов. Отсутствует только мемориал от Российского государства. Объяснение может быть только одно: в стране до сих пор не хотят вслух говорить о ГУЛАГе.

Раньше отдельные могилы маркировались только колышком с деревянной табличкой и номером. Открытие засекреченных архивов в 1990-е годы позволило идентифицировать имена похороненных, хотя и не всех. По-прежнему в тундре много безымянных крестов и неотмеченных могильных холмиков. Возможно, архивы остаются закрытыми, потому что масштабы совершенных преступлений могут оказаться неприлично огромными. И вдруг окажется, что один из дедов сегодняшней воркутинской супружеской пары когда-то казнил другого? Если вскроется вся правда до последнего факта, начнется гражданская война, считает Ирина.

Перед тем как отправиться дальше, она предлагает сфотографировать нас на фоне одного памятного знака. Нам приходится улыбаться и показывать пальцами знак победы, как это нынче принято в России.

ОХРАННИКИ И ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

В подобных Воркуте отдаленных от центра городах, рожденных из лагерей и считавшимися закрытыми в советский период, в 1940–1950-х годах было сложно отделить заключенных от вольнонаемных. У исследователей имеются даже специальные термины «заключенный» и «незаключенный», чтобы подчеркнуть, что проживание по ту сторону от колючей проволоки являлось частью системы ГУЛАГа. Социальная пестрота лагерей только усилилась в период Великой Отечественной войны в связи с повышенной текучестью осужденных.

В этих размышлениях историк Олег Хлевнюк идет дальше, говоря о «ГУЛАГе» и «не ГУЛАГе», подразумевая под последним весь Советский Союз. Дефиниции основываются на названиях, использовавшихся самими осужденными: лагерь те называли «малой зоной», а остальную, населенную свободными советскими гражданами страну, — «большой зоной».

В число «незаключенных» входили тысячи охранников. Наниматься в Воркуту соглашались немногие, отчего некоторая часть из них происходила из зэков. Подобная практика соблюдалась и в других лагерях. Между кастами заключенных и охранников присутствовало постоянное движение. Известен случай, когда одного офицера гулаговской охраны приговорили к лагерному сроку за совершенное преступление. Понемногу он поднялся по внутренней иерархии, через какое-то время освободился и вновь был принят в должность надзирателя. Помимо прочего, осужденные и охранники могли взаимодействовать во «вне рабочее время»: они занимались меновой торговлей, влюблялись, совместно насиловали и пьянствовали. Все находилось под властью одних и тех же нечеловеческих условий жизни.

Помимо заключенных, в воркутинских лагерях и в самом городе работало большое количество «незаклученных» — гражданских лиц. Однако их положение часто не слишком отличалось от жизни эков, и многие из них успели побыть в лагере.

После войны разница между эками и вольнонаемными стала расплывчатой, особенно после того, как в 1950-е годы заключенные стали получать за свой труд небольшую зарплату, а некоторым был разрешен выход за пределы лагеря. Кроме того, между заключенными и незаклученными существовало несколько иных категорий, частично перекрывавших одна другую. Какие-то осужденные не занимались просто принудительным трудом, а исполняли функции поваров, прачек и дежурных, то есть занимали должности, предназначавшиеся в основном для вольнонаемных.

Случалось, некоторые заключенные обладали особыми привилегиями, что делало их жизнь даже более вольготной, чем у свободных. Одним из самых примечательных эков Воркутлага был преподаватель ВГИКа и военный корреспондент Алексей Каплер. Лауреат Сталинской премии, он был широко известен в СССР, но, к своему несчастью, в 1942 году у сорокалетнего Каплера случился роман с юной Светланой Аллилуевой, дочерью Иосифа Сталина. Отец Светланы решил избавиться от воздыхателя дочери, за что в 1943 году того осудили на пять лет лагерей «за антисоветскую пропаганду» и этапировали в Воркуту. Однако Каплеру страдать на зоне пришлось недолго. Начальник Воркутлага назначил именитого осужденного своим фотографом, разрешив ему проживать в комнатухе при фотостудии — фактически как свободному гражданину.

Несмотря на подобное смешение ролей, между заключенными и свободными ни в коем случае нельзя ставить

знака равенства, разве что проводить параллели. Осужденные были полностью зависимы от отправившей их в места заключения системы и не могли предполагать, что произойдет с ними завтра. У многих был длительный срок, и они были лишены возможности общаться с внешним миром. Охрана наделялась большими правами.

Заклученных от гражданских отделяла известная степень дегуманизации с помощью индивидуального номера. Служебная инструкция требовала окликать заключенных не по имени, а по номеру, нанесенному на полоски материи, нашитые на места, указанные администрацией, — как правило, на робу и в некоторых случаях на шапку. Об исключительности номера свидетельствует такой пример: одна группа женщин, осужденных по религиозным мотивам, отказалась одеваться в лагерную одежду, предпочтя выйти голыми; тогда порядковые номера выжгли им на теле. Голову заключенных — и мужчин, и женщин — могли обрить, и это было мерой не просто «на всякий случай», но и стремлением унижить осужденного. Как напишет Евгения Гинзбург, «...со своими бритыми головами они казались все одинаковыми, точно сошедшими с какого-то конвейера, фабрикующего ужасы».

* * *

Обывательское сознание рисует образ надзирателя как некоего садиста, издевавшегося над безвинно осужденными. Сравнение напрашивается само собой: в лагерях нацистской Германии к тем, кто был приставлен стеречь заключенных, всегда относились и относятся до сих пор именно так. Вполне вероятно, что некоторые надзиратели вели себя подобным образом, однако среди охраны советских трудовых и концлагерей было большое количество совершенно обычных, полных надежд молодых парней и девушек, при-

нятых на работу прямо со школьной скамьи, искавших свое место в этом новом для них, как и миллионов других людей, мире. Некоторых из них командировали на новое рабочее место на всякий случай — в качестве наказания, словно они были заключенными. В особенности подобное практиковалось в отдаленных местах вроде Воркуты, куда редко кто ехал по собственному желанию.

О надзирателях следует говорить, потому что они представляли собой существенную часть системы. Их количество было относительно велико, можно сказать — огромно. После войны, когда архипелаг ГУЛАГ разросся до своих максимальных размеров, в охране служили 160 000 человек, но и это количество администрация считала недостаточным. В перспективе планировалось увеличить штат на 40 000 человек.

Лагерная охрана, несомненно, имела свою внутреннюю иерархию. Материальные условия низшей ступени зачастую приближались к условиям жизни заключенных, тогда как представители других «классов» и администрация проживали в улучшенных условиях и имели повышенную зарплату.

Сохранилось не так много письменных свидетельств заключенных ГУЛАГа, однако рассказов надзирателей еще меньше, что несколько удивляет, поскольку, если так можно выразиться, «по лучшую сторону» колючей проволоки находилось большое количество талантливых литераторов. Но приписываемые лагерной охране реальные и выдуманные жестокости, по-видимому, заставили их отказаться от написания мемуаров.

Упоминавшийся ранее Федор Мочульский занимал одновременно пост руководителя работами по возведению железнодорожной ветки и охранника лагеря. Свои мемуары *Gulag Boss* он написал только в 1990-е годы, но в них гораздо

больше уделено внимания процессу организации принудительного труда, нежели жизни охраны, хотя некоторые моменты, например проживание в землянках, указывают на то, что обустройство быта охранников фактически мало отличалось от быта охраняемых ими. Правда, Мочульский пишет, что его землянка был лучшей из всех: в ней имелись печь «буржуйка», стул и стол!

В повести «Зона» Сергей Довлатов напишет, что он не считает лагерную тему исчерпанной, поэтому и свою рукопись не считает законченной: «Впервые я понял, что такое свобода, жестокость, насилие. Я увидел свободу за решеткой. Жестокость, бессмысленную, как поэзия. Насилие, обыденное, как сырость». Равно тому, как лагеря стали нормой в истории СССР, насилие и ужас стали в лагерях нормой жизни. Страдание стало повседневностью. Человеку несведущему может показаться, что эта цитата написана заключенным, но слова исходят именно из уст надзирателя. И, конечно, нельзя не обратиться к Александру Солженицыну. Описывая мир тюремщиков, он подчеркивал, что на фоне общего чудовищного садизма выделялись человеческие представители, пытавшиеся в меру своих сил подогнать инструкцию в пользу эков. В качестве примера он упоминает Михаила Мальцева: «Да вот еще Арнольд Раппопорт уверяет меня, что инженер-полковник Мальцев Михаил Митрофанович, армейский сапер, с 1943-го по 1947-й начальник Воркутлага (и строительства, и самого лагеря), — был, мол, хороший»¹.

Нет никаких особых причин выступать с защитой гулаговских надзирателей, но следует помнить, что, помимо совершенных ими ошибок и явных преступлений, они были частью инфраструктуры и порой ее жертвой. Тюремщики могут рассказать, пожалуй, не

1. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. В 3 т. Т. 2. М.: Советский писатель, Новый мир, 1989.

меньше о своей жизни, чем ээки — о своей, и показать лагерную жизнь в ином свете. Их объединяет общая жизнь после выхода из ГУЛАГа. Здесь хочется согласиться с Надеждой Мандельштам, сказавшей, что все они — осужденные и их охранявшие — утратили память по обе стороны колючей проволоки.

ОБЫДЕННОСТЬ УЖАСА

Над крышей гостиницы «Воркута» загорается рассвет, резкий и пронзительный, как стопка высококачественной водки. Мы одеваемся, спускаемся в вестибюль, где нас уже ждет Вергилий в образе Ирины Витман.

Торец здания напротив гостиницы украшен рельефом эпохи СССР, он хорошо виден со входа: стилизованная карта Воркуты с кольцевой дорогой и шахтами. Изображение не обновлялось с 1970-х годов. Глядя на него, можно подумать, что шахты до сих пор работают, а микрорайоны населены. Собственно, это хорошая картина того, какой Воркуту представляли в послегулаговскую эпоху — обычный шахтерский город в Заполярье.

Мы едем по направлению к самой северной точке карты. Навстречу попадает очередной брошенный поселок. Серые «хрущевки» стоят посреди тундры, похожие на упаковочные коробки, как будто микрорайон привезли сюда и просто забыли собрать. Нам же куда интереснее забытый тундровый луг рядом. Здесь когда-то располагался Речлаг, также Особый лагерь № 6 для политзаключенных, созданный в 1948 году. Именно здесь вспыхнула известная забастовка после смерти Сталина в 1953 году.

Указывая на рельсы, Ирина говорит, что они лежат здесь с тех самых пор. По ним уголь везли от одного лагпункта к другому.

Железная дорога, извиваясь и поблескивая на солнце, уходит за горизонт. Поднимающаяся с земли мелкая песчаная пыль хрустит на зубах. Ирина предупреждает о покрытых снегом ложбинах: под ними может скрываться землянка, какие рыли себе заключенные, случается, в них по неосторожности проваливаются.

Идем дальше по тропинке между мелкой поросли. Место находится выше остального ландшафта, отсюда открывается вид на равнину, посреди которой то здесь, то там возвышаются заброшенные заводы. Вдалеке виднеется снежная полоса Уральских гор. Место, где некогда располагался лагерь, сразу не разглядишь. Это и производит впечатление. Для нас эта случайная, погруженная в тишину дорога кажется невидимым собором. Земля под ногами помечена ГУЛАГом, а когда ты об этом знаешь, ты невольно начинаешь это чувствовать.

Через несколько мгновений ты уже это видишь. Наше путешествие по архипелагу советских лагерей наделило нас каким-то особым зрением, выработало в нас некую способность вычленять, видеть и определять на первый взгляд незаметное. Чем дальше, тем лучше мы определяем здания, развалины и даже самые малые следы присутствия лагерей, мы в состоянии интерпретировать их — с каждым разом все точнее. Здесь, на окраине Воркуты, на месте, где раньше располагался Речлаг, достаточно просто указать на полуогнившийся чурбак или ямку на поверхности земли, как мы тут же начинаем считать их смысл. Человек может забыть, но ландшафт помнит.

Лужицы воды пятнами покрывают землю в местах, где когда-то находились основания лагерных бараков. Здесь и обломки досок, и цельные бревна, торчащие из земли под разными углами, замершие в последней попытке вырваться.

«А вот там, — говорит Ирина, указывая на карликовые деревца посреди поросли, — такие деревца растут только там, где были лагеря. В Воркуте их больше нигде нет». Ненужные деревяшки, обрывки одежды, остатки еды, испражнения на местах бывших лагерей образовали толстый слой почвы — вот почему на вечной мерзлоте сумели укорениться эти деревца высотой чуть выше кустарника.

Право, вызывает подлинное восхищение жалкий, искривленный ствол такого деревца, его тонкие, но такие упорные веточки. Оно кажется здесь случайным, но для нас его присутствие куда важнее, чем многие официальные, помпезные памятники, потому что это след, оставленный лагерем, и таких нигде больше нет.

* * *

Мы проезжаем мимо шахты «Центральная», разрабатывавшейся со времен ГУЛАГа. Сегодня она закрыта. Установлен мемориал в память о трагических событиях 18 января 1998 года, в результате которых погибли 27 горняков. Поселок Промышленный тоже закрыт. Здесь и везде рядом с поселками горняков располагаются кладбища, где захоронены тысячи жертв ГУЛАГа.

Конечной точкой нашего пути является поселок Воргашор, находящийся на так называемом «Воркутинском кольце». Его начали строить в конце 1930-х годов. Воргашор знавал и лучшие времена, когда численность его жителей составляла порядка 25 тысяч. На сегодня половина зданий заброшена, а по последней переписи там проживает менее десяти тысяч.

Сегодня мы встречаемся в Воргашоре с 94-летней Анной Васильевной Крикун, она одна из последних, кто выжил в воркутинских лагерях. В качестве гостинца приносим с со-

бой торт из воргашорской пекарни, работающей в полупустом торговом центре.

Когда-то дома здесь были выкрашены в радостные цвета, но с годами краска поблекла. Прямо посередине двора возвышается громадная куча наваленного за зиму снега, есть предположение, что она не успеет растаять за короткое местное лето и будет с каждым годом просто расти все больше и больше. Входим через металлическую дверь подъезда, пробираемся в потемках на второй этаж, Ирина звонит в дверь. Нам открывает очень старая, но при этом бодрая женщина.

«Добро пожаловать, добро пожаловать... Ой, торт!» — восклицает она и приглашает войти.

Наша хозяйка худая, но для своего возраста двигается очень проворно. Над верхней губой у нее растут совершенно чудные усы.

Анна Васильевна расставляет чашки для непринужденного чаепития и начинает рассказывать о своей жизни. Она провела в ГУЛАГе и в ссылке в общей сложности тринадцать лет, из них одиннадцать только в Воркуте. Крикун была одной из тех женщин, что строили дорогу к поселку, который тоже был частично возведен руками осужденных. За время лагерного срока ее определяли на различные по тяжести работы, в разные годы по-разному.

Здесь Анна Васильевна проживает уже давно, но родом она совсем из других краев. Родилась в Севастополе в 1922 году, ее дед по отцу занимался предпринимательством, дед по матери был донским казаком. Отца Анна не помнит — большевики расстреляли его в 1924 году. Мать вышла повторно замуж за Сигизмунда Васильевича, офицера Черноморского флота, участвовавшего в Цусимской битве. Он был арестован в 1931 году, затем в 1937-м, тогда и расстрелян — или, как тогда обычно сообщалось родственникам, «умер от сердечной недостаточности».

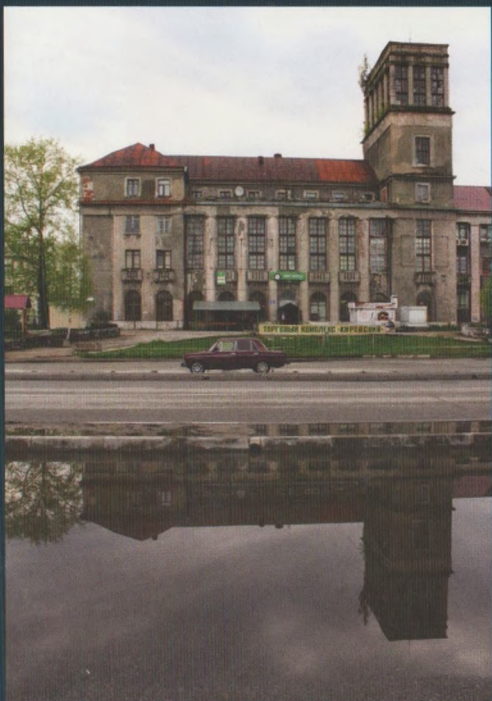
Вскоре семья перебралась из Крыма в городок Обоянь, что в Курской области. Из-за своего происхождения Анна не имела возможности поступить в МГУ на исторический факультет, о котором всегда мечтала, и ей пришлось идти в местный институт на технолога. Параллельно она изучала немецкий язык и философию. Тут грянула война, и вскоре в город вошли германские войска. Часть жителей угнали в Германию, часть заставили рыть траншеи.

Летом 1942 года девушку благодаря ее знанию немецкого взяли в штаб переводчицей. Ей назначили довольствие, и семья не голодала. Она проработала переводчицей в общей сложности семь месяцев. Анна Васильевна говорит, что хороших немцев было мало. Эти несколько месяцев оказались периодом, повлиявшим на всю ее последующую жизнь. Немцев погнали уже в 1943-м, вскоре после этого ее вызвали в органы, где арестовали по подозрению в сотрудничестве с оккупантами. Мать Анны также арестовали, потому что и она работала на немцев. Их обеих посадили в местную тюрьму.

Анна Васильевна вспоминает, что, когда в «воронке» ее увозили из города, она видела, как по дороге шел бесконечный поток солдат, везли оружие — всю шла подготовка к Курской битве. Затем ее доставили в Ленинград, в Петропавловскую крепость, где следователи начали давить на нее: она, мол, дочь предателя родины, не состояла в рядах пионеров и комсомольцев, да еще и работала на фашистов. Ее и саму попытались выставить в качестве «изменницы Родины», но что-то пошло не так. В конечном итоге девушку осудили на пять лет как общественно опасный элемент и отправили в Коми на поселение. Ее матери повезло меньше: ей дали десять лет исправительных работ за «измену Родине».

Моток колючей проволоки
в Музее истории ГУЛАГа.

Бывшее здание администрации
Белбалтлага в Медвежьегорске
(Республика Карелия).

Памятные знаки в урочище
Сандармох (Республика Карелия).

Памятник погибшему в ГУЛАГе коми-поэту
Виктору Савину в Сыктывкаре.

Эмалированная табличка с именем погибшей
в Сандармохе.

Переданное РПЦ здание бывшего
Дома культуры нефтяников в Ухте.
Построено заключенными.

Водонапорная башня —
гордость жителей Инты.

Проржавевшие металлические надгробия на кладбище в Восточном.

Памятник жертвам политических репрессий в Санкт-Петербурге.

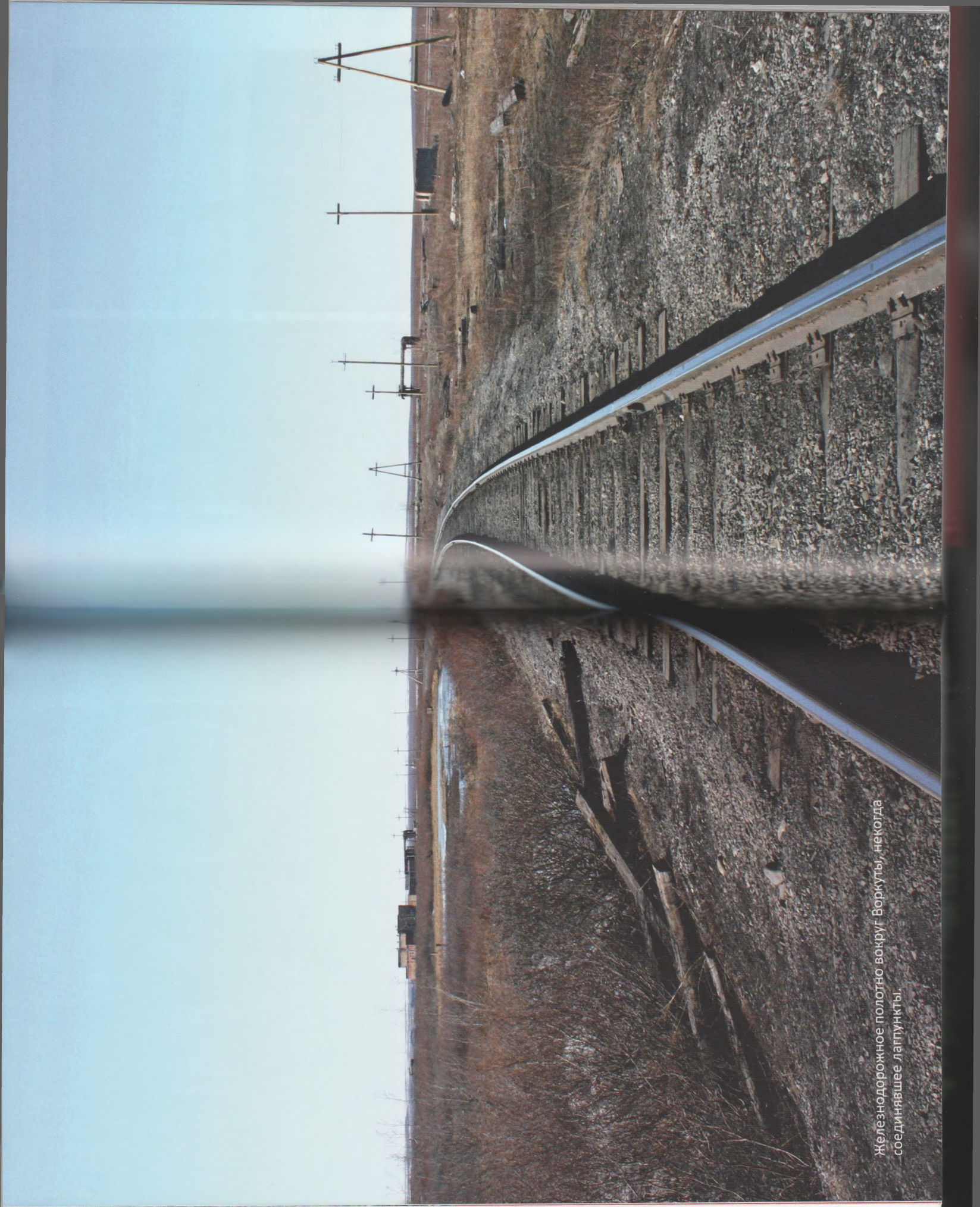
Памятная табличка на Левашовском кладбище под Санкт-Петербургом.

Лицо жертвы сталинского террора на мемориальном кладбище «Коммунарка» в Москве.

Гараж НКВД на Бутовском полигоне.

Железнодорожное полотно вокруг Воркуты, некогда соединявшее лагункты.

Два креста на кладбище Юр-Шор
в Воркуте.

Здания поселка Рудник.

Помещения бывшего штрафного
изолятора.

Узница ГУЛАГа Анна Васильевна Крикун.

В Коми Анна оказалась в районном центре Коткерос неподалеку от Сыктывкара, на берегу Вычегды. Сначала она работала на лесоповале, затем на пошиве одежды. Занятым на тяжелых работах давали шестьсот граммов хлеба в день; тем, кто был занят на остальных работах, и детям выдавалось двести. Многие погибали от недоедания. То и дело вспыхивала эпидемия брюшного тифа. Анне удалось снять угол в квартире одной семьи, где она занималась пошивом и ремонтом одежды.

Сегодня Анна Васильевна вспоминает, что в ссылке было сложнее, чем позже в лагерях, потому что в лагере все выдавалось готовым, а работать в ссылке приходилось не меньше. Ссылные не могли даже покинуть территорию поселка, потому что с одной стороны стояла непроходимая тайга, а с другой расстилалась безлюдная тундра. Уйти было некуда.

* * *

Мы разливаем по чашкам горячий чай, отрезаем по кусочку торта. История продолжается.

В 1945 году ее вновь задержали по доносу, на этот раз НКВД инкриминировал ей шпионаж в пользу Германии. Один из немецких рабочих утверждал, что видел ее имя в списке германских агентов — где и когда, никто, конечно, не выяснял. В октябре местная милиция забрала ее и погнала пешком в летней обуви за шестьдесят километров в Сыктывкар.

В сыктывкарском тюрзаке можно было только сидеть или ходить. Если заключенный пытался поспать, ему всячески препятствовали — типичная для НКВД форма психологического давления. Спать не давали в течение двух недель, и после такой пытки она сломалась и подписала признание в шпионаже. Анна Васильевна говорит, что навсегда запом-

нила имя своего следователя: Николай Гушин. Ее осудили на 15 лет принудительных работ в Воркуте. Приговор вступил в силу 4 октября 1945 года, а 18 февраля 1956 года ее амнистировали по соответствующему указу Никиты Хрущева.

Все это время Анна носила номер заключенного на шапке, на правом колене и на спине — это второе, чего она никогда не забудет. Ее номер во время работы на шахте был Ю-683, а позже в лагере — 2Н440.

В Воркуте ее определили на шахту № 2 работать под землей. В забое женщины стояли рядом с мужчинами, их даже держали в одном лагере в соседних бараках с общим туалетом на улице. Случалось, у заключенных рождались дети, но это было позже. «Кто же в такой холодине и голодухе мог думать о сексе», — говорит она, слегка криваясь.

Условия были вполне соответствующие духу времени. На обед давали соленую рыбу и хлеб. Многие засыпали стоя прямо в забое. Один из надзирателей обращался с заключенными гуманнее других: он пускал женщин в баню, приговаривая, что они женщины и женщинами останутся, не смотря ни на какие принудительные работы.

С 1952 года и до самого освобождения Анна работала на кирпичном заводе. После амнистии ей не дали разрешения покинуть город. Так она и осталась в Воркуте с мамой, вышедшей из заключения чуть раньше и тоже переехавшей в Воркуту, где жила до самой смерти. После заключения Анна Васильевна трудилась в администрации шахты. Там же нашла себе мужа — горного инженера, приехавшего на Север по распределению.

Она рассказывает, что решила держаться подальше от КГБ и быть выше всего. Однако один из ее товарищей по несчастью — тоже бывший заключенный — написал за нее в

Военную коллегия Верховного суда СССР прошение о реабилитации. Соответствующее определение было вынесено в 1973 году: Анну Васильевну оправдали за отсутствием состава преступления.

Много позже, уже в 1990-е, наша героиня работала волонтером в воркутинском отделении «Мемориала». Ее признали работником тыла, включив годы работы в ссылке в общий трудовой стаж, за что присвоили почетное звание ветерана труда, а в год пятидесятилетия победы в Великой Отечественной войне вручили медаль за победу. Так в официальных документах ее прошлое осталось в прошлом, и Анна Васильевна Крикун стала обычным жителем Воркуты.

* * *

— А давайте съездим поглядеть на Мульду, — говорит Ирина, разворачивая машину на уже известную кольцевую. — Это тот самый поселок, где работала заключенная Анна Крикун. Время есть.

Соглашаемся, хоть и с неохотой. Именно сейчас не хочется видеть уже больше ни одного бывшего лагеря. При этом туда, конечно же, ехать нужно, ведь за этим мы и здесь.

Строго говоря, мы никуда и не отправляемся, потому что мы уже на месте. Первое впечатление от Мульды — место находится в поразительной близости от дома, где проживает Анна Васильевна. Получается, после освобождения она осталась жить и работать практически в двух минутах ходьбы от того места, что причинило ей боль длиною в жизнь.

И не ей одной. После Второй мировой войны тысячи воркутинцев являлись бывшими заключенными. Многие проживали буквально на расстоянии вытянутой руки от того места, к которому были прикованы в течение пяти, де-

сяти или даже пятнадцати лет. Некоторые даже не меняли фактического места жительства, потому что в 1950—1960-е годы лагерные бараки переоборудовали в жилые дома, и некоторые осужденные, освободившись, остались жить в своих обновленных камерах.

Стороннему человеку сложно понять, как зэк после освобождения не захотел поскорей уехать максимально далеко, чтобы никогда больше не видеть ничего из того, что напоминало бы ему о прошлом. Но действительность диктовала свои условия. Оставшимся пришлось свыкнуться с тем, что символы их страдания с течением времени превратились в обычные автодороги, железнодорожные ветки, земляные насыпи и города-призраки. Для Воркуты это нормально.

Мульда практически ничем не отличается от прочих поселков, входящих в МО ГО «Воркута»: такой же город-призрак. За бетонным указателем с названием видны опустевшие многоэтажки. Уходящие вдаль линии электропередачи без проводов кажутся кладбищенскими крестами.

«Анна работала вон там, по другую сторону железки», — говорит Ирина. Мы пытаемся рассмотреть что-нибудь, но ничего не видим, кроме все того же гудящего человеческими мучениями ландшафта. И вдруг начинает казаться, что больше нет никаких сил видеть и воспринимать царящую здесь обыденность ужаса и банальность насилия — в Воркуте нет возможности укрыться от памяти о ГУЛАГе. До сих пор, даже в Ухте и Инте, нам удавалось хотя бы на исходе дня потерять его следы, но здесь не получается.

Одинокий тепловоз направляется на север. Некогда Печорская магистраль была протянута еще дальше на север от Воркуты, но сегодня здесь ее последняя точка. И пойти здесь больше некуда.

НАДЕЖДА ПОСРЕДИ БЕЗНАДЕГИ

Годы Великой Отечественной войны для Советского Союза и даже для ГУЛАГа не означали только страдания и нищету. Среди царства мрака пробивался лучик надежды. Перед лицом необходимости условия военного времени вызывали к жизни совершенно новую форму коллективного взаимодействия в обществе: люди самым естественным образом начали объединяться в небольшие сообщества, что повлекло за собой ощущение некоего духовного освобождения. Посвятивший свою профессиональную жизнь изучению письменного наследия обычных советских граждан Орlando Файджес в своей книге «Шепчущие» показывает, что во время войны и после нее во многих местах произошел «спонтанный демонтаж сталинизма».

Что это значит? Хотя большая война в значительной степени ухудшила жизнь свободных людей, не говоря о находившихся в заключении, для жертв террора тридцатых и практически для всех советских людей она означала возможность значительного духовного роста. Как написал Борис Пастернак в эпилоге «Доктора Живаго»: «И когда разгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки, и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы»¹.

Кажется безумием сама мысль, что кому-то война — одно из самых ужасных несчастий — может показаться чуть ли не благодеянием. Но мы имеем в виду другое: наступившее облегчение было осязаемым. Вместо абсурдного кровавого безумства, вместо угнетения властями советский народ ощутил величайший подъем. Перед ним возникли истинные задачи, встала необходимость прилагать реальные усилия для уничтожения

¹ Пастернак Б. Доктор Живаго. Время, 2017.

общего врага. Люди вновь обрели возможность заниматься тем, чего не могли себе даже представить в предвоенные годы. В ситуации необходимости они оказались вынуждены решать самые насущные проблемы. Они начали общаться друг с другом, начали помогать друг другу, часто не задумываясь о том, какой опасности они могут подвергнуть себя или других. Возможно, этим объясняется то, что при всей чудовищности войны эта пора некоторыми вспоминается с грустью: люди считают ее лучшим периодом жизни. В особенности ветераны говорят о самопожертвовании, о товариществе и высоком боевом духе и морали солдат. Именно о морали. В войну к людям вернулось доверие друг к другу, что стало одним из важнейших моментов в их жизни.

В лагерях подули новые ветры. Как будто приоткрылись границы, и свыкшиеся со своей участью советские заключенные, слушая военные сводки из Европы, вдруг ощутили прикосновение мира, находящегося по ту сторону границы. Этот дух не угас после войны, повлияв на последующие события.

* * *

Война шла, и постепенно в обществе возникли зачатки свободы слова, в адрес властей появилась критика. В лагерях вздохнули свободней. Значимость коллективизации и закрепощения населения была переосмыслена. В особенности ничего не боялись фронтовики, хотя, может, и напрасно.

Существенным образом на изменение всей атмосферы советского общества повлияло продвижение Красной армии в глубь Европы. Солдаты собственными глазами увидели нечто совершенно иное, чем то, к чему они привыкли у себя дома. Зажиточная Европа не могла не потрясти простых людей, которым постоянно внушали, что пролетарии

капиталистических стран живут в куда худших условиях, чем советские люди. На деле все оказалось совершенно иначе.

Не удивляет тот факт, что Смерш и НКВД отправляли освобожденных военнопленных напрямую в фильтрационные лагеря, откуда их после допросов могли сразу отправить в ГУЛАГ. Но и это не помогало: трудно было затушить искру свободы.

После войны все слои советского общества, начиная от обычных граждан и заканчивая высшим офицерским составом и партийным руководством, всерьез ожидали, что на родине наконец-то произойдут серьезные изменения. Пошли разговоры об отмене коллективизации, заговорили об открытии церквей, о необходимости демократизации и коренного реформирования партийной системы. В обществе процветали либеральные идеи, ситуация заставила открыть глаза даже некоторых самых ярких сталинистов. По мере того как советские граждане начали ощущать все больше свобод, ослабевала хватка идеологических отделов и снижалось напряжение вокруг культа личности Сталина. В среде заключенных ГУЛАГа эйфория великой победы породила надежды на скорое освобождение.

Руководство страны было повергнуто в ужас не от фактов увиденной действительности, а от того, что граждане осмелились их критиковать. Ответный удар последовал незамедлительно.

Первоначально память о войне была противоречивой. Советская власть стремилась получить свои дивиденды от победы, что проявляется и сегодня в форме величественных памятников героям Великой Отечественной войны. С другой стороны, вспоминать свободный дух военного времени не хотелось, именно поэтому в течение почти четверти века после войны праздник победы отмечался весьма сдержанно. До 1965 года официального выходного в честь праздника

победы в войне не существовало, но вся страна отмечала его неофициально, а разнообразные мероприятия и народные гуляния проводились по инициативе ветеранских организаций и других объединений.

В ПОИСКАХ ПРОСТОЙ ЖИЗНИ

В глаза бросается дисгармония. Невооруженным глазом видно, что здесь не должно быть ничего, а уж города — точно. Между домами проглядывает пустота. Хоть город и удалось построить, ощущение того, что здесь жить нет никакой возможности, как в иных, возникших естественным образом местах, не покидает ни на секунду.

Именно таково впечатление от центра Воркуты. Солнце медленно садится — нет, оно скорее пытается притереться к горизонту. Мы идем по улицам, проложенным словно по линейке, в поисках подходящего ресторана. Город на этом берегу реки изначально строился для свободных граждан, но следы ГУЛАГа присутствуют и здесь, причем не только потому, что здания в духе сталинского ампира возведены в 1940–1950-х годах силами все тех же заключенных, а еще и потому, что выглядят они словно декорации к какой-то исторической кинокартине: собраны, отвезены далеко на север и брошены на произвол судьбы.

В самом сердце Воркуты на улице Ленина хватает суровых шедевров советской архитектуры: тут и Дворец культуры, и административные здания. А вот еще один пустующий колосс, с болтающимся на стене — экое чудо в Заполярье — пластиковым дельфином. На площади Мира находится Дворец культуры шахтеров. Выглядит он действительно как храм искусств. Его портик, дорический стиль колонн и установленные перед входом скульптуры горняков и геологов впечатляют. На центральной площади

на постаменте — Сергей Киров. Раньше вместо него возвышался Сталин, однако был убран в 1962 году, а Кирова установили в качестве напоминания о значении Воркуты для блокадного Ленинграда.

Киров стоит на фоне помпезного здания. Это детская больница, построенная в конце сороковых годов — конечно, снова силами заключенных. Архитектором этого здания, как и Дворца шахтеров и всего ансамбля площади Мира, выступил выдающийся зодчий Всеволод Лунев, сосланный в Воркуту. Он же спроектировал несохранившееся деревянное здание музыкально-драматического театра, где труппу составляли отбывавшие в Воркуте сроки актеры и музыканты — точно так же, как и в Ухте. Билеты на спектакли продавались жителям города. А вот и нынешний театр, тоже авторства Лунева и тоже построенный руками эков.

На другой стороне улицы, немного поодаль, — центральный парк. Он кажется совершенно обычным парком, как всюду в провинциальных российских городах, так что сначала мы не обращаем на него внимания, но что-то в нем отличается, и это что-то — деревья. Таких высоких деревьев в Воркуте не встретишь даже на кладбище. Как и снующие повсюду автомобили, здешние растения и земля откуда-то привезены — в этих широтах вечная мерзлота находится практически на поверхности, так что здесь естественным образом способны расти только колючки да иван-чай. И если уж говорить о временах года, то парк укрыт снегом девять месяцев в году, а холод и снег отступают только на пару месяцев, давая место прогуливающимся.

Пожилая дама, сидя на скамейке парка, кормит голубей. Эти птицы здесь — тоже завозная диковинка, видать, прибыли на крышах поездов.

Центральный парк напрямую не связан с ГУЛАГом, однако он является неким символом искусственности Вор-

куты. Кажется, стандартизованный советский город просто спущен с неба прямо в тундру, чтобы демонстративным пафосом надежно скрыть свое горькое прошлое.

Улицы и фасады большинства воркутинских домов находятся в плачевном состоянии. Штукатурка отваливается, поверхность стен выветривается суровым климатом и пропитывается угольной пылью. Тем сильнее контраст, когда мы входим в двери одного снаружи весьма потрепанного здания. Вот это да! К нашему удивлению, мы оказываемся внутри уютного украинского рестораника «Мамина хата». Занятно — кроме нас, здесь больше нет клиентов! Неужели на фоне известных событий заглядывать на огонек к украинцам стало непатриотично? Заведение обставлено в крестьянском стиле: столы и стулья из пиленых бревен, красно-белые льняные скатерти. Запорожских казаков пока не видно...

* * *

Размышляя о Воркуте, можно многое сказать об обычной ГУЛАГа в Советском Союзе, о нормализации памяти о нем в современной России. Даже самые отдаленные лагеря не были только средоточием ужаса, заключенные жили обычной жизнью, хоть и в маргинальных условиях. В те времена Воркута пользовалась репутацией одного из самых чудовищных лагерей мира, но при этом неподалеку от зоны находилась детская спортивная площадка.

Несколько одиозно звучит одна крамольная мысль: Советскому Союзу удалось реализовать одну из своих перспективных задач — заселить Заполярье, реализуя колониальную политику через ГУЛАГ.

Сам собой напрашивается вопрос о будущем Воркуты. Неужели печать лагерного прошлого так и останется на ней? Одно не вызывает сомнения: желая стереть лагерное прошлое, придется снести практически весь город и вы-

строить его заново, чего, разумеется, произойти не может. А если начать проговаривать гулаговское наследие вплоть до последнего кирпичика, вместо живого города Воркута превратится в гигантский музей под открытым небом.

Решение этой далеко не однозначной проблемы найдено: в современной России северная Воркута позиционирует себя как совершенно обычный шахтерский город. История эта началась после Великой Отечественной войны, когда о Воркуте в открытую заговорили в СССР. К тому моменту там уже существовал город в полном смысле слова, а не только лагерный комплекс. Власти решили превратить его в нормальный город, для чего начали строить все необходимое для нормальной жизни. Во второй половине XX века Воркута начала расти и шириться, и в центральных советских газетах регулярно появлялись соответствующие тематические материалы. Так оно было и в других регионах, но Воркута — дело особое.

Тыл ковал будущую победу над фашистской Германией. Суровые воркутинские шахтеры-стахановцы своим героическим трудом помогали осажденному, страдающему от холода и голода Ленинграду, вырубая столь нужный уголь в глубоких шахтах. Газеты пели осанну мужчинам и женщинам Заполярья, помогающим строить страну своим героическим трудом. Разумеется, в этих статьях ни словом не упоминалось, что уголь вырубали заключенные, что каждая его тонна оплачивалась человеческими жизнями. Официальные фотографии делали снимки трудовых бригад, ретушируя при проявке номера заключенных. Газеты восхваляли молодежь, вышедшую на социалистические стройки по возведению школ Воркуты и городского Дворца культуры.

Таким образом, в сознании населения огромной страны укоренялась приглаженная история Воркуты. Хотя Воркутлаг всю работу в пятидесятые годы и местные стал-

кивались с заключенными каждый день, постепенно образ города и представление жителей о самих себе начали склоняться в лучшую сторону. Жители больше не хотели думать о ГУЛАГе, они хотели просто жить, не обращая внимания на подноготную города. Они хотели жить будущим.

В семидесятые, уже после демонтажа лагерной системы, внутри страны и за ее пределами рисовался совершенно иной образ Воркуты, образ великого успеха социалистической системы: город шахтеров, воздвигнутый посреди суровой тундры, где можно обнаружить все, что требуется современному человеку — вплоть до профессионального театра и центрального парка. Истинная вершина социалистического процветания!

Здесь есть существенная доля истины. После ухода ГУЛАГа Воркута действительно перестала быть приложением к лагерной системе и еще не успела стать городом-призраком. Наоборот, в рамках плановой экономики город расцвел, стал успешным и желанным местом жительства. В середине 1980-х годов воркутинские шахтеры вырубили рекордное количество каменного угля, их имена гремели по всему Советскому Союзу. Численность Воркуты составляла более 150 000 человек, работающее население имело право на получение так называемых «северных надбавок», что в СССР составляло серьезную сумму.

По мнению исследователей, в городах, подобных Воркуте, заключенные после освобождения могли намного проще интегрироваться в советское общество. Местные горнодобывающие предприятия предлагали рабочие места, обеспечивали жильем, причем многим удавалось позаботиться о своем будущем месте работы еще до освобождения. Иными словами, то, что бывшая заключенная Анна Васильевна Крикун осталась на постоянное место жительства в городе Воркуте, если и может показаться очередным суро-

вым наказанием, таковым на самом деле не было: подобный ход событий казался бывшим заключенным спасением по сравнению с теми миллионами освободившихся, кто вернулся в свой дом, но нашел его чужим. Они оказывались на улице без работы и элементарных средств к существованию, с самыми туманными перспективами.

Фаза перехода из состояния з/к к свободному человеку отягощалась лагерным наследием. Многим после освобождения оказывалось проще опираться на сформированные в заключении связи, нежели обрести новые. В результате специфический — гулаговский — тип мышления и лагерные модели поведения накладывали свой отпечаток на всю последующую жизнь. Кто-то трудоустраивался на предприятия, которыми руководили их бывшие сокамерники, потому что те, со своей стороны, могли доверять «своим». Порой это заходило настолько далеко, что приезжих просто выживали из города.

В Воркуте и других бывших лагерных городах не покидает ощущение, что говорить, как принято в современной историографии, о «постсоветском периоде» или о «постсоветском времени» несколько неуместно. Скорее следует говорить о «постгулаговской истории».

* * *

Наш последний вечер в Воркуте. За грязноватого вида дверью ресторана мы снова обнаружили истинный рай. В окружении этой приятной атмосферы нам удастся избавиться от груза нависшего над нами лагерного прошлого. Здесь все как и в любом другом российском городе.

Зачастую удивляешься: как люди могут вот так вот просто жить на развалинах лагеря? Как они могут просто проходить мимо всего того, что отождествляется здесь с ГУЛАГом? Как они живут со всем этим? Эти и другие во-

просы напрашиваются сами собой, когда сидишь за столиком и смотришь на ужинающие семьи, на компании мужчин и женщин, на пришедших на свидание юношей и девушек.

По телевидению показывают «Евровидение». Пицца вкусная. Все вполне нормально. И неважно, что здесь, как и во многих городах севера России, большая часть жителей тем или иным образом связана с лагерями. Пожалуй, в своих жизнях они исходят из того, что если прошлого не изменить, то можно изменить свое отношение к нему, а барахтаться в нем бессмысленно.

Сегодня наш презент Ирине Витман чисто символический — шампанское и шоколад, но ее помощь в создании этой книги переоценить невозможно: без нее нам ни за что не удалось бы приподнять занавес современности над останками прошлого. В завершение Ирина отвозит нас на крохотный аэродром Воркуты — рейс на Москву совсем скоро. Две тысячи километров до столицы пролетят за три часа, но за это время мир успеет поменяться полностью.

А до этого нам предстоит пройти через неработающую рамку и весьма поверхностный досмотр. От таможенника резко пахнет потом. Он просит открыть сумки, заглядывает в них, но без особого интереса. Создается впечатление, что из Воркуты, если только захотеть, можно увезти все, что хочешь. Мы забираем с собой только засвеченные воспоминания, потрясение на грани отупения и чувство облегчения, что нам больше не нужно здесь оставаться. Однако Воркута никуда не исчезнет: город и его жители будут жить и дальше своей обычной, по-своему настоящей жизнью.

ГЛАВА VI

ГЕОГРАФИЯ ГУЛАГА: ОТ КАРАГАНДЫ ДО САМОЙ КОЛЫМЫ

ОТ ВОЕННОЙ РАЗРУХИ К РАСЦВЕТУ ЛАГЕРЕЙ

Советский Союз вышел победителем из Великой Отечественной войны, но страна лежала в развалинах. Тысячи городов и деревень были сожжены дотла, погибло более двадцати пяти миллионов советских людей. Повсюду царили неопишуемая нищета и голод. При этом население, воспрянувшее духом в относительно свободной атмосфере военного времени, ждало перемен к лучшему, надеялось на ослабление стальной хватки, восстановление справедливости и человеческого достоинства: люди начали бомбардировать партийные органы жалобами на жизненные неурядицы.

Основным требованием населения стало повышение уровня жизни. Многие высшие чины ожидали возвращения политики, подобной НЭПу, когда страна в кратчайшие сроки сумела выйти из разрухи Гражданской войны. Встречались примеры «полуоткрытой» критики сталинизма, в особенности в критически настроенных молодежных и студенческих кругах. Возникали подпольные группы для сопротивления диктатуре. Тон задавала молодежь, настроенная более критично, нежели предыдущее поколение.

Однако органам безопасности удалось довольно быстро подавить деятельность подобных групп, причем активистов отправляли в лагеря. Архипелаг ГУЛАГ для военнопленных продолжал существовать, процветая в послевоенное время...

Порой слышатся мнения о том, что применявшиеся в СССР карательные меры по политическим мотивам имели самый широкий размах в годы Большого террора, однако это не так. После войны, вследствие охватившего советское общество оживления, произошло и укрепление спецслужб. В 1946 году произошло разделение спецслужб на МВД с целью контроля за внутренней безопасностью и МГБ, занимавшееся борьбой со шпионажем и разведдеятельностью за рубежом. Несмотря на то что сеявшая ужас аббревиатура НКВД официально была упразднена, методы и задачи новых органов остались прежними.

Количество заключенных лагерей достигло пика именно на рубеже сороковых и пятидесятих годов XX века. Хотя возвращения к террору тридцатых и не произошло, вскоре после окончания войны Сталин инициировал чистки в армейских и партийных рядах. И опять ежегодно сажали десятки тысяч безвинных людей — многие принадлежали к еврейской национальности или являлись представителями нацменьшинств. Их обвиняли в прозападнических настроениях и «контрреволюционной деятельности». Празднование победы длилось недолго: народ вернули в ставшие привычными жесткие рамки дисциплины и жертвенности — сначала с целью восстановления народного хозяйства, а потом и для ведения холодной войны.

В конце 1940-х годов на фоне ухудшения общей ситуации все советское общество охватил дух разочарования. В лагерях настроение было таким же: заключенные все так же выходили на работу с лопатой, заедая голод соле-

ной рыбой. В воркутинских лагерях даже поселилась надежда о новой мировой войне и о приходе спасителей из Америки, причем на коллективном Западе эта идея также имела определенную поддержку. Вспыхнувшая в 1950 году корейская война подлила масла в огонь. В особенности мечтали о реванше украинцы. Они надеялись, что британцы, американцы, Западная Германия и Япония помогут им свести счеты с СССР. Однако надеждам не суждено было сбыться.

* * *

Прошло совсем немного времени после войны, и ГУЛАГ, неотъемлемая часть советской действительности, продолжал расти вширь. Процесс послевоенного возвращения дисциплины происходил под знаком жесткой плановой экономики. С наступлением мира Сталин инициировал сразу несколько советских строек, соответствовавших по своим масштабам и используемому принудительному труду Беломорканал, возведенному на заре его власти. Возводились невероятные по протяженности железные дороги, каналы и туннели — все руками заключенных. Многие из ближайшего круга «вождя народов» понимали, что все эти исполинские объекты являются пустой тратой средств и сил, но никто не решался произнести это вслух.

Страна переживала тяжелейший период послевоенного восстановления народного хозяйства: на фронте погибли миллионы мужчин, вызвав острую нехватку рабочей силы. Власти решили повысить эффективность использования труда осужденных, а для закрытия ответственных участков вместо расстрельных приговоров судами выносились сроки по 25 лет принудительных работ. Конечно, наиболее опасный элемент расстреливался — от такого надежного спо-

соба никто не хотел отказываться. В послевоенный период заключенные составляли 16—18% всех задействованных в советской промышленности трудовых ресурсов. Требуемое количество обеспечивалось как за счет старых гулаговских сидельцев, так и свежими посадками. Так, из 6 миллионов советских военнопленных, попавших в плен к немцам, более половины погибли в заключении. Остальные сумели вернуться домой, но СССР воспринимал их как предателей Родины. После обработки Смершем полтора миллиона отправились по этапу. Дополнительно с территорий, присоединенных к Советскому Союзу в результате мирного соглашения, часть населения интернировалась прямо в лагерь. В распоряжении властей имелись два миллиона немецких военнопленных, использовавшихся на различных стройках до середины 1950-х годов. От двух до трех миллионов советских граждан, оказавшихся на территории различных европейских государств, после войны были возвращены в СССР: западные страны хотели умиротворить Сталина и избавиться от советских беженцев. Из Финляндии через восточную границу отправили служивших в финских армейских частях эстонцев, военнопленных эстонского происхождения и вывезенных в период войны в глубь Финляндии ингерманландских финнов — все они ошибочно предполагали, что Финляндия сумеет обеспечить их безопасность. Среди возвращенных из разных стран имелись также русские иммигранты, успевшие обзавестись гражданством другой страны. Однако руководители западных государств считали, что русский — он и есть русский, и неважно, что он не поддерживает советский строй. Часть отправили в ссылку, часть этапировали в лагеря. Все это существеннейшим образом повлияло на реальность ГУЛАГа. В 1946 году количество заключенных

в нем резко выросло, изменилась и структурная характеристика населения лагерей.

Парадоксально, но на фоне роста количества заключенных условия их содержания улучшились. Администрация системы лагерей искала способы заставить заключенных работать более старательно. Смертность в лагерях также разнилась: от менее чем 10% на «легкой» зоне до практически 100% на возведении железной дороги в Заполярье или в тюрьмах на Новой Земле. Для сравнения: уровень смертности в лагере смерти Бухенвальд составлял чуть более двадцати процентов. И только к началу 1950-х кривая статистики смертности пошла на спад.

Люди работали на сверхтяжелых, смертельных работах. Например, в Сиблаге заключенных заставляли рыть каменистый грунт голыми руками, отчего осужденный в любом случае через некоторое время умирал от легочных заболеваний. Такой же, если не хуже, смертельной ловушкой для всякого туда попавшего стали колымские урановые рудники, где о какой-либо индивидуальной защите никто даже не думал. Случаи смерти от непосильного труда объясняют основную массу людских потерь в ГУЛАГе в сравнении с нацистскими лагерями.

Некоторым советским гражданам довелось пережить и нацистские, и советские лагеря. Некто Иван Тихонов сначала находился в Освенциме, а после освобождения и по возвращении домой оказался в ГУЛАГе по обвинению в предательстве Родины и пособничестве фашистам. Позже он называл советские лагеря худшим из двух зол хотя бы потому, что в них свои же соотечественники издевались друг над другом. В такой ситуации любая, даже самая крохотная надежда о возвращении назад может исчезнуть окончательно.

МЕГАПОЛИС ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОСРЕДИ СТЕПИ

По степи гуляет ветер, шумят волны трав. Кажется, что воркутинские пейзажи перенеслись на тысячи километров южнее и солнце уже успело их опалить. Бескрайняя равнина и небо сливаются у горизонта. Здесь человеку не рады. На период почти трех десятилетий, с 1930-го по 1959 год, эта часть степи менее чем в пятидесяти километрах на юг от Караганды стала домом для сотен тысяч людей. Именно здесь, в Казахстане, располагался исправительно-трудовой лагерь Карлаг. Самый крупный из порождений сталинской эпохи, он хорошо отражает послевоенный расцвет ГУЛАГа.

Наш автобус отправляется из Караганды. Небо быстро затягивается грозowymi тучами, и вскоре дождь начинает хлестать о землю. Здесь не все так просто, как обычно, когда идешь по следам ГУЛАГа. Распоживается, когда мы прибываем на остановку «Шахта № 2», откуда пересаживаемся на маршрутку по направлению к поселку Долинка.

Здесь повсюду лают собаки, вразвалку гуляют гуси, пахнет сухим песком и свежеепеченным хлебом. Неожиданно из-за домиков возникает исключительно большое для этих мест здание. Ранее в нем находилось лагерное управление Карлага, а сегодня — созданный правительством Казахстана музей памяти жертв политических репрессий. Рядом располагается бывший Дом офицеров НКВД. Утверждается, что в его подвалах практиковались пытки в отношении заключенных.

Как и в других посвященных истории ГУЛАГа музеях, в Долинке тоже представлены самые различные предметы быта заключенных, а еще — их художественное творчество и литература из лагерной библиотеки. Можно только представить, каково осужденным было читать пропущенные

цензурой литературные произведения, скажем, биографию Сталина.

Масштабы Карлага просто потрясают. Это был настоящий мегаполис! Лагерь занимал территорию площадью триста на двести километров. Если количество сидельцев ГУЛАГа в 1950-е можно было сопоставить с численностью целой нации, то Карлаг являлся государством в миниатюре. заключенные занимались здесь самыми разнообразными работами — от сельского хозяйства до горных разработок. По официальным подсчетам, за тридцать лет существования Карлага через него прошли более восьмисот тысяч человек. Степь кажется бескрайней, когда мы возвращаемся в Караганду.

* * *

Изначально Карлаг создавался как место размещения политических заключенных, однако довольно скоро туда стали отправлять уголовников со всего Советского Союза. Вполне типичная история: лагеря создавались под определенные задачи, но через какое-то время их функции расширялись. В особенности во второй половине 1940-х годов лагеря системы ГУЛАГа расширялись бесконтрольно. В Карлаге сидело много известных личностей, здесь упомянем нескольких — сына Анны Ахматовой историка Льва Гумилева и Кертту Нуортева, дочь одного из руководителей Карельской Трудовой Коммуны Александра Нуортева — в начале войны ее забросили на территорию Финляндии, где арестовали за подрывную деятельность, а позже выдали советским властям после подписания мирного соглашения. Она скончалась в Караганде в 1963 году. Между прочим, отец нынешнего руководителя Чечни Ахмад Кадыров также был рожден в Карлаге.

Первыми доставленными в Карлаг заключенными являлись жертвы раскулачивания начала тридцатых годов. В ту пору путь из других уголков Советского Союза в Казахстан мог длиться неделями, а то и месяцами, потому что поезда подолгу стояли на полустанках. Заключенных плохо кормили, не давали питья, смертность в дороге была высокой. Добравшись до места, за отсутствием какого-либо жилья людям приходилось селиться в палатках или землянках: как и повсюду, первые заключенные своими руками строили себе лагерь. Их косили заразные болезни и отсутствие чистой воды.

Начиная с 1935 года Караганда стала местом ссылки представителей меньшинств, расцениваемых властями как «подозрительные». В лагпункты или поселки региона с территорий постоянного проживания в принудительном порядке депортировали корейцев, американских финнов из Карелии, финнов-ингерманландцев из Ленинградской области, поляков, поволжских немцев, крымских татар, эстонцев, латышей и литовцев, чеченцев. По статистике, они не числились как заключенные, однако условия их проживания были недалеки от лагерных: покидать спецпоселения далее чем на двадцать километров запрещалось.

За период с 1932 года по 1949 год численность осужденных Карлага выросла с чуть более 10 000 до 65 000 человек. Наибольший прилив пришелся на послевоенные годы. В бескрайних, не подвластных человеку степях Казахстана проживали не только заключенные, но и бойцы ВОХР с семьями. В распоряжении последних имелись банк, почта и школа, танцплощадки не было. Фактически ГУЛАГ принес с собой на эти пустынные земли такие же «символы цивилизации», как и в Заполярье. Часть из них сохранилась до наших дней, им есть что поведать современникам.

В Алматы мы встречаемся с Александром Угаем — одним из самых востребованных художников Центральной Азии. Имеет корейские корни, но родился в Казахстане, куда его родителей сослали в 1930-х годах с Дальнего Востока. «Нынешний многонациональный Казахстан родом из Карлага», — говорит он. В стране проживают представители порядка 170 различных национальностей, и причиной такого разнообразия является ГУЛАГ и практиковавшееся при Сталине переселение целых народов.

Для Казахстана закрытие лагерей имело свои специфические последствия. Угай говорит, что Караганда превратилась в центр интеллектуальной жизни, потому что многие имевшие высшее образование заключенные остались в нем на постоянное место жительства уже после освобождения. При СССР городу не удалось стать одним из социально значимых центров нации, что можно объяснить сформировавшейся на гулаговской почве атмосферой, мягко говоря, критического отношения к советской власти, но сегодня Караганда представляет собой крупнейший центр промышленности, науки и культуры посреди бескрайней степи.

Здесь можно заметить прелюбопытный диссонанс: с одной стороны, в Караганде много вузов и соответствующее высокое количество студентов, но город шахтерский и уровень социальной напряженности высок. Статистика безработицы, насилия и наркомании по сравнению со средними показателями по Казахстану зашкаливает: в центре города среди бела дня можно встретить маргиналов или пьяных. Правда, они ведут себя подчеркнуто вежливо и радостно приветствуют необычных для этих мест гостей. И еще Караганда с ее суровыми монументами в советском стиле — памятниками горнякам и летчикам-истребителям — производит впечатление несколько инородного тела посреди

казахской степи. И на первый взгляд здесь нет никаких мемориалов ГУЛАГу — в особенности, когда заселяешься в гостиницу в центре города, роскошную настолько, что в навощенном полу можно увидеть свое отражение.

* * *

Из всех карагандинских лагерей, пожалуй, самым известным является Спасозаводский лагерь № 99, куда, как и в Воркуту, ссылали военнопленных. В годы войны и в течение нескольких лет после через этот лагерь прошло более 60 000 военнопленных 40 различных национальностей. По статистике, погибли около 8000 заключенных. Были ли казахстанские лагеря чем-то ужасным?

Историк Дмитрий Фролов из Национального архива Финляндии, написавший диссертацию о судьбах финских военнопленных в лагерях НКВД, считает, что в Казахстане лагеря не были хуже других: слишком мало еды, низкий уровень здравоохранения, тяжкий труд и суровый климат — как и везде. Тем не менее из двухсот финнов, сидевших в Спасозаводском лагере, большая часть погибла. Надо помнить, что их перевели туда в 1942 году, тогда ситуация со снабжением была крайне плохой, люди гибли от голода, воспаления легких и поноса.

Председатель Национальной ассоциации финских военнопленных Теуво Алава вспоминает историю одного финна, выжившего в Карлаге. Тот рассказывал, как его товарищи по несчастью накопили в степи сладкие коренья, чтобы хоть немного поесть, но растение оказалось ядовитым, и несчастные умерли. Подобные истории в ГУЛАГе не редкость. Сам Алава находился в заключении под Череповцом. «Нас кормили жидкой баландой, крупой и отходами со скотобоен, — говорит он, — а тот, кто выполнял трудовую норму, получал улучшенное питание». Будучи медбратом в

госпитале, он видел, как от эпидемий и недоедания умирали люди. Насчет лагерных надзирателей Теуво Алава — на удивление — сказал только, что те по большей части были либо молодые ребята, либо пожилые, которые просто выполняли свою работу.

Подразделением Карлага являлся Акмолинский лагерь жен изменников Родины или, как его называли сами осужденные, АЛЖИР. Созданный в 1938 году, он за короткое время стал самым крупным лагерем, предназначенным для женщин. Подобные женские зоны существовали под Томском и в Мордовии.

Конечно, из-за климата условия содержания в здешних лагерях сильно отличались от того, что наблюдалось в Заполярье, однако местная жара вкупе с непосильным трудом могла быть убийственной. Да и зимы в Казахстане такие же ледяные, как и в Сибири. Правильнее было бы сказать, что суровость условий нахождения репрессированных была иной, нежели в Воркуте. Надо учесть, что посреди бескрайних казахских степей властям было довольно сложно организовать обеспечение заключенных продуктами питания и лекарственными средствами.

В первые годы существования спецотделения АЛЖИР к обитательницам — их еще называли аббревиатурой ЧСИР («члены семей изменников родины») — применялось так называемое «особое обращение». Зона контролировалась рядами колючей проволоки, по периметру были установлены вышки для охраны, многочисленные собаки наводили ужас своим воем. В лагере царил строжайший режим: женщин поднимали в четыре утра, а последняя перекличка перед отбоем проводилась в полночь. Пайки раздавались согласно выполненному плану. Если заключенный десять дней подряд не справлялся с нормой, его переводили в барак смерти и оставляли одного умирать.

Помимо физических тягот, лагерная жизнь оказывала невероятное психологическое давление. Самым сложным для многих осужденных стал запрет на переписку с родными. В таком отдаленном месте остальной мир забывался, как только обрывались всяческие связи. В 1939 году на фоне недолгого курса на свертывание репрессий после ареста Николая Ежова было введено временное послабление режима. Позже АЛЖИР лишили статуса спецотделения, к осужденным женщинам добавились мужчины. По окончании войны условия содержания также улучшились, но количество заключенных оставалось высоким.

В лагере функционировал также детский дом. Лишь меньшая часть из находившихся там детей прибыли сюда вместе с родителями или после ареста последних. Огромная часть из них родилась уже в лагере, зачастую в результате насильственных действий со стороны надзирателей.

* * *

Посреди степи нечем укрыться, и когда поднимается ветер, начинается казаться, что песок проникает под кожу. Похоже, природа пресыщена сама собой, настолько она лишена цвета и форм. Однако посреди лаконичного однообразия кое-что разглядеть можно. Кроме музея, об эпохе Карлага напоминают разбросанные по степи пятна мемориальных кладбищ. Черные кресты выделяются на кладбище под Долинкой.

Спасское мемориальное кладбище является самым крупным, здесь захоронены 5152 осужденных Карлага. О существовании лагеря напоминают большое кирпичное здание больницы, большие ворота и несколько прогнивших барakov. В 2004 году правительством страны здесь установлен монумент в память о жертвах репрессий, нашедших вечный покой в земле Казахстана. Он выполнен

в форме сломанного шанырака — важного элемента национальной юрты казахов. Помимо него, правительства шестнадцати государств установили здесь свои мемориалы в память о погибших соотечественниках. По инициативе Теуво Аланена памятник репрессированным финнам доставлен в Карлаг в 1994 году. По наблюдениям Дмитрия Фролова, на территории всего бывшего СССР монументы в Спасске представляют собой самый крупный мемориальный комплекс в память о политических заключенных. Характерно, что такой важный мемориал находится на таком удалении.

Хотя в Караганде проживает большое количество специалистов по истории ГУЛАГа, чьи произведения издаются усилиями городского архива, приобрести их в Казахстане проблематично, во всяком случае, в местных книжных магазинах найти ничего не удалось. Создается впечатление, что место расположения Карлага читается как место гибели тысяч людей, что памятные знаки устанавливаются, но правительство Казахстана не пытается активно содействовать сохранению трагической памяти ГУЛАГа и не способствует изучению истории советского террора. Память о Карлаге сохраняется местными диаспорами, в частности латышами и чеченцами, — это замечание Фролова нас почему-то несколько не удивляет.

Интерес к болевым точкам лагерной истории проявляется в Казахстане волнообразно, собственно, как и в России. О ГУЛАГе много писали в период перестройки и еще в 1990-е годы, но с началом нового тысячелетия тема понемногу отошла в сторону. Очевидно, научные подходы и толкование истории зависят от политической конъюнктуры: правительствам обоих государств представляется более важным демонстрировать нынешние достижения вместо того, чтобы ковыряться в гниющих ранах прошлого.

Карагандинские бараки снесли в годы перестройки: кирпичи растащили по дачам и гаражным кооперативам, колючей проволокой обнесли огороды. Жизнь вернулась в нормальное русло, но от истории никуда не уйти...

Мы покидаем Караганду. Удивительно, но эта сухая, безжизненная земля за короткое время успела взрастить в нас нечто сокровенное, подарила надежду на то, что хотя материальная история ГУЛАГа уже скрылась под слоем времени, люди стараются поддерживать в ней жизнь.

ГУЛАГ В ЦИФРАХ

За два послевоенных года количество заключенных в лагерях СССР выросло с миллиона до 1,7 миллиона. К лету 1950 года в системе лагерей, тюрем и колоний ОГПУ-НКВД находилось максимальное количество осужденных — 2,8 миллиона человек — в результате ужесточения уголовного законодательства и социальных последствий голода 1946–1947 годов. Дополнительно к их числу и вследствие недавней войны выросло количество отправленных на спецпоселение или сосланных в отдаленные уголки страны — таких насчитывалось порядка трех миллионов человек.

Состав заключенных и отправленных на спецпоселение по национальному признаку был довольно пестрым. Среди них были представители всех проживавших на территории Советского Союза народов и национальностей. Проводившиеся в отношении тех или иных национальных меньшинств репрессии выражались в резких скачках количества представителей этнических групп в том или ином лагере. К списку заключенных можно добавить многочисленных представителей иностранных государств — от немцев до американцев. Напомним старый воркутинский анекдот

о том, что после войны пролетарии всех стран объединились, наконец, в ГУЛАГе. Подмечено точно, учитывая, что большая часть заключенных являлась не представителями интеллигенции или политическими, а совершенно обычными советскими гражданами, колхозниками и рабочими заводов. Впоследствии многие заключенные вспоминали, что в эту пору в лагерях между представителями различных народов и религий царил полное взаимопонимание.

В разговоре о ГУЛАГе, как правило, вспоминаются истории тех, кто провел в заключении многие годы или даже бесследно сгинул в воркутинских, сибирских или казахских лагерях. Без сомнения, их страдания были исключительными, память о них важно хранить вечно. Фактом остается, что большая часть отправленных в лагерь осталась в живых. Согласно Тимати Снайдеру, порядка 90% всех заключенных отсидели свой срок и сумели выйти на свободу. Многих позже повторно осудили и отправили обратно в лагерь, хотя и далеко не всех. Из общего числа осужденных 20–40% обновлялось ежегодно, то есть, в отличие от распространенного мнения, лагерь не был местом гарантированной гибели человека — аресты и освобождения происходили постоянно, так что население в целом циркулировало между волей и зоной.

Подобный круговорот составлял основной принцип существования ГУЛАГа. Осужденный в лагерь имел силы работать, пока в нем теплилась мало-мальская надежда на освобождение, и наоборот: свободные граждане знали, что в любой момент в их дверь могут постучать и увести с собой. Для власть имущих ГУЛАГ стал эффективным средством запугивания всего советского общества. О лагерях не говорилось вслух, но их тень нависала над каждым домом, над каждым рабочим местом.

* * *

История ГУЛАГа не закончилась пятидесятью годами, хотя традиционно временные рамки, в которые укладываются подсчеты количества погибших, определяются строительством Беломорканала в 1928 году и начавшейся после смерти Сталина в 1953 году массовой амнистией. За этот период через систему ГУЛАГа прошло порядка 30 миллионов человек, включая депортированных и отправленных на спецпоселение. Хотя последние не находились в лагерях, имеет смысл их включать в общее число. По мнению авторитетного американского специалиста по истории СССР Стивена Фрэнда Коэна, общее количество только заключенных ГУЛАГа в период правления Сталина составляло от 12 до 14 миллионов, возможно, даже больше.

Непосредственно в лагерях за указанный период погибли от болезней, тяжелого труда и издевательств или же были физически уничтожены более двух миллионов осужденных. Дополнительно к этому уже после освобождения из-за приобретенных за время заключения заболеваний погибло приблизительно такое же количество человек. В то же время вследствие проводимых государством репрессивных мероприятий — коллективизация, вызванный ею голод и массовые депортации — погибли, по оценкам, около десяти миллионов. Таким образом, если посчитать количество прямых и косвенных смертей, Сталин несет ответственность за гибель порядка двадцати миллионов граждан своей страны.

Понятно, для осуществления репрессивных мер в отношении такого огромного количества людей требуется гигантская государственная машина, и она была создана: на рубеже 1950-х годов ГУЛАГ состоял более чем из десяти тысяч лагпунктов и отделений в десят-

ках регионов СССР. Точное количество лагерей сложно определить потому, что лагеря были разбиты на множество лагерных отделений и пунктов, функционировавших только в определенные периоды, хотя основной лагерь мог существовать в течение более продолжительного времени. В целом же, по статистике за 1953 год, система объединяла 53 лагерных управления, ИТЛ, лагеря для военнопленных, комендатуры, колонии и некоторое количество секретных лагерей для политических узников и диссидентов с ужесточенным режимом содержания.

Всякая касающаяся ГУЛАГа статистика является относительной. Официальные источники разноречивы, в частности, в них совершенно не учитываются погибшие жены и дети заключенных. Часть старых архивов закрыта вновь, нет возможности собрать всю информацию воедино. Грань между освободившимися, сосланными и непосредственно осужденными не всегда четко просматривается, и не всегда понятно, кого к какой группе отнести. Статистика смертности затушевывается еще и тем, что администрация, не желая портить общую картину, могла выпустить из места заключения человека, фактически находящегося при смерти. В конечном итоге речь идет о таком количестве людских жизней, что в их масштабы кажется сложным поверить. Говорить о жизни и смерти в ГУЛАГе возможно только на уровне обобщений и с опорой на конкретные примеры, в надежде передать общую картину через частные примеры. Измерить сухими цифрами страдание брошенных в лагеря, казненных, убитых или замученных изнуряющими условиями содержания или непосильным трудом людей представляется невозможным и неправильным.

ЗОЛОТАЯ ПЛАНЕТА КОЛЫМА

С рекламного щита «Аэрофлота» улыбается знакомая физиономия — румяный Вилле Хаапасало призывает защищать амурских тигров. Чем-то неуловимо похожий на молодого Путина стюард наливает чай и бросает ломтик лимона. Салон битком набит возвращающимися домой на Дальний Восток отпускатниками: они живут так далеко от центра, что государство субсидирует частично их отдых на курортах Черноморского побережья.

Москва осталась позади на расстоянии семи часов лета и восьми часовых поясов. Из иллюминатора приземляющегося самолета природа выглядит величественной, но настроенной недружелюбно: низкие темные горы карабкаются к горизонту, между ними извиваются каменные русла пересохших к осени рек. В долинах пылает золотая осень. Как-то сложно поверить, что там внизу находятся деревни и даже целые города. Однако проходит совсем немного времени, и мы уже в Магадане. Хотя численность населения города после развала СССР уменьшилась на треть, он не похож на Воркуту, богом забытый город-призрак, покоящийся на развалинах ГУЛАГа.

Сегодня вторник. По улицам спешат люди. Магадан производит впечатление вполне обычного среднестатистического российского города, где бок о бок соседствуют ампирные административные здания и прямоугольные новые многоэтажки. Мрачная репутация города проистекает скорее из историй и легенд, чем из действительности. Но факт остается фактом: Магадан находится на самом восточном краю России, он гораздо ближе к Китаю и Японии, чем к Новосибирску, не говоря уже о Москве. Местные жители даже, говоря о «материке», подразумевают остальную Россию, хотя Магадан — это вообще-то никакой не

остров. Иногда поговаривают о «планете Колыма» — название красноречивое, особенно если вспомнить, что кто-то из местных приехал сюда с целью уехать куда подальше, а кто-то остался здесь осознанно или по необходимости. Изолированность места не сразу заметна, разве что ее выдают высокие цены на свежие овощи и давящее ощущение того, что куда ни глянь, на сотни километров во все стороны — только море, горы и тайга.

Архипелаг ГУЛАГ в своей мощи добрался и сюда. В этой мистической точке на самом краю мира сходятся линии советского лагерного дискурса. Город построен заключенными, его дома и улицы буквально источают дух гулаговского прошлого и лагерной современности. С первого взгляда не заметно, но нынешняя жизнь Колымы целиком зиждется на наследии ГУЛАГа.

* * *

Именно природные ресурсы, в первую очередь месторождения олова и золота, стали основной причиной создания разветвленной системы лагерей на Дальнем Востоке. О них было известно еще до революции. Затем в двадцатых годах пришли советские геологи, а уже через десятилетие к горной добыче подключили мощные ресурсы ГУЛАГа. Вот уж точно: «Магадан — золотое сердце России» — гласит растяжка в аэропорту.

Магадан расположен на берегу Тауйской губы Охотского моря. В силу своей изолированности он отлично подходил в качестве центра местной лагерной сети. Хотя в городе лагерей не имелось, а все они располагались на огромной территории бассейна реки Колымы, в Магадане многое говорит о лагерном прошлом: все этапы проходили именно через него. Скажем больше: Магадана могло бы и не быть, не случись ГУЛАГа и особенно создания подчиненного НКВД

треста «Дальстрой», осуществлявшего — прямо как современный концерн — управление всей деятельностью: от лагерей до логистики, от шахт до погребения. Даже местные партийные органы находились в подчинении «Дальстроя». Трест существовал между 1931-м и 1952 годами, пока его не расформировали. Тогда и закончилась эпоха его всевластия.

Структурной единицей ИТЛ ОГПУ-НКВД-МВД СССР на Дальнем Востоке являлся Севвостлаг. Административно он не входил в систему ГУЛАГа, за исключением нескольких лет на рубеже сороковых годов. Изначально Севвостлаг создавался для организации работ «Дальстроя» на отдаленных северо-восточных территориях страны и находился в его ведении. Формально «Дальстрой» являлся государственным трестом дорожного и промышленного строительства, через Севвостлаг он обеспечивался трудовыми ресурсами (приговоренными к принудительному труду), но в действительности трест являлся частью сталинской репрессивной системы.

Мы отправляемся к месту нашей дислокации. Отсюда начинается и уходит вдаль построенная руками заключенных Колымская трасса. В гостинице с наших паспортов снимаются копии, чтобы отправить их в центр регистрации. Оказывается, недостаточно отправить под ксерокс только страницы со штампами — нужно откатать еще и пустые страницы, чтобы убедиться в том, что они действительно пустые.

ВСКРЫТИЕ МАГАДАНА

С магаданского автовокзала можно добраться автобусом или маршруткой до населенных пунктов Палатка, Ягодное и Сусуман — последний находится более чем в 800 километрах отсюда. Туда мы пока не едем: близится встреча с сотрудни-

ком местного «Мемориала», который обещал показать нам город. Сергей Райзман, худой мужчина, носит темные очки, крохотные усики и курит без эмоций. Чувствуется, что он не любит сидеть в четырех стенах, как и многие жители Севера. Сергей по образованию — учитель, работает в Департаменте образования Магаданской области. Наша с ним пешая экскурсия по центру города и знакомство с лагерной историей начались просто: наш гид потихоньку двинулся по улице Ленина, начав как бы между делом свой незамысловатый рассказ. Сначала ничто не предвещало погружение в историю на целых четыре часа, но по прошествии этого времени Магадан вырисовался перед нами громадным музеем ГУЛАГа, где даже булыжники мостовой под ногами связаны с заключенными.

В утреннем свете Магадан смотрится вполне приятным местом — правда, встречающиеся рекламные фразы вроде «очаровательный город с европейским лицом» кажутся некоторым преувеличением. В центре Магадана за последние два десятка лет не построено ничего нового, если не считать Троицкого собора в псевдорусском стиле, выстроенного в начале 2000-х годов на месте, где раньше находилось здание администрации «Дальстроя». В центре много зданий в стиле сталинского ампира, некоторые свежеевыкрашены, словно пасхальные яйца. На окраинах города, как обычно, крупнопанельные дома. Сергей рассказывает местную шутку о том, что проспект Ленина является самой длинной улицей в мире: сначала он переходит в Колымское шоссе, затем в Колымский тракт и тянется на две тысячи километров до самого Якутска.

До 1936 года заключенные и вольнонаемные работники проживали здесь бок о бок. Осужденные архитекторы спроектировали здания, эскизы построили большую часть магаданских улиц и домов. По оценкам, на начальном этапе заклю-

ченные составляли здесь три четверти трудовых ресурсов. Наш гид останавливается, указывая на покрытие проспекта Ленина. Тротуар собран из бетонных плит в металлической рамке, что говорит о том, что это одна из первых улиц Магадана — дело рук заключенных.

Сворачиваем направо на улицу Карла Маркса, носившую до 1938 года имя Эдуарда Берзина, первого директора государственного треста «Дальстрой» и отца-основателя Колымских лагерей. Латыш по национальности, во время Первой мировой Берзин служил в царской армии, в 1917 году примкнул к большевикам и оказался в рядах ЧК. До перевода в «Дальстрой» занимался организацией Вишлага, заключенные которого целыми гектарами валили лес для нужд бумагоделательного производства. После подобного успеха Сталин направил Берзина на Дальний Восток. Вместе с группой заключенных 4 февраля 1932 года он прибыл на пароходе «Сахалин» в бухту Нагаева. Это стало началом строительства Магадана, Колымской дороги и системы дальневосточных лагерей.

Естественным образом Берзин проживал на улице его имени. После его расстрела в 1938 году улицу называли именем Сталина, так она называлась до самой смерти «вождя народов». В домах вдоль нынешней улицы Карла Маркса каждое окошко индивидуально. Это объясняется тем, что заключенные в свое время изготовили их вручную.

Под управлением Берзина заключенные имели возможность работать по своей профессии, к примеру, хирурги — в лагерьном госпитале и так далее. Позже всем выдавали по лопате и заставляли ковырять землю. Однако и при «либеральном» Берзине случались казни заключенных. Он же распорядился не отправлять заключенных на работы, если температура воздуха падала ниже 55 градусов. Когда температура ниже, писал Варлам Шаламов, «плевок замерзает на лету».

* * *

Сергей ведет нас вдоль небольшого парка, одновременно рассказывая об открытии колымского золота. Еще до революции якутские охотники неоднократно находили здесь золотые самородки, а во время Гражданской войны, захватывая обозы противника, красные обнаруживали в них золото неясного происхождения.

В мае 1928 года Всесоюзным Геологическим комитетом на средства треста «Союззолото» была организована Колымская геологоразведочная экспедиция, начальником которой назначили Ю. А. Билибина, утверждавшего, что именно на Колыме лежит «пряжка» от «золотого пояса», протянувшегося от Амура до Калифорнии. Экспедиция преодолела более 600 километров по тайге от побережья до истоков реки Колымы и далее до рыбацкого села Олу. Ученым удалось найти большое количество месторождений, и в итоге правительство страны вынесло решение о начале добычи. В конце 1920-х годов регион был редконаселенным, и помимо якутов там проживали осевшие после Гражданской войны красные казаки с семьями. Советское правительство посчитало, что для строительства дорог и организации деятельности золотых приисков одними местными ресурсами не обойтись, поэтому было решено привлечь заключенных, тем более что к тому моменту имелся положительный опыт использования труда заключенных на строительстве Беломорканала. Центром выбрали Магадан ввиду его спокойной бухты.

Во время существования «Дальстроя» помимо золота добывались олово, серебро, вольфрам, медь и уран. Полную механизацию шахт осуществили только в 1950-х годах, до этого старатели были лишены какой-либо спецтехники — им приходилось управляться практически голыми руками.

Сегодня на Колыме добывается в основном только золото и серебро. Отчего-то именно этот факт обращает на себя внимание: в Магадане много ювелирных салонов, они встречаются практически на каждом углу.

Далеко не все местные жители могут позволить себе приобрести эту роскошь. Хотя работа в шахте оплачивается хорошо, золота хватает не всем. Многие уезжают. Если в 1991 году в Магаданской области проживало около 350 тысяч жителей, то на сегодня — чуть более 140 тысяч. Наряду с Чукотским краем область демонстрирует самые высокие показатели оттока населения. Численность коренного населения стремительно падает: за сто лет после первой экспедиции количество уменьшилось вдвое. По мнению Сергея Райзмана, убыль объясняется естественными причинами.

Однако что заставляет людей оставаться? Кто-то не может или не хочет уезжать, другие же влюблены в местную природу. На Колыме, помимо работающих в забоях шахтеров, имеется потребность в специалистах различных отраслей. Золото добывается десятками тонн ежегодно, в основном бизнес осуществляется крупными предприятиями. В Магадане даже устраивается всероссийский фестиваль старателей «Золотой фестиваль», в рамках программы любой желающий может попробовать свои силы в поисках золота. Может, и нам стоит испытать себя?

* * *

Наш путь продолжается. Сначала на улицу Феликса Дзержинского и дальше до проложенной прямо до магаданского порта крутой Пролетарской. Перед нами открывается легендарный залив Нагаева, названный в честь русского гидрографа и адмирала Алексея Нагаева. А что касается этимологии названия города Магадан, то гипотез на этот счет имеется много: по одной из них, на эвенкийском «мадага»

означает подвид произрастающей здесь сосны. Вероятно, в этом месте некогда располагалось торжище, где вели меновую торговлю проживавшие на побережье племена рыболовов и приходившие с материка оленеводы. До прихода русского населения постоянно здесь никто не жил.

Сегодня солнечно, в воздухе пахнет солью, бензиновой гарью и осенью. Бродячие собаки лениво потягиваются на кучах щебня перед заброшенным зданием какого-то завода. Внизу слева открывается вид на пляж: сейчас он опустел, ждет наступления короткого местного лета. Наш сопровождающий говорит, что неподалеку находился первый аэродром, в зимнее время использовавшийся самолетами на лыжном шасси. Нынешний аэропорт построен довольно далеко от Магадана близ поселка Сокол в месте, куда не достает вода при весеннем разливе.

Вдалеке виднеются причалы, краны и контейнеры. Порт построен осужденными, рядом в 1930-х располагался поселок для освободившихся из заключения: они работали на судах, курсировавших между Магаданом и Владивостоком. О тех временах напоминает деревянный причал — сюда на материк прибывали люди, а в обратном направлении шла руда. Перевозки осуществлялись в течение трех летних месяцев, пока море не сковывал лед.

Сергей показывает нам, откуда на север уходила железная дорога. По ней транспортировали материал для строительства поселков и лагерей. Говорят, что здесь раньше стояли густые леса, только большая их часть уже повалена и использована в строительстве или на топливо.

Мы переходим на другую сторону пляжа. Здесь на высоком берегу установлена скульптура Владимира Высоцкого. Артист часто приезжал сюда с концертами и даже посвящал Магадану несколько песен. Уже полдень, за памятником устроились выпивать несколько парней, разгоряченные

солнцем и напитками, они даже скинули рубашки — все-таки на улице целых десять градусов тепла!

В Магадане морской климат. Зимы здесь не такие холодные, как на Колыме, да и летом не так жарко. Зимой градусник редко опускается ниже 15–20 градусов мороза, а летом средняя температура 20–25 градусов. Сергей говорит, что пару недель назад уже шел небольшой снег, а сейчас в сентябре случаются ночные морозы. Здесь ветрено, мошек практически нет, зато на материке воздух кишит от комаров, мух и слепней. Ничего удивительного, что лагеря размещались именно там.

* * *

Мы возвращаемся в центр Магадана по тому же маршруту, по которому колонной водили заключенных. В книге воспоминаний «Кровавое золото Магадана» эстонец Ханс Алвисте описывает случай, когда осенью 1945 года проходившую по улицам города колонну заключенных забрасывали камнями и кричали им вслед «фашисты».

Заглядываем в городской парк. Его разбили на месте собора по распоряжению Дальстроя. Строительство шло быстрыми темпами, и 6 июля 1935 года объект был открыт, получив название ПКиО имени Ягоды. Затем его переименовали в честь Ежова, а сегодня Магаданский парк культуры и отдыха носит имя Максима Горького. Деревянные постройки не сохранились. Неподалеку от парка находится Дворец спорта, выстроенный в 1954 году по приказу тогдашнего руководителя «Дальстроя» Ивана Никишова и проекту заключенного архитектора А. В. Машинского. Директор был любителем большого тенниса, что отразилось в оформлении фасада: он украшен теннисными ракетками и фигурами соревнующихся молодых людей. Удивительный гуманизм, если говорить о ГУЛАГе.

Неподалеку и вовсе интересное здание: жилой дом, перестроенный из бывшего тюремного барака. Второй и третий этажи явно поздней постройки. Дом к тому же удлиннили, пристроив два крыла. Швы видны, поэтому можно определить размеры первоначального здания. Помещения в 1950-е отдали под коммунальные квартиры, кое-где еще живут люди. Сергей показывает нам место на стене с отвалившейся штукатуркой — видно, из чего строили дом. В этом районе до сих пор сохранились объекты, находившиеся на балансе НКВД. В здании бывшего обкома компартии сейчас располагается приемная губернатора. Областная дума заседает в так называемом Доме Васькова, где раньше располагалась тюрьма НКВД. Здесь в цокольном этаже сохранились камеры. Здание названо по имени Родиона Васькова, первого руководителя Севвостлага. Мы продолжаем знакомство с исторической улицей. Слева — построенное в 1940-х годах по проекту еще одного заключенного здание Политехнического техникума. Внешний вид многих зданий напоминает архитектуру Санкт-Петербурга, потому что большая часть репрессированных архитекторов были родом из Ленинграда. На крыше здания на перекрестке до сих пор красуется надпись «Дальстройпроект» — именно здесь архитекторы занимались проектированием Магадана.

На другой стороне улицы, прямо перед зданием правительства, находится бюст Эдуарда Берзина. Памятник установили в 1989 году, когда о Берзине стало возможным вновь говорить в положительном духе. Если в СССР тогда только начиналась повсеместная волна сноса памятников, то в Магадане почтили память Берзина. Что до Ленина, то его памятники убраны с площади и заменены статуей Иннокентия Московского, просветителя Колымской земли, занимавшегося миссионерской деятельностью среди местного населения в XIX веке. Памятник стоит перед огром-

ным собором, возведенным в 2000 году. А до этого на месте церкви первоначально находилось двухэтажное здание НКВД, позже — КГБ. Гражданскими активистами предлагалось открыть в нем музей политических репрессий, но эта идея не нашла поддержки, рассказывает Сергей.

Точное количество содержащихся в Магадане и на Колыме заключенных и погибших в местных лагерях неизвестно, большая часть официальной статистики пропала еще в шестидесятые. Однако существует мнение, что в период 1933—1952 годов через Колыму прошли порядка одного миллиона человек, из них около 130 000 погибли. Массовые расстрелы осуществлялись в 1937—1938 годах в бытность начальником Севвостлага Степана Гаранина — неспроста этот период именуется «гаранинщиной». В одном только спецлагере Серпантинка Гаранин привел в исполнение по меньшей мере 5000 расстрельных приговоров. Помимо насильственных смертей заключенные умирали от непосильного труда, холода, истощения и болезней. Смертность достигала невероятных пятнадцати процентов.

ГОРОД ПРИОБРЕТАЕТ ЗАКОНЧЕННЫЙ ВИД

Наша пешеходная экскурсия заканчивается перед зданием Северо-Восточного госуниверситета. Здесь на втором этаже на кафедре всеобщей истории и истории России хозяева любезно накрывают на стол: чайные пакетики, баночка с растворимым кофе и сахар. Сергей ставит чайник. В кабинете жарко — отопительный сезон уже в разгаре. Завкафедрой Галина Пустовойт открывает окошко навстречу прохладе магаданской ранней осени. Она не занимается напрямую исследованием ГУЛАГа, но защитилась по «Дальстрою». Сергей же считает, что на сегодняшний день в университете никто не занимается изучением истории репрессий и лаге-

рей, лишь пара человек в музее. В основном научные интересы профессорско-преподавательского состава распространяются на полезные ископаемые и их роль в развитии региона.

Параллельно работе в университете Галина активно участвует в деятельности магаданского отделения «Мемориала», там она и познакомилась с Сергеем. Галине уже за пятьдесят, но выглядит она значительно моложе своих лет. «Вы хотите услышать мою историю, да? Ладно, родилась в Магадане в 1963 году, мои дедушки и бабушки со стороны обоих родителей сидели в лагерях. Бабушка по маме провела шестнадцать лет в заключении, там же родила ребенка, отчего ее выпустили по УДО. Дед мой занимал высокий пост в «Дальстрое», но тоже был репрессирован. Мои родители проживали в детстве в бывших бараках, перестроенных под коммуналки». Нашу собеседницу интересует период репрессий как в профессиональном, так и в личном плане.

В Магадане вольные и заключенные жили практически в одинаковых условиях — ни по жилью, ни в питании особенной разницы не было. Высокий уровень смертности наблюдался в обеих категориях. К счастью, с приходом Лаврентия Бериі стало понятно, что накормленный, одетый и обутый эзк способен лучше работать. Разумеется, вольнонаемных работников никто не охранял, они могли самостоятельно распоряжаться своей жизнью, но переехать с одного места на другое без прописки было невозможно. После расформирования лагерей многие бывшие осужденные осели в Магадане. Нельзя сказать, что они никогда не сталкивались с примерами резко негативного, граничащего с откровенным презрением отношения к себе со стороны общества, однако жизнь шла своим чередом. После войны на Колыме количество вольнонаемных составляло три четверти населе-

ния: требовались геологи, шахтеры, водители. Так что хотя эзков в Магадане было много, в основном их не чурались, а с какого-то момента стало обычным делом заключать браки между бывшими узниками лагерей и приезжающими в город свободными гражданами.

Подливаем себе еще чаю. Галина размышляет о том, как воспринимать сталинские репрессии. Тема неоднозначна.

Галина критически воспринимает современность. Те, кто в свое время переехали сюда на работу, выдвигали к себе повышенные требования, много работали. Шло активное развитие региона: уже в 1940-е годы в Магаданской области насчитывалось два театра, сто тридцать библиотек, пятьдесят Домов культуры, школы — рабочие параллельно обучались, и все это возникло из ничего.

Для нее Магадан — малая родина, уезжать отсюда ей не хочется, в поездках она начинает скучать по дому. В городе практически до самого распада СССР люди прозябали, жили в бараках, все было плохо организовано. Сейчас Магадан приобретает законченный вид. Не страшно, что часть жителей уехала, по сравнению с советским периодом здесь осталось две трети. Школ и детских садов хватает, очередей, как в остальной России, здесь нет; зарплаты и у служащих, и у шахтеров выше среднего по стране, хотя и цены здесь московские. Многие занимаются охотой и рыбной ловлей.

Галина считает, что местные лагеря не были хуже, чем в остальных частях страны. Просто Колыму превратили в символ ГУЛАГа, но это стечение обстоятельств. Возможно, по причине того, что Колыма находится далеко на территории Восточной Сибири, а Сибирь и при царе означала ссылку и каторгу.

В завершение она с улыбкой говорит, что местному населению не хотелось бы обсуждать с иностранцами одну только лагерную тему. Здесь все уверены, что повторения

ГУЛАГа никогда не будет. Да и на Колыме есть свои неповторимые красоты. Озера полны рыбы, а леса — ягод и грибов. Администрация области прикладывает все усилия для ребрендинга территории, но пока получается не все.

* * *

Сергей предлагает нам отправиться с визитом в местную школу в центре. Он знаком с учителями по работе — неоднократно устраивал для школьников и педсостава выезды на природу.

На этот раз не мы знакомимся с учреждением, смотрят на нас и представляют пятиклассникам. Ребята в полном восторге от того, что у них в гостях иностранцы, да еще и литераторы. Для начала Сергей задает им вопросы по истории города. Кто построил наш город? Заключенные, отвечает один паренек с задней парты. А что такое репрессии? Тут дети умолкают — нет ответа. Сергей поясняет, что речь идет о массовом, незаконном преследовании большого числа людей. Тут дети согласно кивают головами, они знают, о чем речь, не понаслышке. В школе лагерное прошлое подается как естественная часть истории города. Однако скоро наше общение уходит в сторону. Наш черед рассказывать о Финляндии, о ее людях и природе, ребята с интересом разглядывают паспорт гражданина Финляндии, пущенный по рядам.

Уже после школы Сергей говорит, что, когда он преподавал в университете, студентам было трудно осознать масштабы массовых политических репрессий. Чаше всего ему приходилось слышать вопрос, почему люди не восстали против режима. В последнее время такого уже не спрашивают, многие начинают осознавать, что манипулирование массовым сознанием возможно и сегодня. Мы отвечаем, что это явление присуще не только России, — на самом деле

тренд носит глобальный характер. Разве что мы знаем о нем больше, чем раньше, но манипуляция сознанием основывается на чувствах, и рациональное мышление не всегда способно противостоять процессу.

* * *

На стене недостроенного здания красуются англоязычные граффити: LENIN HAS RISEN! На небе потихоньку сгущаются тучи, надо спешить в музей. Гардеробщица — такая древняя и ветхая, что, пожалуй, видела Ленина — принимает наши куртки и шапки, вешает на крючок, но делает это так медленно, словно в замедленной киноплёнке. Мы берем выданные номерки и поднимаемся по винтовой лестнице на третий этаж прямо на территорию тюремного лагеря.

Перед нами металлические ворота, за ними возвышается реконструкция охранной вышки. Экспозиция Магаданского областного краеведческого музея посвящена Севвостлагу. Это целый комплекс трудовых лагерей, созданный под нужды Дальстроя на самом раннем этапе освоения Колымы. Пространство выставки реализовано в форме лагерной зоны. В центральном коридоре висят изображающие лагерную жизнь картины, по краям коридора — музейные витрины на разные темы: документы, газетные вырезки, фотографии колымских лагерей. Представлены в большом количестве разные вещи — мы еще не знаем, что совсем скоро увидим подобное в куда большем количестве, но не в музее, а в местах, где располагались лагеря. Странно трогательным выглядит один предмет: изготовленная в виде звезды форма для выпечки хлеба заключенным.

Экспозиция чрезвычайно информативна, здесь не предприняты попытки как-то приукрасить лагеря, наоборот,

ГУЛАГ вписан в историю Колымского края, показан в качестве его части и как естественная история региона.

После обхода мы буквально бежим в гардероб, с нетерпением ждем наши куртки. Задача еще успеть дотемна выехать за четыре километра от Магадана — на сопку «Крутая», где находится памятник работы Эрнста Неизвестного, один из трех задуманных мемориалов в память о жертвах ГУЛАГа. Комплекс на Колыме высотой пятнадцать метров называется «Маска скорби». Второй монумент «Треугольника скорби» открыт под Екатеринбургом, третий планировалось установить в Воркуте, но замысел не осуществился.

Когда мы прибыли на место, солнце уже садилось, проглядывая сквозь разорванные облака. Отсюда открывается вид на суровый Колымский край. Центральная скульптура представляет собой серую бетонную голову, чем-то похожую на моаи с острова Пасхи. Из правого глаза вытекают слезы в форме угловатых человеческих голов, в остальном же скульптура выглядит столь же лишенной эмоций, как и окружающий ее ландшафт. На ум приходят увиденные нами ранее в магаданских туристических магазинчиках почтовые открытки и магнитики на холодильник, тематика которых бессовестно эксплуатировала лагерную жизнь: мужчины в ушанках и ватниках с нашитыми на них номерами бредут по снежной пустыне. Рядом с фигурами написаны поучительные высказывания по поводу того, что нужно жить по правилам, иначе...

Мы возвращаемся в центр города, ужинаем в шашлычной. Не сказать, что приличное место, но нас вполне устраивает. Кто-то из гостей отмечает свой пятидесятипятiletний юбилей. Столы ломаются от яств и напитков. В углу зала на фоне здоровенных колонок сидит местный певец, похожий на Анастаса Микояна. Периодически он поет под минусовку, затем врубает дискотеку на полную. Народ с

удовольствием отплясывает под «Чингисхана»: «Москва — незнакомая и таинственная, // С башнями из червонного золота // и холодная как лед».

Нам подают салат по-корейски. Допиваем пиво. Завтра выезжаем на Колымский тракт.

ПО ДОРОГЕ КОСТЕЙ

Колыма — это место, названное Рышардом Капуцинским, наряду с Освенцимом и Хиросимой, самым чудовищным кошмаром XX века. Это гигантская пустыня, где может случиться что угодно — и где что угодно может кануть в Лету. Вместе с тем природа здесь совершенно потрясающая. Возможно, именно поэтому Сергей, будучи влюбленным в природу, пообещал отправиться с нами по следам ГУЛАГа в колымскую тайгу и лесотундру. Договорились мы и с Андреем Комиссаровым. Это наш водитель — похожий на плюшевого мишку пятидесятилетний усач-здоровяк, с крепко посаженной головой, мощным телом, грубым низким голосом, бритой головой; одет в камуфляж, замашки как у настоящего мачо, сыплет шутками и не гнушается крепкого словца.

Андрей управляет полноприводным внедорожником, мощность которого пригодится нам в течение следующих пяти дней. Да уж, нам повезло куда больше, чем узникам ГУЛАГа, — их везли за сотни километров в лучшем случае в открытом кузове или просто гнали пешком по бездорожью.

На Колыме, как и во многих других удаленных лагерях, не было ровным счетом ничего, когда туда пришли первые этапы. Все пришлось возводить собственными руками. Для начала построили дорогу, или Трассу, как ее до сих пор именуют местные, голосом выделяя первую, заглавную букву.

До отправления заезжаем к Сергею домой. Нам предстоит долгий и нелегкий путь, так что с собой нужно обязательно взять самое необходимое. «Ну теперь все готово, — бросает Сергей, запрыгивая на первое сиденье со здоровущим шматом сала в пакете. — Поехали на Трассу!»

* * *

Строительство Колымского тракта началось в октябре 1931 года силами заключенных и вольнонаемных. По мере строительства временные лагеря двигались следом, точно так же, как и на Беломорканале. Работать было крайне тяжело, земля замерзала зимой, а летом превращалась в болото. Именно по этой причине основу дороги делали из огромного количества камней и дерева. Последний участок Трассы был сдан в эксплуатацию в 1942 году. Сначала дорогу проложили ближе к сопкам, где грунт был надежнее, чем в ложбинах. Позднее ее неоднократно спрямляли, избегая ненужных изгибов и поворотов. Протяженность Трассы сократилась.

В начале поездки хочется поскорее выехать за город, но вскоре выясняется, что выехать из Магадана быстро не получится. Город представляет собой особую экономическую зону, где выплачивается на 50 % меньше таможенных сборов. Погибший от руки заказного убийцы в 2002 году губернатор области Валентин Цветков (со слов Сергея, он внешне напоминал экскаватор) занимался постоянным расширением города и особой экономической зоны в разных направлениях с учетом собственных бизнес-интересов. Этим и объясняется то, что в начале Трассы мы иногда выезжали из Магадана, а потом снова туда возвращались.

По правую руку от дороги видны заброшенные рельсы и мосты. Железная дорога вела в Палатку, расположенную менее чем в ста километрах от Магадана. Туда паровозами до-

ставляли все необходимые материалы. Дальше ветку тянуть не стали. Вокруг раскинулся лиственный лес, чем дальше, тем больше приобретающий более желтую окраску. Уже совсем скоро после местного аэропорта перед нами встают голые сопки посреди пылающего осенними красками леса.

Первые сто пятьдесят километров Трассы закатаны в асфальт. Далее асфальтовое покрытие встречается местами, причем какой-то особой логики в осуществлении дорожных работ не видно. Кое-где и сейчас тянется ремонт с той лишь разницей, что вместо заключенных к работам привлечены гастарбайтеры из Центральной Азии.

Вот он — настоящий хайвей, шутит Сергей. Андрей начинает хохотать. Грунт под дорогой живет своей жизнью, от чего асфальт стоит торчком. Порой кажется, будто мы в лодке посреди волнующегося моря.

Хотя колымская трасса и выпрямлена, она по-прежнему не ведет, как требует здравый смысл, из точки «А» в точку «Б». Она проложена от шахты к шахте — их открывали одновременно со строительством дороги. Такова логика ГУЛАГа. Более двадцати лет дорогу прокладывали по самым отдаленным уголкам Колымского края, пока не добрались до Якутии. Протяженность Трассы составила более 2000 километров. В 2008 году дорогу открыли для круглогодичного использования, но наиболее оптимальное время, чтобы прокатиться по ней, — это зима, когда пересекающая тракт река Лена — два километра шириной — закована в ледяной панцирь. В нашем путешествии мы проделаем только половину этого пути, но нам все равно предстоит справляться с многочисленными препятствиями. К счастью, есть Андрей и его внедорожник.

Колымская трасса схожа с карельским Беломорканалом: гигантский проект обошелся в тысячи человеческих жизней, и в конечном счете польза от него оказалась весьма

относительной. В особенности на якутском участке дороги, где движение такое же редкое, как и на бывшем канале имени Сталина. Пожалуй, Трасса в первую очередь служила демонстрацией возможностей Советского государства, была неким жестом, нежели предназначалась для транспортного сообщения. На сегодняшний день это самый длинный рукотворный неофициальный мемориал в память о ГУЛАГе и миллионах его жертв.

* * *

После Палатки на фоне серых сопок начинают возникать первые города-призраки. Когда в период перестройки и в особенности после распада СССР появилась возможность покинуть эти места, многие местные жители бросили все и уехали не задумываясь. Опустили почти весь частный сектор и квадратные жилые четырехэтажки. Заводы и шахты были отданы на милость тундры. Правда, кое-где еще живут люди, словно взяв квартиру в аренду у прошлого. На краю дороги — столик, на нем надпись кривыми буквами: «Огурцы».

По мнению Сергея, Магадан — чуть ли не синоним здешней цивилизации, а в остальной области жить невесело. Впрочем, в этом мы скоро сможем убедиться сами.

Асфальт заканчивается, и тут же начинается самое ужасное: песок. Он проникает во все щели, сушит ноздри и дерет горло. Наш водитель, которому ездить здесь не впервой, заходится в приступе кашля, хотя он не курит. И цвет деревьев на обочине меркнет из-за песка, как если бы у крон убавили яркость в фотошопе. Пристроившись вскоре за вереницей «КамАЗов», мы и вовсе оказываемся в песчаной буре. Видимость меньше метра.

То здесь, то там вдоль дороги виднеются кресты с повешенными на них рулями или колпаками от колес — в

память о погибших в автокатастрофах. По причине весьма относительного состояния дорожного покрытия, туч пыли летом и сильнейших метелей зимой очень часто на Колымской трассе случаются аварии. Улучив момент, Андрей давит на газ и обгоняет грузовики. Песчаная стена расступается, и перед нами открываются живописные колымские пейзажи.

«А вот там заградительные сооружения от снега», — говорит Сергей, показывая на решетки, похожие на жердяной забор. Большая часть из них видала лучшие дни и явно нуждается в замене. Самые старые участки возведены еще ээками. Потемневшие от непогоды, согнувшиеся под тяжестью времени деревянные конструкции похожи на покосившиеся кресты в память о безымянных строителях.

В разных частях Колымы — в основном вдоль Трассы — еще работают шахты. Золотодобытчики то и дело наталкиваются на останки строителей дороги и заключенных Севвостлага. Тела некоторых сохранились в вечной мерзлоте практически без признаков разложения.

До начала холодной войны СССР являлся основным поставщиком золота в США, большая доля ценного металла поступала отсюда. В связи с этим в конце мая 1944 года СССР посетил вице-президент США Генри Уоллес — во главе американской делегации он побывал в Магадане, на предприятиях колымского «Дальстроя», сделал остановку в Уэлькале на Чукотском полуострове. Разумеется, советские власти сделали все возможное, чтобы представить лагерь в выгодном свете: высокому гостю не показывали никаких лагерей. Процесс золотодобычи был представлен как труд свободных граждан, а поселки — как объекты комсомольской стройки. На время визита заключенных заменили вольнонаемными, с маршрута движения Уоллеса убрали все сторожевые вышки, а в качестве подарка бла-

годарный Уоллес получил фотоальбом в кожаной обложке под названием «Дальстрой, НКВД СССР 1942—1943». Копия альбома до сих пор хранится в Магаданском краеведческом музее.

Песок, снег и золото — вот истинные первоэлементы Колымы и одновременно причина и следствие разразившейся здесь человеческой трагедии. И чем дальше двигаемся мы по Трассе, тем чаще появляются кресты лагерной эпохи.

* * *

Поднимая облако пыли, Андрей съезжает на обочину. Забираемся вверх, к памятнику над могилой. На окруженном металлической цепью обелиске начертано имя умершего 21 октября 1932 года Макеева Ивана Филипповича. Он был помощником начальника управления строительства телефонно-телеграфной связи. Вольнонаемный рабочий, остававшийся на трудовом посту, несмотря на тяжелую болезнь, он завещал похоронить его прямо здесь. Это новый бетонный памятник, установленный в 1955 году вместо первого, деревянного. Одновременно он является монументом всем работникам связи. Надпись на нем гласит: «Тем, кто самоотверженно трудился в первые тяжелые, но незабываемые годы освоения Колымы; тем, кто сегодня продолжает начатое ими дело».

Осенью 1932 года дорогу успели протянуть примерно до этого места, на двести километров от Магадана, что невероятно много, учитывая, что трест «Дальстрой» существовал на тот момент всего год. Мы продолжаем путь. Навстречу попадает озеро Черное, неподалеку находился лагерь, от которого сейчас почти ничего не осталось. Там с апреля 1939-го по август 1940 года работал Варлам Шаламов, позже написавший об этом месте небольшой одноименный рассказ — «Черное озеро».

У Колымской трассы мало прилегающих дорог — так, почти случайные жутко разбитые отвороты в стороны, какими пользуются золотодобытчики. Андрей съезжает на один такой боковой проезд и останавливается прямо в раскуроченной огромными колесами грузовиков глиняной колее. Поначалу здесь сложно разобрать что-либо, но если поднапрячься, можно заметить торчащие из песка остатки сгоревшего здания. Выясняется, что открывшаяся перед нами равнина создана руками человека. Это след ГУЛАГа. Здесь в 1930-е находилось дальстроевское обогатительное предприятие. С россыпей пески свозились сюда и выгружались в лотки для отделения драгметалла от пустой породы. А вот и обвалившиеся стены здания фабрики. Здесь зэки работали по четырнадцать часов в сутки, намывая золото для правительства, забросившего их на самый край советской вселенной. Место находилось в эксплуатации до 1980-х годов. На склоне виднеются части бревенчатого здания, куча металлолома, старая печь с трубой, сито — хлам лагерной эпохи вперемешку с более поздним мусором. Тут же остатки дизельной электростанции, какие-то трубопроводы, разбитый желоб, бассейн, куда подводилась вода из соседней реки. Везде следы добычи золота.

МУЗЕЙ ЗАБЫТЬЯ

Наш путь по Колымской трассе продолжается. Скоро съезжаем на едва различимую боковую дорогу из гравия, едем по ней километров двадцать. Следует отдать должное нашему джипу и водителю: им удастся справиться с такой донельзя разбитой дорогой, с торчащими пнями, ямами, из которых самые глубокие залиты водой, да еще и вынести нас из двух протекавших поперек ручьев. По склонам сопок раскинулось разноцветье тайги — от полынного серо-зеленого до

оливкового и бирюзового. Заросли голубики сверкают каплями розового вина рядом с «сухими» соломенно-желтого оттенка.

Мы проехали уже около получаса, и вдруг автомобиль, словно устав, останавливается на открытой поляне. Деревья здесь низкие, но не потому, что мы находимся на севере, а потому что лес вокруг был повален для строительства лагеря и лесозаготовок. На этих широтах лиственницам требуется триста лет, чтобы вырасти в полный рост, а со времени ГУЛАГа прошло чуть более семидесяти.

В этой долине и на окружающих склонах функционировала одна из десятков колымских шахт, где использовался принудительный труд. В Днепровском добывалось олово, а на другой стороне возвышенности находилась сама зона. От бараков практически ничего не осталось, но остатки шахты видны, их даже больше, чем можно предположить. Нигде поблизости нет гостиницы, ездить туда-обратно — только попусту тратить время, поэтому мы решаем заночевать в палатке на землях опустевшего лагеря и на следующий день отправиться изучать следы ГУЛАГа. Территория большая, нам потребуется не меньше половины дня на осмотр всех мест.

Откровенно говоря, возникает подозрение, что, будучи любителем свежего воздуха, Сергей спланировал все заранее, чтобы насладиться походом — и, конечно же, соленым салом.

* * *

Ставим палатки. Андрей располагается в машине. Он опускает заднее сиденье и устраивает себе самые настоящие хоромы. Разводит костер. Сергей чистит картошку, мы открываем консервы. Не проходит и часа, как на ржавом стальном щите в качестве импровизированного стола вол-

шебным образом возникают настоящие сибирские деликатесы. Наши хозяева со вкусом закусывают салом — хочешь не хочешь, а попробовать надо, хотя бы пару ломтиков из уважения. Шмат, как и полагается, на куске кожи, хотя для особых ценителей имеется сало в консервах. Все, как и полагается, запивается водкой — все-таки мы в лесах Колымы. Хотя, точнее, если быть честными, Сергей потягивает коньячок, а у нас с собой настойка на молодых еловых ростках. Андрей наливает себе домашней самогонки из полуторалитровой бутылки.

Разогревшись и утепившись, мы начинаем разговор. Сергей рассказывает, как он оказался в «Мемориале». На самом деле все произошло случайно. Просто один товарищ попросил, а он и не отказался. Сначала его интересовала природа как таковая, позже он увлекся пересекающейся с ней по геологической линии гулаговской темой. Официально на сегодняшний день в магаданском отделении «Мемориала» состоит около двадцати человек, и хотя историей политических репрессий интересуется куда большее число людей, они не хотят связывать свое имя с «Мемориалом», поскольку власть имущие в последние годы стали все больше придавать его деятельности политический смысл. Многие считают, что сохранением памяти можно заниматься и вне официальной организации.

Жаль, говорит Сергей, что память о занимавшихся поиском россыпей геологах имеет официальный статус, а те, кто выкапывал драгоценный металл из недр, попросту забыты. В российской истории XX века много трагических событий: Первая мировая война, годы революции и Гражданской войны, Великая Отечественная — память о них выстраивается вокруг традиций, но политические репрессии вне официальной повестки.

Переходим к воспоминаниям. Бабушки и дедушки Сергея с обеих сторон родом с Украины, прибыли на Колыму в 1930-е годы комсомольцами по разнарядке. Мать родилась в таежном поселке, отец — в Магадане. Здесь Сергей прожил всю жизнь. А у Андрея дед был вором в законе, сидел в одном из самых крупных колымских лагерей, куда отправляли особо опасных преступников, Бутугычаге. Мы еще увидим его развалины. А сейчас Сергей с Андреем обсуждают лагерную сеть Берлаг, или Особый лагерь № 5, действовавший в структуре «Дальстроя» в первые послевоенные годы. Его называли Красным лагом, потому что в него помещали особо опасных государственных преступников, среди которых числились осужденные солдаты и офицеры, а также иностранцы, эстонские «лесные братья», украинские и польские борцы за независимость, венгерские, румынские и итальянские военнопленные и так далее.

Темнеет. Скоро Андрей осушает бутылку и опустошает запас шуточек. Чем ближе к ночи, тем теплее обстановка: он показывает на телефоне снятые видео, где он рыбачит с сыном в заливе Нагаева. Говорит, что женат второй раз, первая жена уехала с каким-то питерцем, потому что у «нее случилась хотячка». С этими словами Андрей покачивает своими крепкими бедрами. Вторая жена ему очень по душе, да он вообще доволен своей жизнью на Колыме: есть работа, всего хватает — есть джип и лодка.

Собираясь спать, наши хозяева предупреждают, что если мы ночью соберемся выйти из палатки, то чтобы не отходили от нее дальше чем на два метра, иначе может и медведь утащить. В костре остаются угли, мы забираемся в палатку.

С наступлением темноты в долину Днепровского лагеря вползает жуткий холод. Мы упаковываемся во все теплое по самые уши и забираемся в зимние спальные мешки.

* * *

На часах семь утра. Из своего джипа выбирается Андрей. Он разжигает огонь, набирает воды из ручья, заваривает кофе. После завтрака Сергей дает нам нечто похожее на подводный факел и говорит, что это от медведя, мол, если косолапый подойдет слишком близко, нужно отвернуть крышку с одного конца, потянуть за ручку и держать за другой конец. Животное испугается яркого пламени и убежит.

Несмотря на приличное количество выпитого накануне, мы бодры и веселы и отправляемся бродить по развалинам лагеря.

На дне долины виднеются полуразвалившиеся деревянные избушки. Часть из них — бывшие дальстроевские административные здания, остальные — остатки поселка, существовавшего здесь после упразднения ГУЛАГа. Здешний лагерь являлся подразделением Севвостлага, после войны он влился в Берлаг. В разные периоды количество заключенных здесь колебалось между пятьюстами и тремя тысячами.

Мы продвигаемся сквозь густой ивняк, полностью захвативший эти места после ухода человека. Изучаем остатки зданий вольнонаемных рабочих и надзирателей. К нашему любопытству, обнаруживается сортир пятидесятых годов. Сергей поясняет, почему он такой высокий: из-за вечной мерзлоты вырыть яму не представлялось возможным, так что приходилось приподнимать всю конструкцию, чтобы всунуть емкость. Второе более-менее сохранившееся здание, судя по большой печи, служило кузницей. На земле валяются вырезанные из консервных банок фрагменты кровли, подобие черепицы (лемех), — естественно, дело рук эков. В лагере постоянно был дефицит строительных материалов, поэтому даже банки из-под тушенки шли в дело. Кругом валяется перепутанными клубками ржавая колючая проволока.

Дальше начинаем обследовать участок земли, похожий на дно пересохшего озерца. Отсюда грунт вывозился на обогатительную фабрику.

«Смотрите, — говорит Сергей, указывая на небольшую ямку, — след лапы. Медведь заглядывал». Наклоняемся поближе, чтобы рассмотреть, а рука сама собой начинает нащупывать, не потерялся ли висящий на поясе факел. А рядом стоит похожее на вышку высокое деревянное сооружение на толстых деревянных опорах. Сверху спускается что-то типа желоба, внутри лифт с ручным приводом — им что-то поднимали наверх. Со слов Сергея, никто толком не знает, что это такое. Бурильная вышка? Центр управления процессом спуска породы? Что именно? Впрочем, дай волю фантазии — и запросто окажется, что деревянная башня служила пусковой установкой для космического летательного аппарата.

Погода сегодня отличная. Солнце пригревает, небо совсем чистое, если не считать парочки белых перистых облаков. На склоне сопки виднеются деревянные входы в штольни и рудники. Это конечная цель нашей экспедиции.

* * *

Начинаем карабкаться в гору. По этому маршруту в 1930—1940-е многие тысячи заключенных каждый день ходили вверх и вниз. Сложно даже предположить, каково это зимой в лютый мороз, сейчас же, солнечным осенним днем, кажется возможным представить, что тут творилось летом, когда ртутный столбик поднимался за отметку в тридцать градусов, когда вокруг воздух кишел от комаров, гнуса и оводов. К счастью, их нет.

У основания склона на тоненьких жердочках стоит знаменитый приисковый промывочный конвейер. Одни заключенные лопатами сверху нагружали желоб извлеченной

породой, лишний песок высыпался сквозь отверстия в бочках, оловосодержащая руда продолжала путь вниз, где ее наваливали прямо в кузова грузовиков. Другие заключенные стояли по бокам грабарки и безостановочно перемешивали руду, чтобы олово лучше отделялось.

Забираемся по усыпанному пустой породой склону. Идти, надо сказать, нелегко, склон местами довольно крутой. В голову закрадываются мысли о нескольких выпитых накануне лишних рюмках, точнее, это ведь наши хозяева наливали, так что грех отказываться... Хотя бы предупредили, что нам предстоит на следующее утро!

Останавливаемся прямо перед зарослями стланика, его на Колыме хоть отбавляй. Сергей берет шишку и показывает, как отделить и почистить орешки. Сердцевина вкусная, напоминает семечко пиньи. В свое время гулаговская администрация решила, что заключенные нуждаются в повышенной дозе витамина С. Цинга действительно была распространенным явлением, и выход был найден: та самая хвоя стланиковой сосны. Часть эков направляли в «витаминную командировку» для сбора хвои стланика, из нее варилась тягучая коричневая смесь невыносимого вкуса и запаха. Тогда это считалось общедоступным и дешевым средством от цинги, которым насильно поили заключенных. Многие считали это дополнительным наказанием.

Вскоре мы оказываемся прямо перед старой лагерной оградой протяженностью метров десять с натянутой на покосившиеся столбы колючей проволокой. Собственно, мы впервые имеем возможность увидеть на территории бывшего лагеря всамделишную колючку времен ГУЛАГа, символ лагерей всех времен. Затем опять вверх по склону, — иногда из-под ноги вырывается кусок породы. начинается валиться вниз, вызывая небольшую осыпь. Попутно пере-

ходим через глубокие канавы, а потом опять нужно напрягать все силы, чтобы преодолеть груду огромных валунов.

С голой вершины открывается невероятной красоты вид, напоминающий чем-то финскую часть Лапландии. Возникает когнитивный диссонанс от ощущения того, как это чудо природы могло сочетаться с кошмаром ГУЛАГа. Один из бывших эков, у которого Светлана Алексиевич брала интервью для своей книги «Время секунд хэнд», сказал: «Неописуемая северная красота! Безмолвный снег... и свет от него даже ночью... А ты — рабочая скотина. Тебя втаптывают в природу, возвращают куда-то назад». «Пытка красотой» — называл он это. Его любимая поговорка: «Цветы и деревья у Него получились лучше, чем люди»¹.

* * *

Суровость условий содержания заключенных на Колымских рудниках сложно представить. Проведший много лет в лагерях ГУЛАГа Ханс Алвисте описывает это так: мороз, труд из последних сил, болезни и тюремная «юшка»². За два месяца половина бригады попадала либо в больницу, либо на кладбище. Смертность была высокой. По свидетельствам, зимой, когда копать было невозможно, тела складировали в штабеля снаружи зоны дожидаться весны, и только потом их закапывали в могилы. На Колыме, как и в других местах, над воротами лагеря каждый мог прочитать: «Труд в СССР есть дело чести, славы, доблести и героизма».

Каждое утро отправлявшимся на работу заключенным сообщалось, что шаг влево, шаг вправо считается побегом. Конвоиры могли застрелить по-

1. Алексиевич С. Время секунд-хэнд. М.: Время, 2019.

2. Варлам Шаламов в «Колымских рассказах» дает такую трактовку этого слова: «остатки от единственного и постоянного блюда, которое в меню столовой называлось «украинские галушки».

павшего в немилость заключенного под предлогом попытки к бегству. Алвисте два раза причинял себе травмы — сначала топором по ноге, затем в бане ударил ножом в живот — все, чтобы хоть немного отдохнуть в больнице. Также он чуть не умер от горячки. Как и у тысяч других зэков, его срок заключения состоял из сменяющих друг друга периодов изнуряющего труда и восстановления сил. Алвисте очень живо описывает бесконечную череду издевательств, которым подвергались политические со стороны тюремщиков и «блатарей».

Путь продолжается, но уже не нужно карабкаться вверх, мы спускаемся в долину. Сергей вдруг начинает смеяться со словами, что он безумно влюблен в горы, что на вершине рождается ощущение полета. Затем он указывает на тропинки, по которым ходила охрана. Дальше в поле зрения оказываются четыре охранные вышки на худых куриных ногах. А ведь мы впервые видим что-то, что осталось стоять на своих местах, и начинаешь задумываться: как же им удалось устоять до сих пор? Вышки составляют в высоту около трех метров, площадка приблизительно в двух метрах от земли. С них вооруженные охранники контролировали работающих на приисках. На углу одной вышки болтается кусок рельса, ударами по которому сообщалось об окончании смены. На рельсе виднеется клеймо завода и год изготовления — 1941.

Осматриваем несколько входов в штольни. Они все обвалились, лезть внутрь не стоит и пробовать, да и не очень-то хотелось рисковать. Из входов торчат металлические трубы, по которым откачивалась изнутри вода. Насосы не работают уже десятилетиями, так что выработки сначала заполнились водой, а она потом замерзла навсегда. Неподалеку виднеются остатки насосной станции и ржавые вагонетки.

Сверху открывается вид на долину и вдаль, на бесконечные ряды сопок. Повсюду вокруг виднеются разбитые постройки Днепровского рудника, но след человека теряется в гигантской пустыне. Из иллюминатора самолета такого ни за что не увидишь: местные сопки кажутся живыми и даже по-своему дружелюбными к тебе.

А дальше один за другим — немые рты открытых забоев. Спускаемся в один такой. Сергей показывает, что в них тоже имеются штольни. А еще здесь мотки колючей проволоки, ведра, острые лопаты и кайло, что-то вроде мотыги, которой раскалывали камень. Навстречу попадают разрушенные остатки каких-то механизмов обогатительной фабрики. На склоне горы — могила с колышком и истлевшим именем на табличке. Все это здесь находится уже десятилетиями — в стихийном музее под открытым небом.

* * *

Возвращаемся по другому склону обратно к грунтовке. Нам пришлось изрядно побродить вдоль и поперек, потому что спуститься напрямую нетравматичным способом оказалось невозможно.

Около дизельной электростанции решаем передохнуть, а заодно и заглянуть внутрь. Здание пятидесятих годов находится в относительно хорошем состоянии — стены на месте и крыша почти не обвалилась. В углу — вполне сносного качества деревянный сундук. Около стены уже знакомый лемех из жестяных банок, служивший для починки крыши. Сохранилась надпись на английском — значит, это консервы времен Второй мировой, когда США поставляли в СССР продовольствие. Объемы поставок были настолько масштабными, что американскими консервами советские люди питались в домах и лагерях еще и в послевоенные годы.

На обратной дороге осматриваем следующую обогатительную фабрику — такой же крытый деревянный желоб, как и на противоположном склоне. Этот сохранился очень хорошо, даже дверь закрыта на защелку. Внутри понимаешь, насколько примитивным был уровень принудительного труда в ГУЛАГе даже в пятидесятых годах. Все деревянные элементы конструкции практически не обработаны, здесь множество следов жизни и смерти.

Прежде чем сесть к Андрею в машину, мы решаем заглянуть на захоронение заключенных Днепровского лагеря внизу в долине. Там усилиями РПЦ установлен крест в память о погибших в лагере в период с 1941-го по 1955 год. Могилы представляют собой удлиненные каменные насыпи. Вечная мерзлота не всегда поддавалась лопатам, поэтому тело зачастую просто опускали на твердую землю и сверху засыпали камнями. На могилах между камнями воткнуты палки с дощечками. Годы стерли с них выпаранные номера заключенных.

Сергей подает знак к отходу. Воздух свеж, он выдувает из нас последнее похмелье. Ах, какое божественное удовольствие пить чистую воду прямо из ручья, собирать и есть совсем зрелую голубику! Подъезжает Андрей.

«Кто заказывал такси в Ягодное?» — весело бросает он, распахивая двери джипа.

ПО ШАЛАМОВСКИМ МЕСТАМ

Тайга здесь похожа на бесконечное пестрое лоскутное одеяло. И вдруг оно трескается: поперек рядов сопок возникает величественная река Колыма. В свете серого дня вода выглядит ярко-синей.

Колымская трасса проходит по новому мосту. На противоположном берегу находится поселок Дебин: несколько

многоэтажных домов, старые деревяшки разбросаны то здесь, то там. Рядом с одним домом на боку лежит ржавый бак с портретом Ленина — очень странно, как он мог тут оказаться...

Позади поселка прямо на опушке леса находится старое кладбище Дебинской больницы. Андрей отвозит нас туда, а сам отправляется на берег реки отмыть свою заросшую грязью машину. Здесь в Центральной больнице Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей (УСВИТЛ) на общих работах трудился фельдшером Варлам Шаламов. В больницу он попал в последний момент, уже в состоянии крайнего истощения, но благодаря новому месту остался в живых. Кладбище поросло травой, от него почти ничего не осталось, кроме рядов едва заметных могильных холмиков. На краю рядом с сопкой стоит православный крест в память о жертвах ГУЛАГа.

Ведущая к кладбищу песчаная дорога уходит дальше в сторону поселка Эльген, где находился женский лагерь. Здесь Евгения Гинзбург провела часть своего срока, работала в том числе в детском доме. У нас в Питере есть общий друг Степан, его мать и тетя родились на этой самой зоне. Тетя до сих пор живет на Колыме. Она работала учительницей в одном лесном поселке, сейчас на пенсии. От женской зоны не осталось ничего, кроме груды деревянного хлама, но поселок живет.

Мы садимся в машину, Андрей везет нас на высокий берег реки. Этот участок дороги прорублен в скале. Отсюда открываются удивительнейшие виды на реку Колыму и бесконечные волны сопки. Воистину, здесь можно ощутить незыблемость природы, ее победу над человеческими трагедиями и комедиями: лагеря приходили и уходили, от них остались какие-то неясные следы, но сохранилось нечто большее.

* * *

Именно Варлам Шаламов стал патологоанатомом и мифотворцем колымской действительности. В писательском переосмыслении ГУЛАГа его можно, без сомнения, поставить в один ряд с Александром Солженицыным. В общей сложности он провел на Колыме шестнадцать лет, из них четырнадцать — в этих краях. Ему вменялось в вину распространение так называемого «завещания Ленина», содержавшего критику Сталина (три года лагерей), приписывание находившемуся в эмиграции Ивану Бунину статуса «русского классика» (десять лет). Освобожденный в 1951 году, Шаламов получил расчет в «Дальстрое», как только это стало возможно, то есть через два года, 30 сентября 1953 года. Шаламов покинул Колыму, но Колыма не покинула его. Вторую половину жизни он нес в себе ужас всего пережитого и бесконечно создавал лагерную прозу.

От самого Варлама Шаламова кое-что осталось и здесь: в Дебине работает его дом-музей, хотя говорить о «доме» здесь не очень уместно. Музей открыли в 2007 году, разместив его в комнате, в которой когда-то проживал писатель. Здесь выставлены кое-какие предметы и сделанные на территории лагерей находки.

В период хрущевской «оттепели» решением Военной коллегии Верховного суда СССР Шаламова восстановили в правах, он получил возможность вернуться в Москву. Уже на тот момент он испытывал серьезные проблемы со здоровьем. В 1954 году Варлам Шаламов начинает работать над циклом «Колымские рассказы», ставшим трудом всей его жизни. Книга состоит из шести сборников рассказов и очерков. Он работал в журналистике, издал одиннадцать поэтических сборников, часть из них описывает жизнь на Колыме. Одновременно с поздними «Колымскими расска-

зами» на рубеже 1960—1970-х Шаламов писал антироман «Вишера», тоже состоящий из коротких рассказов и очерков.

Впервые полностью «Колымские рассказы» были изданы за рубежом в 1970-х годах, и только с наступлением эпохи гласности имя Шаламова и его прозаическое творчество стали известны широкому читателю в СССР не только в виде «пиратских» копий, но, к сожалению, уже после смерти автора. В ту пору за его книгами выстраивались очереди. Признание пришло к автору посмертно. В Финляндии «Колымские рассказы» увидели свет в 1990-х годах благодаря усилиям видной переводчицы Уллы-Лийсы Хейно.

Память о Варламе Шаламове жива, значимость его творчества для национальной русской литературы трудно переоценить. В Красновишерском, где он отсидел часть срока, установлен мемориальный знак писателю. В последнее время его имя часто фигурирует в общественных дискуссиях. В 2007 году к столетию Варлама Шаламова вышел телевизионный сериал «Завещание Ленина», показанный и в Финляндии. Сделано несколько документальных передач. Последней была работа Павла Печенкина «Варлам Шаламов. Опыт юноши», представленная зрителям в 2014 году.

* * *

Рассказы Шаламова — жесткие, как колымская руда, и горькие, как стланик. В них нет пухлости, они не морализируют и не поучают, они дают точную картину каждодневной жизни и смерти лагерей. Главные персонажи — обычные люди со своими судьбами — живут по законам лагерей. Никто до Шаламова так безыскусно и напрямую не рассказывал о тюрьмах и лагерях, что и стало причиной быстрой и бурной популярности его книг.

В его прозе нет многословности, потому что сама жизнь отрицала это свойство. Шаламовская эстетика строится на многочисленных аллюзиях, на недосказанности: колымские переживания находятся вне пределов досягаемости языковых величин, что придает его рассказам выраженную минималистичность.

Труд в произведениях Шаламова представлен бесцельным упорствованием ради сомнительных достижений. Во многих текстах прочитывается навязчивая мысль оголодавших заключенных о еде, теории одна другой безумнее о том, как бы подольше растянуть кусочек хлеба. В рассказе «Сухим пайком» герой с сожалением говорит о том, что каждый в лагере привык дышать кислым запахом поношенного платья, пота, и утешает себя тем, что «хорошо, что слезы не имеют запаха». В «Шерри-бренди» описывается умирающий в пересыльной тюрьме поэт. Существует расхожая версия, что прототипом стал Осип Мандельштам, но это не так. Текст рассказа и комментарии самого Шаламова противоречат такой интерпретации. Писатель указывал, что это не «о Мандельштаме», а «ради Мандельштама», это художественный кенотаф¹ поэту, смерти которого он лично не видел.

Варлам Шаламов подходил к ГУЛАГовской тематике совершенно иначе, чем Александр Солженицын. В сравнении с масштабностью повествования Солженицына новеллы Шаламова кажутся почти эскизами. Он сосредотачивается только на лагере, не уводя повествования в сторону, и словно хочет сказать между строк: если кто-то не уничтожен ГУЛАГом, то это просто счастливая случайность. Всяческие субъективные устремления или внутренние убеждения утрачивают какое-либо значение, если человек попал под маховик лагер-

1. Кенотаф — памятник, считающийся надгробным, но находящийся там, где не содержатся останки покойного, своего рода символическая могила.

ного абсурда. К примеру, описанная в коротком рассказе «Одиночный замер» история родилась из событий зимы 1937–1938 годов. Тогда на Колыме расстреливали заключенных просто за невыполнение установленной дневной нормы. В последнем абзаце текста, как в до предела сжатой материи, происходит все: и вызов к следователю, и работа в бригаде, и препровождение под конвоем к месту расстрела, когда «поняв, в чем дело, Дугаев пожалел, что напрасно проработал, напрасно промучился этот последний сегодняшний день»¹.

МЕСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА

Поговаривают, что первоначально местечко называлось Ягода — по фамилии шефа НКВД, но после расстрела последнего поселок без лишнего шума переименовали в Ягодное. Именно сюда мы прибываем, преодолев без малого пятьсот километров по Колымской трассе.

Сегодня это типичный населенный пункт в регионе, где основное производство выстраивалось вокруг шахт и заводов. Как и везде, после развала СССР численность населения упала на треть. Три магазина, два кафе и одна гостиница — конечно, на ремонте, так что нам приходится расположиться в квартире на краю поселка. Ягодное основали в эпоху расцвета «Дальстроя» для нужд Колымской трассы и шахты этого региона. Здесь в течение восьми лет располагалось главное управление Севвостлага. Принципиально важно, что в Ягодном не скрывают того, что его корни уходят в эпоху сталинских лагерей.

Мы ужинаем в кафе, атмосфера которого поразительным образом напoминает эстетику фильмов Кауризмаки².

1. Шаламов В. Колымские рассказы. Азбука-Классика, 2007.

2. Аки Кауризмаки (род. 1957) — известный финский режиссер.

Возвращаясь в квартиру, мы обращаем внимание на официальные плакаты на центральной площади. Они мало чем отличаются от таких же повсюду в других местах: Доска почета, лица передовиков производства и заслуженных жителей города с перечислением имен. В конце ряда неожиданное упоминание ГУЛАГа: доска с надписью «Мы — эхо ГУЛАГа». Здесь портреты известных заключенных, среди них — писательница Евгения Гинзбург, этнограф и историк Нина Гаген-Торн, проводшая в колымских лагерях шесть лет, прозаик и поэт Андрей Алдан-Семенов, издавший воспоминания о ГУЛАГе во время «великого хрущевского десятилетия».

Мы возвращаемся по темному парку. Договариваемся о ночлеге: нам дадут деревянные койки и шерстяные одеяла с изображениями героев из мультфильмов. Сергей надувает свой походный матрас, а Андрей просто заваливается один на огромную кровать.

* * *

На следующее утро отправляемся в гости к местному энтузиасту-краеведу Ивану Паникарову. В своей небольшой квартире многоэтажного дома этот опрятный пожилой мужчина с аккуратно подстриженной бородой устроил музей «Памяти Колымы», который давно не помещается в одной комнате. Основатель музея самостоятельно собрал представленные экспонаты с территорий бывших лагерей и составил сопроводительные тексты. В его музее представлены самые разные предметы: от имеющих действительную историческую ценность до самых обычных непримечательных вещей.

В гостиной четы Паникаровых стоят бюсты Сталина и Ленина, портреты маслом Лаврентия Берии и Эдуарда Берзина, на стенах — фотографии, одежда и инструмент заклю-

ченных. У Ивана Паникарова серые глаза и мягкое южное «г», которое он привез с собой из Ростовской области. Он приехал на Колыму в 1982 году, устроился на шахту слесарем-сантехником, но вместо длинного рубля и романтики Севера нашел здесь новую судьбу, превратившись из сантехника в историка, журналиста, публициста и человека, помогающего родственникам репрессированных узнать правду о своих близких. С 1985 года он начал целенаправленно встречаться с сидевшими в лагерях людьми, записывать их истории, собирать экспонаты. В 2004 году Паникаров приобрел в Ягодном свою нынешнюю квартиру, в том же году 30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, открыл собственный музей.

Наш хозяин говорит, что на выставке у него представлена двадцатая или тридцатая часть всего того, что им собрано в тайге. Собирать сложно, машины у него нет. Много предметов подарено ему людьми, находившимися здесь в ссылке или лагерях. В общей сложности, по его личным подсчетам, коллекция составляет порядка 4000–5000 предметов.

Едва мы успеваем подумать, где все это может храниться, как Иван уводит нас дальше в глубь истории. С его слов, половина жителей Магаданской области так или иначе связаны с политическими репрессиями и лагерями. Однако тут же добавляет, что лагеря для заключенных и преследования по политическим мотивам, кроме России, практиковались во многих других странах, и Финляндия здесь вовсе не исключение.

Понятное дело, лагеря — это не санаторий. Зима здесь девять месяцев в году, морозы и непростой климат, что само собой усугубляло суровость условий содержания. Строительные технологии были примитивными, но, несмотря на это, на Колыме возникли поселки и города, добывались зо-

лото и олово. Как и многие другие, Иван Паникаров подчеркивает значимость природных ресурсов. Колымский регион хорошо изучен геологами: золотые прииски встречаются повсюду.

Мы осматриваемся в крохотной комнатке. Рваные стеганные одеяла, дырявые ложки и мотки колючей проволоки не говорят о золотой эпохе, но кричат о бессмысленных репрессиях и напрасных страданиях.

«Вы поймите, — говорит Паникаров, — людей отправляли в лагеря или ссылали на Колыму. Выходя на свободу в 1940–1950-х годах, они создавали семьи, заводили детей, искали работу. Им приходилось приспосабливаться, потому что бывшие зэки не имели права переезжать в другие места. Здесь кого только не было! Даже иностранцы: японцы, американцы, турки, иранцы... Многие приезжали сюда добровольно, работы хватало». Так формировалось население Колымского края.

За проведенное здесь время Иван Паникаров участвовал в установке многих памятных знаков. Финансирование многих из них организовывал дебинский предприниматель Владимир Августович Найман. Пожалуй, самым важным из мемориалов является монумент в Серпантинке, что в двадцати километрах на юго-восток от Ягодного. По словам Паникарова, на момент создания этот монумент стал первым посвященным ГУЛАГу памятным знаком во всем СССР. В 1930-х годах в Серпантинке располагалась расстрельная тюрьма, где приводились в исполнение смертные приговоры, выносимые тройками-трибуналами в колымских лагерях. Расстреливали под рокот тракторных двигателей, тела бросали прямо в ямы. Останки жертв начали обнаруживать в восьмидесятых, когда сюда пришли золотоискатели. Вместе с золотом из песка намывались кости и пули.

Активность Паникарова поражает: он с завидной регулярностью организует выезды поисковых групп на места

расположения лагерей, дает интервью российским и иностранным журналистам. В течение многих десятилетий он состоит в переписке с бывшими заключенными лагерей, сам пишет в периодическую печать — его материалы можно найти в Интернете и в зарубежных изданиях. По инициативе Паникарова и за счет средств фонда Сороса, губернатора Магаданской области и Фонда президентских грантов издано большое количество книг о ГУЛАГе, куда включены исследования и статьи его и коллег.

В отличие от многих других встреченных нами активистов, общественников и заинтересованных историей ГУЛАГа людей, Паникаров утверждает, что на Колыме все — даже дети — знают о факте политических репрессий. По его мнению, за границей нет полного понимания этого явления, и особенно непредсказуемы журналисты. Так, один французский репортер написал о нем в отрицательном тоне, а французская съемочная группа взяла интервью, зафиксировала все факты, но привела в программе цифру в четыре миллиона расстрелянных только на Колыме.

В конце нашей встречи Иван Паникаров робко просит нас, чтобы мы не писали о нем в плохом тоне.

* * *

Пошел дождь. Колымская трасса мгновенно превращается в грязное месиво, уничтожив результаты труда Андрея по помывке автомобиля. Единственная радость — мокрая дорога не пылит. Вся округа до самой обочины дороги перерыта старателями. Во многих местах столбы линии электропередачи возвышаются на крохотных холмиках, а все остальное перекопано вплоть до последнего квадратного сантиметра.

Снова мы оставляем позади двести километров. Дорога кажется бесконечной, хотя иногда навстречу попадает

жилье. Поселок Сусуман возник на золотых приисках, хотя по его внешнему виду этого не скажешь. Именно здесь начинается постепенно проявляться нищета Колымы. Или же всему виной погода. Так или иначе, многоэтажки, построенные в 1970-х годах, давно утратили свой лоск и выглядят безутешно. По улицам слоняются странные персонажи. Собаки роются в помойках.

В советские времена в Сусумане проживало до 19 000 жителей, сейчас едва ли наберется семь — точное число никто так и не смог нам назвать. Некогда вокруг Сусумана роилось множество лагерей, собственно, сам поселок явился побочным продуктом ГУЛАГа, а позже — созданного на его базе совхоза. Именно здесь после войны располагалось одно из самых крупных подразделений Севвостлага — Заплаг. На данный момент в Сусумане работает один ювелирный магазин и предприятие по тестированию автомобилей «Тойота» в экстремальных условиях. Стену брошенного магазина покрывает плакат в честь Дня Победы: он такой вызывающий, что кажется, будто он — последнее, что в состоянии поддержать здесь все на плаву. В наших планах встретиться здесь с Михаилом Шибиным, создателем «народного музея ГУЛАГа». Музей располагается в вестибюле магазина его тещи.

Он появляется перед нами, будто снежный вихрь, мгновенно рассеивая всю серую печаль. Они с Паникаровым приблизительно одного возраста. Как и тот, Шибин увлеченно занимается собирательством по всему Колымскому краю предметов, вещей, инструментов и одежды, когда-то принадлежавших заключенным. В витринах вестибюля большого каменного дома представлены фотоматериалы и карты лагерей, на стенах висят фотоработы самого краеведа; имеется небольшая краеведческая экспозиция — минералы Колымского края и зуб мамонта.

После краткого обзора нас ведут в запасники, которые в буквальном смысле забиты всяким барахлом советской поры: радио, фотоаппараты, гипсовые и литые головы и портреты Ленина — чего там только нет. «Это словно музей Советского Союза!» — восклицает гиперактивный хозяин. Он открывает мешок и начинает доставать оттуда ржавые предметы: ящик, банка с клеймом Микояновского мясокомбината, самодельный абажур из банок от американских консервов, кусок колючей проволоки, дверные петли, пряжки... Шибистый только что вернулся из поисковой экспедиции на территорию Бутугычлага.

— Вот она — история! — с гордостью говорит он, предлагая нам потрогать экспонаты. — А вот еще, смотрите, — при этих словах он указывает рукой на полку.

Дальше нам предстоит услышать историю одного из самых необычных «экспонатов» за всю нашу поездку. Речь идет о приемной дочери наркома Николая Ежова. Как известно, официально его брак с заместителем главного редактора журнала «СССР на стройке» Евгенией Файгенберг оказался бездетным. Свою дочь, Наталью Хаятину, они удочерили в одиннадцатимесячном возрасте. После того как Ежова арестовали, ребенка направили в спецдетдом для врагов народа. По воспоминаниям самой Хаятиной, в ремесленном училище она пыталась повеситься, будучи не в силах перенести обвинения в принадлежности к семье Ежова, но ее вынули из петли. Затем перевели в магаданское музучилище. Остаток жизни она провела уединенно в Сибири. Работала аккордеонисткой в клубной самодеятельности. Умерла в феврале 2016 года. Невозможно поверить, но у ее смертного одра стояли Паникаров и Шибистый! После смерти Натальи Хаятиной экспозиция Михаила Шибистого пополнилась очень важным предметом — тренажером дочери «кровавого карлика».

* * *

Мы переходим в кабинет директора, чтобы взять интервью у создателя народного музея. Перед нами на столе появляются хлеб, колбаса, сыр и большой кусок масла.

«Борща не хотите?» — спрашивает он и ставит суп домашнего приготовления в микроволновку разогреваться. В самом центре тарелки громоздится здоровенная кость с мясом. Завершаем трапезу чаем.

Михаил родом из Западной Украины. Приехав на Колыму несколько десятилетий назад, он успел поработать по многим специальностям. Сначала — водителем в совхозе, потом — электриком, сантехником и стекольщиком. В итоге создал свое предприятие, магазин, а музейное дело для него скорее хобби. В 2009 году начал ездить по округе, собирать предметы, подобные тем, что мы видели в Днепровском. А еще он большой любитель фотографии: стены увешаны его работами, и в основном это природа Колымы. Михаил с воодушевлением рассказывает, что только в этом году он встретил трех медведей, и начинает угощать нас ностальгическими конфетами «Белочка».

Предметов им найдено много: часть из них Михаил передал московскому Музею истории ГУЛАГа, Магаданскому краеведческому музею и в комнату-музей Варлама Шаламова в поселке Дебин. Жители и гости Сусумана очень интересуются его коллекцией. Вход в музей бесплатный, его создатель считает, что куда важнее — отдать должное памяти тех, кто построил города и поселки, проложил дороги и возвел дома, занимался добычей природных ресурсов. Одного только золота добыли десятки тонн.

Как и Паникаров в Ягодном, Шибистый в Сусумане считает, что местные жители не забыли, что Колыма создана руками заключенных; этот момент понимают и на офи-

циальном уровне. С его слов, Путин действует правильно, ведь даже в Москве теперь функционирует Музей истории ГУЛАГа. Жаль, что распался Советский Союз, — нужно было хотя бы сформировать из СНГ федеративное государство, только теперь страны Балтии и Украина пошли своей дорогой.

На прощание Михаил говорит, что планирует в субботу отправиться в поселок Широкий, что в тридцати километрах от Сусумана, на открытие мемориальной доски в память о жертвах политических репрессий. А потом улыбается и добавляет: «Только не пишите, что под Трассой хоронили заключенных. Это только легенда. Здесь вечная мерзлота и выкопать яму невозможно».

* * *

Мы благодарим гостеприимного хозяина и начинаем собираться, но Михаил Шибистый никак не хочет нас отпускать. Напоследок он угощает нас конфетами и все-таки уговаривает съездить с ним до поселка Транспортный, чтобы посмотреть место бывшей лагерной больницы и кладбище. Через четверть часа езды посреди совершенно гнилого места обнаруживаются поросшие травой и кустарником фундамент здания и остатки стен. Крыша полностью провалилась.

Старое больничное кладбище приспособлено под свалку автомобилей. Дома вокруг оставлены жителями. Наш водитель отлучается на секунду, чтобы поприветствовать своего знакомого, занимающегося разборкой авто в одном из пустых зданий. Шибистый рассказывает о кладбище и памятном знаке.

На первый взгляд, о присутствии здесь кладбища напоминает только открытое пространство с низкорослой по сравнению со всем остальным травой, но вскоре взгляд на-

чинает фиксировать холмики с едва различимыми остатками крестов. Воздух гудит от колымских комаров — тех самых, которых Евгения Гинзбург охарактеризовала как «жирных, омерзительных и похожих на маленьких летучих мышей». Здесь хоронили умерших в больнице заключенных.

Накрапывает. Через некоторое время в кустарнике обнаруживается еще несколько старых могил с номерными табличками. «Напишите, что в России помнят о ГУЛАГе, хотя за границей всей думают, что никто не помнит», — особо акцентирует Шибистый.

Глядя на кладбище, не скажешь, что меры по сохранению памяти о лагерном прошлом страны поддерживаются на всех уровнях. В Магаданской области проживают лишь несколько активистов, испытывающих ответственность за сохранение памяти о ГУЛАГе. Выглядит немного трагикомично, что за пределами Магадана обеспокоенность гулаговским прошлым страны попросту спущена на плечи отдельных местных общественников, подобных Паникарову или Шибиному. Слушая последнего, волей-неволей начинаешь задумываться, что на Колыме существование ГУЛАГа оправдывается необходимостью открывать новые земли, беспрестанно побеждать дикую природу и укрощать ее ради нужд индустриального человека.

На прощание делаем общее фото у креста памяти, потом садимся в машину и отправляемся дальше по Трассе. На ночь останавливаемся в поселке Мяунджа, основанном, как и все подобные населенные пункты Колымы, заключенными. Число жителей в нем за последнюю четверть века сократилось на четыре тысячи от первоначальных пяти. Гостиницы нет, но мы останавливаемся в общежитии энергетической компании. В комнате отслаиваются от стен обои, но карта СССР висит как ни в чем не бывало.

ВСЕ КОНЧАЕТСЯ

Полное ощущение, что природа вокруг постепенно снимает с себя людей, пока в районе Кадыкчана она не остается совершенно нагой. Это последний след цивилизации — город-призрак в самом сердце тайги.

Кадыкчан представляется хорошим примером тотального человеческого безумия XX века, ярости, заставлявшей во что бы то ни стало укрощать эти отдаленные районы. Здесь тоже функционировала шахта, трудились заключенные, но немые бетонные колоссы свидетельствуют, что СССР пришел сюда не только за золотом. Целью было подчинить природу.

Когда уходят люди, природа возвращается, причем с еще большим неистовством, словно одичавшая кошка. Политические изменения начала 1990-х привели к спаду производства, и на рубеже тысячелетия было принято решение закрыть шахту и город с населением более десяти тысяч человек. Повсюду наступила тишина.

Хотя основная часть жилого комплекса Кадыкчана, как, собственно, и сама шахта, была построена уже после ГУЛАГа, часть зданий возводилась руками заключенных в 1940–1950-х годах. Кстати, Варлам Шаламов тоже здесь работал. На краю примыкающей к Трассе дороги, ведущей к мертвому поселку, в месте, где протекает река, можно до сих пор увидеть остатки лагеря.

Останавливаемся на бывшей улице Мира и начинаем двигаться пешком в сторону центра, преследуемые взглядом пустых глазниц бетонных домов. На мозаичном панно одной многоэтажки мужчина пытается заарканить оленя, чуть дальше ржавые олимпийские кольца красуются на здании бассейна. Впечатляет то, что город пришел в состояние тотального запустения менее чем за двадцать лет, причем к

разрушению приложила руку не только матушка-природа. Мародеры здесь — частые гости.

Идем к школе, зданию в стиле пятидесятых годов, как говорит Сергей, построенному руками эзков. Внутри охватывает прохлада кирпичных стен, поблескивают осколки разбитых окон. Здесь все еще есть часть школьного инвентаря — карты, книги, парты. Современные вандалы не обошли их стороной, но ощущение конца СССР и начала новой России, когда здесь еще жили, любили и работали, сохранилось очень хорошо. Перед Дворцом культуры с постомаента все еще взирает Ленин, только лик его утрачен.

По сути, Кадыкчан представляется хорошим примером невозможности существования в скованной вечной мерзлотой тайге чего-либо без присутствия человека. Город закрыли совсем недавно, в начале нашего столетия — шахта перестала приносить прибыль — и все. Ушли люди — и город умер. В этом осязаемое свидетельство воплощения граничащей с безумием величественной идеи, изначально лежавшей в основе создания сети колымских лагерей. Освоение этих территорий потребовало труда сотен тысяч заключенных, оно потребовало создания государства, подобного Советскому Союзу, проникавшему в самые отдаленные уголки, не считавшемуся ради достижения конечных целей ни с какими затратами, не щадившего человека, своего гражданина.

* * *

Мы возвращаемся на Трассу. Отсюда до Якутска еще 1200 километров пути, но мы поворачиваем обратно в Магадан. Андрей решает ехать по Тенькинской дороге, выходящей серпантином по пылающим склонам сопот западнее Колымской трассы. Проезжаем место, где дорога неожиданно просела под автоплатформой и находившийся на ней

трактор упал в пропасть. На краю водители рассуждают, как теперь его оттуда поднимать. Останавливаемся на отдых. На склоне виднеется брошенный и растащенный на запчасти грузовик. Здесь нет ограждений — вероятно, случается много аварий. Нам тоже не везет: умудряемся пробить покрышку, но наш Андрей оперативно меняет колесо, и поездка продолжается.

После официального закрытия «Дальстроя» колымские лагеря начали постепенно расформировываться. Повсеместно рабский труд заключенных заменили вольнонаемными, началась механизация производств. Только в существующей и поныне исправительной колонии строгого режима поселка Уптар до 1980-х содержали политических заключенных, в частности здесь сидел лидер крымских татар Мустафа Джемилев.

Приблизительно на полпути проезжаем мимо поселка Усть-Омчуг, административного центра Тенькинского района. Здесь в свое время находились десятки шахт и лагерей, входивших в Теньлаг, в частности пользовавшийся дурной славой Бутугычаг, где заключенными вручную без каких-либо защитных средств велась добыча урана. Их одежда и обувь валялись здесь грудями еще пару десятков лет назад. Место именуется «долиной смерти» — измерительные приборы до сих пор отмечают высокий радиационный фон.

К вечеру мы в Магадане. Наступает момент прощания с нашими друзьями: за несколько дней путешествия и жизни бок о бок Сергей и Андрей стали почти родными. Возвращаемся под крышу старого доброго Lucky Hostel. С наших паспортов — каждая страница, включая пустые, — вновь снимаются копии — таковы уже требования по регистрации иностранцев. Ясное дело, сделанные пять дней назад копии просрочены. За время нашего отсутствия центр Магадана, можно сказать, заиграл новыми красками: фасад гостиницы

рядом с офисом партии «Единая Россия» перекрасили, сменив желтый и розовый на синий и белый.

Вечером надо разобраться с пометками и записями, а потом можно и отпраздновать завершение успешной поездки в уже знакомом нам ресторане под ритмы бониевского хита «Распутин». Сегодня пятница, ресторан набит под завязку веселящимися колымчанами, в основном это разношерстная публика с приисков. Веселье такое, что волей-неволей призадуматься. Ведь есть возможность радикально поменять ход жизни: познакомиться с местными, устроиться на шахту, жениться, начать ездить в командировки в Маньчжурию и на Камчатку, гонять на внедорожнике и мотосанях по тайге, охотиться и рыбачить, вдоволь выпивать, собирать семена кедрового стланика и дышать морозным воздухом тайги... Но «Распутин» рано или поздно кончается, а там уж пора возвращаться в гостиницу, чтобы продолжать жить своей жизнью.

ОТ ЗАЧИСТКИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ДО «ЗАГОВОРА ВРАЧЕЙ»

После войны численность населения ГУЛАГа оставалась высокой, но могла неожиданно возрасти в соответствии с проводившимися точечными репрессиями. До 1953 года они связывались с радикальными переменами курса страны.

Во второй половине 1940-х годов в стране царил «ждановщина». Речь идет о культурной обстановке, характеризовавшейся гонениями на деятелей науки и культуры, обвинениями в антинародности и низкой художественности их творчества. Во главу угла был поставлен соцреализм, и исходя из его принципов по инициативе партийного деятеля Андрея Жданова ЦК партии осудил творчество Сергея Прокофьева и Дмитрия Шостаковича. По слухам, он даже пригласил Шостаковича, чтобы продемонстрировать на личном

примере, какую музыку следует сочинять для фортепиано. К счастью для мировой музыкальной культуры, великий композитор не внял совету.

В литературном мире острие атаки властей было направлено против Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. Писателей обвиняли в формализме и космополитизме, их лишили членства в Союзе писателей и продовольственных карточек. В известном докладе 1946 года о журналах «Звезда» и «Ленинград» партийный лидер назвал Зощенко «мещанином и пошляком, привыкшим глумиться над советским бытом»; там же поэзию Ахматовой он назвал «поэзией взбесившейся барыньки, мечущейся между будуаром и молельной...»

Власти СССР провозглашали идею политической и культурной самостоятельности. В этом русле интернационализм предыдущих лет заменялся национальной идеей советской русскости, воспрянувшей на волнах репрессий против безродных космополитов. Размах эпидемии приобрели антииностранные настроения, а советские газеты сделали все для их разжигания. Даже самое небольшое прикосновение к иностранной культуре могло привести к аресту и обвинению в шпионаже. Еще хуже, если гражданину случилось пересекать границу страны: мало того что после войны тюрьмы и лагеря были битком забиты репатриантами из Европы, их ряды пополнялись вернувшимися из вполне официальной государственной зарубежной командировки.

Чисткам подверглись и ряды партии. В рамках так называемого «ленинградского дела» — серии судебных процессов на рубеже 1940-х и 1950-х годов — был учинен разгром партийной и государственной элиты относительно свободомыслящего по советским меркам Ленинграда. Одних расстреляли, других — политиков, работников науки и искусства — отправили в лагерь, предоставив им возможность влиться в гулаговскую — несоветскую — нацию.

* * *

Борьба с космополитами понемногу приобрела оттенок антисемитизма. Последнее особенно поражает, учитывая, что лагеря смерти нацистов были еще свежи в памяти, хотя цифры в Советском Союзе и умаялись. Причиной стало создание в мае 1948 года Государства Израиль. Образование новой страны на карте мира произошло не без участия Сталина, но в разгоравшейся холодной войне Израиль занял сторону США. Два миллиона лояльных к советской власти евреев начали подспудно считать «предателями Родины».

В 1948 году руководителя Еврейского антифашистского комитета Соломона Михоэлса убрали агенты МГБ по прямому указанию Сталина. Убийство было замаскировано под дорожно-транспортное происшествие. Задержание всемирно известного режиссера и исполнителя роли короля Лира могло вызвать ненужный интерес, так что от него решили просто избавиться, причем самым brutальным способом.

Еврейский антифашистский комитет был создан в годы войны с целью привлечения средств проживающих за рубежом евреев для победы СССР. Многие советские евреи, известные своими достижениями в области науки и искусства, подключились к деятельности комитета и считали основной задачей комитета поддержать еврейскую культуру в стране. Это оказалось роковой ошибкой. В декабре 1948 года прошли задержания более сотни членов комитета: под пытками они дали признательные показания по множеству сфабрикованных обвинений. Часть казнили, часть отправили в лагеря.

Маятник антисемитской кампании начал раскачиваться. К 1953 году десятки тысяч евреев были арестованы, уволены с работы, отчислены из учебных заведений или выгнаны из

дома. Причем ни при каких условиях не говорилось, что причина — их этническая принадлежность: официально преследования по национальному признаку в Советском Союзе были запрещены. Апогеем стало «дело врачей». Врачи еврейского происхождения обвинялись в подготовке покушения на советских лидеров, и истерия антисемитизма охватила всю страну. Многие не верили в эту теорию и тем не менее молчали. Кроме врачей, и другие советские евреи находились в опасности. Дата 12 августа 1952 года получила название «Ночи расстрелянных поэтов» — в тот день казнили четырнадцать известных поэтов, журналистов и научных работников.

«Дело врачей» продемонстрировало усугубившуюся с возрастом параноидальность характера Сталина. Высказывается мнение, что этот эпизод должен был стать прелюдией к новой волне задуманного им Большого террора. Репрессии вновь прошли бы частым гребнем по обществу, вынуждая оставшихся в живых еще раз впрячься в лямку для последней битвы с капиталистическим лагерем, но уже при помощи ядерной дубинки. Ради большой войны нужно было вновь «отделить зерна от плевел».

Развязка наступила внезапно. Иосиф Виссарионович Джугашвили, известный народу как Иосиф Сталин, главный архитектор советского геноцида против собственного народа, к тому времени уже давно чувствовал себя неважно. Не успев довести задуманное до конца, он неожиданно скончался 3 марта 1953 года. И это стало началом конца эпохи ГУЛАГа.

ГЛАВА VII

СЕРДЦЕ СИБИРИ

СКВОЗЬ ЛЕСА, ПЕРЕСЕКАЯ РЕКИ

Над лесами и степями центральной России повисла невыносимая жара, люди обливаются потом, одежда прилипает к коже. Москва источает смог и пахнет гарью. К счастью, вечер близок. Наш поезд отправляется только под утро в 03:43, так что мы сидим в кафе «Сабвей» неподалеку от Белорусского вокзала и убиваем время. Несмотря на поздний час, сюда то и дело заходят ночные прохожие, веселые пьянчужки и более или менее трезвые супружеские пары. А еще оборванные бездомные и наркоманы, которые засыпают, едва присев за стол.

При посадке еще темно, поэтому мы решаем для начала хорошенько отоспаться, а уже потом знакомиться с попутчиками. Поутру выясняется, что с нами в купе путешествует пожилая дама с тринадцатилетней внучкой. Они ездили к родственникам в Смоленск, а теперь возвращаются домой в Екатеринбург. Они радостно желают доброго утра двум изрядно помятым и измотанным дядькам — как здорово, что в российских поездах дальнего следования никто не комментирует внешний вид соседа по купе!

Едем целый день. По пути следования проезжаем Нижний Новгород, Киров, Пермь, Екатеринбург, Омск и бес-

численное множество промежуточных станций, полустанков и бог знает чего еще. Вагон — в добром советском духе. Поезд вышел из Минска, и он — собственность Белорусских железных дорог, из чего следует, что в тамбуре можно курить, чего давно нельзя делать в российских поездах, а в вагоне-ресторане цены указаны в белорусской валюте. Нам везет: здесь можно расплатиться российскими рублями, ибо наличие обменника валют в поезде не предусмотрено. Создается ощущение, что здесь с восьмидесятых годов ничего не поменялось: улыбающаяся проводница наливает горячий чай из титана, а со своими чайными пакетиками и вовсе можно пить сколько угодно; в вагоне-ресторане подают меню в духе советской столовой, по телевизору крутят комедию времен перестройки. Беспроводной Интернет еще в диковинку и поэтому не работает.

В Кирове поезд стоит сорок пять минут, словно устав от жары. Пассажиры в шортах, футболках и шлепанцах вываливаются на перрон покурить и размяться, а заодно и скушать все в местном киоске. Мы с ними.

Скоро за окнами течет бесконечная тайга. Переезд через реку Вятку шириной двести метров по гигантскому мосту на несколько секунд меняет унылое однообразие пейзажей.

В Екатеринбурге длинная гусеница из вагонов стоит почти час. Купе пустеет. Воспользовавшись случаем, мы отправляемся в магазинчик за зданием вокзала прикупить пирожков с капустой, соку, хлеба и сыру, а когда возвращаемся, к нам уже присоединяются новые пассажиры: семейная пара лет тридцати пяти с двумя детьми — девочкой-подростком и трехлетним ребенком. Они гостили у родственников в Екатеринбурге, а теперь едут в Новоси-

бирск, собираются посетить Алтай и горы на границе с Китаем.

Под перестук колес поезд катится по бескрайней России. Наше кажущееся бесконечным путешествие приближается к своей середине.

ХОЗЯИН УШЕЛ

Начавшиеся в стране после Великой Отечественной войны перемены продлились чуть менее десяти лет, равно как и новый виток роста лагерей. А потом вдруг все резко поменялось. После четырех дней беспамятства в марте 1953 года Иосиф Сталин умер. Его соратник Вячеслав Молотов писал в изданных в 1993 году мемуарах, что якобы Берия хвалился, будто это он отравил Сталина. Никаких документальных подтверждений этому нет.

На смерть вождя отреагировали с радостью только в ГУЛАГе, да и там население опасалось праздновать, как и оставшиеся на воле: те, кто радовался уходу «отца народов», боялись возможных последствий. Рядовые граждане были охвачены разными чувствами: одни опасались случившегося, потому что никто не знал, что будет дальше, других событие повергло в глубокую неподдельную печаль. На нашей встрече в Бахчисарае Мустафа Джемилев вспоминал, как в ссылке в Узбекистане, узнав из сводки новостей о смерти Сталина, рыдала вся школа, и только дети крымских татар не плакали. Мать одного из них дала им луку, чтобы выдать из детских глаз хоть слезинку, дабы не вызывать излишних подозрений.

Избавившись от Сталина, Лаврентий Берия тут же прекратил расследование по «делу врачей». Репрессии против евреев пошли на спад. Несмотря на свой статус, Берия выступил как политический новатор: он предложил демонти-

ровать находившуюся в глубоком кризисе систему лагерей, прекратить культ личности и отменить применение пыток. Дело было не в его благородстве, вряд ли даже в искреннем желании перемен. Скорее всего, Берия желал заручиться поддержкой народа в формировании своей личной диктатуры. В хаосе после смерти Сталина он попытался взять бразды правления в свои руки, чтобы стать одним из ключевых претендентов на роль лидера Советского Союза. Берия выступал вместе с Георгием Маленковым, занявшим пост председателя Совмина СССР, одновременно осуществляя руководство МВД.

Послевоенные реформы так и не реализовались, общество охватила апатия, перекинувшаяся и на ГУЛАГ. Но с уходом Сталина старые надежды вернулись — и на этот раз они имели под собой основания.

* * *

За долгую историю архипелаг ГУЛАГ неоднократно менял свою форму и предназначение. Первоначально он расширялся медленно, а о преимуществах использования принудительного труда публиковались публичные отчеты и исследования. В годы Большого террора система лагерей распухла, она изолировалась от внешнего мира, обретая еще более насильственные формы. С началом войны система сократилась в размерах, а после ее окончания вновь выросла до невиданных масштабов. Смерть Сталина урезала ГУЛАГ наполовину, но полностью он был демонтирован только в 1960-х годах.

В определенные времена лагеря оказывали большую помощь советским проектам, а в иные — становились тормозом развития, но все десятилетия существования ГУЛАГа его тень угрожающе нависала над судьбами советских людей.

Амнистия, объявленная указом Президиума ВС СССР от 27 марта 1953 года и названная позже «бериевской», не разрушила ГУЛАГа, но реформировала его. Наконец случилось то самое чудо, на которое надеялись заключенные: долгожданные помилование и свобода. Правда, первоначально предусматривалось выпустить из мест лишения свободы тех, чей срок составлял до пяти лет, а это в основном были осужденные по общеуголовным статьям. Выпустили и матерей с малолетними детьми, и беременных женщин. Освобождение уголовников означало, что большая часть заключенных оказывалась безвинно осужденными. Многие «политические» остались за колючей проволокой. В 1953 году на свободу было выпущено почти полтора миллиона человек, что составляло более 40% тогдашнего населения ГУЛАГа.

Система начала сокращаться, но реформы не могли разом перевернуть все. Многие лагпункты закрывались по причине отсутствия в них контингента, другие продолжали работать, и туда переводили новых сидельцев. Получившие освобождение не имели возможности сразу уехать, да и в целом на этом этапе полностью демонтировать систему как таковую не планировалось.

ЛЕТОМ В СИБИРИ

Наконец мы в самом сердце Сибири. Солнце жарит с совершенно безоблачного неба, термометр на новосибирском вокзале показывает плюс тридцать один градус. Жара. Первое, что мы делаем, — покупаем холодного квасу из бочки прямо на перроне.

Еще при царе в Сибирь ссылали на каторгу и вечное поселение, что придает самому слову отрицательную коннотацию. Однако таким образом власть занималась освоением

отдаленных частей империи. Каторга стала невинным прологом к жестокой эпохе ГУЛАГа: многие поселки и старые царские тюрьмы начали использоваться по своему прямому назначению на этот раз уже властью советской. В местах, где за сто лет до этого в поте лица трудились каторжане, создавались новые лагеря. На стадии расцвета ГУЛАГа он состоял из десятков лагерей и сотен лагпунктов и мест ссылок. Своя традиция проявилась и в том, что Сталин провел свою вторую ссылку в Сибири неподалеку от Красноярска в Туруханском крае. Оттуда бежать столь же легко, как по западную сторону Уральских гор, не получилось, так что Иосиф Джугашвили предпринял все возможное, чтобы жить в ссылке с комфортом. Позже он описывал этот период как один из лучших в своей жизни. Он много писал, ходил на рыбалку и даже сделал ребенка четырнадцатилетней сибирячке.

Ситуация заметно поменялась после 1917 года, а через десяток лет с созданием ГУЛАГа и вовсе все перевернулось. Лагерная система вернулась в Центральную Сибирь сразу после революции, а на волне Гражданской войны распространилась на восток и север.

Первоначально она имела аморфный вид из-за больших расстояний и плохой инфраструктуры: железных дорог попросту не было, так что этапы зачастую вывозили в тайгу, где людям приходилось создавать все голыми руками. Постепенно система обрела стройность. В основном заключенные и ссыльные трудились на лесозаготовках, в особенности это касалось Новосибирска и Томска. Начали возникать свои сельскохозяйственные угодья и фермы. В процесс интенсификации ГУЛАГа внесла свои коррективы Великая Отечественная война.

В северных и южных районах Сибири добывался каменный уголь для нужд военной промышленности. Заключен-

ным ГУЛАГа приходилось работать на весьма ответственных участках — взять хотя бы производство столь необходимого в атомной энергетике плутония. На основе лагерей здесь и там возникали подобные Воркуте индустриальные центры, к примеру, Норильск, Тайшет и, разумеется, Магадан. Многие мелкие населенные пункты были сосредоточены в «зонах», а в городах покрупнее — в особенности в закрытых городах — «лагерная» и «нормальная» жизнь очень часто сливались воедино.

Одним из крупнейших образований ГУЛАГа в Сибири стал Сибирский ИТЛ, Сибулон или Сиблаг. Он был основан осенью 1929 года для колонизации Сибири силами заключенных. За всю историю существования Сиблага до начала 1960-х годов через него прошли не менее двух миллионов человек. Сегодня следы лагпунктов и лаготделений Сиблага постепенно исчезают и забываются.

* * *

Новониколаевск возник в конце XIX века в месте, где в перспективе планировалось возвести переправу через реку Обь. Местечко долго оставалось глухим, пока благодаря строительству железной дороги оно не стало важным перевалочным пунктом, а к революции 1917 года — важным промышленным центром региона.

Перемены в общественном строе вызвали необходимость смены названия, и в 1926 году Новониколаевск стал Новосибирском. Благодаря реализации плана первой пятилетки Новосибирск только укрепил свое место на карте СССР. Находясь в географическом центре страны, он стал важным узловым пунктом, через который проходили транспортные и товарные потоки, а также перевозились заключенные.

Во время Великой Отечественной войны город рос вширь. На восток страны эвакуировались целые заводы, народное хозяйство было переведено на военные рельсы. С учетом нехватки рабочих рук на авиационных, автомобильных и машиностроительных предприятиях Новосибирска использовался труд заключенных. Этими же руками после войны здесь построены целые жилые микрорайоны. В 1960-е годы Новосибирск стал приобретать статус важного научного центра. Возникли Академгородок и наукоград Кольцово, специализирующиеся в области математических наук, медицины и биологии.

Новосибирск важен в контексте разговора о ГУЛАГе. Здесь функционировала пересыльная тюрьма. Если в 1940-е находившуюся западнее Уральских гор Пермь называли «воротами ГУЛАГа», то в Новосибирске, если продолжить метафору, заключенные оказывались внутри огромного периметра, где их делили на отряды и отправляли в разные части огромной Сибири.

Промежуточный характер Новосибирска и неподалеку расположенного Томска определял наличие в них пересыльных тюрем, транзиток, бывших существенной частью ГУЛАГа. В них людей не просто содержали, а постоянно дергали между свободой и несвободой, отправляя то туда, то сюда. Арестанты с ужасом относились к подобным временным остановкам на пути следования к месту окончательного заключения: отсутствие стабильности, постоянная смена контингента, никаких условий! К примеру, начальник Томского лагеря отчитывался в 1933 году, что его «лагерь» состоит из одной полуразрушенной избы, остальные домики такие же негодные, и что в них привозят никуда не годных полумертвых людей.

Планы по приему и отправке заключенных и сотен тысяч спецпоселенцев, не являвшихся осужденными, состав-

лялись на ходу, отчего не редкостью была жуткая переполненность пересыльных тюрем и фильтрационных лагерей. Причем со временем ситуация не улучшалась. Известный диссидент Анатолий Марченко описывал, как новосибирская пересыльная тюрьма кишела крысами, бегавшими между спящими людьми и даже по ним.

Этап мог провести в пересыльной тюрьме недели или даже месяцы. Случалось, что о людях на целые годы попросту забывали. Так или иначе, всех в конце концов распределяли по разным сибирским лагерям, куда заключенным приходилось добираться сначала в вагонзаке, затем в трюме или на грузовиках, а последние километры — пешком. Самые страшные образы Сибири становились явью, в особенности зимой, когда архипелаг сковывало льдами, изолируя его от Большой земли.

* * *

Прибыв в Новосибирск, мы решаем пройти пешком от железнодорожного вокзала в сторону центра по улице Челюскинцев. Стоят в ряд крупнопанельные дома, яркие магазины, современные кафе — от эпохи ГУЛАГа ничего не осталось, как ни всматривайся. Тем не менее есть один мемориал жертвам советского политического террора: каменная глыба из каменоломен штрафного отделения Сиблага в Искитимском районе стоит в Нарымском сквере под гранитной ротондой. Сам камень изначально был выбран обитателями лагеря. Вокруг памятной доски — искусственные цветы. По периметру основания памятника выбиты названия лагерей с количеством содержащихся в них заключенных.

Если в Воркуте или Магадане лагерное прошлое является актуальным и представлено в делах сегодняшних — оно

является предметом дискуссий, потому что его нельзя не замечать, то в городах-миллионниках типа Новосибирска ГУЛАГ является лишь одной частью истории региона. Лагеря скрываются под слоем всего остального. В шести залах местного краеведческого музея о ГУЛАГе не сказано ни слова, и в этом смысле столица Сибири забыла об архипелаге сталинских лагерей.

Симптом «потери памяти» подчеркивается тем, что в Новосибирске нет ни одного конкретного знака той эпохи, что более чем странно, потому что город являлся одним из населенных пунктов, где находились пересыльные тюрьмы НКВД, игравшие большую роль в регулировании потоков заключенных. Причина в том, что после ГУЛАГа местную транзитку переоборудовали под областной психоневрологический диспансер. Если бы пациенты знали о прошлом здания, это могло способствовать их выздоровлению. А может быть, и нет... Тюрьма-психбольница пережила период развала СССР. Местные активисты пытались добиться придания зданию статуса охраняемого государством объекта и определить под музей, но безрезультатно. Здание снесли, а вместе со сносом ушла и память. Теперь на месте мрачного кирпичного здания — прямо за мемориалом — возвышается суперсовременный двадцатипятиэтажный жилой дом, и, думается, вряд ли его жители знают историю этого места.

Завтра мы еще вернемся в Нарымский парк с одним знающим и помнящим городскую историю новосибирцем по имени Геннадий Чичурин. Он поделится с нами своими сожалениями по поводу утраты городским ландшафтом памяти. Сын осужденного и сам бывший заключенный, он смотрит на окна жилого комплекса и, кажется, не может увидеть за современными зданиями сокрытую историю города.

А сегодня молодежь катается на скейтбордах перед огромным памятником Ленину. Мы идем на съемную квартиру, а вечером отправляемся на ужин в ресторан. Главным украшением здесь является гигантская, во всю стену растяжка в честь праздника Победы. Странно, ведь после него прошло уже несколько месяцев... Ну да ничего — на следующий год все повторится сначала!

ЧАЙ И ИСТОРИЯ

Сворачиваем с оживленной торговой улицы во двор, окруженный поблекшими от времени «хрущевками». Поднимаемся по темной лестнице в квартиру, снятую на время пребывания в Новосибирске. Пора заваривать чай — к вечеру ждем гостей.

Звонят в дверь. Нет, не в дверь — звонок не работает, это звонит домофон. Внизу — Сергей Красильников, доктор исторических наук, профессор Новосибирского государственного университета, член «Мемориала», один из редакторов научной серии «Архивы Кремля». Он больше сорока лет занимается изучением сталинских репрессий. Активист-общественник, он пришел к нам на встречу вместе с Геннадием Чичуриным рассказать нам о сибирском ГУЛАГе.

Лифта в доме нет. Мужчины уже не молоды и, пока поднимались, немного запыхались. Здороваемся. Красильников протягивает пакетик с печеньем к чаю, мы его относим на кухню. Разливаем чай. Сначала профессор рассказывает о предыстории возникновения ГУЛАГа в Сибири и в Новосибирске, затем передает слово своему коллеге и другу.

Крупный, с седой шевелюрой, Геннадий Чичурин является председателем городской организации «Колокол»,

занимающейся сохранением памяти о репрессированных. Его семья до коллективизации считалась зажиточной, в собственности находилось две лошади и гектар земли. Отец руководил одним из сельсоветов в Барабинском районе. Когда его расстреляли в 1937-м по обвинению в «контрреволюционной деятельности», Геннадию исполнился всего лишь год. Позже ему самому дадут срок как члену семьи контрреволюционера. «В ту пору безвинные были виноватыми», — говорит Чичурин. Хотя не совсем понятно, о ком именно он говорит — об отце, о себе или обо всех сразу, его история выглядит очень знакомой: в рамках советской системы человек становился виновным уже при рождении. О своем заключении он рассказывать отказывается. В ответ на наши попытки расспросить он расплакался — настолько сильную боль причиняют мысли о гибели отца и о своей судьбе. Геннадий прячет свое словно высеченное в камне лицо в ладонях.

Наш гость производит впечатление несколько утомленного жизнью, но, справедливости ради, возраст у него даже по финским меркам почтенный. Восхищается весьма скромным видом нашей арендованной квартиры и говорит, что его-то жилье никуда не годится в сравнении с нашим. Какую пенсию получают старики в Финляндии? Услышав наш ответ, Чичурин только печально качает головой и говорит, что его пенсия — всего около двухсот евро в месяц. Он продолжает недоумевать, несмотря на наши возражения о том, что в Финляндии и цены выше, чем в России.

* * *

На кухне повисает молчание, дальше в разговор вступает Сергей Красильников. Он на двадцать лет моложе Чичурина, но и его судьба пересечена с ГУЛАГом. Его повествование течет спокойно, словно широкая река, — оно

и понятно, у профессора большой опыт чтения лекций, он является автором, соавтором и редактором множества публикаций, посвященных истории сибирских лагерей. Эту тему он знает вдоль и поперек.

Сергей родился в 1949 году в Новосибирской области в Нарымском крае в одном из спецпоселков на берегу Оби. Туда ссылали поволжских немцев, калмыков и литовцев. Отец его не был репрессирован, он приехал в деревню по распределению, мать же была из семьи спецпереселенцев. Как и в лагерях, в спецпоселках смертность была высокой, и если родители умирали, то детей отправляли в детдом.

Государственное насилие в равной степени проявлялось по отношению к зэкам и ссыльным. Лагерь ГУЛАГа и спецпоселки работали в симбиозе. Если в угольных забоях Кемерова работали заключенные, то созданные в период коллективизации государственные лесопилки, поставлявшие материал в шахты, пополнялись исключительно за счет ссыльных. Из общего числа жителей Новосибирска, Томска и Кемерова значительная часть является потомками заключенных или спецпереселенцев. Это объясняется тем, что после смерти Сталина мало кто из вышедших по амнистии или восстановленных в правах решались вернуться к себе на родину. За годы нахождения здесь они успели приобрести профессию, обзавестись семьями, пустить корни. И только репрессированные жители Прибалтики практически все вернулись домой.

При Сталине в Новосибирской области насчитывалось порядка четырехсот спецпоселений, из них на сегодня сохранилось чуть более десяти. Остальные брошены и с годами заросли. Пожалуй, это самые забытые следы ГУЛАГа. Если двигаться по карте, то чисто теоретически места, где располагались поселки, еще можно найти, но в основном

там теперь одна тайга. Кладбища укрыты лесами, обнаружить их не представляется возможным. В некоторых таежных деревнях еще остались памятники на могилах, и, со слов Красильникова, равнодушные люди прилагают все возможные усилия, чтобы поддерживать их в более или менее достойном виде. Его родная деревня тоже исчезла. В странах Балтии имеется государственная программа памяти жертв ГУЛАГа, и людям с балтийскими корнями, живущим в Сибири, предлагается вернуться на родину. К сожалению, в России ничего подобного нет.

В городах следы ГУЛАГа исчезают еще стремительней. Активисты «Мемориала» предприняли попытку создать карту Новосибирска с указанием мест массовых казней в период 1937–1938 годов, но найти ничего не удалось. Вероятно, расстрелы проводились на месте нахождения нынешних микрорайонов. Становится все сложнее получить доступ к открытым в период «архивной революции» первой половины 1990-х годов историческим документам НКВД. Многие архивы формально не закрыты, но для работы с ними требуется специальное разрешение силовых ведомств.

Вместе с поселками и местами трагических событий забываются люди и судьбы.

«В одной только Новосибирской области право на реабилитацию имели бы в два раза больше жертв, — считает Красильников. — Увы, многим такой статус не присвоен, другие даже и не пытались его получить».

Новосибирское отделение общества «Мемориал» начало работу по восстановлению памяти о жертвах репрессий в 1990 году. Работа началась с архивов, и только позже активисты поняли, что правильнее было начинать с интервью: документы остаются, а выжившие стареют и постепенно уходят. Кого-то успели проинтервьюировать, сам Сергей

Красильников начал со своих родителей — они и раньше немного рассказывали о своей жизни в ссылке.

Вечер проходит незаметно. Гости начинают собираться. Мы прощаемся и обещаем поддерживать связь. Тогда Геннадий Чичурин приглашает нас к себе на следующий день. Затем они уходят, и только тогда мы замечаем, что чайник остыл, а принесенное Красильниковым печенье так и осталось нераскрытым.

* * *

Мы усаживаемся на диван, покрытый на русский манер пестрой тканью. Геннадий все свои взрослые годы прожил в этой скромной квартире, где пахнет петрушкой и воспоминаниями о Советском Союзе. Как бы мимоходом он интересуется, какие в Финляндии квартиры. Не сказать, что большие, отвечаем мы, однако он тут же начинает сокрушаться, что в России жилье слишком маленькое. На полу по другую сторону дивана лежит старая собака и тяжело дышит.

Новосибирская общественная организация «Колокол» издала пять томов с именами и основной информацией о жертвах репрессий в регионе. Геннадий говорит, что специально пригласил нас к себе в гости, чтобы лично вручить нам изданный мартиролог, а еще сообщить, что хотел бы организовать поездку в Искитим, где он знает кого-то, кто знал кого-то, который... Этот «кто-то» оказался в командировке. Пока Геннадий обзванивает знакомых, его дочь предлагает нам грибной суп. Выясняется, что она была в Хельсинки и видела, что у людей там все хорошо, — на такую неожиданную похвалу не знаешь, что и ответить. Когда суп и сладкое съедены, нам вручают инструкции. Они нацарапаны на таком крохотном клочке бумаги, что волей-неволей начинаем думать, что с нами решили взаимодействовать по типу пере-сылной тюрьмы.

Геннадий вызывается проводить нас вниз. На площадке этот мужчина в годах берет на руки собаку, которая в пересчете на человеческий возраст значительно старше его самого, и спускается вниз. На улице он ведет нас неподалеку в небольшую аллею. Как тут не пожалеть о том, что перед нами — «живой памятник» Новосибирска, человек, способный рассказать так много о прошлом! Жаль, что слушателей у него немного.

Дойдя до аллеи, он опускает собаку на землю. Та остается стоять, словно устала после долгого пути. Мы тоже стоим как вкопанные. Никто не знает, что нужно говорить в таких случаях. По идее, нам пора прощаться и идти на вокзал, чтобы не опоздать на поезд на Искитим.

— Спасибо за все, Геннадий, — наконец говорим мы и крепко пожимаем ему руку.

— Нет-нет, это вам спасибо, — отвечает он, отворачивая лицо в сторону.

Мы оставляем их и бежим на вокзал, чтобы прыгнуть в электричку. Наше направление — на юг, в городок Искитим в шестидесяти километрах от столицы Центральной Сибири. Там оставленные лагерями шрамы выступают куда более явственно, чем в застроенном под завязку Новосибирске. Мы вновь идем по следам ГУЛАГа!

Судя по народу в электричке, этого не скажешь. Температура около тридцати градусов, и часть пассажиров одета по-летнему легко. У некоторых с собой сумки, похожие на пляжные. Так именно на пляж все и едут! Больше половины вагона сходит через сорок минут пути на станции Обское море. Отсюда рукой подать до Оби, поверхность которой разлилась за окном, словно море. Именно в этом месте река настолько широкая, что противоположного берега не видно. Здесь располагается лучший пляж Сибири со всевозможными удобствами.

Вагон практически опустел. Мы едем дальше. Голубая гладь водохранилища скрывается за рядами сосен. Жарко. Перелистываем наши записки и с нетерпением ждем прибытия в пункт назначения.

СВЯТОЙ ИСТОЧНИК ИСКИТИМА

Поезд медленно подходит к станции. Здесь нет пляжа, но в воздухе висит, забивая глаза, песок. Про Искитим говорят: «Снизу грязь, а сверху дым — это город Искитим». Промышленный центр, пытающийся выглядеть чем-то большим, чем он есть на самом деле. Здесь в открытую не вспоминают о ГУЛАГе, хотя система сталинских лагерей проникла сюда уже давно и десятилетиями существовала параллельно городу. Справедливости ради, следует сказать, что большая часть домов и улицы построены позже, начиная с шестидесятых. В России Искитим известен как центр сибирских цыган, а еще здесь высокий уровень безработицы и наркомании. Центральная улица — совсем в духе СССР — ведет от железнодорожного вокзала к центру, словно желая сказать приезжему, что ваше прибытие к нам — это великий праздник для вас же.

Прежде чем отправиться на окраину города, где находилось одно из лаготделений Сиблага, мы решаем наведаться в местный краеведческий музей. Входим в полутемное здание, выглядящее чересчур прилизанным на фоне остального города. Тут же со скамеек в вестибюле, словно запущенные магической рукой, поднимаются несколько старушек-смотрительниц. На секунду даже кажется, что от резкого движения в воздух взлетает скопившаяся на их плечах пыль.

Во всем музее под тематику ГУЛАГа отведен всего лишь один зал, точнее, половина зала. Здесь представлена кое-какая статистика, а также сделанные на рубеже 1980-х и

1990-х годов фотографии мест, где находились лагеря. Во многих музеях — искитимский не исключение — факт существования лагерей связывают в первую очередь с необходимостью обеспечения местной экономики рабочей силой. За экспозицию о ГУЛАГе отвечает только один сотрудник музея. Заметив наш интерес к теме, с нами заговаривает одна из музейных работниц. Она говорит, что на выставке среди прочего представлена и история ее семьи — тетя и дед ее мужа. Последний взирал на нас со стенда.

«Они — всего два человека из многих тысяч, но редко чья история сохранилась», — говорит она.

На задней стене висит большая картина с изображенной на ней курительной трубкой, отсылающей, разумеется, к «отцу народов». На пропагандистских плакатах пятидесятых годов сталинскую трубку тоже изображали. Ее дым тогда прогонял капиталистов, но на этой же картине из трубки поднимаются нити колючей проволоки, обвивающей названия лагерей. Рядом карта лагерей архипелага ГУЛАГ. Вокруг Новосибирска нанесено невероятное количество черных точек, одна из них — Искитим, точнее, поселок Ложок неподалеку, где с 1929-го по 1956 год действовал Искитимский штрафной лагерь, известный среди заключенных всего СССР своей беспредельной жестокостью.

* * *

Сначала таксист везет нас по улочкам сквозь промзону, затем сворачивает на проселок, а остаток пути мы преодолеваем по тянущейся вдоль заборов петляющей тропинке. В какой-то момент начинает казаться, что мемориал жертвам ГУЛАГа находится в таком отдалении от центра, потому что он скорее призывает забыть, а не помнить. Однако когда мы пересекаем дорогу, засыпанную белым, похожим на гипс, взрывающимся порошком, выясняется, что Ложок

не так и далеко. Наш водитель поясняет, что по главной дороге нам до места не проехать, потому что она используется шахтными грузовиками.

С начала 1930-х годов в Ложке действовал четвертый лагпункт (ОЛП-4). О гулаговской эпохе напоминают многочисленные карьеры, где руками заключенных велась добыча известняка и гравия. Из Ложки известняк везли в Новосибирск, а оттуда направляли на социалистические стройки по всему СССР. Залежи по-прежнему не исчерпаны, добыча не прекращена до сих пор. После выработки месторождений карьеры заполнялись водой, превратившись в идиллические озера.

На небольшом расстоянии от главной дороги, посреди озер, возвышается златоглавый православный храм, выглядящий так, как будто построен вчера. Да он и на самом деле не старый, хотя эта территория начиная с девяностых годов прошлого века уже считалась официальным местом паломничества. В новом тысячелетии популярность места благодаря усилению религиозных настроений в народе только растет. Сегодня Ложок стал одним из самых посещаемых мест.

Наш водитель останавливает машину и выходит покурить. Ниже парковки находится святой источник Искитима. Дальше шумит березняк. «Здесь был лагерь», — говорит он, похоже, зная больше обычного. В здешних карьерах заключенных заставляли добывать известняк голыми руками. Они гибли не только от голода и каторжного труда, но и от смертельных заболеваний органов дыхания, вызванных испарениями и всепроникающей тонкой известковой пылью.

В 1956 году лагпункт № 4 закрыли. Согласно спущенной сверху директиве, о лагерях запрещалось упоминать при любых обстоятельствах, хотя при строительстве школы и других объектов то и дело обнаруживались человеческие

кости. Со временем запрещенная тематика выплеснулась в виде легенды о святом источнике, ставшей частью наследия ГУЛАГа.

Рассказывают, что источник забил в 1940-х годах на месте расстрела сорока православных священников. Молва приписывает воде целебные свойства. Много десятилетий предание передавалось из уст в уста, и со временем миф трансформировался. Скептики ставили под сомнение даже саму историю о расстреле, считая место святым уже потому, что там находился лагерь. Сегодня это место потрясает своей умиротворенностью, но паломники со всей России тянутся сюда не переставая — набрать в канистры святой воды, прикоснуться к этому месту. Некоторые погружаются в воду, для чего ниже по течению отведено специальное место.

Водитель набирает в свою бутылочку воды, мы поступаем так же. Вода здесь чистая, свежая и необычайно холодная. Пора ехать. Мы выезжаем на главную дорогу, проходящую вокруг одного из заполненных водой карьеров. Сегодня субботний день, и берег усеян отдыхающими: мужчины разжигают мангалы, женщины следят за бултыхающимися в воде детьми. Вот оно, сибирское лето во всей красе!

Прежде чем отвезти нас на вокзал, таксист хочет показать захоронение репрессированных на старом городском кладбище. В музее нам говорили, что там установлен Поклонный крест. Действительно, в начале участка, у дороги, стоит чугунный православный крест на облицованном мраморными плитами постаменте. И надпись: «Жертвам политических репрессий / Мир праху, честь имени невинно погибшим».

Возвращающиеся шумной толпой с лучшего сибирского пляжа домой новосибирцы наполняют электричку радостными голосами. Жизнь течет спокойно и легко, качаясь, словно надувной матрас на обских волнах.

* * *

Двигаясь по карте архипелага ГУЛАГ, мы неоднократно замечали, что в современной России православная церковь является одним из хранителей нарратива о лагерном прошлом страны. Если быть совсем точным, церковь куда чаще озабочена сохранением памяти отдельных жертв или групп людей, тех же репрессированных священников, чем государство, но при этом РПЦ не занимается комплексным разбором ГУЛАГа, не пытается вписать его трагические страницы в книгу российской истории и современности.

В том же Ложке создается впечатление, будто здесь никогда и не существовало лагерей. Акцент ставится на мистические явления, что является обычным делом: церковь с готовностью освящает погибших верующих и служителей культа, но отдаляется от исторических фактов существования лагерной системы. Таким образом церковь как бы освобождает государство от ответственности за поддержание памяти об одной из самых страшных национальных трагедий XX века. Более того, деятели РПЦ заявили, что единственно верной формой памяти об этих деяниях советской власти является молитва, а не политика. Уничтоженные «безбожной властью», как церковь именует коммунистов, воспринимаются убиенными сверхъестественным злом мучениками, которых следует поминать именно в таком духе.

В некоторых случаях РПЦ, по сути, реквизирует память в свою пользу, превратив вполне мирское памятное место в религиозный объект. К примеру, на Бутовском полигоне на окраине Москвы в середине 1990-х годов возникло место поклонения православных верующих, хотя там покоятся останки представителей разных религий и конфессий и, прежде всего, атеистов. Силовое ведомство, зани-

мавшееся курированием объекта до того времени, подарило здания на территории Бутова церкви, продемонстрировав передачу собственности в пользу РПЦ «на память» от государства. Нет сомнений, что кто-то должен ухаживать за территорией, которая вполне могла превратиться в место свалки отходов посреди леса. Но если форма сохранения памяти диктуется только одной организацией, то что-то остается невысказанным.

ИСТОРИИ ПОБЕГОВ

Мифология ГУЛАГа в сибирских лагерях (да и не только) тесно связана с одним повторяющимся сюжетом: побег.

В 1920-х годах на этапе становления советской лагерной системы имелась — хотя и не без известных трудностей — возможность бежать из мест лишения свободы в силу недостаточной отлаженности действий охраны. Можно вспомнить истории о лагерях Коми, где имели место случаи побегов заключенных в летнее время. К осени беглецы приходили обратно, причем наказания за побег были относительно мягкими. Однако уже к концу 1930-х годов, когда лагерная система сделалась особо охраняемой государственной тайной, возможность побега сводилась практически к нулю.

После Великой Отечественной войны и смерти Сталина, на фоне разрушения надежд на скорое освобождение, рожденных переменами в общественной жизни, статистика побегов заключенных вновь пошла вверх. Некоторые осужденные по политическим статьям, наблюдая со стороны объявленную уголовникам амнистию, придумывали различные способы покинуть места лишения свободы.

Скольким же повезло и они сумели бежать? О ГУЛАГе рассказывалось множество легенд, в которых одной из цен-

тральных тем была принципиальная невозможность даже пытаться убежать из архипелага советских лагерей. С другой стороны, столь же невероятные истории передавались о многочисленных безуспешных или успешных попытках побега.

В период расцвета ГУЛАГа зоны ограждались рядами колючей проволоки, метровыми каналами по периметру на случай побега на автомобиле, сторожевыми вышками, оборудованными прожекторами с обязательными автоматчиками; извне зоны — собаки на металлической цепи, а дальше — специально сделанная просека, просматриваемая «открытая» полоса. Случалось, что за рядами колючей проволоки строился высокий деревянный забор, мешавший видеть происходящее на территории лагеря, а промежуточное пространство засыпалось песком. Существовали различные схемы строительства, но в целом можно сказать, что лагеря охранялись надежно.

Однако даже если бы и не существовало подобных препятствий, климатические условия регионов размещения лагерей и окружавшая их природа уже сами по себе представляли непреодолимую преграду для всякого, решившегося на побег. Что в арктической части Советского Союза, что в Сибири большую часть года стояли холода, а летом население лагерей окружал напитанный испарениями болот воздух. Проходимых дорог часто не было, к лагерям можно было проехать на поезде, на пароходе или по воздуху. Опять же лагеря в южной части страны располагались так далеко от населенных пунктов, что само по себе лишало мысль о побеге какого-либо серьезного основания. Беглецы, если такие появлялись, имели все шансы просто погибнуть от голода.

Казалось бы, бежать из ГУЛАГа было выше человеческих возможностей, на что указывает Солженицын, приводя несколько историй побегов из сибирских и казахстанских ла-

герей. Обычно от места расположения лагеря до населенного пункта, где заключенный мог бы раствориться среди местных, было слишком далеко, да и попытка обратиться за помощью к жителям ближайшей деревни была сродни подписанию себе смертного приговора — местное население резко негативно относилось к осужденным. Пропаганда делала свое дело: «политические» воспринимались как враги народа. Помогать им, а также не сообщать о них было наказуемо, и, напротив, за предоставление любой информации о беглом заключенном, за выдачу его живым или мертвым выплачивалось вознаграждение.

Если беглеца удавалось поймать, его могли расстрелять тут же на месте. В любом случае его жестоко избивали и помещали на продолжительный срок в карцер, затем решением суда присуждали еще десять-пятнадцать лет дополнительно. В общем, все эти моменты были направлены на то, чтобы сделать саму возможность побега как можно менее привлекательной. Заключенные видели в побеге последнюю надежду, спасавшую их в жестоких лагерных условиях. Вопреки представлениям Солженицына и общераспространенному мнению, успешные побеги были куда более обычным делом. Энн Эпплбаум на основании изученных ею источников констатирует, что количество попыток побега ежегодно колебалось между десятью и сорока пятью тысячами, из них порядка 20—50 процентов властям удавалось рано или поздно пресечь.

Одиночки редко уходили — выжить в суровых условиях можно было, только совершив групповой побег. Если жители близлежащих населенных пунктов не оказывали помощи, беглецам приходилось прибегать к насильственным способам, чтобы не погибнуть от голода и холода. Органы безопасности обращались за помощью в поимке беглецов. В 1936 году был создан особо охраняемый лагерь на 1500 че-

ловек, куда помещались лица, склонные к побегу. Однако общественные изменения предлагали возможность бежать. В хаосе начального этапа войны из лагерей сумело ускользнуть довольно большое количество заключенных. К примеру, в августе 1941 года из воркутинского лагеря удалось бежать восьми осужденным за контрреволюционную деятельность бывшим морякам под руководством офицера.

У политических заключенных за пределами зоны не было разветвленной сети, на которую они могли бы опереться, решившись на побег. Порой такие истории приобретали трагикомические черты. Известный финский журналист Юкка Рислакки, работая над книгой «Воркута!»¹, расспрашивал эстонца Рубена Ламбура, сообщившего, что в конце 1940-х годов двум молодым эстонцам

1. Rislakki, Jukka.
*Vorkuta! Vankileirin
kapina ja sen suomalainen
johtohahmo*. WSOY 2013.

удалось бежать из воркутинского лагеря. Сначала они добрались до Карелии и пошли дальше — в Финляндию, где сдались властям. Им не следовало останавливаться, потому что Финляндия вернула их обратно в СССР, и в один прекрасный день они снова оказались в Воркуте!

Какие только способы не придумывали отчаявшиеся заключенные. Рассказывают, один бежавший с Колымы арестант спрятался в самолете и долетел до самого Якутска. Он уже успел заселиться в гостиницу, когда его нашли с 200 граммами золота в кармане. Или другой случай: группу заключенных отправили хоронить умерших. Они воспользовались представившейся возможностью, убили конвоиров и закопали их в братской могиле, чтобы скрыть следы. Случались и такие, кто просто вырывался из общей колонны и бежал в тайгу изо всех сил. Некоторые зэки в метель перелезали через забор из колючей проволоки и пытались уйти, но подобные спонтанные действия не имели особых шансов на успех, хотя теоретически удача могла улыбнуться и таким

беглецам. Зафиксированы и более хитроумные истории. Так, группа заключенных сделала ложную внутреннюю торцевую стенку товарного вагона, чтобы скрыться за ней в вагоне, но в какой-то момент что-то пошло не так, и их взяли. По свидетельству Солженицына, это был не единственный пример проявления изобретательности, закончившийся неудачей.

Большинство побегов уголовников с зоны проходило успешно. Все же этот контингент обладал специальными навыками для успешного осуществления замысла. Не обходилось без угрозы физической расправы и прямого насилия (вплоть до убийства) в отношении конвоиров и других заключенных, если того требовала ситуация. Если им удавалось выбраться из лагеря и добраться до жилья, блатные получали шанс выжить — подделанные документы и местные криминальные круги не бросали «своих».

Одной из чудовишных тактик выживания беглецов был откровенный каннибализм. Группа уголовников устраивала побег, включив в свой состав так называемые «консервы», или «тушенку». В роли последней выступал ничего не подозревавший начинающий уголовник. Если во время побега не удавалось пополнить запасы продовольствия, то такие «консервы» убивали и съедали. Рассказывается случай, как два заключенных совершили побег вместе с лагерным поваром. Вскоре повара они убили и съели, но путь был далекий, и они оголодали. Оба знали, что первый уснувший окажется жертвой, поэтому бодрствовали всю ночь, рассказывая друг другу истории. Будучи старыми друзьями, ни один не решался напасть на другого в открытую, пока другой не уснет. Один все-таки сдался, а второй перерезал ему горло. История осталась бы нераскрытой, если бы его не взяли через два дня с кусками человечины в кармане.

Если уйти в бега казалось непростым делом, то избежать поимки было еще труднее. Наилучшими возможностями обладали те, кому удавалось добраться до областного центра, заполучить новые документы, трудоустроиться и избежать соблазна сообщить о себе родственникам. Варлам Шаламов рассказывает об одном беглеце, который сумел прожить в Сибири два года, изображая из себя геолога. Однажды начальник одного из лагерей попросил «геолога» провести лекцию. Тот начал цитировать Шекспира на языке оригинала, рисовать странные закорючки мелом на доске и сыпать иностранными терминами. Слушатели были довольны. Увы, лжегеолог попался на почте при отправке денег супруге.

* * *

Для некоторых заключенных побег являлся чем-то принципиально важным. В «Архипелаге ГУЛАГ» рассказывается о некоем Георгии Тэнно и подобных ему «беглецах по призванию», которые пытались бежать из лагеря, куда бы их ни доставили, потому что человек не должен жить за решеткой.

Пожалуй, истории Тэнно о его многочисленных «уходах из-под проволоки» вписываются в один ряд настолько невероятных историй, что поверить в них затруднительно. Согласно одной, беглецу удалось преодолеть 500 километров на лошадях, на лодке и велосипеде и добраться до самого Омска, пока его не задержали органы. Рассказывается также об эстонском пасторе, сбежавшем по подложным документам и перебравшемся через границу в Афганистан; об испанце, сумевшем выбраться из зоны, прикинувшись мертвым после того, как лагерь был сметен селевым потоком. Позже беглец добрался до Ирана.

Существует две известные на весь мир истории побега из ГУЛАГа, но они по большому счету все-таки являются

выдумкой. Немецкий солдат времен Второй мировой войны Корнелиус Рост утверждал, что бежал из расположенного в северо-восточной части Сибири на мысе Дежнева лагеря для военнопленных, скитался по всему СССР, прошел пешком до самой территории Ирана, перешел границу и, наконец, добрался до дома. На основании этой истории, зафиксированной им в 1950-е, писатель Йозеф Мартин Бауэр написал роман «Покуда держат ноги»¹. Из опасений преследований со стороны КГБ автор решил изменить в книге имя главного героя на Клеменса Фореля. В 2001 году режиссером Харди Мартинсом по книге поставлен кинофильм «Побег из ГУЛАГа». В 2010 году немецкий журналист Артур Дитти-манн занялся выяснением некоторых пробелов в биографии Роста. В частности, ему в руки попал документ, согласно которому Рост был освобожден. То есть на самом деле, как выяснилось, он не бежал, а был освобожден из лагеря для военнопленных под Москвой в 1947 году.

1. Bauer, Josef Martin.
So weit die Füße Tragen.
Ehrenwirth. Verlag 2002.

Другая известная история побега связана с польским офицером Славомиром Равичем, чья судьба увековечена в книге британского литературного негра Рональда Даунинга «Долгая прогулка»². В книге пленный офицер Равич попадает под обвинения НКВД в шпионаже, ему дают 25 лет лагерей и отправляют в лагерь на территории Восточной Сибири. Оттуда во время метели ему удается сбежать вместе с пятью другими заключенными, среди которых был один американец. Они добираются до озера Байкал, оттуда направляются в Монголию, проходят через Гоби и Гималаи до самой Индии. В 2010 году Питер Уир снял по мемуарам фильм «Путь домой». Однако в советских архивах никаких подтверждений рассказам Равича не обнаружено.

2. Slavomir Rawicz, Ronald
Downing. *The Long Walk:
The True Story of a Trek to
Freedom.* Harper, 1956.

Думается, что из миллионов заключенных ГУЛАГа лишь немногие предпринимали попытку совершить побег, хотя многие мечтали об этом и даже планировали все детали ухода. Мечта о свободе и планирование бегства спасали их от безумия в нечеловеческих условиях сталинских лагерей.

ЖУТКАЯ ЯМА

На этот раз наше путешествие на поезде до Томска длится всего лишь четыре часа! Вечереет. Уличные фонари еще не горят, мы воспринимаем себя практически первопроходцами, пробираясь без карты к отелю «Спутник» в трех километрах от железнодорожного вокзала. Несмотря на свое по-советски громкое название, гостиница бесконечно далека от каких-либо стандартов качества.

Томск — это университетский и промышленный центр с полумиллионным населением на берегу реки Томь, второй в Западной Сибири по многоводности после Иртыша. Город имеет давнюю историю, создавался как острог, а в XIX веке он имел важное культурное и образовательное значение, за что его неофициально нарекли «Сибирскими Афинами». Центр создает ощущение комфорта, хотя и выглядит скорее воплощенной мечтой бюрократа, нежели как привычная нам античная Эллада. Здесь можно гулять по широким бульварам в окружении старинных каменных и деревянных домов начала XX века.

Утром следующего дня мы прежде всего отправляемся на Бактинское кладбище. Место располагается на улице пролетарского поэта Демьяна Бедного, известного своими хвалебными стихами в адрес партии большевиков и лично Сталина. Добравшись до места, мы просим нашего водителя подождать, утверждая, что пробудем на кладбище не более четверти часа, на что он отвечает, что нам ни за что не

справиться за столь короткое время: территория огромная. Ох уж эти советчики, думаем мы, отправляясь по следам ГУЛАГа. Здесь должно быть как минимум три мемориала в память жертв репрессий.

Все остатки сна как рукой сняло, когда становится ясно, что кладбище просто невероятных размеров: оно занимает площадь нескольких футбольных полей и еще одного аэродрома. Могилы сгруппированы рядами, но нумерация беспорядочна. Сложно ориентироваться даже по карте-схеме, ибо, оказавшись как будто на правильном месте, понимаешь, что там ничего нет. После долгих бесплодных поисков в какой-то момент у нас возникает подозрение, что памятники движутся и убегают, только заведя нас. Или стоит разойтись и поискать в других местах? И тут же мы оказываемся прямо перед монументами в память о расстрелянных в Страшном рве Каштак в 1937—1938 годах.

В глубине земли рядом с небольшой тропинкой покоятся обнаруженные в братской могиле безымянные останки. Однако здесь под сенью креста их совсем немного, большая часть так и не была обнаружена.

* * *

Разумеется, мы возвращаемся на парковку с сильным опозданием, и, конечно, выражение лица таксиста говорит само за себя: «А что я вам говорил!» Но, похоже, лично его это не слишком беспокоит — за любой простой он получит от нас должную компенсацию. До следующей оговоренной встречи в помещении бывшей тюрьмы НКВД остался всего лишь час, однако мы решаем съездить посмотреть на памятный крест на окраине Томска — всего каких-то десять минут, убеждаем мы себя.

Поездив полчаса вдоль и поперек по улицам микрорайона Каштак-1, мы начинаем проклинать собственную само-

надеянность. Обычное дело: сначала таксист уверяет, что знает, где находится искомый объект, но уже совсем скоро начинает названивать по телефону, уточняя его местоположение. Замечено, что в таких ситуациях надеяться на быстрое разрешение ситуации бессмысленно: кататься нам придется еще долго.

Это блуждание по улицам, похоже, никогда не прекратится. Периодически водитель высовывает голову из окна и расспрашивает прохожих. Нашлись добрые люди, и через какое-то время такси везет нас уже куда более уверенно. На краю площади микрорайона Каштак-1 высится мрачного вида гигантский монумент с колоколом памяти на высокой башне. Выйдя из машины, мы на секунду испытываем в хорошем смысле удивление: неужели во втором по величине городе Центральной Сибири имеется такой впечатляющий своими масштабами мемориал! Здесь умеют отдать дань памяти жертвам ГУЛАГа! Однако радость быстро сменяется сомнением, а подойдя ближе, мы понимаем, что это место не имеет никакого отношения к лагерям на территории Томска. Мемориал воздвигнут в память погибших в местных конфликтах и жертвам чернойбыльской катастрофы.

— Мы же просили отвезти нас к памятнику жертвам политических репрессий, — напоминаем мы водителю.

— Жертвы, жертвы, везде мертвые, — повторяет как мантру водитель, никак не желая понять, чего мы от него хотим. Поиски продолжаются.

Случай в Томске — это не единственный пример того, что нам настойчиво хотят показать не то, что нам нужно. К примеру, в Ленинске-Кузнецком водитель такси везет нас к мемориальному комплексу «За подвиг в бою, за подвиг в труде своим землякам благодарные горожане». На наш взгляд, такое отношение свидетельствует о том, как неко-

торые россияне в совершенно обычных провинциальных городах помнят о ГУЛАГе, — а точнее, не помнят. Да, они знают, где находятся мемориалы героев войн, но более печальные страницы им чужды.

Однако наш водитель не сдается: он опять открывает окошко и обращается к случайным прохожим.

* * *

Сделав пару полицейских разворотов, машина устремляется вперед, в глубь двора многоэтажных домов, через разбитую парковку, туда, где кончается асфальт. Мы оказываемся перед маленькой аллеей. Да, это больше похоже на правду! Скромная аллея очень подходит для монумента, который не трубит о величии России, а свидетельствует о ее трагедии и ранах.

Водитель еще раз уточняет что-то у группы курящих молодых людей, а затем решительно идет сквозь аллею. Мы спешим за ним мимо поваленной детской лазалки, сквозь березняк выходим на поросшую травой тропу — навстречу попадаетея привлекательная дама с собачкой, больше интересующаяся селфи, чем нами... Дальше — через бурелом и вверх по склону вдоль дороги, пока через пять минут между деревьями не сверкнул покрытый позолотой крест на небольшом возвышении. За крестом — крутой овраг и вид на автомагистраль. По изначальной идее, установленный на открытом месте крест должен быть виден в том числе и всем проезжающим по трассе, однако позже, возвращаясь в центр, мы замечаем, что новая поросль уже практически скрыла его из виду.

В начале XX века место находилось на окраине Томска и здесь было всего два деревянных строения. Для города это место особое. До революции здесь располагалось несколько кладбищ. В годы Первой мировой здесь хоронили

умерших в госпиталях. В годы Гражданской войны местные овраги стали расстрельными местами: белые казнили красных, красные — белых. Позже, в 1930-е, НКВД опять избрал это место для осуществления массовых казней — зловещую славу приобрел Страшный ров вдоль юго-восточной части холма, где хоронили жертв. По имеющимся оценкам, именно в этом месте казнено порядка 10 000 заключенных, а в целом на территории Томска с 1918-го по 1938 год было расстреляно около 30 000 человек. Страшный ров в чем-то напоминает Сандармох в Карелии с той лишь разницей, что он находится недалеко от города, и когда в послевоенные годы Томск начал шириться, обойти это место оказалось невозможным.

Сначала в 1950-е местные кладбища срыли для постройки завода, позже здесь началось возведение жилых комплексов, предназначавшихся для работников нового предприятия. Бульдозерами сгребались оградки, надгробия, могилы и все скидывалось в Страшный ров. Фактически новостройки возведены на костях.

Места расстрелов и Страшный ров забылись на многие годы. Когда в 1960-х годах началось строительство микрорайона Каштак-1, экскаваторы то дело натыкались на человеческие останки, однако от них избавлялись так же, как от камней и деревьев. И только с приходом гласности и позже — с распадом Советского Союза местное отделение «Мемориала» занялось изучением территории.

Обнаруженные черепа с пулевыми отверстиями говорят сами за себя. Строительство продолжалось, вскрывались новые общие могилы. Один частник, строивший здесь гараж, наткнулся лопатой на груду костей. На место пригласили представителей властей и общественников, и после осмотра выяснилось, что речь идет об останках жертв террора. Их перезахоронили на Бактинском клад-

бище, где мы видели памятный знак. Здесь был установлен крест.

Памятник прекрасен в своей непритязательности. Постамент с крестом находится на открытой, незастроенной площадке, так что, несмотря на проходящую рядом автомагистраль, здесь сохраняется ощущение первозданности. К основанию прикреплена табличка с указанием имен расстрелянных здесь известных людей: поэт Николай Клюев, философ Густав Шпет и другие.

Наш водитель застыл перед крестом, он внимательно читает памятную доску. Оказывается, бывать здесь ему никогда не приходилось, но теперь он явно заинтересован: неужели у нас такое происходило... Глядя на него, мы осознаем, что только что внесли свою маленькую лепту в сохранение исторической памяти.

ТОМСКИЙ АРЕСТАНТ

Полная тетенька, продающая билеты в Томский мемориальный музей «Следственная тюрьма НКВД», увидев нас, радостно всплескивает руками и говорит, что мы будто явились сюда прямо из народной сказки. После такого остается только пожалеть, что мы не прихватили с собой из гостиницы финских конфет в качестве презента. Остается только загадочно улыбаться, изображая рождественских гномов. Мы даже не успеваем сказать билетерше, что у нас назначена встреча с Василием Ханевичем, руководителем музея и активистом «Мемориала», как тот собственной персоной выходит к нам в вестибюль.

«Сам факт, что музей политических репрессий находится в самом сердце города, является уникальным для России, — говорит Ханевич, когда мы втискиваемся в одну из бывших камер. — Обычно такие места находятся в отдалении».

Еще в 1989 году в Томске прямо напротив городской администрации возник Музей истории политических репрессий. Ничего подобного ранее в СССР не существовало. Музей создали в здании, где с 1923-го по 1944 год находилась внутренняя тюрьма Томского городского отдела ОГПУ-НКВД, а позже оно несколько десятилетий использовалось как жилой дом. В годы перестройки «Мемориал» выступил с идеей создания музея в помещении, к тому времени уже пустовавшем. Идею поддержало тогдашнее правительство Томской области. Первая экспозиция открылась в 1995 году, сам Солженицын посетил музей во время своего большого турне в связи с возвращением в Россию.

«Во время перестройки власть прислушивалась к инициативам снизу, имелась реальная свобода слова и демократия, в воздухе витала надежда, — произносит Ханевич, поглаживая в задумчивости свои усы, похожие на обувную щетку. — Однако позже многие вышли из «Мемориала» и ушли в политику или бизнес. Работать в общественной организации было интересно, но эта деятельность ничего не давала молодым перспективным людям».

Однако работа с исторической памятью как формой духовности тоже может быть успешной. Расположенный в самом сердце Сибири томский музей посещает ежегодно более 60 тысяч человек. Помимо постоянно действующей выставки, здесь каждые два месяца устраивается временная экспозиция.

Деятельность музея сосредоточена не только вокруг тюрьмы. Персонал учреждения ведет активную научную деятельность. Картотека архива содержит информацию о двухстах тысячах заключенных, сосланных, охранниках, имеются воспоминания, интервью, рукописные материалы и свидетельства родственников жертв. Василий Хане-

вич с гордостью показывает нам совсем свежий сайт музея в Интернете. Это настоящий портал, реализованный на разных языках. Через него можно найти информацию о репрессированном на основании имени, познакомиться виртуально с книгами, печатными и видеоматериалами. Сайт интересен всякому, кто желает познакомиться со следами ГУЛАГа.

Помимо своей основной деятельности, музей истории политических репрессий в Томске регулярно устраивает ознакомительные экскурсии на Колыму и в Якутию. На момент нашего посещения музея там проходила выставка «Миссия Сибирь — 2015». По словам Василия Ханевича, идея установки памятников репрессированным жителям стран Балтии существовала еще с начала 1990-х годов. Новый импульс она получила, когда в Томск приехала большая группа литовцев, участников проекта «Миссия Сибирь». После двухнедельной поездки по области — местам ссылки своих соотечественников и их могил — они обсудили с администрацией области возможность установки гранитного монумента с надписью на литовском и русском языках: «Памяти литовских ссыльных и политзаключенных». На выставке также представлены фотографии, документы, предметы быта и семейные реликвии литовского землячества.

* * *

Директор музея предлагает нам присесть к столику в одном из залов музея. Перед нами традиционный чай, быстрорастворимый кофе и вафли — благодаря такому набору путешественника мы поддерживаем в себе искорку жизни в различных уголках России.

Уже не удивляет то, что в роду Василия Ханевича тоже есть репрессированные. Сам он родился в селе Белосток

Томской области в семье потомков переселенцев из Польши в Сибирь (конца XIX — начала XX века). Ханевич окончил экономический факультет ТГУ, долгое время работал преподавателем в образовательных учреждениях Томска, однако желание выяснить судьбы репрессированных родственников увлекло его настолько, что он поменял сферу своих научных интересов.

«Музейное дело стало для меня своего рода очищением от того, что часть своей жизни я проработал на благо советской системы, — поясняет директор. — Мне захотелось рассказать о творившихся в Сибири репрессиях».

В Сибири количество ссыльных было значительно выше, нежели в других частях архипелага ГУЛАГ, — называется число, превышающее в десять раз количество обычных заключенных. Еще до войны начались масштабные кампании по высылке за Урал целых народов. Если в период коллективизации сюда изгоняли по социальному признаку, прежде всего, кулаков, то позже настал черед всех, подозревавшихся в нелояльности к новой власти. В отношении целых народов применялся принцип коллективной ответственности: их массово сгоняли с мест своего постоянного проживания за имевшие место отдельные факты сотрудничества с оккупантами в период войны.

Масштабы человеческой логистики разрастались до невероятных размеров. В поселках, где проживали ссыльные, освобождали, за редким исключением, многих политических заключенных. Ссылка стала настолько распространенным явлением, а количество поселений было настолько велико, что, помимо мест заключения, внутри Советского Союза сформировался «второй ГУЛАГ», названный Солженицыным свалкой, резервуаром, «куда сваливаются отходы Архипелага».

* * *

В томском музее «Следственной тюрьмы ОГПУ-НКВД» можно проследить этапы формирования и функционирования органов и всей советской репрессивной машины начиная с 1920-х до конца 1980-х годов. В залах, кроме судебных заключенных ГУЛАГа, представлены материалы по спецпереселенцам и подвергнутым высшей мере наказания — расстрелу.

В Сибирь отправляли не только «обычных» советских граждан. В здешних местах заключения сидели многие известные фигуры. Ученик и друг Сергея Есенина новокрестьянский поэт Николай Клюев был расстрелян в 1937 году в Томске на Страшном валу. Упомянем здесь артиста Спартака Мишулина, отбывавшего наказание в Кемеровской области за кражу книги из библиотеки.

Выставка весьма солидная по своему охвату. Вопреки распространенному мнению, ее авторы попытались наглядно продемонстрировать, что репрессии не завершились со смертью Сталина. Например, в 1957 году в Сибирь отправили на десять лет философа Эрика Юдина, осужденного «за антисоветскую пропаганду и агитацию», выступившего после известных венгерских событий за реформирование деятельности КПСС. За свои взгляды в 1977 году в Томскую психбольницу поместили диссидента Владимира Костина, который после экспертизы был направлен на принудительное лечение в Талгарскую специальную психиатрическую больницу. А еще в 1988 году сюда на три года был сослан литовский пастор и педагог Юотас Тамксавичус.

«Я уверен, что советская система выстояла так долго, потому что ее поддерживали многие талантливые люди, — размышляет вслух Ханевич, пока мы идем по коридору. — Фанатики убеждали людей: что бы ни происходило сегодня,

в будущем мы будем жить лучше, и многие в это верили». Он добавляет, что список репрессированных следует продолжить. В 2010 году бывшего мэра Томска оппозиционера Александра Макарова осудили на двенадцать лет исправительной колонии строгого режима.

В музее представлены также судьбы многих жителей региона, пострадавших от произвола государственной репрессивной машины. В частности, упомянуто так называемое «Колпашевское дело», знакомое Ханевичу не понаслышке. Оба его деда проживали в северной части Томской области, куда в начале XX века переселилось большое количество поляков из Белостока. В годы Большого террора все они подпали под подозрение. В 1938 году арестовали всех мужчин, их транспортировали за триста километров от Томска, на север, в Колпашево, и заключили в тюрьму НКВД. Через какое-то время все арестованные исчезли, в их числе и оба деда Ханевича. И только в 1965 году его бабушка получила известие, что все арестованные были казнены. В 1979 году неподалеку от Колпашева произошел обвал береговой зоны, в результате чего вскрылись сотни останков человеческих тел. Власти решили скрыть этот факт, поручив КГБ взорвать место захоронения.

В годы перестройки «Мемориал» подал в суд по факту вандализма против исполнителей чудовищного распоряжения; ни одна организация не взяла на себя ответственность за содеянное, и дело до сих пор остается нераскрытым. По этому случаю Василий Ханевич написал исследование «Белостокская трагедия». Сейчас он работает над книгой о судьбах католиков в СССР и ГУЛАГе.

Говоря на тяжелые темы, директор музея решает слегка разрядить обстановку. Он заводит нас в полностью восстановленную камеру следственной тюрьмы НКВД. Когда мы входим внутрь, Ханевич захлопывает за нами тяжелую

стальную дверь и закрывает ее на засов. Вскоре гаснет свет, и мы оказываемся узниками в самом сердце Сибири. Через несколько минут лязгает глазок двери, включается свет, дверь открывается и появляется хитро улыбающийся Василий Ханевич: «Ну что, каково это — ощутить себя заключенным?»

* * *

После осмотра директор выводит нас в просторный двор между музеем и бывшим зданием НКВД, где сегодня располагается детская школа искусств. Известно, что во дворе проводились расстрелы, тела зарывали тут же, и в советское время копать здесь запрещалось. Позже, уже в 1990-е годы, во дворе обнаружили множество человеческих останков. На территории, служившей внутренним двором тюрьмы, в настоящее время разбит красивый сквер Памяти. В 1992–2011 годах здесь были установлены памятники репрессированным эстонцам, латышам, литовцам, калмыкам и полякам. В центре двора стоит монумент жертвам большевистского террора, с помощью которого, как говорит Ханевич, сделана попытка подчеркнуть, что речь идет не только о жертвах сталинских репрессий.

В 2016 году вокруг установки свежего памятника репрессированным литовцем возникла острая дискуссия. Кое-кто противился установке монумента, связывая это со случаями разрушения советских памятников в странах Балтии. К счастью, большинство, включая местную администрацию, поддержало установку памятника.

На официальном уровне нет желания вспоминать о ГУЛАГе, о репрессиях предпочитают умалчивать, поскольку речь идет о преследованиях государством своих собственных граждан. Репрессиям подвергались национальные меньшинства, целые народы выселялись с насиженных

мест. Выжившие в репрессиях и их родственники, а также родственники жертв стремятся сохранить память.

Сегодня музей получает базовое финансирование от Томской области. Дополнительные средства поступают и от «Мемориала», хотя их недостаточно. Музей небольшой, усилиями сотрудников при нем создана библиотека, формируется фото- и видеоархив, коллекция архивных документов — все направлено на то, чтобы посетители музея и исследователи могли глубже и полнее изучить трагические периоды истории страны.

Несмотря на наличие государственной программы, на официальную позицию Владимира Путина, на государственную концепцию сохранения памяти о репрессированных, в обществе сохраняется неоднозначное отношение к репрессиям. Далеко не все считают, что эту историю нужно помнить и сохранять. По мнению Ханевича, сказываются дефицит политической воли и общая стагнация политической власти. Выборы превратились в простую формальность с заранее предрешенным результатом. Сам же Ханевич представляет собой редкостный тип демократа «старой школы». Его политические взгляды сформировались в период перестройки, гласности и духа свободы начала 1990-х годов, и он не пытается, в отличие от многих других, подстроиться под текущую повестку дня. Директор не боится в открытую высказывать свои мысли, что вызывает как минимум уважение, хотя мы не знаем, каких усилий это требует в нынешней атмосфере усиливающейся несвободы.

ЛАГЕРНЫЕ БУНТОВЩИКИ

Если бежать из ГУЛАГа было сложно, то поднять бунт оказывалось еще сложнее, в особенности до войны. В произведениях представителей лагерной прозы высвечен образ

типичного заключенного узника, покорно принявшего перипетии судьбы, неспособного повлиять на ситуацию. Пожалуй, единственной открытой формой протеста становились частные проявления насилия в отношении лагерной охраны, но, как правило, они плохо заканчивались для самих заключенных.

Специфика лагерных условий усложнила организацию протестов. После ареста, нахождения под следствием и этапирования в лагерь заключенные зачастую оказывались полностью деморализованными, истощенными физически, а непосильный труд и унижения убивали последнюю надежду на бунт. Кроме того, в ГУЛАГе существовала целая сеть осведомителей. Арестанты не доверяли друг другу, что исключало возможность крупных забастовок или восстаний. В этом смысле нет причин удивляться тому, почему заключенные предпочитали смириться с судьбой и не восставать против нечеловеческих условий содержания. Удивительно как раз то, что бунты вообще случались.

В отличие от «политических», уголовники куда в меньшей степени боялись наказаний, поэтому они чаще всего решались на бунт. На начальном этапе существования ГУЛАГа случались спонтанные протесты, например во время этапирования на восток. Блатари могли поднять шум, потребовать выдачу еды или воды заключенным. Эта традиция продолжалась и после смерти Сталина. В автобиографической книге «Серый — цвет надежды» Ирина Ратушинская описывает случай, когда уголовники в знак протеста принялись так сильно раскачивать вагон, что он чуть было не сошел с рельсов.

Случалось, что «воры в законе» брали под свой контроль лагпункт, и никто — ни администрация, ни охрана — не осмеливались заставить их выйти на работу, почитая за радость, что преступники сохраняют спокойствие. Все осталь-

ные осужденные оказывались у них в подчинении и прислуживали им. Данная ситуация — тоже одна из форм протеста.

«Политические» заключенные не обладали достаточным авторитетом для подобных акций, им приходилось изобретать какие-то иные формы протеста. Самым распространенным способом являлась голодовка. В 1936 году в Воркуте они потребовали улучшения питания, объявив голодовку, продлившуюся более четырех месяцев. Они следовали всем традициям голодовок, уходивших своими корнями в протесты политзаключенных царского времени. Первоначально администрация Воркутлага сделала несколько уступок, но довольно скоро все улучшения были отменены, а двадцать бастующих просто казнили. В том же году голодные забастовки проходили на Колыме. НКВД начал относиться к ним более жестко: бастующих кормили через силу, участникам ужесточали приговоры вплоть до смертной казни. Это заставило заключенных менять тактику. Позже, уже после демонтажа ГУЛАГа, голодовка как форма протеста использовалась советскими диссидентами.

Статистика показывает, что на фоне послевоенного духа свободы в ГУЛАГе резко вырос градус протестных настроений именно среди политических заключенных. Частично это объясняется тем, что многие из заключенных являлись готовыми к борьбе бывшими военнослужащими. Кроме того, интернированные с захваченных СССР территорий поляки, украинцы, уроженцы Прибалтики проявляли повышенную активность и стремление действовать во что бы то ни стало. Некоторые имели опыт борьбы против советской власти, к примеру, «лесные братья». Этот новый контингент в значительно меньшей степени, чем советские граждане, был восприимчив к советской пропаганде и не желал мириться с бесправием.

Мемориал «Маска скорби» в Магадане.

Тучи песка над Колымской трассой.

Сторожевая вышка на Кольме.

Остатки шахтного оборудования.

Колючая проволока вокруг лагеря «Днепровский».

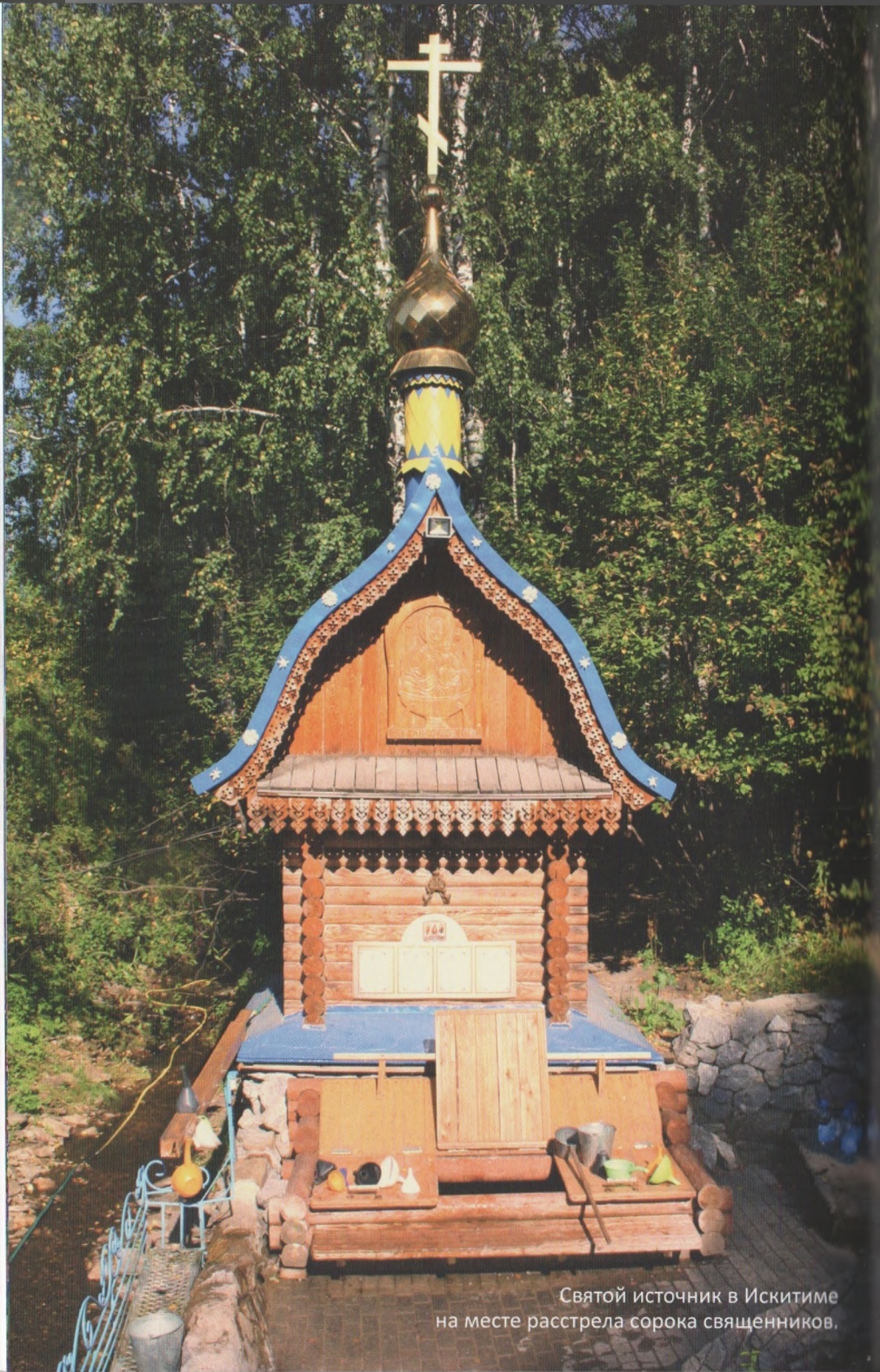
Исследователь истории Колымы
Иван Паникаров.

Создатель народного музея Михаил
Шибистый на больничном кладбище.

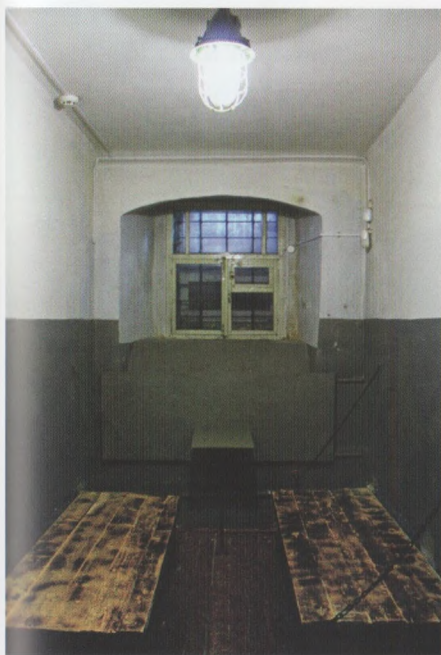

Заброшенный Дом культуры в Кадыкчане.

Святой источник в Искитиме
на месте расстрела сорока священников.

Крест памяти на месте казни
в Каштаке.

Камера в томском музее
«Следственная тюрьма НКВД».

ШИЗО колонии «Пермь-36».

Главное здание ИТК «Пермь-36».

Соловецкий камень в Москве.
Красная звезда на месте
памятника Ф. Э. Дзержинскому.

В 1940-х годах практически все без исключения выступления заключенных оканчивались казнями. В одном из лагерей под расстрел пошли те солдаты, которые отказались расстреливать осужденных женщин, выступивших против администрации.

В 1948 году находившиеся в лагере бывшие фронтовики подняли восстание неподалеку от лагерей воркутинской железной дороги. Они захватили несколько лагпунктов, получили доступ к оружию. Затем руководство восставших приняло решение наступать на Воркуту и захватить радиоцентр, чтобы сообщить миру о творимых в ГУЛАГе беззакониях. Часть из них сумела выйти на лед Северного Ледовитого океана, чтобы дойти до границы, другая — поверила слухам, что западные державы придут к ним на помощь. Власти ответили предельно жестоко: восставших расстреляли с воздуха, для усмирения был отправлен десант. На следующий год поднявших восстание в одном из сибирских лагерей уничтожили танками.

* * *

Со смертью Сталина в лагерях стало возрастать количество случаев массового неповиновения заключенных, и совсем скоро волнения начались в разных частях ГУЛАГа. То было четким знаком начала конца системы. В течение 1953 года по лагерям разошлась информация о подавленных силой протестах в Воркуте, Караганде и Норильске. В частности, поскольку вольные жители городов, расположенных близ лагерей, имели возможность следить за событиями за рубежом по радио, информация о выступлениях в Восточном Берлине передавалась разными способами. В воздухе витал дух перемен.

В то время условия содержания заключенных находились на чрезвычайно низком уровне по причине явных недора-

боток администрации и в связи с осуществлявшейся сознательной политикой на их ухудшение. Вовсю муссировались слухи о скором демонтаже системы, но охрана желала обеспечить функционирование лагерей и в будущем, для чего следовало продемонстрировать потенциальную опасность содержащихся там заключенных. Для этого лагерников напрямую провоцировали к действиям. Фактически такие действия уже сами по себе являлись свидетельством того, что система зашла в тупик.

Весной 1953 года во всех шести отделениях норильского Горлага начались волнения. Причиной стала провокация лагерной охраны. К тому времени в Норильске сосредоточилось порядка трехсот тысяч заключенных, из них большая часть — это советские военнопленные, украинские и прибалтийские националисты. В особом лагере также содержалось 20 тысяч политзэков. Многие были осуждены на двадцать пять лет лагерей, они ненавидели сталинскую систему, и терять им было нечего. За короткий промежуток времени поднялось более 15 тысяч заключенных: они не только отказывались выходить на работу, но и вооружались кто чем мог. Требования восставших были достаточно сдержанными: отмена ношения номеров на одежде, обращение к заключенному по имени, снятие решеток с окон бараков, прекращение насилия и преследование по закону конвоиров, замешанных в убийствах заключенных. Они также требовали сокращения рабочего дня и возможности свободной переписки с родными. Политические заключенные требовали, чтобы на них была распространена амнистия.

В начале июня требования привели к беспрецедентному результату: Лаврентий Берия направил комиссию для переговоров с руководством забастовщиков. Никогда ранее администрация лагерей, не говоря уже о Кремле, не отвечала

на требования заключенных иным образом, кроме насилия. Почти два месяца длились переговоры, столкновения и попытки разобраться с забастовочными комитетами.

Бастующим удалось захватить продукты, но вскоре они столкнулись с голодом. Заключенные находились в полной изоляции — вокруг только войска и тундра, гражданское население Норильска не оказало им никакой поддержки. Снятие Берии ничуть не изменило ситуации. Зампрокурора обращался к бастующим по центральному радио, предлагая им разойтись в обмен на обещание не преследовать их. Многие послушались. Не без ведома Никиты Хрущева было принято решение раздавить оставшихся мятежников. Лагерь брались один за одним. До последнего на своем стояли 1400 забастовщиков из третьего лагпункта. Их атаковали войска. Заключенные заперлись в бараках и решили обороняться до последнего, увидев, как сдавшихся расстреливают. Бой шел несколько часов. Прежде чем контроль над лагерем был восстановлен, погибло до 500 заключенных, сотни были ранены. Точное количество убитых и раненых в ходе забастовки Горлага до сих пор не установлено. По оценкам, во время мятежа погибло до тысячи человек.

* * *

Слухи о забастовках и бунтах на удивление быстро облетали ГУЛАГ, подталкивая заключенных к новым протестам. В 1953 году в Воркуте неоднократно замечались прибывшие из Центральной Азии вагоны с написанными на них призывами к мятежу. Это не могло не сказаться на местных настроениях. Самыми активными забастовщиками стали все те же жители Украины и Прибалтики. Неожиданно в Речлаге восстали сразу 3000 заключенных. Пламя протеста быстро распространялось, охватив до 15 тысяч человек. Бастующие требовали проведения переговоров с центральными

властями, на место для разбирательства был направлен представитель Кремля. На этом этапе воркутинская забастовка пошла по тем же рельсам, что и мятеж в Норильске. Требования забастовочного комитета практически совпадали с требованиями восставших в Горлаге.

Охрана оцепила лагерь, начали происходить единичные боестолкновения. После этого администрации вступили в переговоры об условиях прекращения забастовки. Прямые угрозы и шантаж, арест членов забастовочного комитета, прекращение подачи воды, зачистка зоны позволили властям постепенно взять контроль в свои руки, подавив выступления в воркутинских лагпунктах. Однако сопротивление присоединившегося на позднем этапе лагерного отделения № 10 шахты № 29 никак не удавалось сломить. Протесты здесь длились дольше всего. Наконец в августе 1953-го бунт удалось полностью подавить. В ходе проведенных операций погибли и были ранены более сотни заключенных. Среди прочих, по свидетельству исследователя Юкки Риссанена, от полученных ран скончался финн Эйно Прюка.

Волнения охватили остальные лагеря по всему Советскому Союзу. Так, в августе того же года власти подавили забастовку в Потье. Протестные настроения сохранялись в течение всего 1953 года в Магадане и на Колыме. В начале 1954 года из штрафного изолятора Вятлага бежали пятеро рецидивистов. Они выкрали оружие, освободили остальных заключенных и взяли зону под свой контроль. Для прекращения мятежа потребовался ввод войск. В Карполаге Архангельской области восставшие из числа интернированных эстонцев, латышей и литовцев захватили лагерь, но были уничтожены. Летом 1954 года в Горлаге вспыхнула очередная забастовка, длившаяся более двух месяцев. В Инте заключенные бастовали вместе с охраной. В поселке Кенгир Степного лагеря в Казахстане осенью 1954 года вспыхнуло

восстание, длившееся больше 40 дней. Все закончилось поражением восставших: более 700 человек погибли или были ранены, некоторых давили танками. В течение 1955 года волнения происходили на Колыме, в Мордовии и Норильске, где бастовали женские колонии. Летом 1955 года в Речлаге вспыхнула очередная забастовка, показав властям необходимость перемен. Все эти события привели к смягчению условий содержания и приблизили конец ГУЛАГа.

После окончания Великой Отечественной войны и смерти Сталина охватившие гулаговские лагеря забастовки и мятежи показали не только стремление заключенных изменить ситуацию, но и необходимость изменения всей ситуации и системы. Погибшие в ходе волнений осужденные не зря отдали свои жизни: в течение 1950-х их основные требования — отмена номеров на одежде, сокращение рабочего дня и т. д. — реализовались, а уже в следующее десятилетие и вся система ГУЛАГа была демонтирована.

НАШ ТАКОЙ ОБЫДЕННЫЙ ЛАГЕРЬ

Электричка со скрипом подходит к станции Тайга. Вообще-то, никакая это не станция, а гигантский комплекс величественных зданий в неоклассическом стиле посреди таежной глуши. Внешне несопоставимые размеры здания вокзала по отношению к остальному населенному пункту объясняются очень просто: станция является важным транспортным узлом в российской железнодорожной сети. Как и многие другие населенные пункты в этой части России, станция возникла и выросла благодаря прокладке железной дороги еще в дореволюционное время, позже Тайга сыграла свою роль в формировании инфраструктуры ГУЛАГа.

Городок расположен в Кемеровской области прямо посреди глухой тайги. Здесь менее чем за час можно увидеть

все, что связано самым непосредственным образом с советскими лагерями. Мы направляемся от здания вокзала в центр и тут же натываемся на единственный во всей Тайге обелиск в память о ГУЛАГе. Памятник выглядит просто и одновременно сурово: два гранитных столба прислонены один к другому, символизируя столбы лагерной ограды, рядом — еще один камень с двумя мемориальными досками — свеча общества «Мемориал» — в память о жертвах массовых репрессий. Пьедестал выполнен из черного металла.

Памятник установили в 1990 году на том месте, где заключенные имели возможность встречаться со своими родственниками. Свидания, если такие и разрешались, были кратковременными, людям приходилось преодолевать далекие расстояния, чтобы хоть ненадолго повидаться со своими близкими. Иногда свидание могли не разрешить.

Как обычно, мы отправляемся в местный исторический музей, хотя предварительно наводили справки и знаем, что там нет экспозиции, посвященной сибирским лагерям. Экскурсовод Татьяна показывает форму времен Великой Отечественной войны, уменьшенную копию самолета, нам предлагается попробовать тяжесть старинного утюга. На стене несколько неуклюжая картина памятника жертвам политических репрессий в Тайге. Совершенно неожиданно к нам подходит директриса. Узнав о цели нашего визита, она сообщает, что «совсем неподалеку», в Таштаголе, располагается посвященный ГУЛАГу музейно-мемориальный комплекс под открытым небом. В нем сохранился КПП, штрафной изолятор, административные корпуса, бараки, столовая и баня. В экспозиции представлены оригинальные предметы быта арестантов.

Конечно, это интересно, но только «совсем неподалеку» оказывается на расстоянии 700 километров, дорога в одну сторону займет почти сутки, так что не в этот раз. Ни дать

ни взять — в Сибири свои представления о расстоянии и времени! Нам кажется, что это еще один пример того, что в разных частях России память о ГУЛАГе сохраняется, хотя не факт, что это знание доступно всем.

* * *

Мы решаем провести в Тайге целый день. Да, это место утраченных воспоминаний, но в сравнении с Юргой, откуда мы приехали, здесь еще прилично. Если Юрга производит удручающее впечатление своей разрушающейся инфраструктурой, разбитыми дорогами и пьяницами на улицах, то в Тайге жизнь бьет ключом.

Для начала осматриваем отреставрированный монумент, состоящий из мемориала воинам-тайгинцам, павшим в боях за Родину в 1941—1945 годах, памятного знака о тех, кто подвергся радиационному воздействию в ядерных и техногенных катастрофах, и памятного знака участникам локальных войн и вооруженных конфликтов. Обедаем в ресторане «Суши Терра» — ни за что не подумаешь, что такое хипповое заведение может быть в таком городке, как Тайга. Еда очень вкусная. Как и во многих других провинциальных городах России, в Тайге народ собирается на площади Ленина, облюбованной скейтерами. Событием сегодняшнего дня является поезд Москва — Владивосток, сделавший получасовую остановку.

В южной части города ландшафт постепенно приобретает деревенский характер. Вот на пригорке блеет бородатый козел, мальчишки заняты ремонтом мотоцикла, из продуктового возвращается девочка с хлебом под мышкой. По обе стороны пыльной дороги стоят в ряд яркие красивые дома, словно сошедшие со страниц русских народных сказок. Из-за берез виднеется красная церковь с расписными куполами. Суровые сибиряки стоят у калиток, возле

поленниц или куч угля и оценивающе разглядывают пришельцев.

Здесь от гулаговских времен не осталось и следа, хотя в свое время лагеря были разбросаны по всей округе. В своих положительных и отрицательных моментах ГУЛАГ стал частью прошлого и настоящего. Разумеется, тем, кто никак не причастен к лагерям, нет необходимости заново переживать трагедию недавнего прошлого, но часть из живущих здесь являются потомками заключенных. Создается ощущение, что под внешней стороной жизни присутствует нечто полностью до сих пор не проговоренное.

Пожалуй, самым странным в Тайге и подобных населенных пунктах Сибири является то, что мы оказывались в них, ведомые самыми незначительными знаками. Однажды, поймав себя на размышлениях, стоит ли проехать еще несколько километров, чтобы увидеть место, где стоит жестяной памятник погибшему в лагерях, мы поняли, что зашли слишком далеко в своей охоте за призраками.

Подходит поезд, на нем мы отправляемся в Мариинск. Однако до отправления нам предстоит пережить одну неприятность: на вокзале в Тайге срабатывает рамка металлоискателя, а может, как раз и не срабатывает, потому что эти рамки сигнализируют постоянно. Охрана предлагает нам отойти в сторону на досмотр. В рюкзаке у нас обнаруживают финский нож, для экспертизы приглашают еще двоих сотрудников полиции.

«Лезвие грязное, вы пытались его вытереть?» — говорит один из них, придирчиво осматривая нож. Не намекает ли он, что мы стерли с ножа следы крови? Мы не смеемся и не дрожим от страха, да и полиция, видно, не станет продолжать допрос на полном серьезе. В результате полицейский машет рукой и буркает: «Ладно, ладно! Идите!»

* * *

Прошлое и нынешнее ГУЛАГа в Сибири, как и в остальных российских регионах, где существовали лагеря, могут удивлять, но только на первый взгляд. Существовали определенные рамки, продиктованные необходимостью. Лагерь создавались повсюду, заключенных этапировалось много, они становились частью реальности, так что обычные граждане не могли не замечать их. По свидетельству Энн Эпплбаум, в Советском Союзе 1940-х годов было практически невозможно решать каждодневные дела и не встречаться с заключенными. И если присутствие заключенных первоначально могло смущать, то со временем к этому явлению привыкали. По этому же поводу Александр Солженицын написал: «...наша страна постепенно вся была отравлена ядами Архипелага. И избудет ли их когда-нибудь — Бог весть»¹.

Историк Уилсон Белл в диссертации пишет о социальной обычности лагерей и поселков ссыльных в Центральной Сибири. Они становились неотъемлемой частью остального общества. Да, в лагерях осужденные подвергались излишним жестокостям, но ГУЛАГ воспринимался не как сосредоточение зла и ужаса, а как совершенно нормальная современная форма пенитенциарной системы, фактически как продолжение традиций царской каторги. Здесь стоит вспомнить «Записки из Мертвого дома» Достоевского, где автор часто приводит примеры совершенно обычного общения между местными жителями и каторжанами.

Примерно так в своем монологе рассуждает одна из женщин в романе Светланы Алексиевич «Время-секонд хенд». Героиня провела детство и юность в разных лагерях, и когда

1. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. В 3 т. Т. 2. М.: Советский писатель, Новый мир, 1989.

вышел солженицынский «Один день Ивана Денисовича», никак не могла понять, откуда — и главное, почему — вокруг книги возник такой небывалый интерес. Ведь для нее описанное было обычным делом: заключенные, лагеря, вонючая параша... Вероятно, в СССР людской порог восприятия насилия со временем стал настолько высоким, что утратилось чувство сострадания. Писатель Константин Симонов уже в преклонном возрасте, размышляя о происшедшем в сталинскую эпоху, кстати, принесшей ему славу и солидный экономический достаток, говорил, что самым сложным было привыкнуть ко всему происходящему, свыкнуться со всегдашним злом. Даже события 1937–1938 годов, воспринимаемые сегодня как нечто невообразимо жуткое, на тот момент казались чуть ли не нормой. Советский человек жил в специфической атмосфере, когда все происходящее казалось если не нормой, то чем-то банальным; он просто жил, закрыв глаза и уши.

Приблизительно в том же духе рассуждает Солженицын, когда задается вопросом, как причастные ко всем этим немислимым преступлениям обычные люди могли совершать то, что они совершали, отлично зная, что все это неправильно. Он видит два объяснения: либо люди попросту не думали ни о чем и просто выполняли свою работу, либо они просто беспрекословно выполняли спускаемые сверху приказы. Только вот одним этим всего ГУЛАГа не объяснишь. Нужно учесть, что многие из исполнителей даже и не предполагали, что их жертвы — действительно безвинные люди. Наоборот, они свято верили в непогрешимость партии, в оправданность приговоров, в правильность своих поступков. Поскольку советская власть узаконила террор, то в условиях времени они не могли даже усомниться в оправданности таких мер. Довольно скоро ГУЛАГ стал обыденностью, и это повлекло за собой то, что совершенно обыч-

ные граждане с энтузиазмом принялись способствовать его существованию.

Жизнь в лагерях тоже строилась по своим простым законам. Порой она напоминала жизнь в любом другом отдаленном советском поселке, а иногда — сущий ад. В свободное время заключенные могли заниматься спортом, культурной жизнью, играть в настольные игры — домино или запрещенные режимом карты. Кстати, изготовление последних из обрезков бумаги (в ход могли идти книги), жеваного хлеба и чернил из золы считалось особым шиком у блатных. Кое-где в нарушение режима выращивались пригодные в пищу растения или разводились цветы. Случалось, в лагеря приезжали фотографы сделать снимки для отправки карточек родственникам арестантов. Бывало, что из экономии заключенные позировали по трое. Имеются примеры того, как для некоторых заключенных установленные лагерные правила и традиции приобретали настолько большое значение, что, если случался перевод в другую находившуюся в двухстах метрах зону или даже изменение во внутреннем расписании, это могло их сильно расстроить.

НЕРВНЫЙ ЦЕНТР

Основная масса лагерей Центральной Сибири была сосредоточена в Кемеровской области, но даже самые крупные из них растворялись в бескрайней тайге, словно острова в океане, а после закрытия ГУЛАГа там же и оставались. Хотя в треугольнике Кемерово, Томск и Мариинск исчезли десятки лагпунктов и поселков для ссыльных, бесследно сгинули тысячи людей, кое-что сохранилось и попало в фонды местных музеев. Было бы ошибкой считать, что города, подобные Тайге или Мариинску, не являлись важными центрами ГУЛАГа. Отнюдь нет, это были настоящие центры,

вокруг которых выстраивалась вся инфраструктура советской системы лагерей; в них пересекались автомобильные, железнодорожные и водные магистрали, они были «клеточными ядрами» лагерей.

В Мариинске бросаются в глаза бродячие собаки, запаха пирожков, пыльное сибирское лето, тяжелое от облаков небо. Прямая как струна улица, заканчивающаяся зданием вокзала. Повсюду — маленькие торговые точки и толстые продавщицы. У нас еще есть пара часов до визита в местный музей, а сейчас можно и осмотреться.

В сравнении с другими местами Мариинск сыграл значительную роль в системе сибирских лагерей. Город располагается в идеальном с логистической точки зрения месте — на пересечении реки Кии и Транссиба, поэтому здесь размещалась администрация Сиблага. В городе работала тюрьма НКВД, поблизости от нее располагались несколько лагерей.

Мы идем по главной улице — она, если так можно выразиться, единственная настоящая улица, остальные же прилегают к ней, словно висящие на стволе дерева мертвые ветки. На улице Ленина оживленно, и здесь тоже, на первый взгляд, ничто не напоминает о лагерном прошлом города.

Однако совсем скоро замечаешь, что это не какой-нибудь захудалый сибирский городок с населением в двадцать тысяч человек. На этом месте еще в XVIII веке стояло село Кийское, получившее в середине XIX века статус города. Ближе к центру потемневшие от времени бревенчатые дома с узорчатыми наличниками сменяются каменными зданиями — облик, отчего-то напоминающий городки Дикого Запада, почти музей-заповедник под открытым небом. Здесь практически нет новых построек. В противоположном вокзалу конце улицы Ленина стоит здание местной администрации, конечно же, построенное руками заключенных.

Поворачиваем за угол в поисках нужного адреса. А вот и музей истории города Мариинска. Через некоторое время внутри, признаться, к некоторому удивлению, мы обнаруживаем экспозицию, весьма подробно запечатлевшую память о ГУЛАГе.

* * *

Здание исторического музея в Мариинске располагается в свежеекрашенном деревянном доме с резными наличниками на окнах. Здание обнесено декоративным забором, во дворе — деревянные скульптуры. Очень напоминает наши скандинавские пряничные домики — так и хочется откусить кусочек.

Внутри атмосфера совсем иная. В небольшом по размеру музее ГУЛАГа отведен целый выставочный зал с диорамой лагерного барака.

Любопытно, что выставка выстроена вокруг известных личностей. На входе открывается стенд с фотографиями сидевшего в одном из здешних лагерей артиста Спартака Мишулина. Зрители получили возможность познакомиться с ним в образе пана Директора в телесериале «Кабачок «13 стульев», но настоящая известность пришла к актеру после выхода фильма «Белое солнце пустыни». Снятый на материале Гражданской войны, фильм пользовался и пользуется сумасшедшей популярностью у советских зрителей — цитаты из него давно стали крылатыми фразами в народе. События картины происходят в Средней Азии, но она снята совсем в духе спагетти-вестерна, где красноармейцы выступают в роли своего рода ковбоев, а сопротивляющимся приходу нового порядка жителям бывших южных республик была уготована судьба индейцев. В музее также рассказывается о других отбывавших срок в сибирских лагерях деятелях своей эпохи. Это узбекский поэт Усман Насыров,

первая в мире женщина — оперный режиссер Наталья Сац, архитектор Петр Барановский и поэт Виктор Боков. Всем им посвящен персональный раздел музейной экспозиции с фотографиями и сопроводительными текстами.

Иногда музейные работники поражают своим искренним желанием помочь посетителю постигнуть всю глубину экспозиции. Вот и в Мариинске нам предлагается взять с собой стопку документов и фотографий, к счастью, в оцифрованном виде на флешке, что очень удобно для и без того тяжелых наших рюкзаков. В них уже лежит пухлый мартиролог, подаренный Геннадием Чичуриным.

Помимо музея, сохранением памяти о ГУЛАГе в Мариинске занимается православная церковь. Здесь проложена узкоколейка, ведущая к уменьшенной копии барака и столбам с колючей проволокой, символизируя путь неоправданных лишений.

* * *

Прыгаем обратно в такси, точнее, не прыгаем вовсе, а садимся будто бы в лодку, потому что заказанное нам музеем такси оказывается фиолетового цвета «Жигулями» с затянутым шерстистым ковром задним сиденьем и сильным запахом выхлопных газов.

Едем в обратном направлении по улице Ленина. Постепенно каменные дома сменяются идилическими, но несколько потрепанными деревянными. Скоро исчезают и они, но город при этом не кончается. После железнодорожного переезда прямо из сибирской равнины начинают вырываться нам навстречу кирпичные постройки — немые свидетели эпохи, когда Мариинск был центром Сиблага.

Перед нами возвышается тюремный замок из красного кирпича, возведенный в 1916 году. На сегодня это памятник архитектуры регионального значения. В годы Гражданской

в нем разместили взятых в плен белогвардейцев, а после не-продолжительного времени, когда здание служило Дворцом свободного труда, оно стало частью ГУЛАГа и оставалось таковой на протяжении 1930–1940-х годов. После упразднения лагерной системы здание стало обычной тюрьмой. Так оно и стоит, окруженное петлями колючей проволоки, заполненное свезенными из разных концов России заключенными.

К этому можно относиться с практической точки зрения: зачем менять назначение именно для этих целей построенного и хорошо сохранившегося здания, если на то нет никаких особых причин? Именно такая трактовка встречается в России довольно часто, так что факт того, что в помещении бывшей тюрьмы НКВД располагается СИЗО № 3, вновь свидетельствует, на наш взгляд, об обычности восприятия в России истории лагерей. Подобным же образом многие построенные руками заключенных предприятия функционируют до сих пор с той разницей, что на них работают все же свободные граждане страны.

Такси останавливается напротив здания. Слева торчит охранный вышка, табличка возвещает, что фотографирование запрещено. Наш таксист — мужчина с сильно морщинистым лицом — съезжает на боковую улицу, мы открываем окошко и почти что трясущимися руками делаем пару снимков для своего архива. Скорей бы выбраться обратно на главную улицу! Сложно представить абсурдность ситуации: мы на заднем сиденье дряхлых «Жигулей» в самом центре Сибири, проезжаем мимо здания СИЗО, чтобы сделать фотографию, — только потому, что когда-то здесь находилась тюрьма НКВД. А тут еще водитель подмигивает в зеркало заднего вида — сообщник, да и только. Смешно до колик! Но дело сделано.

* * *

По дороге обратно к центру водитель интересуется, слышали ли мы что-нибудь о месте казни. Он уже в курсе, по какому делу мы здесь. Нет, мы ничего об этом не слышали, отвечаем, — теперь уже наш черед заострить свой интерес к теме. Оказывается, приблизительно в десяти километрах отсюда на краю дороги установлен монумент расстрелянным заключенным Сиблага.

«Памятник совсем маленький, от него ведет тропинка в лес. Ну что, съездим посмотрим?» — спрашивает он. Долго нас уговаривать не приходится.

Он давит на газ, машина рвет с места, вскоре за окнами начинают пролетать деревья, и воздух в салоне свежее. На спидометре восемьдесят, полное ощущение настоящего сибирского ралли. Неожиданно водитель тормозит у сооружения, похожего на изъеденный непогодой сломанный столб электропередач. Памятник обмотан колючей проволокой, к нему прикреплены металлическая табличка с выгравированным коротким стихотворением и ламинированный лист бумаги с надписью, что в семидесяти метрах отсюда «в период политических репрессий 1930—1940-х годов» проводились казни. Этот практически незаметный с дороги памятник выглядит трогательно, хотя по датам и грешит против истины.

Мы идем по тропинке в лес, но не обнаруживаем ни малейшего намека на место казни: ни провалов, ни обычных в таких случаях фотографий, оставленных родственниками. Вокруг только лес и августовская тишина. Тропинка упирается в разрушившуюся бревенчатую избу. Ее бревна если и помнят что-то, то молчат.

Мы возвращаемся обратно в город и просим водителя отвезти нас сразу на вокзал. Однако в центре нас ждет еще

одна местная достопримечательность, которую он во что бы то ни стало хочет нам показать. Правда, к ГУЛАГу это не имеет никакого отношения — это памятник Картошке. Он выполнен из дерева и представляет собой большую, в человеческий рост, картофелину с лопатой в руке. В Мариинске поставлен мировой рекорд по сбору картофеля, город традиционно гордится своими урожаями. Самым крупным работодателем в регионе является Мариинский ликеро-водочный завод. Тут мы совсем растерялись: ощущение еще более абсурдное, чем только что перед тюрьмой с фотоаппаратом в руках. А водитель только посмеивается.

УГОЛЬНО-ЧЕРНОЕ ПРОШЛОЕ

После обеда садимся в кемеровский автобус. Обряженный в зеленый бархатный пиджак и голубую шелковую рубашку водитель завершает свой броский облик оранжевыми солнцезащитными очками. Он включает радио на полную мощность и выворачивает на трассу. Примерно на полпути он делает остановку, чтобы выпить кофейку и поболтать с продавщицами в придорожном кафе.

Вечереет, когда мы добираемся до Кемерова. Сначала вырисовывается исполинского вида грудка каменного угля, затем на фоне темнеющего неба — горящий факел. Кругом на плакатах воспеваются труд шахтеров. Мы на территории Кузбасса. Какое первое впечатление от города? Очень угольное.

На следующий день мы погружаемся в самую гущу утренних кемеровских пробок. Первый же таксист — на удивление — сразу же признается, что не в курсе, где находится искомый нами памятник, так что он никуда не поедет. Второй обещает доставить нас до места, хотя вообще не представляет, куда именно. Ладно, едем мимо битком наби-

той автобусной остановки с названием «Мясокомбинат» в микрорайон Ягуновский, что в Заводском районе Кемерова. Точнее, это даже не микрорайон, а поселок. Раньше здесь находился Ягуновский пересылочный пункт, а попросту — «расстрельный лагерь» НКВД, которым стала недостроенная шахта. Ни один доставленный сюда заключенный не вышел отсюда живым. Это был настоящий лагерь смерти, работавший в период Большого террора с осени 1937-го по весну 1938 года. Общая численность казненных до сих пор не установлена.

Расстрелянных хоронили во рвах, их одежду сжигали. Местные жители, бывшие в то время еще детьми, рассказывают, что всю зиму, даже в сорокаградусные морозы, стоял смрад, а в воздухе витали хлопьями куски обгоревшей одежды.

На улице Баха в окружении кустарника возвышается символическая часовня памяти. Установлены таблички с именами погибших и могильные камни. Всегда возлагаются цветы. Ничего более. К мемориалу почти вплотную подступают жилые дома, за которыми раскинулась бескрайняя тайга.

* * *

Расхристанный автобус везет нас из Кемерова в Ленинск-Кузнецкий. Первоначально мы предполагали, что там тоже все покрыто черной угольной пылью, однако при ближайшем рассмотрении город оказался цветущим, с видимыми признаками достатка, особенно если сравнивать его с некоторыми местами, где нам пришлось побывать.

Каменный уголь — вот основа всего благополучия. В отличие от Воркуты, здесь добыча угля по-прежнему рентабельна. Шахты расположены за чертой города и не портят городского ландшафта, так что на улицах можно лицезреть

исключительно угольное благополучие. Здесь чтят традиции, и шахтерам выплачивается довольно приличная зарплата. Хотя дома и улицы не замараны угольной пылью, на природных ресурсах лежит ответственность и за другой период в истории Ленинска-Кузнецкого, за черную полосу — ГУЛАГ.

В отличие от других мест, возникновение города не стало следствием появления здесь лагерей. В 1883 году здесь создали первую шахту «Успех». Охвативший Россию на рубеже веков промышленный рост способствовал увеличению добычи угля, так что после революции и Гражданской войны советской власти оставалось подхватить начатое. Разрез стал развиваться, и город вошел в фазу экономического подъема. Этот населенный пункт издавна назывался Кольчугино, но он стал первым, названным в честь Владимира Ленина еще при его жизни. При получении статуса города в 1925 году к названию Ленино (Ленинск) добавили для ясности вторую часть названия — «Кузнецкий», чтобы не возникало путаницы.

На начальном периоде ГУЛАГа лагерей здесь практически не было. На шахтах трудились в основном вольнонаемные, а заключенные Сиблага появились в Ленинске-Кузнецком только с началом войны.

Этот момент здесь не любят вспоминать, частично по причине давней истории места, частично потому, что шахты — гордость города и лишний раз ее марать не хочется. Последнее более вероятно. Рядом с Дворцом культуры на обширной площадке находится монумент, посвященный добыче одного миллиарда тонн угля. Перед стелой — уменьшенная копия старинной угледобывающей башни с подъемником и с десятков копий угольных вагонеток, на боках которых позолоченными буквами отмечены славные вехи истории Ленинска-Кузнецкого. Нигде не упомянут труд за-

ключенных. Во главе вереницы вагонеток установлена загруженная доверху углем всамделишная вагонетка — как символ миллиардной тонны «черного золота».

* * *

По правде говоря, посещать Ленинск-Кузнецкий мы не планировали, зная, что здесь нет никаких примет гулаговского прошлого. Однако решили завернуть сюда, услышав, что в городе по инициативе Сахаровского центра установлен памятный знак жертвам ГУЛАГа. С ним проблема все та же: найти камень никак не получается.

Останавливаем машину и просим отвезти нас к монументу, а чтобы не получилось, как в Томске, говорим, что хотим увидеть памятник жертвам сталинских репрессий. Таксистом оказывается бодрый пожилой мужчина под восемьдесят, он кивает с пониманием и стартует в сторону одного из микрорайонов. Начало выглядит многообещающим: именно в таких местах обычно располагаются мемориалы ГУЛАГа, а тут еще и что-то виднеется впереди... Пустые ожидания. Нет необходимости даже выходить из машины — это памятник, посвященный подвигам горожан в Великой Отечественной войне.

Водитель оказался каким-то полуглухим. Приходится долго объяснять, что нам нужно на площадь Победы, что там должны быть какие-то монументы. Едем туда, параллельно таксист говорит, что там должен быть памятник Победе, а других он не знает. Все как обычно: миф о победе в Великой Отечественной войне заслоняет собой все, включая нанесенную ГУЛАГом травму. Для пущей верности дядька пытается еще обзвонить каких-то своих знакомых, но никто не отвечает. Ему остается только развести руками. Мы расплачиваемся и уходим.

Ведомые внутренним голосом, мы идем по направлению к часовне и натыкаемся почти сразу на памятный знак жертвам ГУЛАГа. Он установлен в 2000 году на площади Победы в сквере Памяти по инициативе «Мемориала» и на добровольные пожертвования горожан, однако, похоже, не все жители Ленинска-Кузнецкого в курсе его существования. Вряд ли стоит в этом общем неведении обвинять сам памятник. В отличие от многих других подобных монументов, здесь не говорится о «политических репрессиях», не указаны здесь и даты. Текст гласит: «Не помня поименно всех, замученных в аду ГУЛАГа, скорбят по ним и помнят люди».

Вот оно — наконец-то сказано откровенно и прямо! Уже только ради этого камня стоило преодолеть четырехчасовой путь до Ленинска-Кузнецкого. Может быть, мы и ошибаемся, но сюда приходят родственники погибших и те, кому людские страдания не чужды по причине их религиозности. Они ухаживают за местом, иначе оно вполне может зарости и оказаться в тени монумента памяти героическим деяниям в годы войны.

ГЛАВА VIII

КОНЕЦ ГУЛАГА И НОВАЯ ЖИЗНЬ ЛАГЕРЕЙ

ГУЛАГ, РАСТОПЛЕННЫЙ «ОТТЕПЕЛЮ»

Хрущевской «оттепелью» принято неофициально называть период в истории СССР, последовавший после смерти Сталина и продолжавшийся около десяти лет, до середины 1960-х годов. Одновременно в стране начался демонтаж сталинской системы, произошло некоторое ослабление тоталитарной власти, появилась свобода слова. На XX съезде партии первый секретарь ЦК КПСС Никита Хрущев сделал свой знаменитый доклад «О культе личности и его последствиях», осудив ряд преступлений диктаторского правления. Хрущев открыто осуждал период Большого террора. С 1953 года начались пересмотры дел и реабилитация жертв показательных процессов. Против Берии и его палачей были инициированы уголовные дела. Одним из самым страшных преступлений Сталина был признан ГУЛАГ, в связи с чем начался процесс его постепенного демонтажа.

Первоначально Хрущев ни словом не обмолвился об обычных людях — жертвах репрессий, прошедших лагеря, хотя за сталинский период число их достигло нескольких миллионов. Речь шла только о нескольких десятках тысяч членов партии. Разумеется, вскрытие «перегибов» следует

расценивать как смелый шаг. Хрущев стал единственным советским руководителем, всерьез заговорившим о политическом терроре. Критика Сталина позволяла верхушке свалить все преступления на покойного лидера страны, снять подозрения с остальных виновников злоупотреблений и с самой советской системы в целом. С другой стороны, как человек, имевший отношение к репрессиям, он испытывал чувство стыда, но куда более очевидной кажется версия, что политика десталинизации и взятый курс на очернение своих противников позволили Хрущеву прежде всего расчистить себе путь к вершинам власти.

На партийном съезде 1961 года Никита Хрущев решил улучшить свои позиции в руководстве страны проверенным методом. Впервые по радио и на страницах газет, в информациях о работе съезда, прозвучали слова о «чудовищных преступлениях» и необходимости восстановления «исторической справедливости», а также рассказы об арестах, пытках и убийствах, происходивших при Сталине по всей стране. Однако об истинных масштабах преступлений не было сказано ни слова. Тело Сталина было вынесено из мавзолея и захоронено у Кремлевской стены. Казалось, что настал момент окончательно разобраться с прошлым.

«Оттепель» стала тем историческим периодом, когда о ГУЛАГе и политических репрессиях заговорили открыто. В искусстве и литературе были подняты ранее запрещенные темы. Хотя через некоторое время они были задвинуты обратно, но курс был задан, и размышления над травмами недавнего прошлого продолжились уже вне публичного пространства.

Период нахождения Хрущева у власти стал эпохой решительных обновлений и частичного отката назад. Жизнь людей улучшилась благодаря отмене самых чудовищных форм принуждения. Партия обещала людям лучшее «зав-

тра», заронив в сердца советских людей надежду на светлое будущее.

В хрущевскую эпоху было немало сделано для демонтажа ГУЛАГа, Хрущев лично оказывал помощь бывшим заключенным, а в одном из своих радиовыступлений даже предложил воздвигнуть мемориал в память жертв сталинизма. С другой стороны, послабления осуществлялись поэтапно и полного разрушения системы ГУЛАГа осуществлено не было — она продолжила жить, хотя и в новой форме.

* * *

Официально Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (ГУЛАГ) существовало с 1 октября 1930 по 25 января 1960 года. Однако, как известно, до его создания в СССР уже существовали различные пенитенциарные учреждения, опиравшиеся на столетние традиции царской каторги, а демонтаж системы фактически вылился в ее простое переименование: Главное управление мест заключения МВД СССР.

В 1950-е годы просто так упразднить инфраструктуру лагерей было попросту невозможно: они тесно срослись с советской системой, и их закрытие, по мнению многих, могло вызвать существенные сдвиги в общественной жизни. Простое закрытие означало бы косвенное признание партийных и государственных лидеров в своей виновности. Многолетний член Политбюро ЦК КПСС Анастас Микоян писал, что если признать всех «врагов народа» невиновными, это автоматически означало бы преступность власти. Последствий резкого освобождения заключенных опасался и Никита Хрущев, его беспокоило, что «оттепель» может поднять такую волну, которая снесет всех советских лидеров.

Впрочем, часть обычных советских граждан не была готова к спущенным сверху решительным переменам. Репрес-

сии десятилетиями оправдывались официальной пропагандой, в нее верили или как минимум хотели верить. К тому же мало кто действительно отдавал себе отчет в масштабах ГУЛАГа. В своей автобиографии Михаил Горбачев вспоминает, что ему как комсомольцу было дано партийное задание довести послание Хрущева до простых народных масс. Мало кто ему поверил, так что политинформатору Горбачеву пришлось несколько умерить критику Сталина.

На наш взгляд, описанные моменты объясняют медленные темпы процесса ликвидации ГУЛАГа. К примеру, получившим освобождение арестантам всячески препятствовали в их стремлении покинуть места заключения, а процессы реабилитации и восстановления в правах затягивались на месяцы и годы.

После амнистии 1953 года сократилось количество лагерей, в режиме содержания тоже произошли перемены: введение восьмичасового рабочего дня, возможность досрочного освобождения, право переписки и получения посылок, отказ от номеров заключенных, выплата заработной платы и тому подобное. Однако и через два года в ГУЛАГе находилось еще более миллиона заключенных. В 1955 году власти завершили процесс поэтапного освобождения иностранных граждан, в первую очередь военнопленных. На родину вернулись последние немецкие и все финские военнопленные. Из мест заключения и ссылки освободили более 700 000 поволжских немцев, что естественным образом породило зависть среди представителей других национальностей. Освобождение коснулось и части спецпереселенцев как особой категории репрессированного населения СССР — другое дело, что многие не имели возможности или желания вернуться в прежние места проживания. Еще один момент — это размытость границы между свободным гражданином и заключенным: в пятидесятые заключенный мог относительно

легко выйти на свободу из колымских лагерей, но получить разрешение на выезд оказывалось практически невозможным.

Осенью 1956 года продолжился процесс трансформации советской пенитенциарной системы. Заключенным вновь повысили зарплату, а выход на работу перестал быть обязательным для всех. Во многих лагерях с ограды была снята колючая проволока, уменьшение количества заключенных не компенсировалось новыми этапами, вместо этого в лагерные города посылали комсомольцев и набирали вольнонаемных рабочих. Ни одной новой гигантской стройки не было начато и ни одной прерванной со смертью Сталина не было продолжено.

Некоторые лагеря с большой неохотой шли навстречу переменам, в особенности если речь шла об освобождении заключенных определенных профессий. В этой связи часть лагерей изменила статус на особую экономическую зону, где номинально свободные наемные рабочие получали зарплату в обмен на определенные ограничения свободы передвижения. Государством для привлечения туда людей были введены северные надбавки и увеличено время ежегодных отпусков; отладили и систему поставок в такие районы продуктов питания и потребительских товаров по сниженным ценам.

Сокращение количества контингента естественным образом привело к закрытию лагерей. В 1957 году закрыли колымский Берлаг и норийский Горлаг, за ними последовали многие другие, а в 1960 году в последний раз закрыл свои ворота легендарный Воркутлаг. Упразднение ГУЛАГа не означало окончательного исчезновения лагерной системы. Оставшиеся лагеря преобразовывались и переподчинялись, и хотя номинально эпоха ГУЛАГа закончилась, ее традиции сохранялись десятилетиями.

* * *

Основательная чистка советской системы исполнения наказаний продолжилась и в новом десятилетии. Перегибы остались в прошлом, пытки и садистские формы обращения с заключенными вместе с уходом названия ГУЛАГ стали достоянием истории, равно как и извечный дефицит снабжения. Смертность заметно снизилась.

К 1960 году реабилитационные акты были приняты, а приговоры отменены по всем ссыльным. Ограничения по специальному поселению снимались, но не всем разрешалось вернуться. Самыми последними отпустили депортированных уроженцев Украины и Прибалтики — их советская власть боялась больше всего. Правда, часть эстонцев сумела вернуться домой только в семидесятые, а возвращение крымских татар и турок-месхетинцев затянулось до периода распада СССР.

Осуждение Никитой Хрущевым сталинизма отразилось и на изменении законодательства. В частности, 1 января 1961 года утратил силу Уголовный кодекс 1926 года, что означало определенные ограничения в деятельности репрессивных министерств и отмену пользовавшейся дурной славой 58-й статьи. В чем-то эти меры были косметическими, поскольку в новую редакцию кодекса ввели другие статьи за антисоветскую агитацию и за «участие в организационной деятельности, направленной на подготовку или совершение особо опасных государственных преступлений, создание организации, имеющей целью совершить такие преступления, а равно участие ^{1. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960.} в антисоветской организации»¹. Фор-

мулировки стали новыми, а санкции остались старыми и даже усилились. По новому законодательству можно было осудить человека по подозрению в инакомыслии. Для пре-

следования по религиозным мотивам была введена статья о нарушении законов об отделении церкви от государства и школы от церкви. Одним из принципиальных изменений общего порядка стало то, что начиная с 1960-х годов лагеря не воспринимались как важнейшая часть экономики и промышленности Советского Союза. Экономическая убыточность ГУЛАГа осознавалась уже давно, а после смерти Сталина об этом заявляли со всей определенностью.

Впоследствии все происходившее с ГУЛАГом оценивалось не только с позиции переустройства всей общественной жизни, начавшегося после смерти Сталина. Развитие государства пошло в ином направлении, и лагеря воспринимались в нем как досадный тормоз, пережиток прошлого. Лагерная система выполнила возложенную на нее задачу освоения и заселения отдаленных регионов страны. А еще с помощью лагерной системы властям удалось поставить народ на колени, поселить на долгие десятилетия в душах людей страх перед государственной машиной.

Начиная с 1960-х карательные меры стали более утонченными, изощренными и жесткими. Вплоть до распада СССР в разных частях страны существовали места заключения, мало чем отличавшиеся от лагерей ГУЛАГа. В эпоху «великого десятилетия» количество заключенных осталось на уровне одного миллиона человек. От общего количества осужденных по политическим статьям — около одного процента, тогда как ранее «политические» составляли почти четверть. Однако, учитывая реформирование Уголовного кодекса, в места лишения свободы все так же могли попасть безвинно осужденные.

НЕВЕРНУВШИЕСЯ

Ликвидация ГУЛАГа и освобождение заключенных стали долгожданным чудом, тем не менее поводов для радости оказалось меньше, чем надеялись. Практически половину заключенных выпустили в течение 1950-х годов, что породило напряжение в обществе. На тот момент о лагерях мало что было известно, и перед властями стояла необычайно сложная задача: не просто организовать освобождение более миллиона человек, но объяснить причины случившегося и осуществить их обратную интеграцию в общество. Первыми амнистировали уголовников, что сразу же вызвало всплеск преступности в стране.

Ранее уже указывалось, что далеко не все после освобождения получали разрешение на возвращение домой. «Вольняшкам», как их презрительно называли, предлагались работа и жилье, мало отличавшееся качеством от лагерных бараков. И оставляли их на тех же работах. Освобождение не было полным даже тогда, когда бывшие заключенные покидали места лишения свободы. В их отношении применялись различные ограничения, одним из которых был запрет на проживание в пределах ста километров вокруг Москвы, Ленинграда, столиц союзных республик и закрытых городов. Общество по-прежнему считало бывших лагерников подозрительными, оказываемая им определенная помощь не слишком помогала в ресоциализации. Известны примеры, когда столь долгожданное освобождение оказывалось чересчур сильным потрясением. Попав в заключение, человек мог поклясться себе, что, несмотря ни на что, выживет в нечеловеческих условиях, он жил чаяниями и надеждами на будущее, но когда ему сообщали о скором выходе на свободу, мог сломаться физически и духовно. Некоторые даже просили, чтобы их оставили в заключении.

Айно Куусинен провела в разных лагерях семнадцать лет. Благодаря своему высокопоставленному супругу и многочисленным занимавшим различные серьезные должности знакомым она имела целый ряд привилегий, но освобождение стало для нее тяжелым опытом. В книге «Господь низвергает своих ангелов» она пишет: «Освобождение из заключения должно для заключенного означать радость, свободу, возвращение домой. Тот, кто никогда не жил в Советском Союзе, даже не может себе представить, как недостижимы здесь для освободившегося счастье и свобода. В других странах для отбывших заключение существуют специальные организации, которые на первых порах оказывают им помощь. В Советском Союзе не так. Там после освобождения начинается суровая бесконечная борьба за существование»¹.

1. Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов (воспоминания 1919–1965). Петрозаводск: Карелия, 1991.

Возвращение осужденных родственников становилось испытанием для их родных. Случалось, что те находились в полном неведении об их судьбе, считали их погибшими в заключении. Оставшиеся на свободе жены и мужья успевали обзавестись новыми семьями и не поднимали вопрос о своем прошлом, детям не рассказывалось об арестованных и пропавших отцах и матерях, и тут оказывалось, что после долгих лет отсутствия они стоят на пороге и требуют вернуть их в прежнюю жизнь.

Отдельную категорию составляли люди, ожидавшие сведений о судьбах пропавших в лагерях родственников. Уведомление о смерти осужденного родственника могло прийти в семью спустя многие годы. Например, Надежда Мандельштам узнала о смерти мужа после того, как посланная ею в место заключения посылка вернулась назад с пометкой, что получатель скончался.

Среди «возвращенцев» были не только заключенные. После 1956 года в гражданскую жизнь вливались потоки потерявших работу гулаговских руководителей и охранников, близких к криминальному миру. По некоторым оценкам, в СССР проживали более одного миллиона бывших конвоиров. Многие из трудившихся на благо репрессивной машины десятилетиями скрывали свое прошлое, а если этот факт выплывал наружу, они утверждали, что действовали по принуждению, но всяческими способами старались облегчить режим содержания своих подопечных.

Нередки были случаи, когда судьбы бывших зэков и их охранников пересекались вновь на «гражданке»; вернувшись с зоны сталкивались с соседями или бывшими коллегами, писавшими на них доносы с целью заполучить жилплощадь, имущество или должность, — все это приводило к конфликтам. В своем дневнике от 4 марта 1956 года Лидия Чуковская записала мысль Анны Ахматовой: «Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили»¹. Оставшимся было что терять: имя, положение, квартиры, дачи — ведь планировалось, что никто не вернется.

1. Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Том 2. 1952–1962. Время, 2007.

* * *

Выйти из заключения — это только начало процесса реабилитации, как и возвращение утраченных прав и привилегий, восстановление в правах. Довольно скоро возникла ситуация, когда количество заявителей превысило технические возможности чиновничьего аппарата, — пересмотр дел мог затянуться надолго. Любопытно, что государство не только не взяло на себя ответственность за репрессии, оно использовало их для укрепления проводимой политики: было объявлено о перегибах и совершенных

ошибках, но посредством ресоциализации заключенных объявлялся курс на возвращение к идеалам социализма, утраченным исключительно по причине культа личности. При этом никто не говорил, что лагеря и репрессии являлись неотъемлемым институтом в СССР с первых лет его существования.

Процесс пересмотра дела становился для бывших осужденных испытанием на прочность, требовал напряжения моральных и физических сил, ведь приходилось бегать по госучреждениям, заполнять бесконечное количество бланков, заново проходить процедуру допросов. Некоторые даже отказывались подавать заявления в органы, мотивируя это именно сложностью прохождения всех этапов реабилитации, отнюдь не выдуманной — ответственные службы сознательно затягивали разбирательства. Те, кому удавалось получить заветный документ, не имели ничего другого, кроме бумаги со скучными фразами. Никаких формальных извинений государство не принесло. Официально судимость гасилась, виновность отрицалась, но на неофициальном уровне она продолжала иметь силу. И только в исключительном случае вернувшимся из ГУЛАГа могли выплатить компенсацию за годы страданий. Речь шла о фиксированной компенсации: денежная выплата в размере заработной платы за два месяца до ареста! Как правило, конфискованное имущество не возвращалось, и в большинстве случаев это было попросту невозможно.

Момент реабилитации содержал в себе один абстрактный нюанс: многие безвинные жертвы считали глубочайшим оскорблением то, что государство как будто бы прощало, восстанавливая их в правах, возвращая им утраченные имена и прошлое, хотя, по идее, они сами должны были решать, кого и за что прощать. Как можно вернуть

человеку его честное имя, если оно в принципе не было запятнано? Поэтому некоторые воспринимали реабилитацию как последний удар, наносимый уже лежащему на земле человеку.

В период 1953—1964 годов реабилитация коснулась практически 900 000 жертв сталинских репрессий. Окончание «оттепели» означало окончание реабилитации. Остальным пришлось ждать до перестройки, а то и дольше, а многие и не дождались.

* * *

После освобождения человеку требовалось длительное время, чтобы привыкнуть к обычной жизни. Не всем пережившим незаконные преследования по политическим мотивам удавалось привыкнуть к советскому обществу после всех жутких испытаний. Среди возвращенцев было много таких, кто подстраивался под требования новой жизни, и даже слишком: они душили в себе воспоминания и никогда не говорили о лагерном прошлом. Орlando Фиджес называет людей сталинской эпохи «шепчущими», подразумевая, что они научились молчать и отрицать свой жизненный опыт. Эта же тенденция продолжилась и позже: не рассказывать никому, в особенности своим детям, чтобы те не разочаровались в советской действительности. К тому же бывшие заключенные вполне оправданно не верили, что «оттепель» продлится долго, кое-кто из них осмелился заговорить вслух лишь после распада СССР.

Вернувшимся из лагерей крайне редко предлагалось лечение полученных физических увечий, а о получении психологической помощи речь даже не шла. Пережитое ими считалось надуманным. Но чему тут удивляться? Перед советской психиатрической наукой стояли приори-

теты совершенно иного характера, и, как будет показано ниже, ее методы использовались для борьбы с инакомыслием.

Ставшие жертвами произвола тоталитарного государства лелеяли мечту о мести, кое-кто пытался привлечь своих учителей к ответственности, но все это не приводило к каким-либо результатам. Люди нуждались в ином: они хотели ощущать свою значимость, видеть смысл в своих страданиях, поэтому стремились пережить опыт присовокупить к большому нарративу. Каждый делал свой выбор. Многие бывшие заключенные брались за перо, чтобы разобраться со своим прошлым силой слова. В их произведениях подвергшийся суровым лагерным испытаниям главный герой благодаря силе воли приподнимался над болью и страданиями. Были и такие, кто искал опору в образе нарисованной пропагандой советской действительности, где смысл страданий заключался в строительстве коммунизма, победе в войне и в достижениях СССР.

В рассказах Варлама Шаламова центральной темой является утрата памяти о прошлом и невозможность думать о будущем, а главной задачей его героев становится день сегодняшний с его насущной борьбой за выживание. Изучающие явление советского террора историки обращают внимание на известный стоицизм жертв ГУЛАГа, на нежелание думать о печальных событиях прошлого. Оно помогало жить, но оно же отупляло и заставляло смиряться с судьбой. Одним из достижений сталинской эпохи стало создание такого общества, где пассивность и смиренное восприятие внешних событий стали нормой.

Пережитые репрессии, нанесенные лагерями чудовищные моральные травмы передавались из поколения в поколение. Позже это выливалось в форме отчужденности от общества, критики и протеста — многие диссиденты се-

мидесятых либо являлись потомками репрессированных, либо сами пережили сталинский произвол. Отца Елены Боннэр расстреляли в 1938 году, оба родителя писателя Василия Аксенова (Евгения Гинзбург — его мать) также сидели в ГУЛАГе. И это только отдельные примеры, а их было множество.

ГУЛАГ В ЛИТЕРАТУРЕ

Начиная с середины 1950-х годов главным форумом для обсуждения репрессий и ГУЛАГа стало искусство и в особенности литература. В период хрущевской «оттепели» писателям стало немного проще издаваться, события недавней истории постепенно вышли на страницы их произведений. Сформировался собственный жанр «лагерной прозы», представители которого начали осмысливать происходившее с ними и со страной еще несколько лет назад.

Самой известной и самой обсуждаемой книгой стала повесть Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича», впервые опубликованная в журнале «Новый мир» в 1962 году. Разрешение на издание запрашивалось у самого Никиты Хрущева. Автору пришлось дорабатывать текст в соответствии с требованиями цензоров, в частности, он написал к ней более позитивную концовку. Картина одного дня зэка создана скупыми мазками, но в любом случае появление «Ивана Денисовича» означало то, что о закрытой теме стало возможным говорить.

Постепенно разговор о ГУЛАГе и преступлениях Сталина становился все более открытым и смелым, совсем скоро в издательства хлынул поток лагерных воспоминаний. Пожалуй, именно растущая потребность в анализе событий прошлого стала одной из причин скорого завершения «великого десятилетия» и прекращения «оттепели». Власть пони-

мала, что за этим могло последовать радикальное вскрытие первооснов случившейся трагедии, что неминуемо привело бы к необходимости признания руководством страны своих ошибок и вины, а это могло поставить под удар всю советскую систему. Собственно, так оно и случилось через два десятка лет в эпоху гласности.

Началось закручивание цензурных гаек. «Доктор Живаго» Бориса Пастернака и «Жизнь и судьба» Василия Гроссмана попали в опалу, против них была инициирована кампания в «лучшем» духе сталинского времени. Оба произведения были опубликованы на Западе, а в СССР только в годы перестройки.

Подчеркивание значимости «Одного дня Ивана Денисовича» в истории «оттепели» зачастую перекрывает то, что в это время в СССР издавалось большое количество художественных произведений, где ГУЛАГ представлялся в положительном свете. Да, позже по разным причинам этот литературный пласт был благополучно забыт, но в шестидесятые эти произведения сделали свое дело. К тому моменту трудовые лагеря уже не были тайной, однако в публичном пространстве о них говорилось исключительно в определенной тональности: труд исправлял вставших на неправильный путь. То же самое восхваление благодатного воздействия труда, прозвучавшее еще во время строительства Беломорканала, от которого официальные власти уже отказались, было вновь вытащено на свет. На этом фоне повесть Солженицына воспринималась как радикальный жест: ГУЛАГ представлен лишенной рациональности накопательней, предназначенной не для перековки главного героя в настоящего советского человека, а для того, чтобы расплющить его человеческое начало.

* * *

Итак, в 1950—1960-е литература приняла самое непосредственное участие в осмыслении судеб людей, вернувшихся на волю. Во-первых, о таких можно было писать откровеннее, чем о тех, кто продолжал тянуть лагерную лямку, во-вторых, разработка образов позволяла авторам как бы мимоходом затронуть проблему гулаговского наследия. Повторяющейся темой тех лет стала отчужденность от общества и семьи вернувшихся домой. Даже два, не говоря уже о двадцати, проведенных в лагерях года могли настолько состарить человека, что его не всегда признавали даже близкие родственники.

Иван, главный герой романа «Все течет» Василия Гроссмана, возвращается в Ленинград. Родной город видится ему одновременно знакомым до боли и совершенно чужим. Автор мастерски описывает то, как проведший несколько лет в лагерях Иван воспринимает поменявшийся вокруг него мир. От усвоенных в заключении морально-этических норм, ценностей и правил сложно отказаться: герой постоянно встречается со старыми знакомыми и ощущает все ту же лагерную атмосферу.

Один из самых эмоциональных рассказов, правда, появившийся уже много позже, вышел из-под пера Булата Окуджавы. Называется «Девушка моей мечты». Это рассказ от первого лица студента, получившего известие от матери, что та возвращается из Карлага. Самой ужасной мыслью, преследовавшей его по пути на вокзал, было то, что он не узнает свою мать, ведь у него сохранилось только несколько фотографий, где «она молодая, с большими карими глазами; гладко зачесанные волосы с пучком на затылке, темное платье с белым воротником, строгое лицо, но губы вот-вот должны дрогнуть в улыбке». На вокзале он сначала

наталкивается на беспомощно озирающуюся по сторонам сгорбленную старуху, но позже, встретив мать, ощущает безмерное счастье от того, что она все та же, высокая и стройная, какой он ее помнил. Произведение основано на реальных событиях: мать Окуджавы провела в лагерях пятнадцать лет.

К лагерной теме обратились также поэты. Известная своими стихами о блокадном Ленинграде Ольга Берггольц свято верила в советские идеалы и считала чужими тех, кто был против этой идеологии. Однако после ареста и допросов прежней «советской поэтессы» уже не будет. «Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули ее обратно и говорят: «Живи»¹, — написала она.

По инициативе Никиты Хрущева в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года тело Сталина было вынесено из мавзолея. По поводу этого события Евгений Евтушенко написал стихотворение «Наследники Сталина». Его опубликуют в том самом журнале «Новый мир», где позже напечатают повесть Александра Солженицына, а 21 октября 1962 года напечатают в главной газете страны «Правда». Публикация взорвала общество, мнения разделились. Однако стихотворение Евтушенко отнюдь не стало панегириком свободы и не возвещало окончательный приговор тирану. Это стихотворение — одновременно и предупреждение, и послание потомкам: нет, Сталин только притворился мертвым, наблюдая, как его тело выносят из мавзолея. И тянутся провода в разные концы мира, и ждут наследники своего часа.

1. Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. М.: Кучково поле, 2017.

* * *

Предчувствия Евтушенко оправдались. Разбирательство по некоторым преступлениям так и не было начато, а в конце 1960-х страну опять охватила политика замалчивания, лишившая Александра Солженицына возможности издать «Архипелаг ГУЛАГ» и приведшая к его изгнанию из страны. Но первым серьезным сигналом закручивания гаек стало начатое в 1964 году дело против Иосифа Бродского.

Молодой поэт и переводчик Иосиф Бродский воплощал собой образ типичного ленинградского инакомыслящего и к тому моменту уже приобрел определенную известность в литературных кругах. Его стихи копировались, цитировались, зачитывались на неофициальных собраниях критически настроенных писателей. Особенность поэзии Бродского и неоднозначный образ его жизни попали в поле зрения официальных властей. Ему начали чинить различные препятствия, а потом задержали под предлогом отсутствия членства в Союзе писателей — это и был повод для обвинения в антиобщественном, паразитическом образе жизни.

В ходе проведенного в начале 1964 года показательного процесса суд в отношении Бродского вынес определение, что тот «систематически не выполняет обязанностей советского человека по производству материальных ценностей и личной обеспеченности, что видно из частой перемены работы: предупреждался органами МГБ в 1961 году и в 1962-м — милицией, обещал поступить на постоянную работу, но выводов не сделал, продолжал не работать, писал и читал на вечерах свои упадочнические стихи». Поэта осудили на пять лет и вместе с уголовниками этапировали в ссылку в Архангельскую область. Суровость приговора

может показаться непонятной, однако если взглянуть на то, какими эпитетами награждали во время процесса будущего лауреата Нобелевской премии — чего стоит один только заголовок газеты «Вечерний Ленинград» — «Окололитературный трутень»! — то напрашивается мысль, что дело против Бродского являлось частью более широкой кампании против ленинградской интеллигенции и партийных кругов.

Срок Бродскому сократили, но он все равно победил в моральном смысле, получив возможность выступить на суде с апологией себя. Весь ход процесса был зафиксирован Фридой Вигдоровой, позже расшифрован; текст распространялся тайно в СССР и был вывезен на Запад. Это создало прецедент для процессов будущего. В стране и за рубежом началась кампания по освобождению Бродского. Его вскоре освободили, но через некоторое время вынудили уехать за границу.

Дело Бродского показало, что в атмосфере Советского Союза многое поменялось. Человека уже нельзя было просто так осудить и бросить за решетку с молчаливого согласия большинства. Да, на процессе были те, кто выступал с осуждениями поэта в растлении молодежи, порнографии и преклонении перед Западом, но голос сторонников Бродского тоже был услышан. С другой стороны, то, что Бродского арестовали и вынесли жесткий по любым меркам приговор, стало «первой ласточкой»: подобная практика продолжилась, меры становились все более изощренными.

Шестидесятники ощущали на себе незримое присутствие лагерной традиции. Государственный террор не закончился с упразднением ГУЛАГа, он изменил направленность. Для диссидентов строились свои лагеря, часть старых не была закрыта, как будто для них ничего и не случилось.

КОГДА ТРАГЕДИЯ СТАНОВИТСЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬЮ

Постепенно густые леса начинают отступать от края дороги, словно театральные кулисы. Мы явно приближаемся к городу. Появляются первые баннеры, убеждающие заняться остеклением лоджий и фильтрованием питьевой воды. Через полчаса автобус останавливается в центре. Мы выходим, втягиваем полные легкие свежего весеннего воздуха и начинаем осматриваться.

Нас поглощает урбанистическая картинка — одинаковая во всех более-менее крупных российских городах. Вот центральная площадь с памятниками, там аллея с театром. Обветшалый фасад бывшего Дома Советов покрыт огромной рекламой Н&М. В отличие от десятков населенных пунктов, пройденных нами в поисках следов ГУЛАГа, в городе-миллионнике Перми на первый взгляд ничто не напоминает о его лагерном прошлом.

В центре, когда стоишь в окружении старых каменных зданий и новых офисных комплексов, Уральские горы не видны, хотя до них отсюда рукой подать. Однозначно впечатляет река Кама.

Пермь находится на самом востоке европейской части России. Все преимущества географического расположения Перми известны давно: транспортный узел был создан в царскую эпоху, при советской власти южная ветка железной дороги соединилась здесь с западным и восточным направлениями. Река Кама превратилась в важную водную артерию. Дальше за Уралом начинается Сибирь; неудивительно, что город приобрел неофициальное название «ворота ГУЛАГа». В Перми, равно как и в Новосибирске и Томске, в гулаговские годы работала пересыльная тюрьма. Вокруг области располагалось большое количество лесозаготовительных колоний. На окраине Пермского края в 1926 году

на базе Соловецкого ИТЛ ОГПУ был организован один из первых советских лагерей Вишерский ИТЛ, где сидел получивший свой первый срок Варлам Шаламов.

Неискушенному человеку может показаться странным, что деятельность лагерей в Пермской области приобрела наибольшую активность именно после демонтажа ГУЛАГа, но ничего удивительного тут нет. На расстоянии чуть менее ста километров от Перми располагался комплекс лагерей, в его составе имелась исправительно-трудовая колония строгого режима с неофициальным названием Пермь-36, куда направляли осужденных за особо опасные государственные преступления, в частности за измену Родине и терроризм, за антисоветскую агитацию и пропаганду. Таким образом, для нас это хорошая возможность взглянуть на жизнь лагерей и практику осуждения диссидентов в постсталинском СССР.

Мы заселяемся в дешевую гостиницу в центре города. На стене около портье рядом с ценами на посуточное проживание висит прейскурант почасовой стоимости съема номера. Гостиничный номер представляет собой маленькую конуру без окон, через картонные стены слышно все, что происходит в соседних номерах. А мы было планировали отдохнуть немного с дороги, но, кажется, будет лучше сразу отправиться в лагерь.

* * *

Центральные пермские лагеря возникли после войны, и в годы восстановления народного хозяйства на их базе создали сеть лесозаготовительных предприятий. В период «оттепели» количество заключенных здесь снизилось, смягчился и режим содержания. Однако с конца 1960-х началось ужесточение условий содержания, а с 1972 года в Пермь-36 стали направлять осужденных за политические преступления. В те времена в лагерь попал и упоминавшийся ранее

Анатолий Марченко. Колония была закрыта в 1988 году. Часть лагерей снесли, остальные бросили, доверив уничтожение времени. Некоторые здания остались, сегодня в них размещен музей политических репрессий «Пермь-36».

В поездках по следам ГУЛАГа нам приходилось слышать, что в сибирском Таштаголе и на Ямале на базе бывших лагерей созданы и открыты для посещения музеи, однако посетить их не удавалось. На этот раз повезло больше. После долгих месяцев изучения руин и былых воспоминаний в отдаленных местах мы с удовольствием хватаемся за возможность увидеть обещанное: самый настоящий лагерь советской эпохи.

Чрезмерных ожиданий мы не питаем, потому что «Пермь-36» не совсем соответствует тому, что о нем рассказывают. ИТЛ в Кучино основали в 1946 году, то есть на последнем этапе существования ГУЛАГа, та его часть, которую музеефицировали, посвящена более позднему времени, в основном 1970-м годам. Большая часть объектов на территории музея восстановлена.

Музей испытывает целый ряд других проблем. Он создавался по инициативе преподавателей Пермского университета Виктора Шмырова и Татьяны Курсиной. Именно они обнаружили остатки лагеря в начале 1990-х годов и осознали всю важность создания на месте бывшей колонии музея истории политических репрессий. В 1996 году музей принял первых посетителей. В середине 2010-х годов он начал сталкиваться с различными организационными и финансовыми сложностями. В 2014 году местной администрации удалось взять его под свой полный контроль, чтобы без лишних разговоров повесить на дверь табличку «закрыто». Основателей музея после этого даже перестали пускать на территорию своего детища.

Вскоре музей открыли. Началась реализация проектов реконструкции пространств, открылись новые помещения. Сохранилось и название: «Мемориальный музей истории политических репрессий Пермь-36». Любопытно, что после проведенных работ в экспозиции был сделан крен от «узников совести» в сторону обычных заключенных, фактически уголовников. Роль государственного террора как части общества, ответственность советского руководства за репрессии и создание машины угнетения отошли на второй план. Пермь-36 стал больше похож на тюремный квест. С 1 января 2019 года музей поменял свой статус, став государственным бюджетным учреждением культуры.

* * *

Два часа по разбитой дороге — и мы прибываем в наполовину опустевшее село, на краю которого возвышается ограда музейного комплекса.

Нас принимает смотритель. Он сидит в точности в том же месте, где находился лагерный охранник всего несколько десятилетий назад. Сохранилось и здание администрации семидесятых годов постройки. Посетители музея входят на его территорию точно тем же путем, каким сюда доставлялись заключенные: сначала через входную дверь в коридор с небольшим лючком для приема вещей (сдавать телефоны и деньги не пришлось), затем в узкий тамбур, где входная дверь закрывается до того, как откроется следующая. Клацает металл, скрипят петли. Мы — на территории лагеря. Еще одна большая дверь, ведущая во внутренний двор.

Пока наш гид Елена и охранник выполняют формальности, мы молча пытаемся уловить ощущение, какое одолевало заключенного, когда он впервые видел то, где ему предстояло провести следующие несколько лет. Ничего подобного раньше нигде ощутить не удавалось.

Поверху забора натянута колючая проволока в форме нотного стана с прикрепленными ржавыми металлическими пластинами, изображающими ноты. Снизу — текст известной лагерной песни. Так все начиналось. Подходит улыбающаяся пожилая женщина. Она заметила нас, стоящих перед зданием администрации в легкой демисезонной одежде, и предложила одеться потеплее. Здесь, посреди леса, весенний морозец ощущается куда сильнее, чем в Перми, да и снега побольше. Ватники и шапки-ушанки хранятся специально для гостей. Надо сказать, они создают правильное и нужное ощущение — заключенных одевали точно в такие же.

* * *

Площадь лагпункта Пермь-36 невелика: если смотреть от комендатуры, то налево — мастерские, а направо — колючая проволока. За мастерскими видны крыши бараков. По пути туда проходишь мимо штрафного изолятора, как обычно, сложенного из камней и сохранившегося лучше остальных построек. Прошло не так много времени с его закрытия, а часть зданий полностью разрушена временем или людьми.

Настил сделан из свежевystроганной толстой доски, по нему можно пройти через заледеневший двор. На краю зоны — вышка для часового. Это новодел, выглядящий неестественно в сравнении с теми, что мы видели на Колыме. Восстановлена часть ограды с целью показать посетителям принцип изоляции территории зоны от внешнего мира: сначала ограда пониже, далее уже знакомая колючка, затем песчаная контрольная полоса, высокий дощатый забор с натянутым металлическим проводом под напряжением и бревенчатый забор, ограничивающий видимость.

Мы идем к баракам. Они блестяще реконструированы, внутри можно познакомиться с вещами и предметами обихода. Хотя это копии, впечатление они производят неприятное. Как и с оградой, в бараке показаны кровати заключенных — некий временной срез. Самые первые нары строились в нескольких уровнях из неструганных досок, в качестве матраса — обрывок мешковины, предназначались они для четырех человек, но нередко были случаи уплотнения до восьми. Матрасы поновей набивались уже соломой. На позднейшем этапе устанавливались железные двухэтажные нары с нормальными матрасами и шерстяными одеялами. Между нарами — столик с шахматной доской.

Следующий барак выглядит точно так же. Это лагерная библиотека, где на полках портрет Брежнева сторожит полное собрание сочинений В. И. Ленина и стопку пожелтевших номеров «Правды». Ничего другого здесь больше нет, хотя известно, что некоторые лагерные библиотеки имели прекрасные фонды, а кое-где можно было почитать запрещенную в СССР литературу, возможно, потому, что начальство считало, что она не может взбудоражить умы и без того сидящих за инакомыслие. «А вот там ШИЗО», — показывает Елена в сторону леса. Глаз останавливается на обгоревшем фундаменте двух зданий — бывшие баня и прачечная.

* * *

Штрафные изоляторы лагерей представляли собой тюрьму в тюрьме, куда отправляли провинившихся и саботажников. Понятно, что условия содержания были далеки от человеческих: как правило, здесь было слишком холодно или слишком жарко, чересчур сухо или стояла вода. Заключенных могли отправить в карцер на несколько дней, недель

и даже месяцев, в качестве наказания их могли посадить на хлеб и воду.

Насколько можно судить на основании сохранившейся камеры ШИЗО, в 1970-е годы условия были получше, чем в эпоху ГУЛАГа, хотя комфорт, конечно, относителен. Камера на семь квадратных метров, нары вдоль обеих стен, небольшое окошко, один чурбан вместо стула и второй, с прикрученной к нему деревянной пластиной вместо стола. Все выкрашено в синий цвет. В изоляторе могли содержать несколько человек одновременно, но их не отправляли из лагеря на работы. В помещении рядом — миничех, где заключенные изготавливали детали для утюгов: в металлической пластине нужно было просверлить отверстие и загнуть ее. Потом следующую и опять следующую. Выработка за смену составляла до нескольких тысяч деталей.

Хороший пример того, что даже в 1970-е хозяйство советских колоний находилось в кооперации с остальной экономикой страны. Сделано руками заключенных — с этим можно было столкнуться, хотя и не настолько явно, как при Сталине, но связь не прерывалась, и когда советские домохозяйки гладили белье, они и не подозревали, что устройство собрано диссидентами, как и многие другие предметы быта. По воспоминаниям Анатолия Марченко, в Потьме заключенные занимались производством телевизионных кабелей питания; в других местах точили шахматы, а Ирина Ратушинская вместе с другими женщинами шила рабочие рукавицы.

Вместе с Еленой возвращаемся в здание комендатуры. В помещениях нижнего этажа можно сразу заметить, что лагерь Пермь-36 функционировал уже в постгулаговское время. Одно помещение здесь выделено для свиданий с родственниками, где заключенный и его посетители сидели

напротив друг друга в присутствии надзирателя. Следующая камера отчего-то напоминает придорожный российский мотель: крашеный дощатый пол, две синие пружинные кровати, скамья и маленький стол. Здесь проводились длительные свидания, если заключенному удавалось получить на него разрешение от начальника колонии. Ни о чем подобном не могло быть и речи в эпоху Сталина.

* * *

Проведенная в 2014 году реорганизация музея Пермь-36 была тут же истолкована в западных СМИ как попытка современной российской власти запретить обсуждение репрессий советской эпохи. Финские газеты заговорили об изменении тональности, кое-где даже утверждалось, что взят курс на формирование положительного образа ГУЛАГа. Однако во время нашего визита ничего подобного мы не заметили.

Музей превращен в туристический объект, трагедия стала достопримечательностью. Лагерь производит впечатление скорее музея под открытым небом с тюремными историями, нежели мемориала жертвам репрессий или дела восстановления исторической справедливости. В России старые тюрьмы царской поры являются объектами показа. Вероятно, что и Пермь-36 хотели бы превратить в туристический объект — в некий квест с элементами драматизма.

Место не утратило своей исторической ценности, попытки его сохранить делаются на официальном уровне. Объект уникален, включен в список 100 памятников *World Monument Watch*¹, подана заявка на внесение его в список объектов Всемирного наследия

1. Программа американской частной некоммерческой организации *World Monuments Fund*, которая нацелена на привлечение внимания к культурному наследию во всем мире, которому угрожают разрушение, вандализм, военные конфликты или бедствия.

ЮНЕСКО. Но, несмотря на масштабные работы по реконструкции, объект пока не музеефицирован, как многие другие достопримечательности в России. Бараки представляют собой диораму, но это не кулисы. В бывших помещениях колонии присутствует незримый дух обыденности. Лагерь существовали, но о них не говорилось в открытую, они фигурировали во множестве жутких историй, но при этом являлись совершенно обычными местами заключения с грязными дворами, подсохшими или осклизлыми обмылками, одеялами, ватниками, шапками-ушанками и шахматными досками.

Однако развалины некогда существовавших лагерей ГУЛАГа, даже если там ничего уже нет, могут рассказать больше, чем музей с продуманной экспозицией и выверенной подачей материала. Естественные следы и спонтанно возникшие памятники обладают внутренней силой, которой лишен музей Пермь-36.

Мы скидываем нашу лагерную одежду. Ощущение, словно тебя выпускают на свободу. Елена опять уходит, чтобы соблюсти последние формальности с охраной, а тем временем нас поят чаем в офисе директора на верхнем этаже бывшей лагерной комендатуры. По телевизору размером с одиночную камеру показывают ток-шоу: обеспокоенные личным счастьем россияне размышляют о межперсональном общении. За окном — безмолвный и безликий серый пейзаж. Нам приносят гостевую книгу. Судя по записи, предыдущий посетитель был здесь две недели назад. Вообще довольно странно сидеть, потягивая чаек, на диване из искусственной кожи в помещении, где еще несколько десятилетий назад сидела охрана и сторожила политических. «Она бросила тебя из-за Игоря!» — неожиданно всполошившись, восклицает героиня передачи. Воистину: о времена, о нравы!

СТАЛИНИЗМ НАНОСИТ ОТВЕТНЫЙ УДАР

«Хрущевская» оттепель длилась менее десятилетия. В 1964 году произошла смена власти, обеспечившая укрепление советской системы. Перед новым генсеком Леонидом Брежневым, представлявшим консервативные партийные круги, задачи продолжить реформы предыдущего десятилетия не стояло. Его назначение дало старт периоду постепенного скатывания к так называемому застою.

Приход Брежнева поставил точку в периоде относительного свободомыслия. Можно сказать, что в каком-то смысле произошла реставрация определенных форм управления и идеологических догм сталинской эпохи. Многие партийные функционеры и офицеры спецслужб еще до хрущевского периода не только сохранили свои должности, но и существенно продвинулись по карьерной лестнице. Разумеется, не могло быть и речи о том, чтобы они понесли наказание за свои старые преступления. Верные соратники Сталина — Ворошилов, Молотов, Каганович и Маленков — были возвращены из опалы и через некоторое время отправлены на почетную пенсию. Важные посты занимал Анастас Микоян. Формирование культа Победы дало возможность отдать должное Сталину как главнокомандующему. Реабилитация диктатора вместо реабилитации его жертв была расценена властью как необходимый для обеспечения стабильности в обществе акт. С этого момента критика великих достижений «вождя народов» не приветствовалась.

Процессы индустриализации, урбанизации и повышение всеобщего благосостояния снизили возможности властей осуществлять насилие в отношении граждан страны. В возникшей ситуации им пришлось искать новые обоснования для применения силы. По мнению Егора Гайдара,

на тот момент в стране возник негласный договор между властями и обществом. Руководство страны дало обещание не сворачивать реализацию социальных программ, таких как жилищное строительство, значительно улучшивших социальное благополучие народа. Государство также гарантировало неизменность цен на товары народного потребления. Взамен от населения требовалась лояльность к действиям руководства. То есть повышение или хотя бы поддержание жизненного уровня потребительского общества коррелировало с аполитичностью населения.

После Пражской весны Леонид Брежнев никогда больше не отдавал приказа о применении вооруженных сил против граждан, проживавших на территории стран сферы влияния СССР. Отсутствие массового применения насилия не означало бессилия правительства — просто в нем не было необходимости. Население постепенно сползло в состояние апатии. Одним из способов власти удержаться у руля было разжигание противостояния с капиталистическим миром и борьбы за мир во всем мире против ядерной угрозы со стороны США и их союзников.

Нельзя сказать, что память о ГУЛАГе исчезла — скорее оказалась задвинутой на задворки общественного сознания. Многие пытались забыть печальные страницы своего прошлого. Сама эпоха была такой, что попросту не имело смысла вспоминать об определенных вещах, — по замечанию британского историка Александр Эткинда, в период застоя вспоминать и грустить как бы запрещалось. Бесчисленное количество советских семей потеряли в годы репрессий своих родственников, но о них нельзя было говорить вслух. Получалось, что в империи забвения подпитывать собственную грусть стало тождественно радика-

лизации, а носить траур приравнивалось к политическому жесту.

Тех советских граждан, кто пытался, совсем как Никита Хрущев еще несколько лет назад, давать критику прошлого, могли обвинить в распространении заведомо ложных сведений, порочащих советский строй. В опалу попали многие уважаемые писатели и историки, выступавшие с антисталинских позиций, их преследовали, им не давали публиковаться. Последний гвоздь был забит в 1970 году, когда у кремлевской стены за Мавзолеем рядом с другими руководителями государства появился бюст Сталина.

Конечно, с точки зрения простого обывателя стагнация общественной жизни имела массу положительных моментов. Впервые после десятилетий чисток, кризисов и идеологической борьбы люди вздохнули свободной грудью. Обычный советский человек воспринимал брежневскую эпоху как период стабильности и относительного благополучия: строились новые жилые комплексы, страна наращивала промышленный потенциал, появилась возможность встать в очередь на получение автомобиля, а летние отпуска стало возможным проводить в Крыму или Грузии. Все краше становились города, росло благосостояние советского человека! А что до репрессий, так в сравнении с прошлым их, можно сказать, и не было.

* * *

И все же ситуация была совершенно иной в сравнении со сталинской эпохой. Новые законы гарантировали преступившим закон гражданам рассмотрение их дела в судебном порядке, как чаще всего и происходило. Власти соблюдали неукоснительное осуществление правосудия, приговоры выносились в полном соответствии с буквой закона. Это создавало ощущение законности происходящего, хотя по-

рой приговоры выносились небеспристрастно. Судебное разбирательство стало камнем преткновения для советских чиновников.

В СССР эпохи «застоя» гражданин, не имеющий нареканий и демонстрирующий своим поведением полную лояльность к режиму, имел возможность жить в относительном спокойствии, но возникни у органов хоть намек на его критическое восприятие действительности — и «отступник» на своей шкуре испытал бы всю мощь карательной системы. В 1960-х годах с подачи Леонида Брежнева был инициирован новый виток преследований. В них явственно ощущался дух сталинизма, хотя и не без нововведений. Уголовный кодекс был ужесточен, за решетку можно было попасть за незаконную попытку покинуть страну, за встречу с иностранцем или отказ от срочной службы в армии.

Государство занималось разработкой все новых и новых методов подавления любой критики со стороны общества. Справедливо опасаясь того, что «политические» приговоры могут вызывать излишне пристальное внимание, условных оппонентов могли отправить за решетку по сфабрикованным обвинениям. В 1966 году появились статьи за клевету на советский строй и за участие в массовых беспорядках — они стали орудием в борьбе против инакомыслия. Вспоминая ту эпоху, Надежда Мандельштам говорила, что она не боялась ареста, но была к нему внутренне готова.

В отношении диссидентов более не применялась высшая мера наказания, однако если органы не желали привлекать внимания общественности к излишне громким делам, непокорного всегда можно было убрать, подстроив несчастный случай, причем и государственная граница не мешала совершить покушение. Известно, что КГБ как минимум два раза пытался убить Солженицына.

Советские лагеря пережили период «оттепели». В новое время они вошли в существенно ужатом виде, да и условия содержания улучшились. Наступил второй период их становления в эпоху «после» ГУЛАГа. При Брежневем демонтаж лагерной системы был остановлен, что положило начало третьей фазе. Сталинский архипелаг пережил очередную метаморфозу, и новая ценностная парадигма обрела рамки в полном соответствии с окружающей действительностью. Во многих лагерях ужесточились условия содержания, напомнив о бесчеловечном обращении прошлого. Анатолий Марченко в «Моих показаниях» писал, что нынешние советские лагеря для политических заключенных мало чем отличаются от сталинских. В чем-то они лучше, но во многих отношениях стали хуже. Другое его наблюдение служит доказательством процесса быстрой деградации лагерных условий в СССР.

Всего через два года после освобождения Марченко попал в те же самые места и просто не узнал их — столько появилось нововведений. Заключенных стали брить наголо, пользоваться своей одеждой запрещалось, ввелось ограничение на переписку с родными и получение посылок. Администрация пользовалась правом чаще проводить обыск и конфискацию личных вещей. И пускай лагерная система больше не называлась ГУЛАГом, она унаследовала старую инфраструктуру, традиции и методы работы с контингентом. Все было создано десятилетиями ранее: и места заключения, и промышленные предприятия, нуждающиеся в труде заключенных. А что касалось местного населения, то оно и без того давно свыклось с присутствием зэков.

Хотя с конца 1960-х годов наблюдается рост числа политических заключенных, их доля среди общего количества лиц, помещенных в места заключения, в сравнении

с эпохой ГУЛАГа была значительно меньше. Существование «политических» вообще не признавалось на официальном уровне, хотя таковые имелись. По оценкам международной неправительственной организации *Amnesty International*, на 1970 год из миллиона заключенных один процент был приговорен к разным срокам за свои убеждения. Из них большая часть находилась в мордовских или пермских лагерях.

УПОРСТВУЮЩИЕ КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

Диссидентское движение, возникнув в годы хрущевской «оттепели», обрело более конкретные формы в период «застоя». Его представители не ставили задачи насильственной борьбы против власти или идеологии, они апеллировали к советским законам и официально провозглашенной идеологии. Тем не менее они подвергались преследованиям со стороны государства. Движение представляло собой альтернативный голос внутри страны, его представители видели в информировании общественности на Западе о политических репрессиях в СССР одну из форм противодействия правительству.

Одним из первых проявлений массового инакомыслия стало движение крымских татар. Каждая татарская семья имела опыт репрессий и преследований, о них говорилось в открытую, что создало некий иммунитет против государственной пропаганды. В 1961 году в Ташкенте возникла нелегальная подпольная организация «Союз крымско-татарской молодежи». Сегодняшний лидер крымских татар Мустафа Джемилев восемнадцатилетним пареньком горячо включился в деятельность организации. Вспоминая те годы, он говорит, что было много пессимистов, полагававших, что советская система попросту уничтожит всех. Однако моло-

дые люди требовали действий хотя бы для того, чтобы ощутить себя людьми. Вероятно, молодость позволила организации крымских татар стать впоследствии одной из самых активных правозащитных организаций в Советском Союзе. Со временем деятельность созданного союза охватила всех представителей этого этноса.

* * *

Первые десять лет после принудительного переселения в Центральную Азию крымские татары провели в трудовых и переселенческих лагерях под пристальным надзором органов, искоренявших любую попытку создания чего-либо даже отдаленно напоминающего политическую организацию. После смерти Сталина в апреле 1956 года указом Верховного Совета СССР крымские татары были сняты с режима спецпоселения без права вернуться в Крым. Подрастала новая генерация молодежи — поколение рожденных во время депортации или уже в ссылке. Нужно было что-то делать.

Активисты из первого поколения депортированных верили, что советская система найдет решение их проблемы, что главное — найти точки соприкосновения. Под обращениями в советские органы власти собирали десятки тысяч подписей. Все документы формировались согласно официальному протоколу: текст должен был содержать обязательную клятву верности советской власти и перемежаться цитатами из работ В. И. Ленина. Молодому поколению крымских татар было проще сформировать критический взгляд на действительность. Поскольку они не верили, что советская власть стремится вернуть крымских татар на родину, они заняли позицию давления на власть путем привлечения внимания к своей деятельности в рамках страны и за рубежом.

В 1966—1967 годах в разных городах Центральной Азии прошли многотысячные выступления крымских татар, итогом которых стал выход 9 сентября 1967 года указа, снявшего обвинения в адрес народа. Позже осенью того же года правительство сняло все обвинения в сотрудничестве крымских татар с нацистами. Однако о возвращении на родину речи быть не могло: в постановлении № 494 хоть и подтверждалось право татар селиться на территории СССР (включая Крым), но это заявление сопровождалось добавлением, что делать это можно «в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме». Фактически лишь нескольким семьям удалось переселиться на родину.

Поток обращений в советские государственные органы продолжался. По ситуации на 1968 год порядка 4000 представителей крымских татар посетили Москву, желая попасть на аудиенцию к высшим должностным лицам государства, довести до них требуемую информацию и заручиться поддержкой движению, но это не принесло результатов. Десятки тысяч татар предпринимали попытки неофициально вернуться в родные места. Они мечтали любыми способами закрепиться в Крыму. Они продавали, иной раз за бесценок, свои дома в Узбекистане и переезжали в Крым, но в 1967 году там была введена прописка, а руководителям предприятий была разослана директива — не принимать татар на работу. Здесь они покупали, иногда втридорога, дома во всех районах полуострова — в городах и сельской глуши, на побережье и в степной местности. Власти Крыма предупреждали жителей: не продавайте дома крымским татарам — у вас будут неприятности. Приезжих не прописывали и не давали разрешения на работу, а государство получало возможность на вполне законных основаниях повторно изгнать татар из Крыма или даже осудить. Многие переселившиеся в Крым

подвергались угрозам и насилию со стороны властей. Позже специальное постановление 1978 года предоставляло МВД СССР широкие полномочия по изгнанию татар из Крыма и воспрепятствованию их возвращению.

Случай с крымскими татарами продемонстрировал общий низкий уровень проводимой СССР политики в области прав человека. Возвращение татар в Крым казалось невозможным до тех пор, пока весь Советский Союз не встал бы на путь демократизации и обеспечения гарантий прав гражданина и свободы волеизъявления. Однозначно положительным можно считать то, что движению татар удалось завязать контакты со многими правозащитными организациями по всей стране. Некоторые из татарских активистов начали, подобно диссидентам, высказываться относительно ситуации с правами человека в Советском Союзе, касаясь, в частности, ввода войск в Чехословакию в 1968 году и в Афганистан в 1979 году, которые вызвали у них бурю негодования.

Перепечатанные под копирку на машинке воззвания крымских татар ходили по рукам. Организовывались митинги и встречи, в особенности приуроченные к 18 мая, дню памяти жертв депортации крымских татар. В 1969 году на одной из московских площадей активисты предприняли попытку провести митинг, однако он был жестоко разогнан сотрудниками КГБ и МВД.

* * *

Активная деятельность крымско-татарских активистов с самого начала порождала массу проблем. В 1960-е татар не принимали на факультеты Ташкентского госуниверситета. Мустафа Джемилев поступил в сельскохозяйственный институт, но уже в 1965 году его отчислили по обвинению в национализме. Уволили его и с рабочего места. За отказ от

воинской службы Джемилеву дали первый полугодовой срок.

Очередной арест последовал в сентябре 1969 года в связи с обвинением в «составлении и распространении документов, порочащих советский государственный и общественный строй». 12 января ташкентским судом Джемилев был приговорен к лишению свободы на три года. На взгляд самого Джемилева, это была месть властей за создание вместе с Андреем Сахаровым и тринадцатью другими инакомыслящими «Инициативной группы по правам человека в СССР». Пожалуй, самый известный судебный процесс против него прошел в 1976 году в Омске, где в качестве основания для предъявления обвинения стала фраза, якобы сказанная Джемилевым, что крымские татары не обладают такими же правами, как остальные народы. Да, такая фраза была озвучена, но КГБ нуждался в свидетелях, для чего они убедили Владимира Дворянского, осужденного за убийство, дать ложные показания. Правда, на суде тот отказался от показаний, данных им на следствии, заявив, что его вынудили их дать угрозами.

Андрей Сахаров и группа татарских активистов специально прилетели в Омск, чтобы присутствовать в зале судебных заседаний, но туда, кроме подобранной публики и гэбистов, допустили только родных Мустафы: его мать, брата Асана и сестер. Позже Сахаров напишет: «Мустафа, который продолжал голодовку, еле стоял на ногах. Судья перебивал его на каждом слове, практически не давал ничего сказать. Но особенно судья пришел в неистовство, когда Дворянский отказался от своих показаний, ранее данных, с таким трудом выбитых у него показаний. Рушилось все обвинение!»¹ Обстановка в зале суда и за дверями накалялась. Возникла пота-

1. «Нет силы, способной свернуть этого человека с избранного им пути». Мустафа Джемилев. URL: <https://ru.krymr.com/a/mustafa-dzhemilev-75-let/29583337.html>.

совка, в которой Елена Боннэр и Андрей Сахаров ударили по лицу гэбистов в штатском. Обоих задержали и выпустили только после оглашения приговора. Мустафе Джемилеву дали два с половиной года тюремного заключения. Он продолжил голодовку.

Умереть ему не дали. В тюрьме надзиратели боялись смерти Джемилева и подвергали его процедуре принудительного кормления через зонд, а также ставили глюкозную капельницу внутривенно. Прекратить голодовку, продолжавшуюся беспрерывно в течение 303 дней — это самая продолжительная голодовка в истории диссидентского движения в СССР, — он решил только после записки Андрея Сахарова: «Дорогой Мустафа, сынок. Прошу тебя об одном: прекрати голодовку. Твоя смерть только обрадует наших врагов. Срочно прекрати голодовку!»¹

1. «Мустафа Джемилев: Я обязательно вернусь домой». URL: <https://culture.pl/ru/article/mustafa-dzhemilev-ya-obyazatelno-vernus-domoy>.

* * *

В общей сложности Мустафа Джемилев семь раз попадал в места лишения свободы и провел там более 15 лет. Самым сложным испытаниям он подвергся в 1986 году в лагере под Магаданом. Остальная страна уже жила духом перестройки, но здесь условия содержания заключенных, да еще и зимой, были близки к ГУЛАГовским. Потребовавшего улучшений режима Джемилева вызвали к начальнику.

В своем интервью он рассказывает: «Меня привели к начальнику лагеря, который хамским тоном заявил: «Значит, слушай, сейчас тебе дадут чистую бумагу, на которой ты напишешь, что отказываешься от всех антисоветских взглядов и обещаешь быть нормальным человеком. Если ты этого не сделаешь, никогда отсюда не выйдешь». После этих слов он достал из стола фотографию, на которой

были моя жена и ребенок. «Их ты тоже никогда не увидишь. Советская власть и не таких ломала». Конечно, дать достойный ответ на подобное хамство мог только сильный духом человек. Перейдя на блатной язык, Мустафа Джемилев ответил: «Начальник, ты же по жизни шестерка! Ты будешь выполнять то, что скажут твои руководители. Если тебе завтра скажут, будешь мне туфли чистить. Так что не строй из себя вершителя судьбы! Этих людей, фото которых ты украл из моего конверта, я давно не видел. Сука, только попробуй их тронуть». Его отправили в карцер на два месяца. В карцере сидели еще несколько головорезов, которым было дано задание убить Джемилева, но он сумел найти выход из той ситуации. После Джемилев узнал, что начальник лагеря умер, разбившись на автомобиле, управляя им в нетрезвом виде.

«Ты проклял начальника», — шепнул ему надзиратель.

ДИССИДЕНТЫ ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

В 1965 году ни у кого не оставалось сомнений в том, что период «оттепели» закончился, а к власти пришли неосталинисты. В следующем году Юрий Андропов был назначен руководителем КГБ и на пятидесятилетнем юбилее ВЧК он воспевал достижения спецслужб.

Одновременно с этим с подачи Брежнева началась политика ужесточения мер против критически мыслящей интеллигенции. Писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля арестовали осенью 1965 года, а в феврале следующего года осудили по статье «антисоветская агитация и пропаганда». Поскольку в СССР их художественные произведения не печатались, писатели переправляли их на Запад, где публиковались под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак.

Вынесенные им приговоры вызвали ощущение возврата сталинизма и политически ангажированных судилищ.

Однако что-то все же поменялось. Писатели не были особенно известны. КГБ потребовалось время, чтобы узнать их истинные имена, однако суд над Синявским и Даниэлем вызвал невиданную по своему размаху волну протестов в Советском Союзе. Многие из тех, кто испытал дух свободы в эпоху перемен, теперь не желали спокойно созерцать возвращение политического террора. В акциях протеста принимали участие самые разные люди: университетские преподаватели, научные работники, художники, награжденные Государственными премиями известные писатели и т. п. Появились новые формы протеста, к примеру, открытые письма и обращения против произвола и преследований, распространяемые неофициально. И здесь речь не шла только о недовольстве узкой культурной прослойки населения, но о широком общественном движении.

Движение советских диссидентов обрело основу. Поколение демократически мыслящих советских граждан разделило с крымско-татарским народом идею пассивного сопротивления власти. Они не хотели уходить в подполье и прибегать к насильственным методам борьбы. Наоборот: своим оружием они избрали законность.

По инициативе математика и поэта Александра Есенина-Вольпина в День Конституции СССР 5 декабря 1965 года на Пушкинской площади в Москве впервые за многие годы прошел митинг, участники которого — студенты и интеллигенция — обращались к власти с требованием уважать собственную Конституцию и требовали открытого судебного процесса по делу Синявского и Даниэля. Поскольку митинг не был санкционирован, КГБ разогнал его в считанные минуты. Студентов исключили, кого-то из организаторов отправили в психлечебницы, но и эти малые мгновения

самым решительным образом повлияли на мировоззрение многих.

Несмотря на письма видных деятелей в защиту писателей, мощную реакцию общественности, на убедительную защиту адвокатов, Андрей Синявский получил семь лет колонии строгого режима и после досрочного освобождения сумел с семьей эмигрировать во Францию. Юлий Даниэль был осужден на пять лет. Он полностью отсидел свой срок, обосновался в Калуге и ни разу после этого не побывал в Москве.

Вскоре после дела Синявского-Даниэля власти затеяли показательный судебный процесс против группы украинских интеллектуалов в Киеве. Позже были арестованы и отданы под суд те, кто занимался копированием и тайным распространением протоколов судебных заседаний. «Мои показания» Анатолия Марченко разошлись самиздатом по стране и были изданы за рубежом — так западная общественность узнала, что в СССР советские лагеря и политические заключенные никуда не исчезли.

* * *

В последующие годы правозащитное движение постепенно набирало обороты. Попытки спецслужб уничтожить его приводили к росту количества участников. За митингами следовали репрессии, за ними возникали протесты и так далее. В 1960—1970-х годах правозащитники заостряли свое внимание не только на ГУЛАГе, но и на стоявших перед советским обществом насущных проблемах. Анализ репрессий и вынесенных приговоров высветил нарушение прав человека в стране.

Группа иностранных и советских диссидентов направила в 1967 году Леониду Брежневу коллективное письмо, предупреждая его об опасностях реставрации сталинизма,

и просило о прекращении репрессий. Среди десятков «подписантов» можно упомянуть имена академика Андрея Сахарова, лауреата Нобелевской премии Игоря Тамма и балерины Майи Плисецкой, Петра Якира и Антона Антонова-Овсеенко. Имели место и более решительные действия. 25 августа 1968 года в 12 часов дня небольшая группа пришла на Красную площадь и, сев на парапет у Лобного места, развернула лозунги: «Руки прочь от Чехословакии!», «За вашу и нашу свободу!», «Позор оккупантам!» Эта манифестация продолжалась всего несколько минут, затем к ее участникам подбежали сотрудники КГБ, которые, как оказалось, хорошо знали время и место готовящейся демонстрации, вырвали из рук плакаты и арестовали всех участников.

Исследователь инакомыслия в СССР Александр Даниэль указывает, что в этот период в стране насчитывалось более 700 диссидентов, объединившихся в различные правозащитные группы. В советских условиях это было много — критиковать систему осмеливался далеко не каждый, ведь вполне реальную опасность для всякого возвысившего свой голос представляли тюрьмы, лагеря, психушки и даже смерть. Казалось бы, протестное движение имело небольшие масштабы, часто оно разгонялось с серьезными для участников последствиями, но для властей являлось бельмом на глазу, так как общественный резонанс от акций получался куда большим, нежели действительное количество участников.

Как указывает Стивен Коэн, в диссидентском движении женщины играли весьма важную роль. Они занимались переписыванием статей, отвечали за их хранение и распространение, обеспечивали скрывающимся от преследования властей диссидентам укрытие — и на фоне всего они еще сдерживали своих мужей от чрезмерного пьянства.

* * *

Рубеж 1960—1970-х годов характеризовался возрождением советской лагерной системы. По мере роста количества инакомыслящих и укрепления их позиций начало увеличиваться количество так называемых «узников совести». Однако среда политических заключенных была разноликой: кроме диссидентов, в лагерях сидело много советских военных, принявших сторону восставших в Венгрии, еврейские «отказники» и члены религиозных сект.

Репрессивные методы эпохи Брежнева отличались тем, что КГБ должен был иметь хорошие основания или как минимум весомый предлог для преследований граждан. Таковым оказывалось обвинение в антисоветской пропаганде на основании политических, религиозных или иных причин. Произвол спецслужб сохранился, только теперь органам приходилось хотя бы для видимости обосновывать аресты недовольных. Еще одной особенностью диссидентов было то, что в отличие от безвинно осужденных в 1930—1940-е, они желали видеть себя в качестве политических заключенных, и с ними обращались как с политическими. Они воспринимали себя наследниками жертв сталинских преследований, следующим поколением лагерников.

Имелись и другие различия между «политическими» времен ГУЛАГа и наших дней. Если в ГУЛАГе уголовников и «политических» могли содержать — нарочно или по недосмотру — в одной зоне и только считавшиеся наиболее опасными осужденные по 58-й статье могли сидеть отдельно, то в послегулаговское время «политические» помещались отдельно от «блатных», их миры практически не соприкасались. У «политических» был собственный режим содержания, их даже одевали в специальные робы. Далее: представления о ГУЛАГе были достаточно размытыми. О нем

если и говорили, то говорили шепотом, а за рубежом так и вообще не имели представления относительно масштабов и значения советских лагерей для общества и экономики «страны победившего социализма». Новые же «политические» всеми способами пытались создать шумиху вокруг пенитенциарной системы СССР: описания жизни на зоне и в психлечебницах ходили по рукам, «узники совести» обращали свои взоры на Запад, чтобы рассказать о масштабах угнетения в Советском Союзе и заручиться поддержкой извне. Еще в 1930-х годах спецслужбы могли с легкостью арестовать и расстрелять любого, и никто не узнал бы о случившемся, но теперь сведения о задержании по политическим мотивам быстро доходили до иностранных СМИ, становясь инфоповодом. Хотя все эти факты препятствовали огульным и предумышленным действиям властей в отношении инакомыслящих, ситуация каждого из них была по-своему непростой, и вряд ли стоит преуменьшать тяжесть выпавших на их долю испытаний.

САМИЗДАТ И ПАТОЛОГИЯ ЛАГЕРЕЙ

Наряду с диссидентством сформировалось и другое явление, известное как самиздат — способ неофициального и неподцензурного производства и распространения литературных и прочих текстов в СССР. Ходившие по рукам, изданные подпольным образом произведения отечественных и зарубежных авторов сыграли большую роль в повышении уровня критического мышления общества, в частности в размышлениях о судьбах лагерей.

Уже в период «оттепели» власти активно запрещали издание некоторых произведений, авторы которых обращались к теме ГУЛАГа и политических репрессий в СССР. В период застоя цензура еще больше ужесточилась. Один

из идеологов самиздата журналист Александр Гинзбург в 1959–1960-х годах занимался составлением и распространением среди своих знакомых и друзей самиздатского поэтического альманаха «Синтаксис». За ним последовал целый ряд других произведений — романов, мемуаров. Некоторые не прошедшие жесткое сито официальной цензуры книги также распространялись подпольно. Через некоторое время самиздат стал целой сетью по изданию и распространению запрещенной литературы. Есть версия, что главным толчком для возникновения самиздата как явления стала необходимость обсуждения в обществе явления ГУЛАГа и преступлений сталинской эпохи. Хотя заниматься самиздатом было небезопасно, многие шли на такой риск, и благодаря этим истинным подвижникам «Архипелаг ГУЛАГ» и многие другие посвященные лагерной теме произведения нашли своих читателей.

По мере формирования подпольной сети распространения текстов появились самиздатовские журналы. Советское общество, пресыщенное официальной пропагандой, буквально поглощало неофициальные издания, распространявшиеся в период с 1960-х по 1980-е годы. Подпольные газеты содержали информацию о нарушении прав человека в стране, об увольнениях, арестах, судах над диссидентами, лагерях, принудительном психиатрическом лечении, выступлениях и демонстрациях и издававшихся в самиздате литературных произведениях. В качестве примера можно привести Декларацию ООН о правах человека, подписанную СССР в 1948 году с внесенными в нее в 1975 году в рамках Хельсинкских соглашений изменениями касательно свободы слова и вероисповедания — кстати, также ратифицированных Советским Союзом. Диссиденты требовали относиться с уважением к подписанным документам.

Широкий размах приобрело подпольное распространение неофициальной музыкальной культуры. Записи выступлений Александра Галича, Юза Алешковского, Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого переписывались на бобины и кассеты и расходились по стране. Спецслужбы тщетно пытались выявить и уничтожить подпольные студии, но ресурсов даже такой мощной организации, как КГБ, оказывалось недостаточно. Рядом со словом «самиздат» возник термин «тамиздат», им назывались запрещенные в СССР книги и журналы, вывезенные и изданные за рубежом, то есть «там».

В конце 1960-х годов о ГУЛАГе и советских лагерях заговорили за пределами Советского Союза. Книга отсидевшей восемнадцать лет в сталинских лагерях Евгении Гинзбург «Крутой маршрут» была издана в 1967 году в Германии, «Воспоминания» Надежды Мандельштам вышли в Великобритании в 1970 году, затем настал черед «Архипелага ГУЛАГ», изданного в 1973 году в Париже. В начале 1970-х годов Айно Куусинен опубликовала «Господь низвергает своих ангелов». Западные историки опубликовали свои исследования советского террора. Одним из первых стал американец Роберт Конквест, издавший в 1968 году книгу «Большой террор: сталинские чистки 30-х», посвященную «ежовщине». Началось вскрытие гнойника лагерей.

* * *

Писательские круги активно включались в полемику вокруг советской власти. Андрей Синявский и Юлий Даниэль задали тон, к ним присоединились Василий Аксенов и Ирина Ратушинская, и все они довольно скоро ощутили на себе месть государства за открытую критику в свой адрес. Такая же судьба коснулась и Солженицына,

чьи книги вышли в «тамиздате». Вообще, в случае с Солженицыным и другими уехавшими или выдворенными из СССР писателями незаконные поставки их книг читателям происходили в обратном направлении: произведения, вполне официально изданные на Западе, тайно ввозились в страну. Вдобавок в Советском Союзе продолжали работать малоизвестные за рубежом, но популярные у себя дома авторы, включавшие в тексты своих произведений разнообразные намеки на свой лагерный опыт. Это называлось «писать между строк».

Пожалуй, наибольшую известность приобрел Юрий Трифонов. Его собственных родителей репрессировали еще в 1938 году, что не могло не отразиться на личности писателя. В начале своего творческого пути Юрий Трифонов восхищенно отзывался о власти, а его литературный дебют — повесть «Студенты», написанная в духе соцреализма, — принесла автору Сталинскую премию и широкую известность. Однако позже он переменял свои взгляды и издал книгу «Отблеск костра», посвятив ее судьбе репрессированного отца. В последующем творчестве Трифонов не раз обращался к теме репрессий, не пытаясь перешагнуть через установленные цензурой рамки. Самым известным его произведением стал «Дом на набережной».

Произведение Абрама Терца, то есть Андрея Синявского, «Голос из хора», представляется одной из наиболее интересных книг диссидентской литературы. Книга составлена из фрагментов писем — Андрея Синявского к Марии Розановой. Но фрагменты эти отбирал и выстраивал Абрам Терц. Конечно, письма проходили сквозь цензуру, но автор и не писал ничего об условиях содержания в лагере, а только о разрешенных вещах: о литературе, искусстве, религии и природе. Среди размышлений можно

найти описания местных примечательных людей, в текст вкраплены его попытки «разынтеллигентиться» путем использования лагерного фольклора и выражений эзков. Для него тюремный фольклор — это элементы фабулы, а заключенные — обертоны темы «писателя в лагере». Книга представляет собой сплав дневника, романа в письмах, автобиографии, эссе и философских размышлений. Раздробленные наблюдения создают хронику лагерей Советского Союза. Голос заключенных выделен курсивом — они и есть тот самый «хор», в котором пронзительной нотой звучит голос самого автора: «Если жизнь пуста и скучна, одежда сера, то на этом бескрасочном фоне лицу предоставлено право повышенной изобразительности. Ему отводится место — восполнить недостающие звенья и ответить за человека». Герой находит в лагерях параллельный советской действительности мир, насыщенный будничностью и глубинной философией.

Официально признанные авторы, желавшие представить читателям свои критические размышления относительно происходящего и обойти цензуру, использовали самые различные способы. Подходящим примером здесь являются братья Стругацкие, описывавшие в своих фантастических произведениях репрессивную советскую политику. Наиболее заметно это в таких книгах, как «Трудно быть богом», «Пикник на обочине» и «За миллиард лет до конца света».

Реакция властей на самиздат и критику в свой адрес следовала незамедлительно: на писателей оказывалось давление, некоторых выдворяли из страны. Однако издание критических размышлений и самиздат стали показателем назревавших в обществе перемен. Справедливости ради стоит сказать, что диссидентская литература представляла собой узкий срез культурной жизни. Ее представи-

тели в силу своей малочисленности, неподготовленности властей и общества были не в состоянии инициировать признания государством совершенных преступлений и примирения с прошлым. Тем не менее они стали свидетельством того, что далеко не все советские граждане принимали государственную политику утаивания фактов прошлого и настоящего.

МОРДОВСКИЕ ИСТОРИИ

«Весь юго-западный угол Мордовии перекрещен колючей проволокой, заборами особой конструкции, утыкан вышками, залит по ночам светом спаренных прожекторов. Здесь повсюду развешены таблички: «Стоять! Запретная зона!» и по-мордовски: «Тят сувся! Запретная зонась». Здесь чаще, чем мордвина, встретишь солдата, конвоира, охранника, здесь полным-полно офицеров. Здесь на душу населения их приходится больше, чем овец на душу на Кавказе. Здесь вообще встала на дыбы вся статистика: и соотношение мужчин и женщин, и возрастной, и национальный состав населения. Дети нынешних заключенных приезжают сюда «на свиданку» со всех концов необъятной многонациональ-

1. Марченко А. Мои показания. М.: ОГИ, 2005.

ной страны»¹. Такую картину дает в своей книге Анатолий Марченко. В стихотворении «Часовой» Юлий Даниэль называет Мордовию «богом проклятой дырой». Стоит заметить, что здесь речь идет о лагерях уже брежневской, а не сталинской поры.

В СССР Мордовия наряду с Пермской областью стала одним из важных центров размещения лагерей. Здесь находились в заключении Синявский, Даниэль, Марченко и многие другие осужденные по политическим статьям. Именно сюда мы решаем заглянуть по пути в Новосибирск,

а именно в Потьму и Явас, с целью обнаружить следы ГУЛАГа. Увы, ничего подобного найти не удалось — лагерная история здесь полностью стерта. Правда, в Потьме имеются остатки железнодорожной ветки, использовавшейся для этапирования заключенных, а в Явасе функционирует больница, открытая здесь в пятидесятых годах. За зданием больницы — кладбище, но и там не осталось ни одной могилы: погибшие в лагере давно покоятся под более поздними захоронениями.

По этой самой «железке» в «столыпине» привезли в мордовские лагеря Анатолия Марченко. В дороге ему давали кусок хлеба, соленую селедку и щепоть сахара. Поили на усмотрение конвоиров. Нормированное питание в 1960-е было никудышным, заключенным приходилось туго, и только к концу 1970-х годов обеспечение лагерей стало более-менее отлаженным. Если голод был частым гостем в здешних лагерях, то характер труда поменялся. Марченко определили на погрузочные работы, многие заключенные работали в ткацких мастерских. Контингент делили на три категории: привилегированные, обычные и содержащиеся в строгом режиме. «Политических» относили к последней группе.

* * *

В разных советских лагерях брежневской поры условия содержания могли сильно отличаться, что, соответственно, сказывалось самым непосредственным образом на психическом здоровье и выживании заключенного. Многие ужасы ГУЛАГа исчезли, но на их место пришли новые: в 1960-е в тюрьмах и лагерях появился туберкулез — до сих пор не изжитый пенитенциарной системой современной России. На фоне низкого уровня медицинского обслуживания заболевание быстро приобрело масштабы эпидемии, редко кому удавалось избежать заражения, ведь в качестве лече-

ния назначалось часто обычное обезболивающее. Многие заключенные подсаживались на чифирь, обладающий психостимулирующим эффектом и вызывающий зависимость. С воли в места лишения свободы регулярно попадали алкоголь и гашиш.

Обычным делом было нанесение себе увечий. Осужденные глотали гвозди, куски колючей проволоки, ложки — все, что угодно, лишь бы вырваться хоть на время из лагерной реальности. Весьма распространенным было поедание табака: у человека подскакивала температура, и его отправляли отдохнуть в больницу.

Не везде осужденных по уголовным и политическим статьям содержали отдельно, что приводило к вспышкам насилия со стороны первых, однако известны примеры уважительного отношения блатарей к политическим. Владимир Буковский вспоминал, с каким любопытством уголовники интересовались целями противостояния диссидентов и властей, — они никак не могли взять в толк, почему те действуют не из корыстных побуждений, не за деньги.

Начиная с 1960-х годов осужденные знали о своем статусе политических заключенных, поэтому частенько устраивали голодовки или отказывались выходить на работы, требуя улучшений режима содержания, что само по себе свидетельствует о более свободной атмосфере в местах лишения свободы. Однако лагерное начальство все равно действовало на свое усмотрение, давая привилегии или отменяя их. Практиковалось принуждение заключенных к сотрудничеству с администрацией, непокорных же могли легко отправить в ШИЗО, где условия нахождения мало чем отличались от гулаговских. Изоляторы представляли собой крошечные камеры с грязным мокрым полом и разбитым окном, деревянными нарами без подушки и одеяла. Ночью спать мешал холод, днем же настоящей мукой для заклю-

ченного становилось полное безделье, но не везде: в лагере Пермь-36 при изоляторе имелась небольшая мастерская.

Официально отправить осужденного в карцер можно было не более чем на две недели, однако это правило легко нарушалось: если не находилось новой причины, то заключенного выпускали на короткое время на прогулку, после чего вновь отправляли под замок на следующие две недели. Если администрация хотела сломить кого-нибудь, его отправляли в ШИЗО за мельчайшую провинность, например, за то, что он слишком медленно двигается в очереди. Некоторые диссиденты не выдерживали жестокого обращения и соглашались выступить по радио или телевидению с признанием своей несуществующей вины.

АРХИПЕЛАГ БЕЗУМНЫХ

После расформирования ГУЛАГа одной из форм государственного террора в СССР, помимо лагерей, стало определение на принудительное психиатрическое лечение. Собственно, практика была не нова: в 1919 году одного из руководителей левых эсеров Марию Спиридонову большевики отправили в психлечебницу. В 1930-е годы была создана первая психиатрическая клиника для заключенных, но вынесение психиатрических диагнозов с целью борьбы с инакомыслием приобрело особый размах в конце 1960-х годов.

В 1967 году политбюро вынесло решение по делу Владимира Буковского. Посчитав его слишком известным, чтобы отправить в лагерь, власти определили его в сумасшедший дом, ознаменовав тем самым начало новой эры планомерного применения подобной меры пресечения по отношению к собственным гражданам. Собственно, на принудительное лечение, кроме диссидентов, направляли тысячи

вполне психически здоровых, ни в чем не повинных людей, на основании их общественной деятельности или из-за их политических или философских убеждений. Критиковавшие подобные методы современники напрямую говорили о лишенной какого-либо научного обоснования «карательной советской психиатрии».

Граждан, не вписывающихся в систему советских ценностей и признанных по этой причине психически ненормальными, отправляли на месяцы, а то и годы в одну из многочисленных психлечебниц. Те, кому повезло больше, попадали в обычные учреждения — переполненные, обветшавшие и грязные, с контингентом из алкоголиков и насильников. Так или иначе, эти больницы находились на балансе Минздрава, где пациентов не лишали права на свидания с родными и переписку. В такого рода лечебнице в 1980-е на несколько недель оказался эстонский музыкант Виллу Тамме за участие в панк-рок-группе и соответствующий стиль одежды. Опять же расцениваемых как опасный элемент диссидентов направляли в психлечебницы КГБ, которые фактически представляли собой аналог тюрем забором из колючей проволоки, с вооруженной охраной.

В психушку можно было угодить, если в лагере не выдерживала психика. Марченко приводит случай, как один из пациентов лагерной больницы отрезал себе пенис и пытался бросить его из окна в начальника. В итоге его изолировали как ненормального.

Истощение системы ГУЛАГа и стремительное сокращение количества лагерей компенсировалось властью использованием психиатрии в политических целях. Как правило, граждан экскульпировали, то есть проводилось психиатрическое освидетельствование с последующим помещением на принудительное лечение. В 1960-х годах это стало мощным фактором политического воздействия на советских

граждан. Во всяком случае, если в 1929 году в стране насчитывалось 20 тысяч психически больных, то через полвека их численность приближалась к полумиллиону, когда сеть психиатрических больниц охватила всю страну, став своего рода «новым ГУЛАГом». Многие здания до сих пор эксплуатируются по своему прямому назначению.

* * *

Если диссидентство не победить — его надо медикализировать. Именно такую интерпретацию инакомыслия КГБ навязывал советскому обществу. Достаточно объявить диссидентов безумцами, чтобы выбить у них из-под ног почву, ослабить их влияние на сограждан.

Удивительно, но большинство советских психиатров не отказались сотрудничать с властью. Одни согласились ставить «нужные» диагнозы, чтобы сохранить свое место, другие поддались угрозам, третьи были совершенно искренне уверены в ущербности антигосударственного элемента. Печальную известность приобрел Центральный институт судебной психиатрии имени В. П. Сербского, специалисты которого приняли самое непосредственное участие в узаконивании методов психиатрических репрессий.

Одним из эксклюзивных, разработанных специально для диссидентов «диагнозов», точнее, приговоров, стала «вялотекущая шизофрения». Эта концепция была принята в СССР и некоторых восточноевропейских странах, но не была признана международным научным сообществом. Светила от советской науки описывали в статьях заболевание, проявлявшееся в форме навязчивой идеи «стремления к правде и истине», к «реорганизации общества», но не оставлявшее органических следов в ткани мозга. Такой подход создавал почву для злоупотреблений: диссидентам и правозащитникам с легкостью ставились диагнозы, и их

госпитализировали на неопределенный срок, «до выздоровления». Можно задаться вопросом: какова логика? Поскольку страна обеспечивает трудом, жильем и достатком, исполняя все основополагающие потребности гражданина, то жаловаться ему не на что. Ну а если кто-то пытается критиковать государственную политику, зачитывается запрещенной литературой, воцерковляется или пытается эмигрировать из страны — его психический статус требует стороннего вмешательства. Вдобавок еще Никита Хрущев говорил, что у представителя социалистического общества не может быть иного мнения, кроме социалистического, а если таковое проявлялось, такой человек однозначно безумен.

Власти поступали весьма хитроумно. Диагноз «вялотекущая шизофрения» подразумевал, что пациент может производить впечатление вполне здорового человека, а на самом деле носит внутри себя безумные идеи. Врачи утверждали, что инакомыслие может быть обусловлено болезнью мозга, когда патологический процесс развивается очень медленно, мягко, а другие его признаки до определенного времени, иногда до совершения криминального поступка, остаются незаметными. Не правда ли, определение напоминает сталинскую категорию «враг народа»? Если по внешним признакам такую болезнь нельзя было выявить, то фактически на основании такого диагноза кого угодно можно было отправить «подлечиться». Так оно и было: диагноз применялся по отношению к любому, занимавшему критическую по отношению к советской власти позицию.

Диагноз поставлен — надо лечить. Те из осужденных, кто признавался, что корень их антисоветских позиций лежит в их психическом заболевании, после лечения оказывались на свободе. Неподатливые же могли надолго застрять в лечебных учреждениях. Советские психиатры не

доверяли психоанализу и прочим западным методикам, считая их чем-то «от лукавого». Они отдавали предпочтение традиционным, проверенным методам. В качестве лечения применялась электроконвульсивная и инсулинотерапия, вызывавшие сильнейшую боль, а в некоторых случаях имевшие необратимые последствия для состояния здоровья «пациентов». Жертвам давали нейролептики, как если бы те действительно страдали психическими расстройствами, и другие запрещенные на тот момент на Западе психотропные препараты. Лекарства могли вызывать повышение температуры, тремор и другие крайне неприятные симптомы. Некоторые методы лечения граничили с насилием. Применялось закручивание непокорных мокрыми простынями или полотенцами, которые, высыхая, нестерпимо сжимали тело, препятствуя нормальному дыханию. Вследствие применявшихся методов «лечения» пациенты приобретали постоянные отклонения в физическом и психическом состоянии, у них появлялись апатия и непроизвольные тики, так что многие попавшие в психиатрические лечебницы диссиденты через некоторое время начинали и в самом деле напоминать настоящих больных.

* * *

Писатель и диссидент Валерий Тарсис в автобиографической повести «Палата № 7» описывает события, происходящие в одной советской психиатрической больнице. Сам он пробыл в ней с августа 1962-го по март 1963 года за свои неудобные для власти тексты. После публикации повести Тарсису пришлось эмигрировать из Советского Союза. Магистральной темой книги является царящая в сумасшедшем доме беспросветная тоска. Заняться нечем, даже у психически здоровых людей со временем начинают проявляться признаки помутнения сознания. Ни один из пациентов кли-

ники не виновен ни в чем ином, кроме как в том, что стал частью советского общества. Единственным действительно счастливым персонажем является самый настоящий душевнобольной — он и есть своего рода «луч света» во мраке советской психушки.

Одним из многих диссидентов и правозащитников, находившихся на обследовании или на лечении, был Иосиф Бродский. В его поэме «Горбунов и Горчаков» действие разворачивается в одной из ленинградских психиатрических больниц. Произведение написано в форме диалогов, его сквозной темой является абсурдность системы и всего Советского Союза. Подобной тематике посвящена и пьеса Венедикта Ерофеева «Вальпургиева ночь».

Голоса против принудительного психиатрического лечения раздавались в СССР еще в 1960-е годы, а через десяток лет о недопустимости подобных методов заговорили и за рубежом. Всемирная психиатрическая ассоциация лишила СССР членства именно по этой причине, правда, никакого эффекта «за железным занавесом» не последовало. Практика психологического насилия продолжалась несколько десятилетий.

Действительное количество пострадавших от рук советских психиатров до сих пор неизвестно. Уточнение статистики осложняется тем, что в больницах, помимо диссидентов, находились действительно душевнобольные. Кроме того, часть вполне психически нормальных людей заболела вследствие применявшихся к ним методов лечения.

Бесспорно, что многочисленные примеры злоупотребления психиатрическим диагнозом являлись следствием сокращения количества лагерей. Да, сеть психлечебниц не выросла до размеров ГУЛАГа, но туда направляли ту часть граждан, которые в иной ситуации и в иную историческую эпоху запросто угодили бы в места отбывания наказания по

обвинению в политических преступлениях. Психиатрические больницы стали своего рода продолжением лагерей, с тем отличием, что в них были не надзиратели и зэки, а врачи и больные.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ И КРАХ

После смерти Леонида Брежнева, последовавшей 10 ноября 1982 года, его преемником на посту Генерального секретаря ЦК КПСС и официальным лидером СССР стал Юрий Андропов. Последовательный сторонник жестких сталинских методов, он еще в бытность главой КГБ приобрел известность своими преследованиями диссидентов. Благодаря предпринятым Андроповым мерам, в частности, борьбе с коррупцией, некоторые до сих пор считают его реформатором.

В послесталинском Советском Союзе период пребывания Юрия Андропова у власти стал, пожалуй, периодом самых жестких репрессий, — может показаться, что система пыталась еще раз подняться, прежде чем окончательно рухнуть. Одним из «достижений» Андропова является прекращение деятельности Московской Хельсинкской группы, созданной 12 мая 1976 года одиннадцатью правозащитниками с целью содействия выполнению Хельсинкских соглашений, подписанных 35 странами, включая СССР. С его подачи спецслужбы также занимались вынесением новых приговоров диссидентам по окончании старых. Принимались и другие хорошо знакомые репрессивные меры. Те, кого органы подозревали в участии в правозащитных или националистических организациях, получали все шансы потерять все: их могли уволить с работы, их детей отчисляли из вузов, им отключали телефонную связь, выселяли из жилья, запрещали выезжать из города.

Диссидентов с легкостью сажали. Писательницу Ирину Ратушинскую осудили в 1982 году за «антисоветскую пропаганду» на семь лет исправительных работ с последующим пребыванием в ссылке в течение пяти лет. Это был самый длительный срок, на который в СССР после смерти Сталина была осуждена женщина. К счастью, времена менялись, и она попала под амнистию в 1986 году незадолго до саммита руководителей СССР и США. После освобождения Ирина Ратушинская эмигрировала в Соединенные Штаты, где о годах пребывания в лагере написала трагическую, но исполненную надежды книгу «Серый — цвет надежды».

Книга опубликована на многих языках и повествует о жизни небольшой группы женщин на зоне для «узников совести». Автор пишет, что среди «политических» царил дух единения и солидарности, хотя надзиратели прилагали все усилия, чтобы натравить их друг на друга. К заключенным применялись хорошо известные из прошлого методы воздействия: им давали однообразную скудную пищу, заставляли выполнять нудную работу, лишали теплой одежды, оставляли без элементарной медицинской помощи. В итоге, когда после карцера здоровье Ратушинской пошатнулось, в ней поселился страх, что она не сможет никогда больше иметь детей. Все описанные в книге эпизоды действительно имели место, и среди ужасов заключения самым важным было сохранить чувство юмора и хорошее настроение. Погрузись заключенные в депрессию, это означало бы победу КГБ. Женщины научились искать радость в простых вещах, — таких, например, как лагерная кошка и тайный огород.

В эпоху Андропова «политических» содержали отдельно от уголовников, с целью противодействия расползанию диссидентства. Возможно, в этом органам повезло, однако лагерь стал «школой диссидентства», где те имели возмож-

ность объединяться и делиться опытом. В мордовских и пермских лагерях встречались правозащитники из разных республик, сектанты и даже украинские националисты, сидевшие не первый год.

Новым генсеком после скончавшегося в 1984 году Юрия Андропова стал Константин Черненко, что ознаменовало возврат к неосталинизму брежневского образца. При новом руководстве особое благоволение оказывалось рабочему классу, а в основе программы школьного обучения лежала коммунистическая идеология. В период пребывания Черненко у власти стагнация достигла своего апогея. Однако по причине слабого здоровья он не мог эффективно осуществлять управление государством, и постепенно власть стала предметом конфликта между консерваторами и реформаторами.

* * *

В последнее десятилетие существования Советского Союза власть находилась в руках сменявших друг друга кремлевских старцев, пока в 1985 году к руководству страны не пришел молодой и энергичный Михаил Горбачев. Наступало время перемен.

С его именем ассоциируется начавшаяся в 1986 году новая волна обновлений, проходивших под лозунгом «перестройки» и «гласности». Становление Горбачева как личности и партийного функционера пришлось на хрущевскую «оттепель», когда страна сотрясалась от обвальных обличений сталинского террора. В свое время его семья тоже пострадала в годы репрессий: обоих дедов арестовали в тридцатые — одного замучили пытками в 1938 году, другого отправили в ГУЛАГ; дед его будущей супруги Раисы также погиб от рук сталинских палачей. Его личный трагический опыт не мог не способствовать желанию вскрыть всю правду

о терроре и свернуть систему лагерей. Однако в реализации своих планов Горбачеву пришлось лавировать между реформаторами и консерваторами. Так что, помимо интереса к правде, в основе происходившего лежали серьезные закулисные политические игры.

Новый генсек имел совершенно четкое представление о сложившейся в советской экономике сложной ситуации — необходимость перемен давно назрела, но для перестройки следовало заручиться поддержкой и, во-первых, отказаться от выстроенной еще при Сталине авторитарной системы в пользу рыночной. Для этого следовало демифологизировать все еще сохранявшийся в стране образ «вождя народов» и его эпохи. Для демократизации советского общества ключевую роль должна была сыграть открытая дискуссия вокруг личности Сталина, ГУЛАГа и политических репрессий. В 1987 году Горбачев по центральному телевидению откровенно высказался о преступлениях Сталина против народа. Отмена цензуры позволила открыть доступ к биографиям жертв, выживших в ГУЛАГе. На газетные полосы, в радио- и телепередачи вернулись люди, давно стерты со страниц истории. Полный текст «Архипелага ГУЛАГ» вышел на языке оригинала в 1990 году, ему предшествовали многие другие романы и воспоминания о годах террора и пребывания в лагерях.

В период перестройки активно пошел процесс возвращения имен пострадавших от репрессий и погибших в ГУЛАГе. В 1956 году в связи с XX съездом партии созданные Хрущевым ревизионные комиссии должны были децентрализованно проверить бесчисленные случаи пребывания в заключении невинных людей. Комиссиям потребовалось девять лет, чтобы восстановить в правах 900 000 осужденных. При Михаиле Горбачеве за два года удалось реабилитировать более одного миллиона человек, а в 1991 году

вышло постановление, согласно которому реабилитация коснулась всех жертв сталинских репрессий, правда, только советских граждан. Неотъемлемой частью официального курса на обновление страны стало повышение активности гражданского общества. Изголодавшиеся по не регулируемой партийными органами деятельности советские люди начали с жаром объединяться в самые различные общественные движения, национальные организации и клубы по интересам — за короткое время появились сотни независимых организаций и изданий. К концу восьмидесятых они исчислялись тысячами, и многие продолжили существование в 1990-е.

Задача проводимой Михаилом Горбачевым политики заключалась не в развале СССР, а в его обновлении. К сожалению, перестройка началась слишком поздно, да и сам генсек, видимо, не вполне осознавал, что чистка авгиевых конюшен прошлого приведет, фигурально выражаясь, к прорыву шлюзов и вымоет из-под КПСС, казалось бы, такую незыблемую основу ее существования. В этом смысле обращение к прошлому и истории лагерей стало, наряду с серьезнейшими экономическими сложностями и ростом национализма в советских республиках, важным элементом в цепочке событий, приведших к разрушению СССР.

К началу 1991 года ситуация в СССР стала критической. Центральные власти начали терять контроль над союзными республиками, страна вступила в полосу дезинтеграции. В августе самопровозглашенный орган власти ГКЧП изолировал первого президента СССР Михаила Горбачева на его даче в Форосе. Так называемый «августовский путч» консервативных сил имел своей целью заставить СССР свернуть с пути реформ, но путчисты просчитались. В Москве прошли массовые демонстрации против ГКЧП, в итоге путч провалился. После августовских событий власть

Горбачева приобрела скорее символическое значение. Довольно скоро он снял с себя полномочия руководителя государства. Советский Союз окончательно прекратил свое существование 25 декабря 1991 года.

В последние несколько лет существования СССР в обществе активно обсуждалась тема новых лагерей. Известно, что имелись программы их закрытия и освобождения последних политических заключенных, однако процесс затянулся — позже в адрес Горбачева поступали обвинения в затягивании процесса. В 1986 году организация *Amnesty International* обнародовала список из 600 имен, среди которых был Ирина Ратушинская, Мустафа Джемилев и Анатолий Марченко, скончавшийся после длившейся 117 дней голодовки 8 декабря 1986 года в больнице Чистопольского часового завода. Смерть Марченко имела широкий резонанс в диссидентской среде СССР и за рубежом; по одной из версий, она подтолкнула Михаила Горбачева к процессу амнистирования всех политзаключенных.

Через пару месяцев, в феврале 1987 года, освободили еще двести «политических». Из психлечебниц в течение последующих двух лет выпустили свыше двух тысяч инакомыслящих. В 1990 году из лагеря Пермь-36 на свободу вышел украинский общественник Богдан Клымчак, а уже через два года лагерь закрыли окончательно, поставив точку в истории советских лагерей.

ГЛАВА IX

ВСПОМИНАЯ ГУЛАГ

БОЛЬШАЯ ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ?

Одновременно с окончанием истории советских лагерей началась история памяти. Процесс этот продолжается и по сей день. Наиболее полно обсуждение фактов государственного террора, ГУЛАГа и оставленного ими тяжкого наследия велось на рубеже 1980—1990-х, но, несмотря на активное взаимодействие всех заинтересованных сторон, многое осталось невыполненным. Установление исторической правды все еще не завершено.

На наш взгляд, в стране и в российском обществе отсутствует единое мнение относительно осуществлявшихся в СССР на протяжении многих десятилетий политических репрессий и роли ГУЛАГа в формировании внешнего и внутреннего облика государства и общества. Вряд ли можно говорить об окончательном катарсисе, учитывая, насколько разнообразные трактовки можно встретить до сих пор. Тема разрабатывается в научных работах, самых разнообразных изданиях и даже кинофильмах, однако она до сих пор не вплетена в самовосприятие России.

Маша Гессен, российская журналистка и писательница, проживающая ныне в США, считает, что без активного погружения в обсуждение уроков прошлого нет возмож-

ности овладеть требуемым инструментарием для понимания обществом и человеком себя в рамках текущего момента. Если такая история не появится, произойдет остановка поступательного развития общества — именно это случилось с Россией по причине сталинских репрессий и ГУЛАГа. Современная Россия не сумела создать единого для всех ее граждан нарратива, где репрессии и причины, их вызвавшие, были бы прочитаны и поняты до самых оснований, — в итоге мы наблюдаем очередной виток стагнации.

Одновременно история памяти о репрессиях является историей, дарующей надежду. Первые мемориалы устанавливались во время существования лагерей, истина продолжала жить в душах людей даже во времена самых чудовищных преследований, она вырывалась со страниц книг, как бы авторы ни пытались спрятать ее между строк. С наступлением больших демократических свобод в обществе разрабатывались планы по физическому сохранению памяти: часть мемориалов удалось установить, часть так и застыли на уровне замысла. Следует отдельно упомянуть бывшие республики Советского Союза — ныне независимые государства, например страны Балтии, где предпринимаются активные действия по сохранению памяти о трагедии советской эпохи и изучению непростых страниц истории.

Хотя политический климат в России снова ужесточился, в области обращения к исторической памяти произошли существенные подвижки. Все чаще поднимаются темы, которые ранее замалчивались. Дети и молодежь смотрят на мир новыми глазами, они не желают повторять ошибки предыдущих поколений. Различные официальные и неофициальные организации занимаются сбором и сохранением сведений о репрессиях и ГУЛАГе.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПАМЯТИ

И вот мы вновь в Москве. Позади остались многие тысячи километров путешествий по следам ГУЛАГа. У нас еще полчаса до встречи у Соловецкого камня с Марией Шиловой, автором экскурсии «Топография террора». Заглядываем на Никольскую, чтобы перекусить: на пешеходной улице хватает кафе и бутиков на любой выбор, звучит живая музыка, уличные художники творят прямо на глазах.

Интересно понаблюдать за публикой. На другой стороне, на небольшом возвышении, видна тройка знакомых персонажей: актеры-любители переодеты в Ленина, Сталина и Путина, с ними можно сфоткаться за монетку. Собственно, так с удовольствием и поступают многие прогуливающиеся. Народ улыбается, сверкают вспышки фотоаппаратов и телефонов. Ничего не скажешь, типичный пример советской ностальгии. На наш взгляд, это еще и свидетельство того, что троика рассматривается в одном линейном измерении и необязательно в отрицательном свете. Советский менталитет вернулся во многие сферы современной российской действительности, а может быть, он никуда и не исчезал, время от времени скрываясь под поверхностью первых лет «новой» России?

С примерами, подтверждающими сказанное, приходилось то и дело сталкиваться во время наших командировок по России. Возьмем Кемерово. Казалось бы, совершенно обычный шахтерский город на юге Сибири. Вдоль трассы на подъезде к городу громоздятся плакаты советской поры, сообщающие о Дне шахтера. В самом городе тоже повсюду плакаты и баннеры с той же тематикой, некоторые даже установлены совсем недавно — праздник был на подходе. Такого рода профессиональных праздников много в современном производственном календаре России — эстетика и

культурный код унаследованы от СССР, как и почетное звание героя труда, рожденное на волне стахановского движения 1930-х годов. Впрочем, если убрать пропагандистский флер, такого рода праздники и почетные звания встречаются и в других странах.

Справедливости ради, никто в современной России не пытается восстановить советскую реальность в ее первоначальном виде, со всеми трагедиями и репрессиями. Тут речь о другом: на официальном и неофициальном уровне происходит возрождение известных ритуалов и символики. С одной стороны, жившие в советское время люди по большей части уже позабыли все плохие стороны прошлого, они относятся к вещам с солидной долей ностальгии, с другой — рожденные после 1980-х годов не испытали на себе всех перипетий советской действительности.

В новом тысячелетии исторические процессы интерпретируются куда более сдержанно. Происходит своего рода лакировка событий прошлого — и в школьных учебниках истории, и в государственных и муниципальных музеях. С подачи официальных властей даже наследие Сталина начало покрываться благородной патиной, насколько можно судить по хоругвям на мероприятиях, правда, до полной реабилитации диктатора все же дело пока не дошло. Многие россияне старшего поколения начинают рассматривать ГУЛАГ как естественную и по-своему необходимую часть той давней жизни, как и тюрьмы, — ни хуже, ни лучше.

Обществу и человеку бывает полезно вновь и вновь обращаться к обсуждению прошлого, старательно выяснять белые пятна истории. Только так можно уберечься от повторения ужасных уроков прошлого.

* * *

Как выше было сказано, работа с памятью началась еще в Советском Союзе: впервые предложение об увековечивании памяти жертв сталинских репрессий поступило от Никиты Хрущева, но решение осталось на бумаге. Самый первый совсем скромный мемориал в память о своих репрессированных соплеменниках на окраине Инты был установлен вернувшимися из лагерей латышами с разрешения властей. Он стал провозвестником будущих перемен.

Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» предсказывал, что когда-нибудь в памятниках увековечится тайная и почти затерянная история Архипелага. Однако на момент создания книги страна жила в брежневскую эпоху, и властями уже вовсю предпринимались усилия по дезавуированию памяти о лагерях, так что ему виделось только одно: «...где-то на Колыме, на высоте — огромный Сталин, такого размера, каким он сам бы мечтал себя видеть, — с многометровыми усами, с оскалом лагерного коменданта, одной рукой натягивает вожжи, другою размахнулся кнутом стегать по упряжке — упряжке из сотен людей, запряженных по пятеро и тянувших лямки»¹.

При Михаиле Горбачеве произошло окончательное освобождение. Сначала политика «гласности», затем развал Советского Союза — и о ГУЛАГе в России говорили широко и повсеместно. Молчавшие жертвы и их родственники получили доступ к информации и возможность во всеуслышание поведать о пережитом. Воспоминания, замешанные на изрядной доле горечи, потоками выплеснулись наружу. Ранее запрещенная литература — Солженицын, Шаламов

1. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. В 3 т. Т. 1. М.: Советский писатель, Новый мир, 1989.

и другие — вдруг стала необычайно популярной, ее издавали миллионными тиражами; появилась масса научных работ. Периодическая печать пестрела материалами о репрессиях, лагерях и частных историях. Вдруг начали обнаруживаться сведения о местах массовых казней, благодаря активистам-общественникам увидели свет мартирологи. Многие испытали действительное потрясение, осознав масштабы ГУЛАГа и государственного террора.

От обсуждения частных человеческих трагедий общество перешло к анализу государственного механизма репрессий. Открывшаяся информация о терроре советской власти против собственного народа многократно превзошла по своим объемам раздробленные сведения хрущевской эпохи. И здесь речь шла не о спущенном сверху указании, а об искреннем желании зарождавшегося в России гражданского общества вернуть себе память, разобраться с прошлым.

Надо отметить, что в новой России впервые внимание было обращено на статус детей жертв террора, ведь многие остались сиротами, после того как их родители сгинули в лагерях или были расстреляны. На тот момент были те, кто ничего не знал о судьбе своих ближайших родственников, другие обладали лишь частичной информацией, но их мучила неопределенность. Следующим — и вполне естественным — шагом стал поиск непосредственных исполнителей смертных приговоров, официально прекращенный еще в 1960-е годы. Оказалось, что многие палачи были еще живы. В обществе начали раздаваться голоса о необходимости проведения судебных разбирательств в их отношении. Некоторые из жертв ГУЛАГа лелеяли мысль о посмертном или символическом осуждении Сталина. В 1989 году из опалы было возвращено имя Никиты Хрущева, его действия по разоблачению сталинских престу-

плений рассматривались исключительно в положительном свете.

Данный период имел большое значение: в обществе активно велось обсуждение того, в каком свете представлять ГУЛАГ в контексте российской истории. Однако первая волна открытости периода перестройки сошла на нет, а поскольку масштаб проблем был чрезвычайно большим, обществу попросту не удалось вовремя разобраться со всеми возникшими вопросами и, в частности, отдать под суд виновных.

На наш взгляд, самым главным недостатком является то, что в России так и не нашлось возможности организовать судебный процесс, подобный Нюрнбергскому, чтобы дать преступлениям Советского Союза хотя бы символическое осуждение. В 1990-е годы на фоне возрождения идеологического освобождения и повышенного интереса к ранее запрещенной литературе историк и литературовед Мариэтта Чудакова указывала, что «Архипелаг ГУЛАГ», рассказы Варлама Шаламова и многие другие мемуары формируют своего рода советский Нюрнберг. Позже выяснилось, что запрос был чрезмерным, а ожидания завышенными: литература просто не в состоянии исполнить столь серьезную задачу.

Как и при Хрущеве, в период перестройки возникла идея создания единого национального памятника жертвам ГУЛАГа. В тоглашней атмосфере всеобщего подъема возникали предложения самого различного уровня, но наиболее масштабным стал предложенный скульптором Эрнстом Неизвестным проект «Треугольник страданий» из трех включенных в единый памятник монументов, установленных в разных частях страны, в центральных точках архипелага советских лагерей — Воркута, Екатеринбург и Магадан. Проект источал истинный советский дух — па-

мятники проектировались исполинских размеров. Будучи реализованными, они соответствовали бы колоссальным памятникам жертвам нацистских концлагерей в Германии. В конечном итоге из трех задуманных памятников реализовано два: помимо установленной в 1996 году магаданской «Маски скорби», через 27 лет после возникновения идеи и после многочисленных переработок в Екатеринбурге в 2017 году открылся мемориал «Маска скорби: Европа — Азия». Проект в Воркуте так и остался нереализованным не по политическим, а исключительно по финансовым причинам, как неоднократно случалось с мемориалами о жертвах ГУЛАГа.

На рубеже последних двух десятилетий XX века в воздухе витало множество разных идей. Одной из них было превратить здание КГБ на Лубянской площади в музей памяти жертв политических репрессий. По нынешним временам такая идея может показаться уж слишком идеалистической, но на рубеже 1990-х годов она вполне могла реализоваться, по крайней мере, многим верилось в возможность ее воплощения. На Лубянке удалось установить только Соловецкий камень, являющийся старейшим и самым значимым памятником. Глыба была доставлена сюда с Соловков, откуда начиналась история лагерей ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Позже подобный памятник жертвам политических репрессий в СССР и борцам за свободу установили в Санкт-Петербурге на Петроградской стороне, на старейшей площади города — Троицкой.

Кстати говоря, камень в Москве перед зданием КГБ планировался как временное сооружение, пока не будет воздвигнут постоянный общий мемориал жертвам советских репрессий. Этого не произошло. Со временем энтузиазм сошел на нет, а в здании, где планировалось открыть музей, сегодня находится организация — преемница КГБ.

Описываемый период не был исключительно разбором совершенных преступлений: наблюдались также явления прямо противоположного характера. В конце 1980-х годов на базе одного из колымских лагпунктов планировалось создание музея, но неожиданно в комплексе случился пожар, уничтоживший большую его часть. Можно предаваться предположениям относительно умышленного поджога, но, вероятно, проект оказался не всем по душе и не все были готовы встретиться лицом к лицу с прошлым и дать ему подобающую оценку. Как тонко подметила Светлана Алексиевич во «Времени секонд хэнд», люди читали газеты, журналы — и молчали. «На них обрушился неподъемный ужас! Как с этим жить? Многие встретили правду как врага. И свободу тоже».

Возвращение памяти о политических репрессиях и лагерях на рубеже 1990-х годов зависло в той же промежуточной фазе, что и камень на Лубянской площади. Да, общество вернулось к своему прошлому, вокруг него активизировалась дискуссия, которая не оставила после себя скольконибудь четкого визуального следа. Образно говоря, постановления для памятников отлиты, но сами памятники не воздвигнуты.

Люди несут память на руках. На обломках СССР сотни и тысячи людей и организаций на местах, по всей стране, занялись установкой народных памятников ГУЛАГу. Подобных монументов, по некоторым подсчетам, установлено более тысячи, и в сумме они доказывают совершенно немыслимые масштабы репрессивной системы Страны Советов. Многие располагаются на отшибе и, к сожалению, мало кому известны. Нет ли иронии в том, что вместо бывшего безвестного архипелага лагерей возник такой же безвестный архипелаг памятных знаков?

* * *

Распад Советского Союза сопровождался парадом независимости бывших советских республик. Из общего числа Россия оказалась самым большим и разноцветным государством, став наследницей СССР как в хорошем, так и в плохом. Первым президентом независимой России стал провозвестник новой эпохи Борис Ельцин. Под его руководством в стране продолжилась начавшаяся при Горбачеве волна десталинизации на высшем государственном уровне. С целью обозначить основные приоритеты в обращении к прошлому правительство разработало целый ряд законодательных мер по оказанию помощи жертвам репрессий.

В ряду первых решений Верховного Совета РСФСР применительно к нашей теме выделяются три, благодаря которым произошел значительный рывок вперед относительно предыдущих десятилетий в процессе осуждения сталинской политики произвола и беззакония. Согласно первому, реабилитация коснулась всех — то есть репрессированных не только в период правления Сталина, а всех репрессированных после 1917 года советских граждан. Вторым признавался статус жертв за миллионами детей репрессированных, что давало им право на получение компенсации. Наконец, третье постановление от 18 октября 1991 года учреждало проведение Дня памяти жертв политических репрессий. Дата была выбрана в память о голодовке, которую 30 октября 1974 года начали узники мордовских и пермских лагерей в знак протеста против политических репрессий в СССР. Правительство также вынесло постановление, согласно которому жертвы террора и их потомки получали право ознакомиться с их делами в архивах НКВД-КГБ. Открытие доступа к хранившимся

под грифом «совершенно секретно» документам стало истинным переживанием для сотен тысяч людей. Их эмоции перемежались — от разочарования до радости, от бешенства до страха. Посещение архива выбило из колеи даже Василия Аксенова. В книге «Ловите голубиную почту...» он пишет: «Чтение архивов советского гэбз наполняет душу мраком, а тело свинцом. Особенно, если ты читаешь «дело» своей собственной матери. Особенно если твоя мать — Евгения Гинзбург, написавшая потрясающий человеческий и литературный документ, основанный на этом гнусном «деле», книгу «Крутой маршрут»¹.

1. Аксенов В. И. «Ловите голубиную почту...». Письма (1940–1990 гг.). М.: АСТ, 2015.

В то время ельцинская политика возвращения имен жертвам террора и осуждения сталинских беззаконий не подвергалась сомнению. Российские СМИ были переполнены разнообразными толкованиями периода «культы личности», в разных частях страны возникали отделения общества «Мемориал», и вскоре его деятельность приобрела международный характер. Усилиями общественников были обнаружены места массовых казней и захоронений. Организации лоббировали интересы жертв террора, оказывали финансовую поддержку памятным мероприятиям на местах бывших лагерей ГУЛАГа по всей стране, поддерживали исследовательскую деятельность по выяснению судеб бесчисленного множества людей.

Однако последней точки в деле установления исторической правды и окончательного осуждения лагерей поставить так и не удалось. Процесс прервался с решением правительства о начале шоковой терапии в экономике. С 1 января 1992 года в стране произошел переход на капиталистические рельсы, эффект от которого проявился повсюду: Россия провалилась в яму самого же-

стокого экономического кризиса за все двадцатое столетие.

По статистике, три четверти россиян оказались за чертой бедности. Механизмы социальной помощи не работали, безработица подскочила до рекордного уровня, что привело к еще большим проблемам. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин упала ниже шестидесяти лет. Взлетели показатели преступности. Люди распродавали вещи, чтобы хоть как-то прокормиться, соглашались на любую работу, за которую платили хоть какие-то деньги.

В возникшей ситуации естественным образом интерес к оставшимся в прошлых десятилетиях событиям отошел на второй план. Памятники и музеи никого не интересовали, денег на них не было. Рост социальной апатии сопровождался ностальгией по советским временам и изменением в соотношении положительных и отрицательных отзывов россиян о фигуре Сталина. Если в 1990 году менее десяти процентов расценивали положительно роль личности Сталина в истории государства, то всего через десять лет количество утроилось, а к 2008 году количество отрицательных и положительных отзывов стало примерно одинаковым. К 2019 году позитивное отношение к Сталину достигло рекордных показателей. Для сравнения: уровень позитивного отношения к Сталину выше, чем к Брежневу, Горбачеву и Ельцину.

Определенное воздействие на изменение ситуации имели и постепенно снижающийся уровень политических свобод и нагнетание в российском обществе милитаристического духа. Отношение властей и государственных медиа к правозащитным организациям также изменилось, что не могло не сказаться на отношении рядовых граждан к деятельности этих структур. Напомним, что в части общества

до сих пор сильны представления, согласно которым понятия демократии и прав человека ассоциируются с социальным и экономическим хаосом начала 1990-х годов, а их принципиальная важность для общества не воспринимается всерьез.

* * *

В 2000 году Владимир Путин стал президентом Российской Федерации. На фоне возвращения идеала сильной России в обществе усилились оправдательные мотивы по отношению к ошибкам прошлого. Со стороны либеральной общественности в адрес нынешней власти звучит критика по поводу сворачивания демократических преобразований и приукрашивания советского периода истории страны. Однако еще задолго до прихода Путина к власти работа по восстановлению исторической справедливости успела сделать несколько шагов назад. В нынешние времена изучение политического террора и ГУЛАГа не завершено. В обществе год от года нарастает тенденция к забыванию трагических страниц истории и даже наблюдаются искажение и мифологизация представлений о сталинизме и репрессиях.

Есть и исключения. 30 октября 2007 года Владимир Путин принял участие в траурных мероприятиях, прошедших на Бутовском мемориальном комплексе, созданном на бывшем стрелковом полигоне и известном как место массовых расстрелов и захоронений. Событие широко освещалось прессой, потому что никогда ранее первое лицо государства не посещало подобных мероприятий. Первый год после кончины Александра Солженицына с подачи президента был отмечен приказом министерства образования и науки о внесении «Архипелага ГУЛАГ» в «обязательный минимум содержания основных образовательных про-

грамм по русской литературе XX века». Через десять лет, в 2018 году, Путин принял участие в похоронах одного из своих наиболее последовательных критиков — Людмилы Алексеевой, называвшейся «совестью России», и возложил венок на ее могилу.

Эти и другие мероприятия выглядят вполне пристойно, однако в действительности речь может идти о сознательном жонглировании человеческим восприятием — типичный пропагандистский ход российских властей. Наряду с игрой в права человека в России наблюдаются противоположные сигналы, из которых самым невинным кажется отказ первого лица отменить День работника органов государственной безопасности, хотя в глазах многих жертв репрессий и их потомков праздничные мероприятия в честь машины кровавых репрессий кажутся отвратительными. В целом подобная двойственность в поведении руководства отражает двойственное отношение России к репрессиям и истории ГУЛАГа.

* * *

Центральные власти старательно избегают участия в поминовениях жертв террора и лагерей. На местах же отношение может сильно разниться — от аллергического раздражения до подчеркнутой благосклонности. История репрессий отдана на откуп частным лицам, общественным организациям и РПЦ. Иногда им оказывается помощь, иногда — вставляются палки в колеса.

Определенные СМИ и вузы проявляют с завидным постоянством заинтересованность в истории и наследии лагерей. «Новая газета» опубликовала цикл статей «Правда ГУЛАГа», в новом тысячелетии увидели свет множество мемуаров и научных исследований, где репрессии и их воздействие на современную российскую ментальность

и нынешнее общество подвергнуты серьезному осмыслению. В популярной культуре массовые преследования также нашли свое место. Во время работы над этой книгой мы имели возможность увидеть телевизионный документальный фильм, авторы которого поставили задачу проехать по Колыме и взять интервью у выживших в ГУЛАГе.

На наш взгляд, проблема не в том, что тема репрессий, преследований и унижений собственного народа не присутствует в повестке дня современной России, а в том, что очевиден раскол в обществе относительно отношения к памяти. Настроенные критически к советской истории хорошо осведомлены о политических репрессиях и ГУЛАГе, те же, кто воспринимают советский период истории в положительном свете и с теплом вспоминают фигуру Сталина, вряд ли читают «Новую газету».

Неверно было бы утверждать, что нынешняя ситуация безнадежна. Не все государственные мужи в России мыслят одиозно. Есть и такие, кто положительно относится к усилиям по возвращению памяти о политических репрессиях и ГУЛАГе. Кто бы ни занял в будущем высший государственный пост, есть шанс надеяться, что со сменой власти в обществе произойдет смена отношения к Сталину и террору.

В 2017 году в центре Москвы в сквере у Садового кольца была установлена «Стена скорби» — памятник работы скульптора Георгия и архитектора Андрея Франгулянов. Это первый национальный монумент жертвам советских репрессий и ГУЛАГу. На его открытии присутствовали первые лица страны. Как отмечалось в СМИ, со стороны президента России на церемонии прозвучали самые сильные слова осуждения репрессий за те 18 лет, что он находится у власти. Некоторые из диссидентов истолковали

установление памятника как попытку обелить историческую истину.

Продолжается процесс возрождения памяти на уровне частных лиц и организаций. Так, в Москве инициирован проект, подобный начатому ранее в Германии. Среди мелкой брусчатки мостовых немецких городов в 1990-е с подачи художника Гюнтера Демнига началась массовая закладка так называемых «камней преткновения», выполненных из латуни. За каждым — человеческая судьба, уместенная в четыре строчки. Эти камни устанавливают перед домами, откуда забирали евреев, цыган, оппозиционеров, участников движения Сопротивления, представителей нетрадиционной ориентации и всех остальных, кто также попал под колеса коричневой машины смерти. Похожая гражданская инициатива под названием «Последний адрес» уже некоторое время существует и в России: на стенах домов жертв ГУЛАГа устанавливаются памятные таблички. Его принцип — «Одна жизнь, одно имя, один знак». Проект реализуется на средства заявителей и пожертвования, он уже давно вышел за пределы Москвы и Санкт-Петербурга и может стать важным напоминанием о жертвах сталинских репрессий.

Еще один недавний проект принадлежит иллюстратору из Москвы Хасану Бахаеву. С помощью компьютерной программы он соединил портреты жертв сталинских репрессий с фотографиями современных людей. Как говорит художник, он «решил переместить их в современность, чтобы все могли прочувствовать, как это близко». Эффект, производимый коллажем, впечатляет: жертвы репрессий вдруг оказываются среди нас, черно-белые лица на цветной фотографии рождают невероятное напряжение, обращаясь к нам через десятилетия, напоминая о том, сколь

молоды были эти совершенно обычные люди, навсегда сгинувшие в лагерях.

Возрождение памяти ведется в разных частях России. Усилиями общественников уже в течение нескольких лет издаются мартирологи. По причине масштабности казней списки расстрелянных очень объемны, они уже сами по себе являются монументом жертвам советского террора. Списки издаются и в электронном виде. Следует добавить общегражданскую акцию «Возвращение имен», организуемую ежегодно обществом «Мемориал», в рамках которой в Москве у Соловецкого камня 29 или 30 октября в День политзаключенного происходит чтение имен репрессированных.

* * *

По статистике, большая часть россиян сегодня осведомлены о сталинских репрессиях и гулаговском прошлом страны, однако есть и такие, кто не хочет или не может говорить об этих печальных страницах собственной истории. Есть и такие, кто даже тоскует по лагерной эпохе, ассоциируя ее с порядком и дисциплиной. Если в Европе те, кто отрицает факт существования нацистских лагерей и холокоста, вызывают как минимум недоумение, то в России преуменьшение ужасов ГУЛАГа становится все более распространенным явлением. Более того, обнаруживаются и те, кто готов высказываться в защиту и даже поддерживать необходимость государственного террора против своего народа.

В чем суть явления? Может ли это вызываться забыванием, амнезией или же «забывание» здесь не самое удачное слово? Поскольку сам факт репрессий признается, речь скорее должна идти о «непамяти», о проживании в другой реальности. Основными причинами «непамяти» являются

двойственное отношение к прошлому и культ великодержавных патриотических мифов.

Для части населения величие и сила СССР и России являются настолько мощными столпами, на которых зиждется их мировоззрение, что замарать их ничто не вправе. Поэтому проговаривание истории ГУЛАГа наталкивается в обществе на сопротивление. Регулярно в печати публикуется информация об осквернении памятников жертвам репрессий и лагерей. Вандалы разрушают памятники, разрисовывают угрожающими надписями с обвинениями в предательстве, обмане и унижении матери России. За подобные акции ответственность часто берут на себя организации ультраконсервативного или ультраправого толка.

Есть и такие, кто считает репрессии исторической правдой, но обосновывают их необходимость, руководствуясь какой-то извращенной логикой: ГУЛАГ был необходим, а значит, приемлем; его преступления безумны, но без них в стране не удалось бы провести ускоренную индустриализацию и подготовиться к большой войне, в противном случае СССР потерпел бы поражение от Германии и Европа находилась бы до сих пор под германским сапогом. Советский Союз должен был уничтожить миллионы безвинных людей, чтобы спасти мир от нацизма! Такими ретроспективными фокусами в стиле гегельянства оправдываются жертвы государственного террора. Порой кажется, что ГУЛАГ превращен в исторический ширпотреб: любая заинтересованная сторона может кроить и перекраивать его на свой лад, преследуя какие угодно цели.

* * *

Размышляя о судьбах политических узниц — женщин, Ирина Ратушинская говорит, что после ухода последнего заключенного и закрытия зоны вряд ли в ближайшее время

можно ожидать создания музея. В духе черного юмора она даже предлагает устраивать тем, кто не осведомлен об условиях содержания в советских лагерях, эксклюзивное посещение карцера, с конкурсами, викторинами и возможностью выиграть главный приз.

Через тридцать лет эта мысль реализовалась: музеи созданы, прорабатывается идея приключенческого туризма. На рубеже 2010-х годов тогдашний воркутинский мэр для повышения туристической привлекательности региона предложил переоборудовать один из бывших лагерей для заключенных в парк приключений для тех российских и зарубежных туристов, кто предпочитает экстремальный туризм. На территории лагеря планировалось воссоздать в первоначальном виде лагерь, где желающие за определенную сумму могли бы ощутить повседневность лагерной жизни, с охраной, собаками, колючей проволокой и лагерной едой. Программа включала бы попытку побега, и в случае его успешности беглеца ожидал бы специальный приз. Идея натолкнулась на мощное сопротивление со стороны бывших узников ГУЛАГа. План реализован не был.

В 2014 году нечто подобное было озвучено министерством по делам предпринимательства и развития туризма Якутии. Желая привлечь туристов на территорию Томпонского района, предлагалось восстановить два лагерных комплекса вдоль Колымской трассы. Как нам сказали в музее Пермь-36, в России такая идея не является чем-то из ряда вон выходящим, она вполне вписывается в приключенческий и экотуризм.

В советских лагерях царила атмосфера ужаса и насилия, однако многие выжили, и для кого-то из них придание святости страданиям и выживанию стало основой для обоснования своей судьбы. Если же судить по возникаю-

щим идеям «парка ГУЛАГ», в современной России вокруг лагерей формируется некий романтический ореол. Темы репрессий и лагерей, утраты и обретения родственников плотно вошли и в телевизионную культуру, став частью реалити-шоу, с описанием поиска и воссоединения родственников, разлученных судебными преследованиями. Лагеря рассматриваются чуть ли не как мерило крутости, как крещение огнем, испытание для настоящего мачо. Некоторые музеи в построении своих экспозиций ориентируются на принципы геймификации.

МУЗЕЙНЫЙ ГУЛАГ

Мы поднимаемся на поверхность из мрачной станции «Достоевская» московского метрополитена. Палит солнце, хочется укрыться в тени деревьев. За парком перед нами возвышается здание из красного кирпича, построенное еще в дореволюционные времена. Сегодня здесь, в Музее истории ГУЛАГа, хранится память об ужасах советской эпохи.

Деятельность учреждения финансируется государством, что позволило сделать историю лагерей доступной для всех посетителей. Музей был основан в 2001 году по инициативе писателя, журналиста и публициста Антона Антонова-Овсеенко, который более тринадцати лет провел в лагерях ГУЛАГа, и при поддержке Юрия Лужкова. Музей открылся в 2004 году и первоначально располагался в небольшом здании в центре Москвы на Петровке, 16, рядом со зданием Генпрокуратуры, а позже переехал в более просторное здание, построенное в 1908 году. Обновленный музей открылся в 2015 году.

Руководитель образовательного центра музея Константин Андреев ведет нас по залам. В это субботнее утро здесь совсем нет посетителей. Экспозиция музея располагается

на двух этажах, обустроены кинозал и помещение для проведения мероприятий. В залах хранятся вещи репрессированных — таких мы встречали множество во время нашего путешествия. Выставленные в ультрасовременных помещениях, эти экспонаты выглядят здесь совершенно иначе, чем в глухих таежных лагерях.

В главном зале наглядно представлены размеры тюрем, существовавших в разных уголках страны. Пол расчерчен квадратами, изображающими стандартный размер камеры. Можно представить, каково было сидеть в Бутырке, где в камеру одновременно могли поместить двадцать человек. Арест мог длиться долгие месяцы, пока шло следствие. Из динамиков слышится жутковатое бряцание — запись сделана в современной Бутырской тюрьме. Здесь двери камер разных периодов, фотографии и документы, связанные с ГУЛАГом, как пример — переписка супругов Мандельштам. Одну стену полностью занимает карта Советского Союза с нанесенными точками — местами расположения лагерей. С этим мы знакомы, но кто-то здесь вполне может впервые осознать истинные размеры репрессивной машины Страны Советов.

Экспозиция второго этажа отражает масштабы жертв в годы Большого террора. Акцент поставлен на личной ответственности руководителей партии и государства. В частности, упомянуто, сколько расстрельных списков подписал и сколько тысяч смертных приговоров вынес каждый из них. У потолка висят пропагандистские плакаты 1930-х годов. В последнем зале посетителям предлагается возможность поразмышлять над тем, что нужно сделать, чтобы советский террор никогда не повторился.

«Многие наши соотечественники до сих пор полагают, что в ГУЛАГе сидели только уголовники, ну или как минимум люди действительно виноватые. Мы пытаемся пере-

ломить ситуацию», — говорит наш сопровождающий после экскурсии. Задача, безусловно, не простая, но нельзя сказать, что она невыполнимая. Потребуется время, чтобы обычные люди открыли для себя подобные музеи, чтобы они стали частью городского пространства. Одновременно подобные учреждения могут способствовать интеграции государственного террора в российскую историю: в 2019 году, когда финский вариант книги уже готовился в печать, в музее открылась обновленная и расширенная основная экспозиция.

Прощаясь, Константин Андреев оставляет нам на размышление жутковатый тезис, что в ГУЛАГе все было возможно и ГУЛАГ возможен где угодно.

* * *

«В них нет ничего от ГУЛАГа, — заявляет нам Полина Филиппова, сотрудница Сахаровского центра за чаем. — В местных музеях вечно выставлено одно и то же чучело лося». В ответ мы пытаемся отшутиться, что как вариант еще может быть чучело медведя. Понимая, что разговор начинает уходить в сторону, пытаемся еще успеть зафиксировать, какие именно музеи можно посетить во время нашего путешествия. «Ну тогда речь должна идти о серьезных музеях», — смеется Полина, прихлебывая чайк.

Позже нам приходилось замечать, что в некоторых местных музеях история ГУЛАГа подается в отрыве от исторического контекста. В отличие от них, государственный музей истории ГУЛАГа подходит к рассмотрению взвешенно, с различных точек зрения, как и Сахаровский центр, и ряд других более мелких провинциальных музеев. Также в архивах «Мемориала» имеется огромное количество информации о репрессиях и репрессивных лагерях.

Тем не менее все это не означает того, что в деле можно поставить точку.

Пожалуй, наиболее показательным здесь является действующий Музей политической полиции в Санкт-Петербурге. В здании музея некогда располагалась ВЧК, а сейчас на стене красуется памятная доска «железному Феликсу». В музее представлена деятельность спецслужб Советского Союза, начиная от ВЧК и заканчивая ФСБ, как если бы страна являлась декорациями к шпионскому кинофильму. При этом там вообще ничего не сказано о том, что спецслужбы самым непосредственным образом причастны к созданию архипелага советских лагерей, к политическим репрессиям, к арестам миллионов безвинных людей, к допросам и казням. Да, конечно, музей маленький, для экспозиции отобрано самое необходимое, только удивляет решение выставить на экспозиции водолазный костюм тайного агента вместо ГУЛАГа. Как если бы подать Гитлера в качестве адепта современного вегетарианства и ни словом не обмолвиться о его роли в нацистской Германии.

Хотя Россия объявила себя наследницей СССР, во многих независимых государствах постсоветского пространства работа с памятью о ГУЛАГе, изучение политических репрессий советского периода поставлены гораздо лучше, чем в России. Здесь речь идет о таких странах, как Украина, испытавших жесточайшие национальные трагедии в советский период, либо тех, что были оккупированы Красной армией во время Второй мировой войны, — Эстония, Литва и Латвия. Собственно, в России многие местные музеи попросту не обращаются к теме ГУЛАГа — либо осознанно, либо по недоразумению. Исследователь музейных экспозиций Наталья Кондратова считает, что музеям интереснее и комфортнее представлять историю XIX века

или более раннюю потому, что изучать трагедии прошлого столетия оказывается невероятно сложно. В лучшем случае рассказ о советской эпохе сужается до индустриализации и великих достижений. Не менее странным является и то, что если какой-либо музей действительно хочет показать два лика эпохи, то репрессивные лагеря подаются как обыденность.

* * *

Нам кажется, что в ближайшее время в России появится больше музеев и мест памяти. Комиссия по правам человека при президенте РФ выработала обращение в ООН о внесении Левашова, Бутова и Перми-36 в список объектов всемирного культурного наследия. Ряд существующих мемориалов недавно пополнился монументом строителям канала имени Москвы.

Важными объектами памяти о ГУЛАГе являются остатки лагерей по всей России. Их огромное количество, но далеко не все известны, не говоря о том, чтобы их каким-то образом пытаться сохранить. И здесь хочется привести в качестве сравнения превращенные в музеи концентрационные лагеря нацистской Германии: если те насыщены патетикой, то многие следы ГУЛАГа не способны никому ни о чем рассказать. Иногда кажется, что о ГУЛАГе говорится слишком мало, но, когда мы работали над этой книгой, нам казалось, что о нем не говорит только ленивый. Как водится, истина где-то посередине, но если бы требовалось выбрать одно мнение из двух, то последнее — предпочтительней. Ведь Советский Союз нельзя сводить к одному только ГУЛАГу, но это не означает, что лагеря можно предать забвению, а всю историю превратить в вылизанный совковый китч.

Здесь крайне уместными кажутся слова Надежды Мандельштам: «Самое удивительное, что еще копошатся люди,

которые пробуют подать голос сквозь толщу воды, со дна океана... Раньше они сознательно молчали, а потом разучились говорить. К тому же их никто не слушает: хватит, надоело, нельзя же всегда об одном и том же... Молодежь, говорят, этим больше не интересуется — надо же подумать о молодежи. А я утверждаю, что никакой меры нет: надо говорить об одном и том же, пока не выйдет наружу каждая беда и каждая слеза и не станут ясны причины происходившего и происходящего сейчас»¹.

1. Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Поглядите-ка на это! — вдруг восклицает наш молчаливый таксист, указывая на огороженную колючей проволокой территорию. Мы движемся по дороге с железнодорожного вокзала Юрги в центр города. Понятное дело, удивлены. Начинаются расспросы. По идее, нас интересует бывший лагерь для немецких военнопленных, но увидеть действующую колонию мы не ожидали.

— Женская тюрьма, — продолжает водитель еще более оживленно, словно удивляясь, что мы не в курсе. Ведь это место — гордость Юрги.

Официально ГУЛАГ расформирован в 1960 году, однако лагеря в СССР функционировали до начала 1990-х годов, когда с разрушением империи система была окончательно демонтирована. И вот на этом можно было бы поставить точку, но — нет.

Призрак ГУЛАГа продолжает бродить по России. Маша Гессен пишет, что нынешнюю российскую тюремную систему невозможно понять без ГУЛАГа. Нет, речь не о том, что они суть одно и то же, а о том, что между ними существует связь. Подобно тому, как царские каторги сформировали основу для выстраивания советской властью своей ре-

прессивной инфраструктуры, лагеря СССР создали основу для тюрем и ИТК новой России. В России по-прежнему существуют исправительно-трудовые лагеря и колонии, которые, собственно говоря, являются самым распространенным видом пенитенциарных учреждений. Такие же существуют и в ряде других стран, например в США, но поскольку часть российских исправительно-трудовых колоний выстроены на обломках советской лагерной системы, сложно игнорировать подобные сравнения.

В 2017 году правозащитная организация *Amnesty International* выступила с критикой российской практики этапирования заключенных, охарактеризовав их как жестокие и унижительные. «Заключенных для отправки к местам отбывания наказания набивают в тесные камеры спецвагонов, где они лишены свежего воздуха, света, воды, постельного белья. На протяжении многочасовых стоянок им не позволяют пользоваться туалетом. И такие путешествия с этапа на этап за тысячи километров часто длятся более месяца», — отмечается в докладе. Что-то знакомое? Красно-речивым свидетельством служит и то, что перевозка заключенных по-прежнему осуществляется в вагонах советской постройки.

В русском языке существует меткое слово — «перезитки». Это то, что сохраняется от прошлого и не соответствует современному состоянию, современным нормам. Думается, что к тюрьмам и ИТК этот термин подходит как нельзя лучше. Некоторые российские тюрьмы и ИТК располагаются в тех же регионах и в тех же городах, что и в советское время, а некоторые даже не меняли фактического адреса — помещения зоны просто приведены в соответствие с нынешними требованиями. В исправительно-трудовых колониях до сих пор существует практика принудительного труда. Конечно, сегодня заключенных не уничтожают

непосильным трудом, как когда-то на Беломорканале, имеется даже возможность заменить труд учебой, но, в принципе, суть та же, что придумал когда-то Нафталий Френкель. Также в зависимости от уровня безопасности колонии существуют различные ограничения по переписке и свиданиям с родственниками, а поскольку ИТК зачастую находятся вдали от населенных пунктов, посетителям сложно добираться до места.

На сегодняшний день в российских «казенных домах» содержится порядка полумиллиона человек. Цифры довольно значимые, однако уже несколько лет наблюдается сокращение тюремного «населения». Помимо указанных выше проблем с обращением с заключенными, имеются вопросы к их медицинскому обслуживанию: туберкулез, ВИЧ и многие другие заболевания представляют серьезную угрозу. Следует обратить внимание на то, что осужденные по «политическим мотивам» и даже оказавшиеся на принудительном психиатрическом лечении никуда не делись. Точные цифры современных «политических» и узников совести неизвестны, но совершенно точно их количество находится в прямой зависимости от происходящего в большой политике и на улицах российских городов.

Политические преследования обрушиваются на головы критиков нынешнего режима — на тех, кто выносит ситуацию в стране в публичное пространство, и тех, кого власть считает нелояльными. Определенного рода сложности испытывают граждане, пытающиеся вновь и вновь обращаться к выяснению исторической правды. Можно ли всех их считать следующим поколением инакомыслящих или нельзя? Нам кажется, что вполне можно.

Нашумевшие дела Михаила Ходорковского и панк-рок-группы «Пусси Райот» приобрели на Западе наибольшую известность, но, пожалуй, они не являются единичными

случаями преследований со стороны властей за несовпадение мнений. Часть своего срока Михаил Ходорковский отсидел в СИЗО в Чите, позже его перевели в Карелию в Сегежу, где еще со времен ГУЛАГа существовал лагпункт 4-го Надвоицкого отделения Белбалтлага. Осужденных по статье «хулиганство» за акцию в храме Христа Спасителя в Москве Надежду Толоконникову и Марию АLEXИНУ отправили в мордовские лагеря. Уже в колонии ИК-14 Толоконникова неоднократно заявляла о многочисленных нарушениях в работе учреждения и в знак протеста даже объявила голодовку.

Известны и другие случаи преследования по политическим причинам. Общественный деятель, антифашист и анархист Алексей Гаскаров был задержан 28 апреля 2013 года как подозреваемый по «Болотному делу» и приговорен к 3,5 года колонии. Российский оппозиционный активист Ильядар Дадин стал первым осужденным в России за неоднократное нарушение правил проведения митингов и пикетов. Получил три года колонии, сидел в Сегеже, неоднократно подавал жалобы на жестокое обращение со стороны администрации. Благодаря усилиям общественности был выпущен досрочно и реабилитирован в правах.

Дело украинского режиссера, сценариста и писателя Олега Сенцова также напоминает эхо советских времен. Был задержан в 2015 году в Крыму и приговорен к 20 годам колонии строгого режима по обвинению в терроризме. Подобное обвинение по нынешним временам можно рассматривать как обновленный вариант сталинского «врага народа». Отбывал наказание в ЯНАО. Подобно советским диссидентам, в 2018 году Сенцов объявил о начале голодовки, длившейся 144 дня. 7 сентября 2019 года был освобожден в рамках обмена удерживаемыми лицами между Россией и Украиной и вернулся на Украину.

Россия не одна несет на себе тяжкий груз общего советского прошлого. Во многих бывших союзных республиках — в Беларуси, Азербайджане, Грузии, Армении и Киргизии — имеются «узники совести», содержащиеся в условиях, мало отличающихся от лагерей советской поры. Режимы некоторых стран имеют определенные признаки диктатуры, в других государствах, в особенности в государствах Центральной Азии, форма правления приближена к авторитарной, и там говорить о правах человека не приходится вообще.

Тема ГУЛАГа вызывает в обществе противоречивую реакцию. Анализируя российскую действительность, поражаешься тому, что за изучение истории лагерей можно оказаться в тюрьме или колонии. Одним из нашумевших дел последних лет стало дело Юрия Дмитриева, историка и правозащитника из Петрозаводска, руководителя карельского отделения общества «Мемориал».

Юрий Дмитриев известен как организатор экспедиций, обнаруживших и исследовавших места захоронения жертв политических репрессий в Сандармохе и Красном Бору. В 2016 году он был задержан и арестован по подозрению в изготовлении детской порнографии, однако полностью оправдан по основному обвинению, хотя и приговорен к ограничению свободы за незаконное хранение оружия. Позже, 14 июня 2018 года, Верховный суд Карелии отменил оправдательный приговор, и Дмитриева вновь задержали. После затянувшегося следствия в июле 2020 года Юрию Дмитриеву вынесли приговор — 3,5 года лишения свободы за совершение насильственных действий сексуального характера. Учитывая, что один день пребывания в СИЗО считается за один день в колонии строгого режима, Дмитриев имеет шансы выйти на свободу в ноябре 2020 года¹.

1. В сентябре 2020 года Верховный суд Карелии изменил приговор Юрию Дмитриеву, увеличив срок почти на десять лет.

Процесс против Юрия Дмитриева вызвал волну возмущения в общественных кругах. Казус имеет типичные для политических преследований черты: «изготовление порнографии», «сексуальные домогательства к несовершеннолетнему» и «насильственные действия сексуального характера» — суровость таких обвинений, апеллирующих к общечеловеческой морали, сложно опровергнуть. В 2018 году был также задержан и позже осужден на 9 лет колонии общего режима по обвинению в педофилии директор медвежьегорского музея Сергей Колтырин. Весной 2020 года в новостях прошло сообщение о том, что бывший директор скончался в тюремной больнице от неизлечимого заболевания. Так или иначе, кончина известного общественника, работавшего вместе с Дмитриевым над увековечиванием памяти Сандармоха, оказалась на руку властям. Эти и другие дела создают настойчивое ощущение того, что «незаконные действия сексуального характера» являются эквивалентом сталинских обвинений в «троцкизме» и «саботажничестве».

Все чаще приходится слышать мнения, что происходящее напоминает атмосферу эпохи Советского Союза. Присоединение Крыма к России, военные события на востоке Украины привели к тому, что в адрес оппозиции все чаще раздаются голоса как о «предателях родины», их стало привычным называть «пятой колонной». В последние годы людей задерживают за высказывания в Интернете, за участие в несанкционированных митингах, за сбитую с головы сотрудника правопорядка фуражку, за «оттянутую» руку во время задержания кого-то еще. В Крыму преследуются крымские татары, выступающие против присоединения полуострова к России. Множество татарских активистов уже приговорено к длительным срокам заключения.

Михаил Ходорковский за время нахождения в местах лишения свободы написал книгу «Тюремные люди», которую сравнивают с «Записками из Мертвого дома» Федора Достоевского. Книга получила благожелательные отзывы за пафос тюремной жизни без ожесточения, за милосердие и любовь к ближнему. Одним из центральных мест произведения стали размышления автора о том, что в современной России наряду с историей советских лагерей происходит нормализация новых лагерей. И если негуманное обращение постепенно становится нормой, то тут и до ГУЛАГа недалеко. Так что же мы за люди, если позволяем такое, вопрошает автор в конце произведения.

Следы ГУЛАГа ведут к нашим дням.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, МОНОГРАФИИ

Applebaum, Ann. *Red Famine: Stalin's War on Ukraine*. Doubleday, 2017.

Barenberg, Alan. *Gulag Town, Company Town. Forced Labor and its Legacy in Vorkuta*. Yale University Press, 2014.

Bell, Wilson. *The Gulag and Soviet Society in Western Siberia, 1929–1953*. University of Toronto, 2011.

Brown, Kate. *Plutopia. Nuclear Families, Atomic Cities, and the Great Soviet and American Plutonium Disasters*. Oxford University Press, 2013.

Cohen, Stephen. *The Victims Return: Survivors of the Gulag After Stalin* I. B. Tauris, 2011.

Džibladze, Juri; Leppänen, Airi; Severtjan, Anna. *Venäjän ihmisoikeusliike*. Palmenia, 2007.

Figes, Orlando. *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*. Metropolitan Books, 2007.

Gessen, Masha, Friedman, Misha. *Never Remember. Searching for Stalin's Gulags in Putin's Russia*. Columbia Global Reports, 2018.

Gessen, Masha. *The Future Is History: How Totalitarianism Reclaimed Russia*. Riverhead Books, 2017.

Glover, Jonathan. *Humanity: A Moral History of the Twentieth Century*. Yale University Press, 1999.

Harjula, Mirko. *Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922*. SKS 2006.

Ivanova, Galina. *Labor Camp Socialism: The Gulag in the Soviet Totalitarian System*. Routledge 2000.

Jussila, Osmo. *Neuvostoliiton tragedia — utopiasta vankileirien saaristoksi*. Otava, 2012.

Kadonneet vuosikymmenet Mordvan, Udmurtian ja Komin kirjallisuuden kohtaloista 1930–1940-luvuilla (toim. Jeltseva, M. I.; Tšinjajev, N. I.; Vihavainen, Timo). Helsingin yliopiston kirjasto, 1994.

Karlsson, Klas-Göran. *Vaino ja vaikeneminen* (suom. Petri Stenman). Like 2005.

Khlevniuk, Oleg. *The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror*. Yale University Press, 2004.

Kniivilä, Kalle. *Putinin väkeä*. Into, 2014.

Koljonen, Niilo. *Suomalainen vankileiriraportti* (toim. Erkki Vettenniemi). TEOS, 2011.

Konttinen, Jussi. *Sankarimatkailijan Arkangeli*. Like 2005.
Konttinen, Jussi. *Sankarimatkailijan Komi*. Like 2007.

Marsh, Rosalind. *Images of Dictatorship: Potraits of Stalin in Literature*. Routledge, 1989.

Moroz-Iosem, Jakov Moisevitš. *Pjat let borbu za tundra i taigu*. 1936.

Pikkupeura, Pasi. *Stalin kävi täällä*. Kustannus Puntsi, 2012.

Pursiainen, Christer. *Trotski*. Gummerus, 2011.

Rautkallio, Hannu. *Suuri viha. Stalinin suomalaiset uhrin 1930-luvulla*. WSOY 1995.

Rislakki, Jukka. *Vorkuta! Vankileirin kapina ja sen suomalainen johtohahmo*. WSOY, 2013.

Ropponen, Ville. *Sankarimatkailijan Jugra*. Like, 2016.

Ropponen, Ville; Deviatkina, Natalia. *Krimin niemimaa*. Savukeidas, 2010.

Satter, David. *It Was a Long Time Ago, and It Never Happened Anyway: Russia and the Communist Past*. Yale University Press, 2013.

Shifrin, Avraham. *Vankileirien maa* (suom. Heikki Sarkkila). Kuva ja Sana 1981.

Werth, Nicholas. *Cannibal Island: Death in a Siberian Gulag*. Princeton University Press 2007.

Vetennieminen, Erkki. *Punaisen terrorin todistajat*. SKS 2004.

Vetennieminen, Erkki. *Suomalaisia vankileirien saaristossa*. Art House 2002.

Арендт Х. Истоки тоталитаризма. ЦентрКом, 1996.

Афанасьева Т. Г. Память о ГУЛАГе: Печора. Путеводитель. Фонд «Покаяние», 2014.

Гайдар Е. Гибель империи, АСТ, 2012.

История сталинского ГУЛАГа: конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: собрание документов. В 7 т. РОССПЭН, 2004—2005.

Капуцинский Р. Империя. Логос, 2010.

Красильников С. А. Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Сова, 2005.

Красильников С. А. Репрессированная сибирская провинция. Новосибирский Мемориал, 2013.

Красильников С. А. Маргиналы в советском социуме 1930-е — середина 1950 гг. Российская академия наук, Си-

бирское отделение, Институт истории; Новосибирский государственный университет, 2010.

Куртуа С. Черная книга коммунизма. Три века истории, 2001.

Левин М. Советский век. Европа, 2008.

Малофеевская Л. Н. Память о Гулаге: Инта. Путеводитель, Фонд «Покаяние», 2012.

Рогачев М. Б. Политические репрессии в Сыктывкаре. Путеводитель, ПИК «Офсет», 2011.

Себаг-Монтефиоре С. Молодой Сталин. Corpus, 2014.

Себаг-Монтефиоре С. Сталин. Двор Красного монарха. Олма-Пресс, 2006.

Сервис Р. Ленин. Попурри, 2002.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о Сталине. Книга, 1990.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине. Изд-во Агентства печати Новости, 1988.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. РОССПЭН, 2001.

Эпплбаум Э. ГУЛАГ. Паутина Большого террора. Corpus, 2015.

Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. Новое литературное обозрение, 2016.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Anthology of 20th Century Russian Short Stories. Academic Studies Press, 2011.

Bauer, Josef Martin. *So weit die Füße Tragen.* Ehrenwirth Verlag 2002.

Konkka, Juhani. *Pietarin valot.* WSOY, 1958.

Kotti, Reino (toim.). *Laulu lokakuulle*. Karjala-Kustantamo, 1987.

Rawicz, Slavomir. *The Long Walk: The True Story of a Trek to Freedom*. Rowman & Littlefield, 2010.

Tarsis, Valery: *Ward 7*. Collins and Harvill Press, 1966.

Бабель И. Э. Конармия. Правда, 1990.

Владимов Г. Верный Руслан. Азбука, 2007.

Высоцкий В., Мончинский Л. Черная свеча, АСТ, 2004.

Гроссман В. Все течет. Эксмо, 2010.

Довлатов С. Зона. Записки надзирателя. Азбука-Аттикус, 2013.

Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Азбука, 2020.

Кресс В. Зекамерон XX века. Бизнес-пресс, 2009.

Мандельштам О. Э. Грифельная ода // Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. Арт-Бизнес-Центр, 1999.

Нечаев С. Катехизис революционера. Напильник, 2020.

Пастернак Б. Доктор Живаго. Время, 2017.

Окуджава Б. III. Девушка моей мечты. Московский рабочий, 1988.

Синявский А. Д. Спокойной ночи. АСТ, 2015.

Солженицын А. И. В круге первом. АСТ, 2006.

Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича. Азбука-классика, 2014.

Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. В 3 т. Советский писатель, Новый мир, 1989.

Солженицын А. И. Раковый корпус. АСТ, 2015.

Стругацкий А., Стругацкий Б. За миллиард лет до конца света. АСТ, 2016.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Пикник на обочине. АСТ, 2019.

Стругацкий А., Стругацкий Б. Трудно быть богом. АСТ, 2015.

Терц А. (Андрей Синявский). Голос из хора. Издательство Стенвалли, 1974.

Трифонов Ю. В. Дом на набережной. АСТ, 2008.

Чуковская Л. К. Софья Петровна. Спуск под воду. Азбука, 2009.

Яхина Г. Зулехха открывает глаза. АСТ, 2015.

Воспоминания, дневники, мемуары

Alviste, Hans; Henttonen, Antti: *Kolyman verinen kultta*. Mediapinta, 2011.

Chistyakov, Ivan. *The Diary of a Gulag Prison Guard*. Granta Books, 2016.

Flinkman, Tauno. *Neljästi karkuteillä: muistelmia 22 vuoden vankeusajalta Neuvostoliitossa*. Tammi, 1957.

Krinkevičiūtė, Dalia. *Dalian kirja. Siperiaan karkotetun liettualaistytön tarina* (suom. Reeta Tuoresmäki). Absurdia, 2016.

Mochulsky, Fyodor. *Gulag Boss. A Soviet Memoir*. Oxford University Press, 2011.

Parvilahti, Unto. *Berijan tarhat. Havaintoja ja muistikuvia Neuvostoliitosta vuosilta 1945–1953*. Otava, 2004.

Popoff, Georg. *Tsheka: valtio valtiossa. Kokemuksia Venäjän ylimääräisestä komissionista*. Otava, 1925.

Tuominen, Arvo. *Kremlin kellot*. Tammi, 1957.

Аксенов В. И. «Ловите голубиную почту...». Письма (1940–1990 гг.). АСТ, 2015.

Алексиевич С. Время секунд хэнд. Время, 2019.

Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. Кучково поле, 2017.

Гинзбург Е. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. АСТ, 2015.

Горбачев М. С. Наедине с собой. Грин Стрит, 2012.

Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов (воспоминания 1919–1965). Карелия, 1991.

Мальсагов С. Адский остров. Советская тюрьма на далеком севере. Эль-Фа, 1996.

Мандельштам Н. Я. Воспоминания. Согласие, 1999.

Мандельштам Н. Я. Вторая книга. Согласие, 1999.

Мандельштам Н. Я. Третья книга. Аграф, 2006.

Марченко А. Мои показания. ОГИ, 2005.

Ратушинская И. Серый — цвет надежды. Музей истории ГУЛАГа, 2018.

Сахаров А. Д. Воспоминания. Альфа-книга, 2019.

Ходорковский М. Б. Тюремные люди. Альпина Паблишер, 2014.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. Том 2. 1952–1962. Время, 2007.

Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь. В 3 т. Советский писатель, 1990.

Журнальные публикации

Frazier, Ian. «On the Prison Highway». The New Yorker, 30.8.2010.

Kritika. «The Soviet Gulag: New Research and New Interpretations». Volume 16, No. 3, Summer 2015.

Ropponen; Ville. «Vankien suurkaupunki arolla». Venäjän aika 4/2013.

Sutinen, Ville-Juhani. «Raunioiden muisti.» Idäntutkimus 4/2016.

Интернет-источники

Gulag. Many Days, Many Lives, <http://gulaghistory.org>.

Gulag.cz, <http://gulag.cz>.

Mapping the Gulag, <http://www.gulagmaps.org>.

Sound Archives: European Memory of Gulag, <http://museum.gulagmemories.eu>.

Виртуальный музей ГУЛАГа, <http://www.gulagmuseum.org>.

Возвращенные имена. Книги памяти России, <http://visz.nlr.ru>.

Московский Мемориал, <http://www.memo.ru>.

Последний адрес, <http://www.poslednyadres.ru>.

Томский мемориальный музей Истории политических репрессий, <http://nkvd.tomsk.ru>.

Другие источники

Кондратова Наталья, «On Museums». Электронное письмо Вилле-Юхани Сутинену, 14.7.2016.

ОБ АВТОРАХ

Вилле Роппонен (род. 1977) — писатель, журналист и переводчик. В своей научно-популярной литературе, эссе, стихах и прозе уделяет особое внимание культурным меньшинствам, экологическим темам, модернизации и последствиям глобализации. Его работы часто связаны с территориями бывшего Советского Союза и наследием Советского Союза. В качестве журналиста Роппонен побывал в России, Украине, Казахстане, странах Кавказа, США, Ираке и Бангладеш. В числе его переводов с русского — графический роман Виктории Ломаско «Другие России» (2019).

Вилле-Юхани Сутинен (род. 1980) — автор художественных романов, поэзии и научной литературы. В своих работах он обращается к широкому кругу тем, включая недавнюю историю Соединенных Штатов и России, миграцию, бездомность, а также важность мест и ландшафтов в воспоминаниях о прошлом и создание смыслов для настоящего. Многие из работ Сутинена основаны на путешествиях по миру — он жил в Берлине, Санкт-Петербурге и Беркли. Является переводчиком с английского, в числе его работ — произведения Вирджинии Вульф и Марка Твена. Также работает фотографом.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Научно-популярное издание

ХАРДКОРНАЯ ИСТОРИЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ

Вилле Роппонен, Вилле-Юхани Сутинен

ДОРОГА НА КОСТЯХ. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЛЕДАМ ГУЛАГА

Ответственный редактор **Я. Логинова**

Литературный редактор **Л. Лазарева**

Художественный редактор **Я. Паламарчук**

Технический редактор **О. Лёвкин**

Компьютерная верстка **Е. Мельникова**

Корректор **Н. Хотинский**

Страна происхождения: Российская Федерация

Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1, этаж 20, каб. 2013.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы,

123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 ғимарат, 1 үй, 1 ғимарат, 20 қабат, офис 2013 ж.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Tayar belgisi: «ЭКСМО»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дуken : www.book24.kz

Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 10.06.2021. Формат 60х90^{1/16}

Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 8505.

Отпечатано в ПАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
"ЭКСМО-АСТ"

■ ЧИТАЙ · ГОРОД

Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо»

Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, строение 1.

Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7 (495) 411-68-59, доб. 2261.

E-mail: ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде

Адрес: 603094, г. Нижний Новгород, улица Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза»
Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге

Адрес: 192029, г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 84, лит. «Е»
Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Екатеринбург

Адрес: 620024, г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2щ
Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08)

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре

Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е»
Телефон: +7 (846) 207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону

Адрес: 344023, г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, 44А
Телефон: +7 (863) 303-62-10. E-mail: info@rnd.eksmo.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске

Адрес: 630015, г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3
Телефон: +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Обособленное подразделение в г. Хабаровске

Фактический адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 22, оф. 703

Почтовый адрес: 680020, г. Хабаровск, А/я 1006

Телефон: (4212) 910-120, 910-211. E-mail: eksmo-khv@mail.ru

Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени

Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Пермькова, 1а, 2 этаж. ТЦ «Перестрой-ка»

Ежедневно с 9.00 до 20.00. Телефон: 8 (3452) 21-53-96

Республика Беларусь: ООО «ЭКСМО АСТ Си энд Си»

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Минске
Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск, проспект Жукова, 44, пом. 1-17, ТЦ «Outleto»

Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92

Режим работы: с 10.00 до 22.00. E-mail: exmoast@yandex.by

Казахстан: «РДЦ Алматы»

Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбаровского, 3А

Телефон: +7 (727) 251-58-12, 251-59-90 (91,92,99). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Украина: ООО «Форс Украина»

Адрес: 04073, г. Киев, ул. Вербовая, 17а

Телефон: +38 (044) 290-99-44, (067) 536-33-22. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции ООО «Издательство «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине: www.chitalai-gorod.ru.

Телефон единой справочной службы: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

eksmo.ru

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

- [eksmove](#)
- [eksmo](#)
- [eksmove](#)
- [eksmo.ru](#)
- [eksmo_live](#)
- [eksmo_live](#)

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:

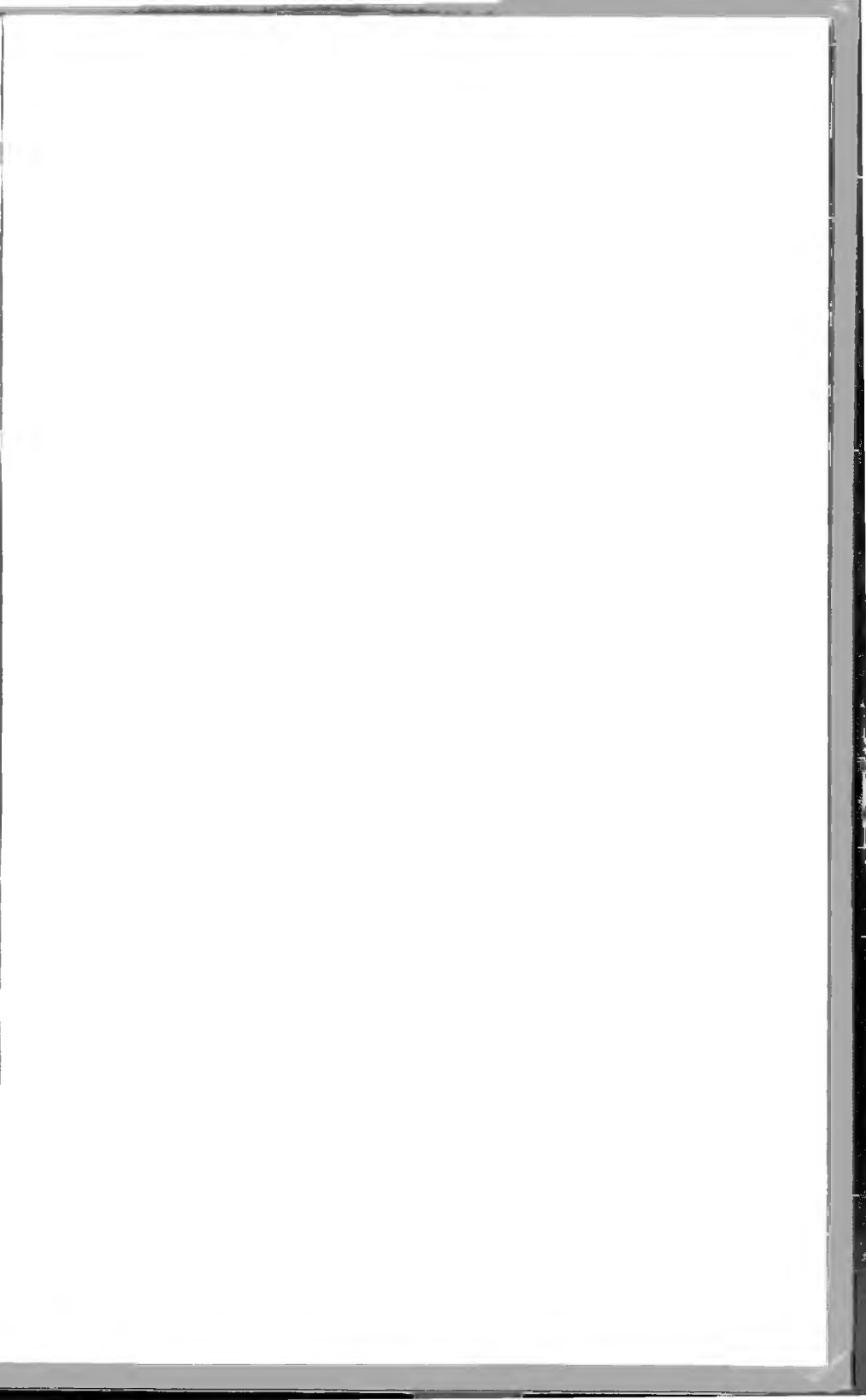
один клик до книг

ISBN 978-5-04-116789-9

9 785041 116789 >

КАК ХОРОШО ВЫ ЗНАКОМЫ С САМЫМИ МРАЧНЫМИ СТРАНИЦАМИ НАШЕЙ ИСТОРИИ?

**ФИНСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ СОВЕТСКОГО
НАСЛЕДИЯ ВИЛЛЕ РОППОНЕН И ВИЛЛЕ-
ЮХАНИ СУТИНЕН УЗНАЛИ О НИХ ДАЖЕ
ЛУЧШЕ НАС САМИХ ПОСЛЕ МАСШТАБНОГО
ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СЛЕДАМ ГУЛАГА.**

Эта книга — осмысление истории советских репрессий в новаторской и необычной форме. Ее авторы впервые проехали через всю территорию бывшего Советского Союза в хронологическом порядке зарождения лагерей — от Соловков до Воркуты, от Томска до Колымы. Рассказывая историю ГУЛАГа в лицах и судьбах, они одновременно исследуют самые отдаленные уголки страны на предмет оставшихся материальных свидетельств. Вилле Роппонен и Вилле-Юхани Сутинен фиксируют, как память о ГУЛАГе хранится историками и активистами в городах, неразрывно связанных с лагерным прошлым, а также показывают, в каких формах воплощались репрессии и притеснения в СССР после расформирования лагерей.

Их книга — наполовину путевые заметки, наполовину историческое исследование, это деликатный и неравнодушный взгляд на то, насколько глубоко следы, оставленные ГУЛАГом на теле страны. Одновременно с этим это предупреждение о том, как легко история может повториться заново.

ISBN 978-5-04-116789-9

9 785041 167899 >

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

[vmirefiction](#)

[read_action](#)